

# ЭКО

№ 1  
2025

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

## Климат и экономика – продать нельзя купить?



ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,  
ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД



ЭКОномика и организация  
промышленного производства

1 (601) 2025

Основатель журнала «ЭКО» – **А.Г. АГАНБЕГЯН**, академик РАН

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,  
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

#### **РЕДКОЛЛЕГИЯ:**

**А.В. Алексеев**, д.э.н., ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск; **А.О. Баранов**, д.э.н., профессор, ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск; **С.В. Бухаров**, ИЭОПП СО РАН, Новосибирск;  
**Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора журнала, Новосибирск; **И.П. Глазырина**, д.э.н., профессор, ИПРЭК СО РАН, ЗабГУ, Чита; **Н.В. Гальцева**, д.э.н., СВКНИИ ДВО РАН, Магадан;  
**В.М. Гильмундинов**, д.э.н., профессор, ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск;  
**К.П. Глущенко**, д.э.н., ИЭОПП СО РАН; НГУ, Новосибирск; **В.А. Ильных**, д.и.н., ИИ СО РАН, Новосибирск; **В.И. Клисторин**, д.э.н., профессор, ИЭОПП СО РАН, Новосибирск;  
**Г.П. Литвинцева**, д.э.н., профессор, НГТУ, Новосибирск; **Н.В. Ломакина**, д.э.н., доцент, ИЭИ ДВО РАН, Хабаровск; **В.В. Мельников**, к.э.н., доцент, НГУЭУ, НГТУ, Новосибирск;  
**Л.В. Мельникова**, к.э.н., доцент, ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск;  
**Е.В. Нехода**, д.э.н., профессор, ТГУ, Томск; **А.И. Пыжев**, к.э.н., доцент, СФУ, ИЭОПП СО РАН, Красноярск; **Е.В. Рудой**, член-корр. РАН, профессор, НГАУ, Новосибирск; **П.Н. Тесля**, к.э.н., доцент, ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск; **То Кен Сик**, д.э.н., профессор, СахГУ, ИПЭУ, Южно-Сахалинск; **Е.А. Третьякова**, д.э.н., профессор, ПГНИУ, ООО «Кайрос Инжиниринг», Пермь;  
**О.П. Фадеева**, к.соц.н., ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск; **В.В. Шмат**, к.э.н., ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск.

#### **РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**

**А.Г. Аганбегян**, академик РАН, РАНХ и ГС, Москва; **Р. Бардацци**, д.э.н., Университет Сиены, Флорентийский университет, Италия; **С.Ю. Барсукова**, д.соц.н., доцент, НИУ ВШЭ, Москва;  
**Е.Б. Бухарова**, к.э.н., профессор, СФУ, Красноярск; **Т.Н. Гаврильева**, д.э.н., профессор, СВФУ, Якутск; **И.Г. Дежина**, д.э.н., Сколтех, Москва; **В.В. Кулешов**, академик РАН, ИЭОПП, Новосибирск; **Му Арилд**, к. полит.н., Институт Фритьофа Нансена, Норвегия; **В.М. Рынков**, д.и.н., ИИ СО РАН, Новосибирск; **Н.И. Суслов**, д.э.н., профессор, ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск; **А.В. Усс**, д.ю.н., проф., Красноярск; **А.Н. Швецов**, д.э.н., профессор, ФИЦ ИУ РАН, Москва; **А.А. Яковлев**, к.э.н., НИУ ВШЭ, Москва.

#### **УЧРЕДИТЕЛИ:**

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,  
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН,  
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования  
«Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (НГУ),  
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

#### **ИЗДАТЕЛЬ:**

Новосибирск, Сибирское отделение Российской академии наук

© ЭКО 2025

Founder of the journal «ECO» – **A.G. AGANBEGYAN**, Academician of RAS

Editor-in-Chief **VALERY A. KRYUKOV**, Academician of RAS,  
Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

#### EDITORIAL BOARD:

**A.V. Alekseev**, Dr. Sci. (Economics), IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Economics), Professor, IEIE SB RAS, NSU; **S.V. Bukharov**, IEIE SB RAS, Novosibirsk; **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-Chief, Novosibirsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Economics), Professor, IPREC SB RAS, ZabGU, Chita; **N.V. Galtseva**, Dr. Sci. (Economics), North-Eastern Scientific Research Institute, Far East Branch of RAS, Magadan; **V.M. Gilmundinov**, Dr. Sci. (Economics), Professor, IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk; **K.P. Gluschenko**, Professor, IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk; **V.A. Ilyinikh**, Dr. Sci. (Historical), Institute of History, SB RAS, Novosibirsk; **V.I. Klistorin**, Dr. Sci. (Economics), Professor, IEIE SB RAS, Novosibirsk; **G.P. Litvintseva**, Dr. Sci. (Economics), Professor, NSTU, Novosibirsk; **N.V. Lomakina**, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, IEI FEB RAS, Khabarovsk; **V.V. Melnikov**, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, NSUEM, NSTU, Novosibirsk; **L.V. Melnikova**, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk; **E.V. Nekhoda**, Dr. Sci. (Economics), Professor, TSU, Tomsk; **A.I. Pyzhev**, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Siberian Federal University, IEIE SB RAS, Krasnoyarsk; **E.V. Rudoy**, RAS corresponding member, Professor, NSAU, Novosibirsk; **P.N. Teslya**, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk; **To Ken Sik**, Dr. Sci. (Economics), Professor, Sakhalin State University, IPEU, Yuzhno-Sakhalinsk; **E.A. Tret'yakova**, Dr. Sci. (Economics), Professor, Perm State Pedagogical University, Kairos Engineering, LLC, Perm; **O.P. Fadeeva**, Cand. Sci. (Sociology), IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk; **V.V. Shmat**, Cand. Sci. (Economics), IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk.

#### EDITORIAL COUNCIL:

**A.G. Aganbegyan**, Academician of RAS, RANEPa, Moscow; **R. Bardazzi**, Dr. Sci. (Economics), University of Siena, University of Florence, Italy; **S.Yu. Barsukova**, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, HSE University, Moscow; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Economics), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **T.N. Gavriliyeva**, Dr. Sci. (Economics), Professor, NEFU, Yakutsk; **I.G. Dezhina**, Dr. Sci. (Economics), Skoltech, Moscow; **V.V. Kuleshov**, RAS Academician, IEIE SB RAS, Novosibirsk; **M. Arild**, PhD Sci. (Political), Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.M. Rynkov**, Dr. Sci. (Historical), Institute of History, SB RAS, Novosibirsk; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Economics), Professor, IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), Professor, Krasnoyarsk; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Economics), Professor, FIC IS RAS, Moscow; **A.A. Yakovlev**, Cand. Sci. (Economics), HSE University, Moscow.

#### FOUNDERS:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,  
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS  
Novosibirsk State University  
ANO Editorial Office of ECO journal

#### PREPARED FOR PUBLICATION BY

Novosibirsk, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

## КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 Торговля «воздухом» - работа общая, подходы разные

### Тема номера: Климат и экономика – продать нельзя купить?

- 8 РАКИНЦЕВ Д.С.  
Влияние углеродного регулирования и ESG-повестки на экономику России
- 23 МАСЛЕННИКОВ А.О.  
Добровольные рынки углерода в КНР: динамика и перспективы развития
- 35 КОПЫТИН И.А.,  
РЕЗНИКОВА О.В.  
Углеродные кредиты в климатической стратегии Сингапура
- 45 СИНИЦЫН М.В.  
Развитие рынков углерода в Индии

## ОТРАСЛИ И РЫНКИ

- 55 ЯШАЛОВА Н.Н.,  
ТАВРИКОВ Д.М.  
Метизная отрасль РФ: вызовы и возможности в неравной борьбе с импортом
- 71 АНТОНОВА Н.Е.  
Деревянное домостроение как драйвер спроса на лесопромышленную продукцию на Дальнем Востоке
- 89 ДЕМЕНТЬЕВ Н.П.  
Жилищная ипотека в экономике современной России

## ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- 104 ЛОМАКИНА Н.В.  
Потенциал обеспечения структурных изменений в экономике дальневосточных ресурсных регионов

## ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- 123 БАРКОВ С.А.,  
КОЛОДЕЗНИКОВА И.В.,  
МАРКЕЕВА А.В.  
Политический нетворкинг и высшее образование элит

## ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

- 144 ЧЕБОТАРЕВА Г.С.  
Инструменты инвестиционного обеспечения «зеленых» проектов

## ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

- 158 ДАШИБАЛОВА И.Н.  
Идентичность студенческой молодёжи Республики Бурятия на фоне восприятия социального благополучия региона

## ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЯ

- 173 МАРКОВА В.Д.  
Цифровизация управления бизнесом: задачи и роли менеджеров

## ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- 187 РОЗИНСКАЯ Н.А.  
Эволюция прав собственности на землю непривилегированных сословий Российской империи
- 205 ИСАЕВ В.И.  
Советские профсоюзы в 1930-е годы: формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

## ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- 220 КОРЫТНЫЙ Л.М.,  
БЕРЕЖНЫХ В.В.,  
МАШУКОВ М.Ю.  
Возможности использования байкальской воды в Китае и Монголии
- 232 БЕРСЕНЁВ В.Л.,  
ГОРСТ А.П.  
О возможностях ретроальтернативистики применительно к экономическому анализу

## ВЕРШИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- 244 ВОРОНОВ Ю.П.  
Новое прочтение экономической истории (о Нобелевской премии по экономике 2024 года)

# CONTENTS

## EDITORIAL

- 4 Trading “air” –  
common concern, different approaches

### Cover story: Climate and economics – can’t sell / buy?

- 8 RAKINTSEV, D.S.  
The Impact of Carbon Regulation  
and the ESG Agenda on the Russian Economy
- 23 MASLENNIKOV, A.O.  
Voluntary Carbon Markets in China:  
Dynamics and Development Prospects
- 35 KOPYTIN, I.A.,  
REZNIKOVA, O.B.  
Carbon Credits in Singapore’s Climate Strategy
- 45 SINITSYN, M. V.  
Development of Carbon Markets in India

## ECONOMIC SECTORS AND MARKETS

- 55 YASHALOVA, N.N.,  
TAVRIKOV, D.M.  
Russian Metalware Industry:  
Challenges and Opportunities  
in the Unequal Competition with Imports
- 71 ANTONOVA, N.E.  
Timber House Building as a Driver of Demand  
for Timber Products in the Far East
- 89 DEMENTIEV, N.P.  
Housing Mortgage in the Economy  
of Modern Russia

## REGIONAL DEVELOPMENT

- 104 LOMAKINA, N.V.  
Opportunities for Structural Changes in the  
Economy of Far East Resource Regions

## DEVELOPMENT OF SCIENCE AND EDUCATION

- 123 BARKOV, S. A.,  
KOLODEZNIKOVA, I.V.,  
MARKEEVA, A.V.  
Political Networking  
and Higher Education of Elites

## FINANCE

- 144 CHEBOTAREVA, G.S.  
Tools of Investment Support  
for “Green” Projects

## ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY

- 158 DASHIBALOVA, I. N.  
The Identity of Student Youth of the Republic  
of Buryatia in the Context of Perceived Social  
Well-being of the region

## ECONOMICS OF ENTERPRISE

- 173 MARKOVA, V.D.  
Digitalization of Business Management:  
Challenges and Roles of Managers

## ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

- 187 ROZINSKAYA, N.A.  
The Evolution of Land Ownership Rights  
of the Non-privileged Estates  
of the Russian Empire
- 205 ISAEV, V.I.  
Soviet Trade Unions in the 1930s:  
Shaping the Trade Union Nomenclatura  
and Alienation of Rank-and-File Members

## DEBATES

- 220 KORYTNY, L.M.,  
BEREZHNYKH, V.V.,  
MASHUKOV, M.Yu.  
Opportunities for Using Baikal Water  
in China and Mongolia
- 232 BERSENEV, V.L.,  
HORST, A.P.  
On the Possibilities of Retro-Alternative  
Studies in Relation to Economic Analysis

## PINNACLES OF ECONOMIC SCIENCE

- 244 VORONOV, Yu.P.  
Project-based Approach  
as the Start of STEM Education

## Торговля «воздухом» – забота общая, подходы разные

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-4-7

Решение ключевых проблем социально-экономического развития на современном этапе – обеспечение поступательной динамики экономического роста, с одной стороны, и улучшение условий и уровня жизни населения, уменьшение неравенства в распределении доходов и результатов экономической деятельности – с другой, неумолимо ведут к кардинальному изменению принципов и условий взаимодействия всех акторов, вовлеченных в этот многоаспектный процесс.

Как правило, в общественном сознании эти принципы и условия чаще всего ассоциируются со сферами финансово-экономических взаимоотношений (особенно на фоне бурного развития различных систем виртуальных платежей, включая криптовалюты). Однако довольно широкий спектр новых форматов торговли представляет и специфический рынок климатических «продуктов и услуг», на котором сегодня активно разворачивается своего рода «торговля воздухом». Но что же принципиально отличает его инструменты и продукты от инструментов и продуктов предыдущих – индустриальной и в некоторой степени постиндустриальной – эпох?

Представляется, важнейшей особенностью (базовым отличительным признаком) следует признать сам процесс их возникновения и встраивания в современные экономические, экологические и социальные взаимоотношения.

Актуализация вопросов «климатической повестки» (в самом широком ее понимании – от изменения климата до условий жизни и деятельности человечества на планете Земля) возникла не из следования стандартному «экономическому образу мышления»<sup>1</sup>, ранее ориентированному исключительно на финансово-экономический результат, а во многом как результат осознания той неблагоприятной сначала

---

<sup>1</sup> Как тут не вспомнить одну из первых общедоступных в России книг в контексте современной англо-саксонской экономической мысли: *Хейне П. Экономический образ мышления* / Пер. с англ. М.: Издательство «Новости» при участии Издательства «Gattalaxy», 1991. 704 с.

Торговля «воздухом» – забота общая, подходы разные

экологической, а затем и климатической ситуации, в которой оказался современный мир.

Наряду с этим очень быстро пришло понимание того, что в регулировании эколого-климатических процессов неизбежно приходится учитывать те непростые и разнообразные взаимозависимости, которые сложились и развиваются в рамках системных связей торговли и капитала, инновационных процессов и технологического развития, состояния окружающей среды и динамики природного капитала, здоровья и экономического благосостояния населения, мира и безопасности на планете и т.д. Именно поэтому, во многом благодаря актуализации климатических процессов, в течение истекшего десятилетия, несмотря на усиление настроений и процессов деглобализации, в мировой экономике все еще сохраняется тенденция к дальнейшему развитию кооперации<sup>2</sup>.

Статьи тематической подборки настоящего выпуска журнала дают хорошее представление о том, как климатическая политика способствует развитию кооперационных процессов в экономике (см. статьи И.А. Копытина и О.Б. Резниковой, а также А.О. Масленникова и М.В. Синицына).

Климатическая повестка сегодня в общем случае включает в себя два блока проблем. Первый связан с уменьшением выбросов парниковых газов в атмосферу, сохранением и восстановлением основных составляющих природного капитала (прежде всего, воздушного бассейна, лесов и биологических ресурсов), а также с разработкой мер предотвращения (минимизации) негативных последствий деятельности человека.

Второй блок направлен на развитие процедур и механизмов, способствующих реализации общих целей и обязательств всех вовлеченных сторон и через это – повышению результативности мер как в области уменьшения негативных воздействий на окружающую среду (включая климат), так и в сфере адаптации к происходящим изменениям.

Одной из важнейших особенностей современной климатической повестки представляется ее тесная связь с решением значительного числа социально-экономических проблем как на уровне стран, так

---

<sup>2</sup> The Global Cooperation Barometer 2025. Second Edition. – World Economic Forum. Cologny/Geneva/Switzerland. 30 p.

URL: <https://www.weforum.org/publications/the-global-cooperation-barometer-2025/>

и отдельных регионов (см. статьи И.А. Копытина, О.Б. Резниковой, а также Д.С. Ракинцева). И в этой сфере сформировался свой комплекс специфических проблем (что было отчетливо видно на конференции ООН по изменению климата (COP-29) в Баку в ноябре 2024 г.). Часть из них обусловлена доминированием в мировой экологической политике стран Евросоюза, которые выстраивают механизмы и процедуры оплаты за выбросы парниковых газов на основе собственных правил и по ценам европейской биржи (EU ETS), дискриминируя тем самым импортеров продукции в страны ЕС.

Выход из подобной ситуации «лежит на поверхности» – формирование в странах-экспортерах собственных механизмов трансграничного углеродного регулирования, например, карбоновых бирж. В случае нашей страны речь может идти и о создании ряда региональных бирж с учетом и масштабов и особенностей ее обширного пространства.

К сожалению, ускоренная интеграция российской экономики в глобальные экономические процессы в предыдущие годы привела к тому, что целый ряд важных финансово-экономических институтов у нас так и не получил должного развития (а некоторые и вовсе не были созданы). Это касается, например, биржевых площадок для торговли многими видами природных ресурсов, включая энергоносители, как одних из активных элементов системы внутреннего ценообразования. Проблема имеет не только страновой, но и межрегиональный характер. Например, представляется нелепостью проведение торгов на площадках, удаленных от мест производства/получения товара на многие тысячи километров. Опыт Китая (статья А.О. Масленникова) весьма красноречиво демонстрирует возможность и целесообразность создания комплексной системы региональных и национальных обязательных и добровольных регулируемых рынков углерода.

При этом, как справедливо замечают наши авторы, создавать узко национальные стандарты сейчас уже не имеет смысла, в целях налаживания международной торговли и кооперации целесообразна их синхронизация с нормами ведущих торговых партнеров. Так, геополитическая ситуация сегодня «диктует» необходимость создания межгосударственных региональных рынков в партнерстве со странами Азии и Африки.

В то же время выстраивание климатической политики (во всех ее аспектах – от формирования рынков углерода до мониторинга и регулирования системы показателей) такой огромной и разнообразной страны,

Торговля «воздухом» – забота общая, подходы разные

как Россия, немыслимо без учета ее пространственных, экономических, культурных особенностей, или же вне связи с решением проблем ее устойчивого социально-экономического развития.

Мы убеждены, что умеренная децентрализация регулирования климатических процессов позволит расширить поле институционального экспериментирования и управленческих инноваций, адаптированных к специфике пространственных особенностей нашей страны.

Главный редактор журнала,  
академик РАН



КРЮКОВ В.А.

# Влияние углеродного регулирования и ESG-повестки на экономику России

**Д.С. Ракинцев**

УДК: 338.27

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-8-22

**Аннотация.** В работе определены основные причины, повлиявшие на состояние углеродных рынков и формирование ESG-принципов в разных регионах мира, в период с 2018 по 2024 г. Выделены тренды и сформулированы краткосрочные прогнозы в области устойчивого развития с целью анализа рисков для экономики России. Показано, что в 2023–2024 гг. на мировых рынках торговли углеродными квотами идет коренной слом тенденций, наблюдавшихся в предыдущее пятилетие. Устойчивое падение цен на углеродные квоты на европейском и британском рынках происходит одновременно с ростом бирж Китая и Северной Америки. По результатам анализа этих и других рынков, а также мероприятий, предпринимаемых в разных странах в области ESG, сделан прогноз о неколлинеарном развитии данных направлений в различных мировых регионах. В частности, наблюдается отклонение развития российских ESG-принципов от европейского вектора начиная с 2022 г. Делается вывод, что основным риском для экономики России является введение углеродных выплат странами-импортерами в 2026 г. Наиболее предпочтительный вариант его преодоления – открытие углеродной биржи России с учетом интересов государства и бизнеса и возможностью использования нетто-нулевых технологий.

**Ключевые слова:** углеродные рынки; ESG; устойчивое развитие; климатические изменения; экономические риски

## Введение

В настоящее время мнения ученых о влиянии антропогенных выбросов CO<sub>2</sub> и других парниковых газов на климат значительно расходятся. Доминирующая часть зарубежных исследователей полагает, что выбросы парниковых газов человечеством в атмосферу оказывают негативное влияние на функционирование планеты, став причиной глобального потепления [Grazia, 2023; Humphrey, 2024; Muhammad, 2023; Siir, 2024]. Данная позиция является господствующей в странах Европейского союза и AUKUS, о чем также свидетельствуют отчеты таких авторитетных организаций и политических органов, как NASA<sup>1</sup> и Европейский парламент<sup>2</sup>.

В российских публикациях также можно встретить такие, в которых описывается ключевое влияние антропогенных парниковых газов на изменение климата [Бондаренко, 2018; Мусихин, Рогатных, 2024; Папцова, Каманин, 2021]. Однако в последних исследованиях все чаще заявляется, что изменения климата стали следствием большого количества других факторов [Семенов, Латиф, 2022; Снакин, 2024; Цегельский, 2023], не связанных с деятельностью человека.

<sup>1</sup> Carbon dioxide // NASA. 28.08.2024. URL: <https://climate.nasa.gov/vital-signs/carbon-dioxide/?intent=121>

<sup>2</sup> Climate change in Europe: facts and figures. European Parliament. 28.08.2024. URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20180703STO07123/climate-change-in-europe-facts-and-figures>

Несмотря на разницу мнений о причинах климатических изменений, наблюдается мировой консенсус относительно существенных социально-экономических рисков, которые те несут. Серьезность данных рисков осознается и руководящими органами Российской Федерации, о чем свидетельствует множество законодательных актов, принятых на разных уровнях – от Климатической доктрины РФ<sup>3</sup> (2009 г., обновлена в 2023 г.) до Методических рекомендаций Минэкономразвития по экономической оценке ущерба уязвимых отраслей экономики от климатических изменений<sup>4</sup>. Таким образом, работа по нивелированию рисков от климатических изменений уже ведется.

Кроме предотвращения климатических рисков для уязвимых отраслей и территорий, предпринимаются действия по амортизации последствий, связанных с климатической политикой, проводимой странами – импортерами российской продукции. Наибольшим риском для экономики России является введение плат за выбросы углекислого газа для предприятий, поставляющих свою продукцию на некоторые зарубежные рынки (прежде всего, в страны ЕС). Введение данных выплат планируется в 2026 г. в рамках реализации Механизма трансграничного углеродного регулирования (СВАМ) [Баташев, 2022; Мусихин, Рогатных, 2024; Эриашвили, Яковлев, 2024]. При отсутствии собственных рынков торговли углеродными квотами страны-импортеры будут обязаны оплачивать выбросы CO<sub>2</sub> по ценам европейской биржи (EU ETS) в казну Европейского союза. Механизм, подобный СВАМ, может быть принят и другими государствами, имеющими углеродные рынки, например, Китаем.

Такого рода инициативы могут негативно отразиться на экономике нашей страны, поэтому принимаются меры по предотвращению отрицательных последствий. В качестве примера можно назвать Сахалинский эксперимент, в рамках которого введены квоты на выброс углекислого газа крупнейшими эмитентами, установлены штрафные санкции (выплаты) за их превышение и сформирован механизм оборота неизрасходованных квот (их можно потратить в следующем году или продать другому эмитенту)<sup>5</sup>. Цель эксперимента – достичь углеродной нейтральности региона в 2025 г. Если он будет признан удачным, его опыт может быть тиражирован по всей территории России. В данной работе расскажем о других мерах нейтрализации рисков от зарубежной климатической политики и о расхождении ESG-принципов между Россией и другими странами.

### **Мировые рынки торговли углеродными квотами: факторы формирования и текущие тренды**

История торговли углеродными единицами берет свое начало в 2005 г., когда была основана крупнейшая на данный момент биржа торговли

---

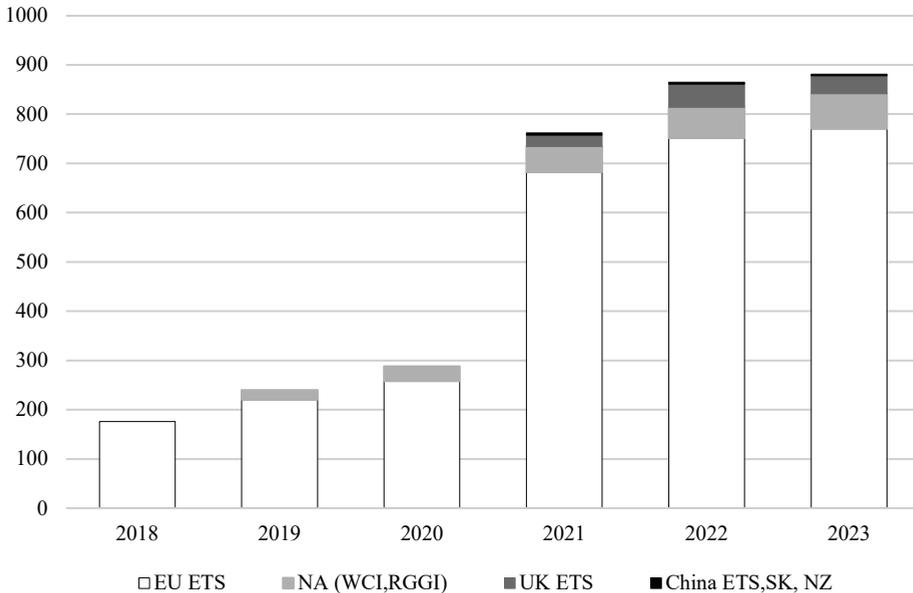
<sup>3</sup> Утв. Распоряжением Президента РФ от 17.12.2009 № 861-рп.

<sup>4</sup> См. Приказ Минэкономразвития России от 28 декабря 2023 г. № 927 «Об утверждении Методических рекомендаций по оценке возможного ущерба от воздействия климатических рисков, в том числе рекомендаций по формированию перечня климатически уязвимых объектов в отраслях экономики, в субъектах Российской Федерации и Методических рекомендаций по мониторингу и оценке эффективности и результативности мер по адаптации к изменениям климата».

<sup>5</sup> Постановление Правительства РФ от 18 августа 2022 г. № 1441 «О ставке платы за превышение квоты выбросов парниковых газов в рамках проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов на территории Сахалинской области».

углеродными квотами ЕС (EU ETS). В 2008 г. были открыты первые рынки торговли такими квотами в Китае<sup>6</sup> и США<sup>7</sup>, однако поначалу они охватывали лишь некоторые провинции и штаты. В настоящее время помимо названных стран углеродные биржи существуют в Канаде, Великобритании, Швейцарии, Новой Зеландии, Южной Корее, Японии и Казахстане [Jingchi, 2021; Benjamin, Humberto, 2022; Thereza, Bebbington, 2024; Youngrok et.al., 2017], но о своих планах по открытию бирж заявляет все большее количество государств, в том числе и такие крупные торговые партнеры России, как Индия и Турция<sup>8</sup>.

Рассмотрим для начала общие структурные особенности углеродных рынков. В первую очередь отметим, что уже много лет доминирует по объемам продаж ETS EU, несмотря на то, что ее доля постепенно сокращается: с 91,7% в 2019 г. до 87,4% в 2023 г.<sup>9</sup> (рис. 1).



**Источник.** Составлено по данным Refinitiv Carbon Market Year in Review, 2022; LSEG Market Year in Review, 2023.

*Рис. 1.* Соотношение объемов торговли углеродными квотами на основных углеродных биржах в 2018–2023 гг., млрд евро

<sup>6</sup> В Китае открылась первая углеродная биржа // Лента.ру. 30.08.2024. URL: <https://lenta.ru/news/2008/08/05/beijing/>

<sup>7</sup> North American carbon markets // Incubex. 30.08.2024. URL: <https://theincubex.com/north-american-carbon-markets-wci-rggi/>

<sup>8</sup> ESG-дайджест. Зелёный лизинг, ловцы выбросов и рост ответственных инвестиций // Сбер Про. 30.08.2024. URL: <https://sber.pro/publication/esg-daidzhest-zelyonii-lizing-lovtsi-vibrosov-i-rost-otvetstvennih-investitsii/>

<sup>9</sup> См. Refinitiv Carbon Market Year in Review, 2022; LSEG Market Year in Review, 2023.

Стремительный рост объемов торговли на углеродных биржах продолжался вплоть до 2022 г. За 2018 и 2019 г. рынок вырос на 36,4%, а с 2019 по 2020 г. – на 20%. Резкий скачок (164,4%) произошел в 2021 г., когда объемы карбоновых рынков выросли до 762 млрд евро (в 2018-м было 176 млрд евро).

Для объяснения столь высоких темпов роста можно выделить четыре основные причины. Во-первых, внимание мирового сообщества к природным рискам на фоне пандемии COVID-19 и кризисных последствий в социальной сфере стало более пристальным. Пандемия была одной из главных тем обсуждения в мировых СМИ в 2019 г. и стала основной в 2020-м<sup>10</sup>. По мнению автора, беспрецедентный резонанс одной из тем, связанной с влиянием природного фактора на социально-экономическую ситуацию, отразился и на «смежных» сферах, вызвав увеличение спроса на углеродные квоты.

Во-вторых, в 2021 г. началось восстановление европейской промышленности после коронакризиса. Предприятиям ЕС потребовались топливные ресурсы для перезагрузки и наращивания производственных мощностей, следовательно, возникла и необходимость в покупке углеродных квот. Поскольку углеродный рынок ЕС занимает около 90% от мирового, повышенная активность на нем отразилась на общих показателях: совокупный объем продаж углеродных единиц увеличился в полтора раза.

В-третьих, причиной резкого роста спроса на углеродные единицы стала публикация в 2021 г. проекта по трансграничному углеродному регулированию (СВАМ)<sup>11</sup> в рамках европейской «Зеленой сделки». Документ обязывает предприятия – импортеры определенных товаров в страны ЕС предоставлять отчетность по выбросам парниковых газов, начиная с октября 2023 г. Второй этап СВАМ должен начаться в 2026 г. Импортеры будут обязаны платить за определенное количество углеродных выбросов по ценам биржи ЕС при отсутствии собственных карбоновых рынков.

Наконец, в-четвертых, катализатором продаж на мировом рынке послужило открытие китайской углеродной биржи (China ETS). Несмотря на то, что к тому времени в восьми наиболее развитых провинциях Китая карбоновые рынки уже работали, запуск общенациональной площадки, безусловно, увеличил мировой спрос на углеродные квоты.

В 2022 г. рост углеродных рынков был уже менее впечатляющим – по сравнению с 2021 г. объемы торгов выросли на 13,6% (до 751,5 млрд евро). Подпитывался этот рост продолжающимся восстановлением европейской экономики после COVID-19 и подготовкой к первому этапу СВАМ. Сдерживающим фактором послужило начало нового экономического спада в ЕС на фоне антироссийских санкций, которые спровоцировали топливный кризис.

Отметим, что развитие североамериканских и китайских рынков в целом совпало с межгодовой динамикой рынка EU ETS с 2018 по 2022 г.<sup>9,11,12</sup>, однако в 2023 г. намечился коренной перелом данной тенденции.

<sup>10</sup> 20 главных событий по версии Forbes // Forbes. 30.08.2024. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo-photogallery/415053-20-glavnyh-sobytiy-2020-goda-po-versii-forbes>

<sup>11</sup> См. Carbon Border Adjustment Mechanism. URL: [https://taxation-customs.ec.europa.eu/carbon-border-adjustment-mechanism\\_en](https://taxation-customs.ec.europa.eu/carbon-border-adjustment-mechanism_en)

В 2023 г. продажи на европейской бирже выросли примерно на 1,9%, что существенно ниже, чем в предыдущие пять лет. Главной причиной снижения темпов роста EU ETS представляется первоочередная концентрация внимания политического руководства, бизнеса и общественности Европы на геополитических проблемах, на их фоне природные риски отошли на второй, если не на третий план. Вторым фактором стало продолжение топливного кризиса в Евросоюзе в 2023 г., что вызвало падение производства и, как следствие, снижение спроса на углеродные квоты.

Можно сказать, что в 2023 г. на карбоновом рынке ЕС наблюдалась стагнация. Небольшой его рост объясняется, по-видимому, началом реализации СВАМ. Одновременно происходило и значительное падение британского рынка – с 46,6 млрд евро в 2022 г. до 36,4 млрд по итогам 2023 г., или на 21,9%.

В противовес европейскому и британскому рынкам, на порядок вырос объем китайской углеродной биржи (China ETS). Если в 2022 г. объем продаж на China ETS составил около 0,39 млрд евро, то в 2023 г. общая стоимость проданных углеродных квот достигла 3,24 млрд евро<sup>12</sup> (рост на 730,8%). Выросли объемы продаж и на североамериканских площадках. Помимо уже существовавших в 2022 г. WCI и RGGI, в 2023 г. в США открылся новый рынок углеродных квот – WCA. Общий рост американских рынков в 2023 г. составил 13,9% – с 62,7 млрд евро до 71,4 млрд евро [Refinitiv Carbon Market Year in Review, 2022; LSEG Market Year in Review, 2023]. Противоположные тренды на разных сегментах мирового карбонового рынка подчеркивают формирующуюся экономико-политическую раздробленность.

В 2024 г. наблюдается тенденция падения рынка EU ETS. Цена углеродной квоты снизилась с 81,1 евро в начале года до 70,3 евро в начале сентября, или на 15,2%. По прогнозам аналитиков из Trading Economics, цена к концу года упадет до 62 евро. Таким образом, впервые с 2018 г. ожидается падение объемов продаж на рынке EU ETS, что объясняется сохранением действия указанных ранее факторов. Китайские рынки, как и североамериканские, продолжают свой рост в 2024 г., также сохраняя тенденции 2023 г.

### **Основные риски для экономики России от углеродного регулирования**

С 1 октября 2023 г. в Евросоюзе начал действовать механизм трансграничного углеродного регулирования (СВАМ). На первом этапе (до 31 декабря 2025 г.) он обязывает импортеров определенных видов продукции в ЕС предоставлять отчетность о сопутствующем их производству количестве парниковых газов (так называемый «углеродный след»). С 2026 г. поставщики стали, алюминия, удобрений, цемента, электроэнергии и водорода (список продукции потом может быть расширен) будут обязаны покупать углеродные квоты. При отсутствии собственных механизмов углеродного регулирования выплаты будут поступать в казну ЕС. Но если у страны-импортера имеется собственный карбоновый рынок, она сможет оставлять эти средства в своей юрисдикции.

---

<sup>12</sup> China's State Council released the interim regulations on carbon emissions trading management // Climate cooperation China. 01.09.2024. URL: <https://climatecooperation.cn/climate/china-state-council-released-the-interim-regulations-on-carbon-emissions-trading-management/>

Объем российского экспорта в ЕС значительно сократился, но этот макрорегион все равно занимает вторую позицию в списке торговых партнеров нашей страны после азиатского<sup>13</sup>. В 2023 г. экспорт товаров из России в ЕС составил 84,9 млрд долл., в страны Азии – 306,6 млрд долл. Согласно условиям второго этапа СВМ, углеродным налогом будет облагаться не только конечная продукция, идущая напрямую в страны ЕС, но и та, при производстве которой использовались компоненты, не соответствующие углеродным стандартам ЕС.

Это вынуждает всех торговых партнеров Европы внимательнее следить за углеродной «чистотой» используемых комплектующих, энергии и т.д. Кроме того, другие страны могут последовать примеру ЕС и в ответ на второй этап СВМ ввести схожие механизмы регулирования. Китай и Казахстан, напомним, уже имеют углеродные биржи, и другие крупные торговые партнеры России (Индия, Турция и др.) собираются внедрять углеродные механизмы регулирования.

По словам заместителя министра экономического развития И.Э. Торосова, по некоторым позициям нашего экспорта в ЕС выплаты за углерод могут достигать 20–30% цены, исходя из стоимости европейских углеродных квот на начало 2024 г.<sup>14</sup> При введении углеродного налога в азиатских странах Россия понесет еще большие экономические убытки.

В качестве основного решения данной проблемы видится создание национального карбонового рынка, который позволит получать плату за выбросы парниковых газов в бюджет России. Однако данное решение также требует проработки.

Во-первых, существует проблема установления цены за углеродные единицы и определения сферы действия рынка. В рамках Сахалинского эксперимента цена за сверхнормативную тонну углекислого газа установлена в размере 1 тыс. руб. Пока нет точного решения относительно вида взимания платы: продажа квот или прямой налог. Нет даже точного списка отраслей или типов продукции, за которые будут взиматься выплаты. В Сахалинском эксперименте плательщиками выступают крупные эмитенты (свыше 20 тыс. т выбросов в год), независимо от вида деятельности<sup>15</sup>. Эксперимент должен закончиться к 2028 г., в том же году в рамках стратегии низкоуглеродного развития России планируется ввести систему взимания платы за углерод.

Во-вторых, в рамках механизма СВМ не предусмотрен учет нетто-нулевых технологий (тех, которые поглощают и удерживают углекислый газ). К последним относятся карбоновые полигоны, лесные насаждения, искусственные технологии улавливания CO<sub>2</sub> [Ракинцев, 2022]. Многие российские компании сокращают свой углеродный след именно таким путем, например, вкладываясь в восстановление лесных экосистем<sup>16</sup>.

---

<sup>13</sup> Профицит торгового баланса России в 2023 году сократился на 58,5% // Интерфакс. 02.09.2024. URL: <https://www.interfax.ru/business/945632>

<sup>14</sup> В Минэкономике оценили перспективы ввода платы за углерод // РБК. 03.09.2024. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/02/2024/65c5ea969a79478354a9fc83>

<sup>15</sup> На Сахалине установили первые в России квоты на парниковые выбросы // РБК. 09.12.2024. URL: <https://ria.ru/20230928/kvoty-1899111396.html>

<sup>16</sup> Отчет об устойчивом развитии 2023. Роснефть. 134 с.

В-третьих, можно ожидать сложностей с интеграцией разных рынков торговли углеродными квотами. Этому препятствуют геополитические, экономические и методологические факторы (последний вытекает из двух предыдущих). По сути, механизм ЕС не оставляет иных вариантов развития углеродных рынков для тех видов продукции, которые включены в европейский список. Кроме того, повторимся: европейская политика предусматривает возможность только прямой платы за углерод.

В-четвертых, на мировых рынках по торговле квотами не учитываются действия компаний, направленные на борьбу с иными экологическими проблемами, помимо выбросов CO<sub>2</sub>. Например, не принимаются во внимание расходы на восстановление речных экосистем, почв, затраты на социальные проекты в регионах присутствия и пр.

После разрешения всех указанных проблем на национальном уровне в среднесрочной перспективе (5–10 лет) представляется логичным запустить процесс интеграции углеродных бирж в рамках сотрудничества со странами – партнерами по ЕАЭС, БРИКС, ШОС и т.д. Кроме того, нужно иметь в виду, что торговля со странами ЕС рано или поздно восстановится, поскольку любой политический кризис имеет свойство заканчиваться. Следовательно, при организации системы торговли углеродными квотами можно предполагать и объединения российской биржи с европейской (гармонизация стандартов и взаимное признание инструментов с возможной интеграцией для недопущения лоббирования национальных интересов и двойного налогообложения компаний), пусть и в далекой перспективе. Однако при этом необходимо будет позаботиться о защите национальных интересов России, а не других стран.

## **Развитие России в области ESG**

До 2022 г. внедрение ESG-принципов в России происходило в русле методологии, которая создавалась и эволюционировала в ЕС. Российские компании, работающие в различных секторах из списка СВМ, тесно связаны с европейской политикой в области устойчивого развития через своих партнеров в ЕС. Осознавая экономические риски, они начали заблаговременно предпринимать различные меры для имплементации ESG-принципов в свою практику. Например, развивая сферу нефинансовой отчетности на основе международных стандартов GRI, TCFD, ISSB, IR [Гетьман, 2014; Жукова, 2022; Третьякова, 2023], а также руководств SASB и CDP [Чепулянис, 2022]. Многие крупные российские компании («РУСАЛ», «Роснефть», «РЖД» и др.) стали участниками Глобального договора ООН по достижению ЦУР [Никоноров и др., 2022], другие («Газпром», «Росатом» и т.д.) ежегодно публикуют отчетность в области устойчивого развития [Третьякова, 2022].

Для отечественных компаний стало важным получение международных ESG-рейтингов, среди которых можно выделить S&P, MSCI, Sustainalytics и др. [Андрианов и др., 2023; Хачатрян, 2022]. Помимо этого, в России началось составление своих ESG-рейтингов, например, от РСПП, RAEX и пр. [Бабкин и др., 2023; Волков, Афанасенкова, 2022], появились процедуры независимого аудита нефинансовой отчетности, активно стал развиваться ESG-консалтинг [Булыга, Сафонова, 2022; Зубарева, 2023]. В различных государственных органах активизировалась работа над механизмами противодействия двойному углеродному налогообложению.

Однако все вышесказанное относится к периоду с 2016 по 2022 г. Геополитический кризис, разразившийся в феврале 2022 г., существенно изменил отношение к концепции устойчивого развития на государственном уровне и на уровне бизнеса. В Комитете Госдумы РФ по экологии даже прозвучало предложение о выходе из Парижского соглашения на том основании, что отказ от принятых в его рамках обязательств позволит сэкономить около 3 млрд долл. в год<sup>17</sup>. Однако глава Минприроды А. Козлов раскритиковал данную идею, заметив, что Россия заинтересована в выполнении своих обязательств в регулировании климата в качестве главного экологического донора<sup>18</sup>.

Существенным фактором изменения вектора устойчивого развития в России стало и резкое (до трех раз) снижение поставок в ЕС российской продукции из списка СВАМ (помимо энергоносителей и сталелитейной продукции, под санкции попали удобрения, цемент и др. товары)<sup>19</sup>. В рамках антироссийских санкций отечественные компании были исключены из международных рейтингов устойчивого развития. На этом фоне громче стали звучать голоса тех людей, кто оценивает «Зеленую сделку» как лоббистский проект, защищающий не столько экологическое состояние планеты, сколько интересы европейских производителей.

Исходя из всех перечисленных факторов 2022-й стал годом изменения политико-экономического курса России с западного на южное и восточное направления. Приоритетными стали отношения со странами БРИКС, в первую очередь – с Китаем, Индией и Ираном. При этом, на наш взгляд, несмотря на то, что на данный момент лидером и «законодателем мод» в устойчивом развитии выступает ЕС, охлаждение отношений с ним не только не уменьшает целесообразность приверженности курсу СВАМ, но и открывает для России новые перспективы.

Во-первых, Россия может стать «новой Европой», т.е. поставщиком идей, управленческих проектов и технологий в области углеродного регулирования в кооперации со своими партнерами по БРИКС, ЕАЭС, ШОС и т.д., не соглашаясь на отведенную ей ЕС незавидную роль «сырьевого придатка» и «свалки для отходов». В настоящее время некоторые постулаты в области ESG, которые принимаются в Европе, неприемлемы для России как с морально-культурной, так и с законодательной точек зрения. Продвижение в рамках ESG национальных идей России, таких как патриотизм и традиционные семейные ценности, может стать базой для сотрудничества в данной области со странами Юга и Востока.

Во-вторых, тот факт, что европейский рынок торговли углеродными квотами не предусматривает использования нетто-нулевых технологий для уменьшения выбросов, противоречит не только установкам Парижского соглашения, но и интересам

---

<sup>17</sup> Эко-дело: в ГД предложили отказаться от Парижского соглашения // Сайт Известия. 03.09.2024. URL: <https://iz.ru/1335953/valerii-voronov/eko-delo-v-gd-predlozhili-otkazatsia-ot-parizhskogo-soglasheniia>

<sup>18</sup> Глава Минприроды назвал пиаром идею выхода России из Парижского соглашения по климату // Сайт Форбс. 03.09.2024. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/467101-glava-minprirody-nazval-piaron-ideu-vyhoda-rossii-iz-parizskogo-soglasenia-po-klimatu>

<sup>19</sup> Рынок торговли квотами на выбросы: какие у бизнеса перспективы? // Коммерсантъ. 03.09.2024. URL: <https://epam.ru/ru/media/view/rynok-torgovli-kvotami-na-vybrosy-kakie-u-biznesa-perspektivy>

России. Потенциал развития данных технологий в нашей стране огромен, по оценкам Росстата, стоимость природных ресурсов в составе национального богатства РФ составляет около 19%<sup>20</sup>. Чтобы избежать дополнительного налогообложения в рамках трансграничного углеродного регулирования, необходима тесная интеграция будущего рынка торговли углеродными квотами в РФ с рынками стран-импортеров российской продукции. Если делать это на основе европейских стандартов, потенциал России по поглощению парниковых газов фактически не будет использоваться.

Снижение товарооборота с ЕС позволяет нам с меньшей огиадкой на Европу включить нетто-нулевые технологии в формирующийся национальный углеродный рынок, ориентируясь на интеграцию с углеродным рынком КНР, который тоже их учитывает. Кроме того, на Конференции ООН по изменению климата COP28 ОАЭ и ряд других стран также продвигали технологии по улавливанию и хранению углерода<sup>21</sup>.

Помимо начала разработки собственной методологической базы в области ESG, можно отметить еще несколько внутренних трендов, складывающихся в России, в данной сфере.

После 2022 г. всего 2% российских компаний заявили о пересмотре своих ESG-стратегий, хотя акценты в них расставляются иначе, чем в Европе. Например, председатель Госкорпорации ВЭБ.РФ Игорь Шувалов заявил, что российские ESG-принципы – «это стабильное стратегическое развитие, внимание к сотрудникам и их семьям, социальные программы, окружающая среда, родная страна»<sup>22</sup>. Опрос «Эксперт РА» показывает, что в 2023 г. почти 80% нефинансовых и 60% финансовых компаний готовили отчет по результатам в области устойчивого развития<sup>23</sup>, т.е. ESG-отчетность прочно вошла в практику большей части российского бизнеса, и, видимо, будет одним из ее обязательных элементов в дальнейшем.

Кроме того, внедрение ESG-принципов становится все более распространенным на уровне российских регионов, которые видят в этом способ повысить свою инвестиционную привлекательность. Первопроходцами здесь были Москва и Московская область. На данный момент Сбер разработал ESG-стратегии для ХМАО и Нижегородской области, в Липецкой области и Чувашии приняты региональные ESG-карты. В Республике Башкортостан, Тюменской и Сахалинской областях созданы карбоновые полигоны<sup>24</sup> [Наролина и др., 2023].

Значительные изменения произошли и на рынке труда. В 2023 г. предложение ESG-специалистов на нем значительно превысило спрос: по данным РБК, на 113 вакансий приходилось приблизительно 4000 соискателей. Российские компании

<sup>20</sup> Россия в цифрах. 2020: Краткий статистический сборник / Росстат. М., 2020. С. 233.

<sup>21</sup> В Дубае завершилась климатическая конференция ООН // ТАСС. 03.09.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19530963>

<sup>22</sup> Свой путь: что будет с ESG-повесткой в России // РБК. 03.09.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/6544bc319a794766281b034c?from=copy>

<sup>23</sup> Устойчивое развитие в России: основные тенденции 2023 года // Ведомости. 03.09.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/esg/ratings/columns/2024/01/19/1015800-ustoichivoe-razvitie-v-rossii-osnovnie-tendentsii-2023-goda>

<sup>24</sup> ESG-повестка стала драйвером развития регионов в России // Ведомости. 03.09.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/esg/regulation/columns/2024/03/27/1028217-esg-povestka-stala-draiverom-razvitiya-regionov-rossii>

предпочитают выращивать кадры в области ESG внутри компании и делегировать функции в сфере устойчивого развития различным отделам, либо же пользоваться услугами ESG-консалтинга<sup>25</sup>. Наиболее резкий спад спроса на ESG-специалистов (на 70%) отмечен в нефтегазовой сфере, тогда как в логистике, напротив, спрос вырос на 33%. Средняя зарплата в ESG-сфере составила 100 тыс. руб., что ниже среднего по Москве уровня (около 136 тыс. руб.)<sup>26</sup>.

### Заключение

Несмотря на то, что в научном сообществе отсутствует консенсус о воздействии антропогенных выбросов парниковых газов на состояние климата, текущие экономические и политические решения стран – экономических партнеров РФ обязывают нас анализировать и прогнозировать влияние углеродного регулирования на экономику России.

Проведенный анализ мировых углеродных рынков показал, что в 2023 г. на фоне общей политико-экономической раздробленности впервые наблюдается выраженный тренд их неколлинеарного развития. В то время как крупнейший рынок торговли углеродными квотами EU ETS от стагнации (1,9% в 2023 г.) перешел в стадию падения (-21,9% в 2024 г.), на британском, китайском и североамериканских рынках наметилась тенденция к росту. Особенно бурный рост зафиксирован на China ETS (730,8%). Сходные тенденции сложились в части цен на углеродные единицы. В Европе они снижаются, в Северной Америке и Китае – растут. Однако рынок EU ETS остается доминирующим по объему торгов, занимая долю в 85%.

Проводимая Европейским союзом политика углеродного регулирования несет для России как прямые, так и косвенные риски, которые остаются актуальными, несмотря на существенное падение взаимного товарооборота. В рамках второго этапа реализации европейской программы трансграничного углеродного регулирования (СВАМ) поставщики определенных типов продукции в ЕС, начиная с 2026 г., будут обязаны оплачивать углеродные квоты. При отсутствии национального углеродного рынка у страны-поставщика эти средства будут зачисляться в казну ЕС, значительно повышая стоимость импортируемых товаров. Чтобы избежать двойного обложения, многие страны стараются запустить похожие углеродные механизмы на своей территории. Для России особые риски связаны с возможностью принятия механизмов трансграничного углеродного регулирования в Китае, Казахстане, Индии и других крупных торговых партнеров.

Ключевым способом преодоления данных рисков представляется запуск в России национальной углеродной биржи. Для этого необходимо решить ряд проблем.

*1. Выбор диапазона промышленных сфер, которых будет касаться углеродное регулирование.* Целесообразно при определении этого диапазона ориентироваться

---

<sup>25</sup> Почему сейчас ESG-специалисты не востребованы и что будет в 2024 году // РБК. 03.09.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/6540e97d9a7947ed3e8c57a1>

<sup>26</sup> Тренды ESG в 2024 году // Сбep. URL: <https://edutoria.ru/blog/post/httpseductoriarublogpostesgtrendy-2024-perspektivy-ustojchivogo-razvitiya-i-povestka>; Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики. URL: [https://rosstat.gov.ru/labor\\_market\\_employment\\_salaries](https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries)

на список облагаемой углеродным налогом продукции в ЕС, в дальнейшем его можно будет расширить, исходя из структуры и направлений российского экспорта, в зависимости от требований стран-партнеров в сфере углеродного регулирования. С учетом этого имеет смысл превентивно ввести обязательную отчетность российских компаний об объеме выбросов парниковых газов для минимизации рисков убытков от возможных изменений в трансграничном углеродном регулировании.

2. *Определение механизма взимания и размера выплат за углеродные квоты.* Размер выплат за выбросы парниковых газов не должен стать тяжелым бременем для предприятий России. Механизм выплат должен учитывать все действия предприятий, сопутствующих устойчивому развитию страны. В связи с этим возникает потребность в решении проблемы № 3.

3. *Учет нетто-технологий в будущем углеродном рынке РФ.* Россия обладает самым большим в мире потенциалом по нейтрализации климатических проблем, являясь в этом смысле экологическим донором. Необходимо использовать данный потенциал с целью привлечения дополнительных средств в национальную экономику и уменьшения потерь российских предприятий, поощряя их действия по восстановлению почв, речных экосистем, лесов и других природных объектов.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что до 2022 г. реализация ESG-политики и углеродного регулирования, удовлетворяющая интересам России, была практически невозможна. Например, в европейском механизме трансграничного углеродного регулирования отсутствует учет нетто-технологий. Однако в изменившихся геополитических условиях мы можем развивать собственную методологическую базу в области ESG и национальный рынок углерода с учетом своих сильных сторон.

В частности, представляется целесообразным после завершения этапа формирования собственного углеродного рынка с учетом нетто-нулевых технологий расширить его за счет других аспектов позитивных воздействий России на экологическое состояние планеты. Такое расширение можно обосновать с помощью теории экосистемных услуг. Например, экосистемы России снижают риск возникновения природных катастроф и создают условия роста почвенного плодородия и сохранения больших объемов пресной воды.

Сопутствующим процессом расширения углеродного рынка России должна стать интеграция с рынками стран-партнеров по организациям ЕАЭС, ШОС, БРИКС и т.д. Это поможет снизить издержки международной торговли для российских компаний.

Кроме того, Россия может стать поставщиком идей для стран-партнеров в рамках развития принципов ESG. Традиционные ценности России культурно близки для азиатских стран и стран глобального юга, что позволяет включить их в методологию ESG, альтернативную европейской. Интересны для наших партнеров могут быть и технологии по захвату парниковых газов (в частности, внимание к ним проявляют в настоящее время страны ОПЕК).

Таким образом, в современной ситуации у России существуют не только возможности по преодолению рисков текущей политики недружественных стран в сфере углеродного регулирования, но и возможность реализации своих интересов в области устойчивого развития в среднесрочной перспективе.

## Литература/ References

- Андрианов В.А. и др. Российские компании в зеркале международных и отечественных ESG-рейтингов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 2. С. 94–104.
- Andrianov, V.A. et al. (2023). Russian companies in the mirror of international and domestic ESG ratings. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. No. 2. Pp. 94–104. (In Russ.).
- Бабкин А.В. и др. ESG-рейтинги: тенденции развития, международная и национальная практики // *π-Economy*. 2023. № 6. С. 77–91.
- Babkin, A.V. et al. (2023). ESG ratings: development trends, international and national practices. *π-Economy*. No. 6. Pp. 77–91. (In Russ.).
- Баташев Р.В. Трансграничное углеродное регулирование. Перспективы и риски для России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12–3. С. 52–54.
- Batashev, R.V. (2022). Cross-border carbon regulation. Prospects and risks for Russia. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. No. 12–3. Pp. 52–54. (In Russ.).
- Бондаренко Л.В. и др. Глобальное изменение климата и его последствия // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2018. № 2 (98).
- Bondarenko, L.V. et al. (2018). Global climate change and its consequences. *Bulletin of the Plekhanov REA*. No. 2 (98). (In Russ.).
- Булыга Р.П., Сафонова И.В. Аудит бизнеса в формате ESG: диалектика развития базовых категорий верификации // Учет. Анализ. Аудит. 2022. № 4. С. 6–20.
- Bulyga, R.P., Safonova, I.V. (2022). Business audit in ESG format: dialectics of the development of basic verification categories. *Accounting. Analysis. Audit*. No. 4. Pp. 6–20. (In Russ.).
- Волков А.Р., Афанасенкова А.В. Устойчивое развитие социально-экономических систем: региональный аспект // Экономика и экологический менеджмент. 2022. № 3. С. 13–22.
- Volkov, A.R., Afanasenkova, A.V. (2022). Sustainable development of socio-economic systems: a regional aspect. *Economics and Environmental Management*. No. 3. Pp. 13–22. (In Russ.).
- Гетьман В.Г. О концептуальных основах и структуре Международного стандарта по интегрированной отчетности // Учет. Анализ. Аудит. 2014. № 1. С. 74–85.
- Get'man, V.G. (2014). On the conceptual foundations and structure of the International Standard for Integrated Reporting. *Accounting. Analysis. Audit*. No. 1. Pp. 74–85. (In Russ.).
- Жукова Е.В. Внедрение функции управления ESG-рисками в систему управления организацией // Финансовые рынки и банки. 2022. № 1. С. 24–29.
- Zhukova, E.V. (2022). Introduction of the ESG risk management function into the organization's management system. *Financial Markets and Banks*. No.1. Pp. 24–29. (In Russ.).
- Зубарева А.С. Консалтинг в области корпоративной и социальной ответственности в России // Известия СПбГЭУ. 2023. № 6–1 (144). С. 167–171.
- Zubareva, A.S. (2023). Consulting in the field of corporate and social responsibility in Russia. *Izvestiya SPbGEU*. No. 6–1 (144). Pp. 167–171. (In Russ.).
- Мусихин В.И., Рогатных Е.Б. Современная система торговли квотами на выбросы и углеродными единицами // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 1. С. 39–56.
- Musikhin, V.I., Rogatnykh, E.B. (2024). Modern system of trading in emission quotas and carbon units. *Russian Foreign Economic Bulletin*. No. 1. Pp. 39–56. (In Russ.).
- Наролина Т.С. и др. Исследование практики реализации ESG-повестки в регионах // РСЭУ. 2023. № 1 (60). С. 12–20.

- Narolina, T.S. et al. (2023). Study of the practice of implementing the ESG agenda in the regions. *RSEU*. No. 1 (60). Pp. 12–20. (In Russ.).
- Никонов С.М. и др. Инновационные подходы перехода бизнеса к ESG-стратегиям (российский и зарубежный опыт) // Стратегирование: теория и практика. 2022. Т. 2. № 1. С. 49–56. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-1-49-56>
- Nikonov, S.M. et al. (2022). Innovative approaches of business transition to ESG strategies (Russian and foreign experience). *Strategizing: Theory and Practice*. Vol. 2. No. 1. Pp. 49–56. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-1-49-56>
- Пацова И.И., Каманин В.М. Воздействие изменения климата на арктические экосистемы и оценка эмиссии парниковых газов при использовании морских судов // Труды Крыловского государственного научного центра. 2021. № 1. С. 252–254.
- Partsova, I.I., Kamanin, V.M. (2021). *The impact of climate change on Arctic ecosystems and assessment of greenhouse gas emissions when using marine vessels*. In: *Proceedings of the Krylov State Scientific Center*. No. 1. Pp. 252–254. (In Russ.).
- Ракинцев Д.С. Функционирование мировых углеродных рынков и формирование политики климатического регулирования в России // Проблемы современной экономики. Том 83. 2022. № 4. С. 183–185.
- Rakintsev, D.S. (2022). The functioning of global carbon markets and the formation of climate regulation policy in Russia. *Problems of Modern Economics*. Vol. 83. No. 4. Pp. 183–185. (In Russ.).
- Семенов В.А., Латиф М. Роль колебаний площади арктического ледового покрова в формировании температурных аномалий в Арктике // Климат Арктики: процессы и изменения / Под ред. И.И. Мохова, В.А. Семенова. М.: Физматкнига, 2022. С. 115–121.
- Semenov, V.A., Latif, M. (2022). The role of fluctuations in the area of the Arctic ice cover in the formation of temperature anomalies in the Arctic. In: *Arctic Climate: Processes and Changes* / edited by I.I. Mokhov, V.A. Semenova. Moscow. Fizmatkniga. Pp. 115–121. (In Russ.).
- Снакин В.В. Низкоуглеродная энергетика и глобальное потепление климата // Жизнь Земли. 2024. № 1. С. 4–18.
- Snakin, V.V. (2024). Low-carbon energy and global climate warming. *Life of the Earth*. No. 1. Pp. 4–18. (In Russ.).
- Третьякова Е.А. Раскрытие ESG-факторов в нефинансовой отчетности российских нефтегазовых компаний // ЭКО. 2022. № 9. С. 130–148. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-9-130-148
- Tretyakova, E.A. (2022). Disclosure of ESG factors in non-financial reporting of Russian oil and gas companies. *ECO*. No. 9. Pp. 130–148. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-9-130-148
- Третьякова Е.А. Соответствие отчетности в области устойчивого развития российских нефтегазовых компаний требованиям международных и российских регламентов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2023. № 1. С. 225–240.
- Tretyakova, E.A. (2023). Compliance of reporting in the field of sustainable development of Russian oil and gas companies with the requirements of international and Russian regulations. *Sociology and Economic Bulletin*. No. 1. Pp. 225–240. (In Russ.).
- Хачатрян А.В. Расхождение в ESG-рейтингах: Зарубежные регуляторные тренды // Финансовый журнал. 2022. № 5. С. 89–103.
- Khachatryan, A.V. (2022). Discrepancy in ESG ratings: Foreign regulatory trends. *Financial Journal*. No. 5. Pp. 89–103. (In Russ.).

## Влияние углеродного регулирования и ESG-повестки на экономику России

- Цегельский В.Г. Мифы Парижского соглашения по климату // Жизнь Земли. 2023. № 4. С. 540–554.
- Tsegelsky, V.G. (2023). Myths of the Paris Agreement on climate. *Life of the Earth*. No. 4. Pp. 540–554. (In Russ.).
- Чепулянис А.В. и др. ESG-отчетность как инструмент стратегического анализа устойчивого развития организации // Столыпинский вестник. 2022. № 8. С. 4714–4730.
- Chepulyanis, A.V. et al. (2022). ESG reporting as a tool for strategic analysis of sustainable development of an organization. *Stolypin Bulletin*. No. 8. Pp. 4714–4730. (In Russ.).
- Эриашвили, Н.Д., Яковлев, А.А. Экономико-правовая оценка перспектив взаимодействия России и Евросоюза в сфере борьбы с климатическими изменениями // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 222–226.
- Eriashvili, N.D., Yakovlev, A.A. (2024). Economic and legal assessment of the prospects for cooperation between Russia and the European Union in the field of combating climate change. *Bulletin of Economic Security*. No.1. Pp. 222–226. (In Russ.).
- Benjamin, R., Humberto, R.H. (2022). Political construction of carbon pricing: Experience from New Zealand emissions trading scheme, *Environmental Development*, Vol. 43. 100727, ISSN2211–4645. <https://doi.org/10.1016/j.envdev.2022.100727>
- Grazia, L. et al. (2023). Towards ethylene production from carbon dioxide: Economic and global warming potential assessment, *Sustainable Production and Consumption*. Vol. 43. Pp. 124–139. ISSN2352–5509, <https://doi.org/10.1016/j.spc.2023.10.015>
- Humphrey, A. et al. (2024). Sustainability implications of different carbon dioxide removal technologies in the context of Europe’s climate neutrality goal, *Sustainable Production and Consumption*. Vol. 47. Pp. 598–616. ISSN2352–5509. <https://doi.org/10.1016/j.spc.2024.04.003>
- Jingchi, Y. (2021). The impact of climate policy on fossil fuel consumption: Evidence from the Regional Greenhouse Gas Initiative (RGGI), *Energy Economics*. Vol. 100. 105333, ISSN0140–9883, <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2021.105333>
- Muhammad, K. et al. (2023). Climate change due to increasing concentration of carbon dioxide and its impacts on environment in 21st century; a mini review. *Journal of King Saud University – Science*. Vol. 35. Issue 5, 102693, ISSN1018–3647. <http://doi.org/10.1016/j.jksus.2023.102693>
- Şiir, Kılış. (2024). Urban emissions and land use efficiency scenarios for avoiding increments of global warming, *Energy*, Vol. 307. 132174, ISSN0360–5442. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2024.132174>
- Thereza, R.A., Bebbington, J. (2014). Disclosure on climate change: Analysing the UK ETS effects, *Accounting Forum*. Vol. 38. Issue 4, Pp. 227–240. ISSN0155–9982, <https://doi.org/10.1016/j.accfor.2014.10.002>
- Yongrok, C. et al. (2017). The economy impacts of Korean ETS with an emphasis on sectoral coverage based on a CGE approach, *Energy Policy*. Vol. 109. Pp. 835–844. ISSN0301–4215, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2017.06.039>

Статья поступила 25.09.2024

Статья принята к публикации 30.09.2024

**Для цитирования:** *Ракинцев Д.С.* Влияние углеродного регулирования и ESG-повестки на экономику России // ЭКО. 2025. № 1. С. 8–22. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–8–22

### Информация об авторе

*Ракинцев Дмитрий Сергеевич* (Москва) – кандидат экономических наук.  
МГУ имени М.В. Ломоносова.  
E-mail: rakintsevdmittii@yandex.ru; ORCID: 0000–0002–1855–8630  
SPIN-код: 1514–7165; AuthorID: 1129867

### Summary

*D.S. Rakintsev*

#### **The Impact of Carbon Regulation and the ESG Agenda on the Russian Economy**

**Abstract.** The paper identifies the main reasons that affected the state of carbon markets and the formation of ESG-principles in different regions of the world, in the period from 2018 to 2024. Trends are highlighted and short-term forecasts in the field of sustainable development are formulated in order to analyze the risks for the Russian economy. It is shown that in 2023–2024, a radical breakdown of the trends observed in the previous five-year period occurs in the global carbon trading markets. A steady decline in carbon prices in the European and British markets occurs simultaneously with the growth of exchanges in China and North America. Based on the results of the analysis of these and other markets, as well as measures taken in different countries in the field of ESG, made a forecast of non-collinear development of these areas in different world regions. In particular, there is a deviation of the development of Russian ESG-principles from the European vector starting from 2022. It is concluded that the main risk for the Russian economy is the introduction of carbon payments by importing countries in 2026. The most preferable option to overcome it is to open a carbon exchange in Russia, taking into account the interests of the state and business and the possibility of using net-zero technologies.

**Keywords:** *carbon markets; ESG; sustainable development; climate change; economic risks*

**For citation:** Rakintsev, D.S. (2025). The Impact of Carbon Regulation and the ESG Agenda on the Russian Economy. *ECO*. No. 1. Pp. 8–22. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–8–22

### Information about the author

*Rakintsev, Dmitrii Sergeevich* (Moscow) – Candidate of Economic Sciences.  
Moscow State University.  
E-mail: rakintsevdmittii@yandex.ru; ORCID: 0000–0002–1855–8630  
SPIN-код: 1514–7165; AuthorID (RSCI): 1129867

# Добровольные рынки углерода в КНР: динамика и перспективы развития

**А.О. Масленников**

УДК: 338

JEL: Q50, Q54, Q58

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-23-34

**Аннотация.** В работе проанализированы масштабы и цели участия Китая и китайских компаний в международных добровольных рынках углерода, а также опыт и перспективы развития национальной и региональных систем торговли выбросами. Рассматривается взаимосвязь между добровольными рынками углерода и национальной системой торговли выбросами КНР. Показано, что добровольные углеродные рынки в Китае нацелены на стимулирование развития возобновляемой энергетики за счет привлечения иностранного и внутреннего финансирования, а также на смягчение негативного воздействия от планируемого ужесточения национальной системы торговли выбросами для компаний реального сектора, чтобы тем самым поддержать темпы экономического роста.

**Ключевые слова:** добровольный рынок углерода; углеродные офсетсы; углеродные кредиты; национальная система торговли выбросами (СТВ), Парижское соглашение; ОНУВ; ITMO; Китай

Добровольные рынки углерода – это механизмы торговли так называемыми углеродными кредитами вне обязательных инструментов ценообразования на выбросы углерода. Такие кредиты выпускаются специализированными организациями для проектов по сокращению или предотвращению выбросов CO<sub>2</sub> и изъятию парниковых газов из атмосферы, зарегистрированных в той или иной офсетной программе и прошедших процедуры валидации и подтверждения их результатов. Компании добровольно покупают такие кредиты, используя их в качестве офсетов для компенсации собственных выбросов. В мире распространены различные офсетные программы, часть из них регулируются на международном или национальном уровне, остальные работают в соответствии со стандартами негосударственных организаций.

КНР с середины 2000-х гг. активно участвует в международных добровольных рынках углерода, как регулируемых, так и нерегулируемых<sup>1</sup>, главным образом в качестве поставщика углеродных офсетов. Кроме того, с начала 2010-х КНР приступила к формированию сначала региональных, а затем и национальных обязательных и добровольных регулируемых рынков углерода. Важной особенностью последних в КНР является их интеграция с обязательными системами торговли выбросами (СТВ) на национальном и региональном уровнях.

<sup>1</sup> Используемая для описания рынков углерода терминология еще не устоялась. С точки зрения обязательств участников принято выделять обязательные и добровольные рынки. Понятие добровольных рынков углерода часто употребляется в узком смысле и охватывает исключительно рынки верифицированных карбоновых кредитов, организованные по стандартам частных компаний-регистраторов (Verra, Gold Standard и др.). В более широком смысле добровольные рынки углерода включают в себя и рынки сертифицированных карбоновых кредитов, организованные по правилам, регулируемым на международном или национальном уровне. Мы в рамках широкого подхода будем называть эти рынки как добровольные нерегулируемые и добровольные регулируемые соответственно.

Такое решение было выбрано неслучайно – параллельное и взаимосвязанное развитие обязательных и добровольных рынков углерода преследует три основные цели: во-первых, стимулирование развития сектора возобновляемой энергетики за счет привлечения международного и внутреннего финансирования; во-вторых, снижение издержек китайских экспортеров при вступлении в силу с 2026 г. Трансграничного корректирующего механизма по углероду в Евросоюзе (СВАМ<sup>2</sup>); в-третьих, минимизация негативных последствий от мер по декарбонизации экономики в рамках взятых на себя климатических обязательств для национальных компаний и экономического роста в целом.

### Климатические цели и обязательства

В октябре 2021 г. КНР повысила свои добровольные обязательства в рамках Парижского соглашения по климату (ОНУВ)<sup>3</sup>. Согласно новой редакции документа, выбросы CO<sub>2</sub> должны достигнуть максимума до 2030 г., а к 2060 г. должна быть обеспечена углеродная нейтральность китайской экономики. При этом эти цели охватывают только углекислый газ и не распространяются на другие парниковые газы. Также к 2030 г. ОНУВ предполагает сокращение углеродоемкости ВВП к 2030 г. на 65% от уровня 2005 г., увеличение доли неископаемых источников в первичном энергопотреблении до 25%, повышение запасов леса на 6 млрд м<sup>3</sup> к уровню 2005 г. и достижение совокупной установленной мощности солнечных и ветровых электростанций уровня в 1200 ГВт.

Официальная статистика по эмиссии парниковых газов в КНР публикуется нерегулярно и существенно запаздывает. Наиболее актуальные результаты официальной инвентаризации выбросов, опубликованные в декабре 2023 г., относятся к 2017 г. Согласно этим данным, совокупные выбросы CO<sub>2</sub> в КНР в 2017 г. составили 9347 млн т, что включает чистые поглощения в секторе землепользования, изменения в землепользовании и лесного хозяйства (LULUCF)<sup>4</sup> в размере 1342 млн т (табл. 1).

*Таблица 1. Динамика выбросов парниковых газов в КНР в 2005–2017 гг., млн т CO<sub>2</sub>-экв.*

Показатель	2005	2010	2014	2017
CO <sub>2</sub> , в том числе:	5578	7678	9124	9347
- без сектора LULUCF	6381	8707	10275	10689
- сектор LULUCF	-803	-1030	-1151	-1342
Метан	1046	1163	1161	1359
Прочие парниковые газы	7249	9550	11185	843
Всего	625	709	900	11550

**Источник.** Рассчитано по данным The People's Republic of China Fourth National Communication on Climate Change. URL: [https://unfccc.int/sites/default/files/resource/China\\_NC4\\_English.pdf](https://unfccc.int/sites/default/files/resource/China_NC4_English.pdf) и United Nations Framework Convention on Climate Change URL: [https://di.unfccc.int/detailed\\_data\\_by\\_party](https://di.unfccc.int/detailed_data_by_party) (дата обращения: 13.05.2024).

<sup>2</sup> СВАМ – от Carbon Border Adjustment Mechanism.

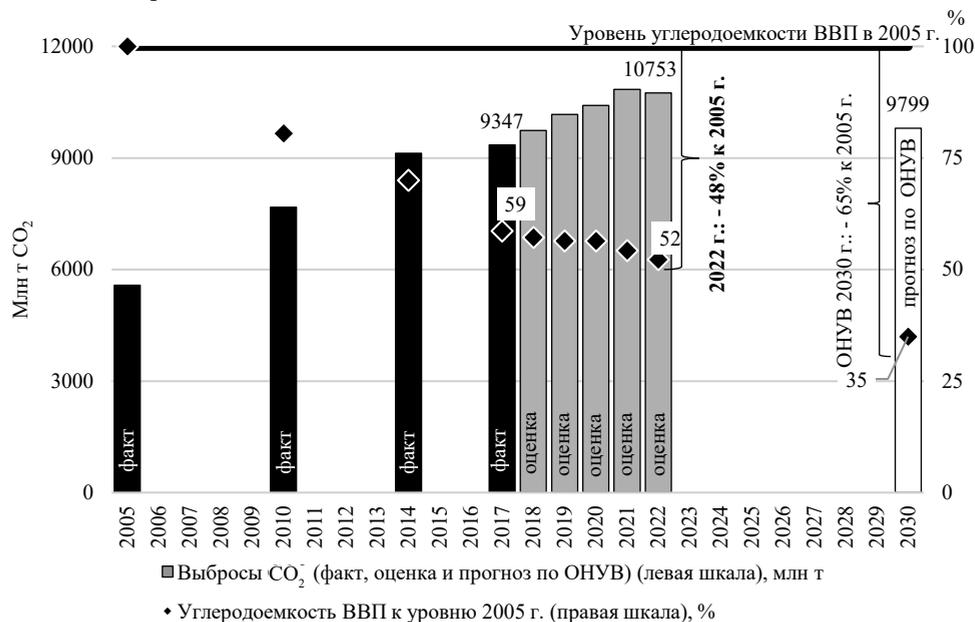
<sup>3</sup> ОНУВ, или определяемый на национальном уровне вклад, это план действий по сокращению выбросов и адаптации к изменению климата.

<sup>4</sup> LULUCF – от англ. Land Use, Land Use Change and Forestry.

## Добровольные рынки углерода в КНР: динамика и перспективы развития

Оценки с использованием неофициальных данных по выбросам<sup>5</sup> показывают, что Китаю в 2020 г. удалось достичь собственной климатической цели по сокращению удельных выбросов CO<sub>2</sub> на единицу ВВП на 40–45% от уровня 2005 г. (фактически на 43,6%). К 2022 г. удельные выбросы CO<sub>2</sub> сократились уже до 48% от уровня 2005 г. Однако главный вклад в достижение этого показателя внес рост ВВП, который за 2006–2022 гг. увеличился в 3,7 раза. Абсолютный же объем выбросов за тот же период вырос более чем на 90%.

Если динамика экономического роста КНР будет соответствовать среднесрочному прогнозу МВФ (среднегодовой темп 3,8% в 2024–2029 гг.)<sup>6</sup>, то для выполнения обязательств, заложенных в ОНУВ, Китаю необходимо к 2030 г. сократить абсолютные выбросы CO<sub>2</sub> (без учета сектора LULUCF) на 8% относительно уровня 2022 г. (рис. 1). Это означает, что пик выбросов должен наступить существенно ранее 2030 г. Учитывая значительно ускорившийся в 2023 г. ввод в эксплуатацию новых угольных электростанций, выполнение ОНУВ в части сокращения удельной углеродоемкости ВВП маловероятно.



**Источник.** Расчеты автора по данным ООН, МВФ и [Gütschow et al., 2023].

Рис. 1. Выбросы CO<sub>2</sub> в КНР в 2005–2030 гг.: факт, оценка и прогноз по ОНУВ до 2030 г.

<sup>5</sup> Выбросы в секторе LULUCF зафиксированы на последнем доступном уровне 2017 г., выбросы во всех прочих секторах оценены по абсолютным ежегодным приростам из базы данных [Gütschow et al., 2023].

<sup>6</sup> Поскольку прогноз МВФ ограничен 2029 г., на 2030 г. использован темп роста ВВП в 2029 г.

В случае, если экономика КНР до 2030 г. будет расти медленнее, чем полагает МВФ, выполнение ОНУВ потребует еще более значительного сокращения абсолютных выбросов CO<sub>2</sub>. В то же время при более высоких темпах экономического роста требования к абсолютным выбросам будут ниже, но сам этот рост ВВП будет способствовать увеличению выбросов. Для выполнения обязательств без сокращения выбросов ниже уровня 2022 г. потребовался бы среднегодовой темп роста ВВП на 1,4 п.п. выше прогнозного.

Возможности Китая достичь заявленных целей за счет сектора LULUCF также существенно ограничены. Для того чтобы сохранить абсолютные выбросы CO<sub>2</sub> на уровне 2022 г. и при этом обеспечить снижение удельной углеродоемкости ВВП относительно уровня 2005 г. на заявленные 65%, КНР потребуется увеличить чистый объем поглощений CO<sub>2</sub> в этом секторе с 1,3 млрд т в 2017 г. до 2,3 млрд т, и это значительно превышает исторические достижения в этой сфере: с 2005 по 2017 гг. данный показатель увеличился всего на 0,5 млрд т.

В любом случае, по мнению экспертов, при проведении низкоуглеродной политики Китай будет руководствоваться в первую очередь целями по поддержанию темпов экономического роста и вопросами энергетической безопасности [Жуков, Резникова, 2023], даже если это не позволит выполнить часть взятых на себя обязательств по выбросам.

## **Участие в международных добровольных рынках углерода**

### **Офсетная программа CDM**

С 2005 г. китайские компании были главными поставщиками углеродных сертификатов CER (Certified Emissions Reduction), выпускаемых в рамках предусмотренного Киотским протоколом Механизма чистого развития (Clean Development Mechanism, CDM). Этот механизм позволял компаниям из развитых стран финансировать «зеленые» проекты в развивающихся экономиках, трактуя заявленное сокращение эмиссии в качестве собственного вклада в борьбу с изменением климата. Основной спрос на эти сертификаты формировали участники Системы торговли выбросами Евросоюза, которые в то время (на раннем этапе развития СТВ ЕС) могли использовать эти офсетсы для компенсации собственной эмиссии парниковых газов<sup>7</sup>. Большинство проектов CDM в мире были реализованы в КНР, преимущественно в секторе возобновляемой энергетики [Hove et al., 2021]. Эта схема позволяла также увеличивать поглощение углекислого газа в секторе LULUCF.

Однако многочисленные изъяны в механизме вызвали неконтролируемый рост глобального предложения углеродных сертификатов очень низкого качества и многократное снижение цен на них [Cames et al., 2016]. Цена CER опустилась с 20 долл./т в 2008 г. до менее 0,5 долл./т по итогам 2012 г.<sup>8</sup> Последовавший запрет

<sup>7</sup> URL: [https://climate.ec.europa.eu/eu-action/eu-emissions-trading-system-eu-ets/use-international-credits\\_en#:~:text=Participants%20in%20the%20EU%20ETS,to%20qualitative%20and%20quantitative%20restrictions](https://climate.ec.europa.eu/eu-action/eu-emissions-trading-system-eu-ets/use-international-credits_en#:~:text=Participants%20in%20the%20EU%20ETS,to%20qualitative%20and%20quantitative%20restrictions) (дата обращения: 13.05.2024).

<sup>8</sup> URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2012/09/15/complete-disaster-in-the-making> (дата обращения: 13.05.2024); URL: <https://www.theage.com.au/business/the-economy/european-carbon-permit-prices-cap-another-losing-year-20130101-2c3s9.html> (дата обращения: 13.05.2024).

на использование в европейской системе торговли выбросами офсетов CDM по новым проектам после 2012 г. сделал реализацию большинства из них нерентабельной, что значительно ускорило упадок этого рынка.

### Нерегулируемые добровольные рынки углерода

Китай также является крупным поставщиком углеродных офсетов на международный нерегулируемый добровольный рынок углерода. Основу последнего составляют специальные углеродные единицы, выпущенные по климатическим проектам, зарегистрированным в четырех крупнейших частных офсетных программах – Verra, Gold Standard, American Carbon Registry и Climate Action Reserve. Они используются так же, как и углеродные сертификаты, обращающиеся на регулируемых добровольных рынках углерода.

В 2023 г. по китайским проектам было выпущено 38 млн т углеродных единиц, что составило 14% от мирового показателя<sup>9</sup> (рис. 2). По совокупному объему выпуска углеродных единиц с 2000 по 2023 гг. Китай занимает третью позицию (234 млн т, или 12% мирового показателя), уступая только США и Индии (табл. 2).



Источник рис. 2,3, табл. 2,3. Рассчитано по данным [Naya et al., 2023b].

Рис. 2. Динамика объемов выпуска добровольных углеродных единиц в КНР в 2000–2023 гг.

Китай использует инструменты добровольных нерегулируемых рынков углерода для привлечения инвестиций и технологий прежде всего в сектор возобновляемой энергетики. В 2023 г. этот сектор обеспечил в КНР 56% выпуска углеродных единиц, в то время как в среднем в мире – 32% (табл. 3). Доходы от продажи этих инструментов позволили Китаю ускорить продвижение солнечной и ветровой электрогенерации, что было особенно эффективным на начальных этапах развития этих технологий, когда стоимость реализации таких проектов была гораздо выше.

<sup>9</sup> По данным четырех крупнейших офсетных программ (Verra, Gold Standard, American Carbon Registry и Climate Action Reserve).

**Таблица 2. Объем выпуска углеродных единиц на добровольном нерегулируемом рынке в 2000–2023 гг. (у 4 крупнейших регистраторов)**

Страна	Выпуск углеродных единиц	%	%, накопленным итогом
США	444	22,4	22,4
Индия	321	16,2	38,7
Китай	234	11,8	50,5
Бразилия	122	6,2	56,7
Турция	111	5,6	62,3
Индонезия	95	4,8	67,1
Перу	94	4,8	71,8
Кения	60	3,0	74,9
Камбоджа	52	2,6	77,5
ДР Конго	39	2,0	79,5
Колумбия	39	2,0	81,4
Зимбабве	31	1,6	83,0
Бангладеш	24	1,2	84,2
Южная Корея	23	1,1	85,4
Уганда	21	1,0	86,4
Уругвай	20	1,0	87,4
Таиланд	19	0,9	88,4
Малави	17	0,9	89,2
Замбия	15	0,8	90,0
Вьетнам	13	0,7	90,7
Мир	1978	100	

**Таблица 3. Секторальная структура выпуска углеродных единиц на добровольном нерегулируемом рынке в 2023 гг. (у 4 крупнейших регистраторов)**

Сектор	Мир		Китай	
	млн т	%	млн т	%
Сельское хозяйство	8	2,9	6	16,8
Улавливание, использование и хранение углерода (CCUS)	0,04	0,01	0	0,0
Химические процессы	24	8,7	0	0,0
Лесное хозяйство и землепользование	76	27,6	4	9,7
Домохозяйства и сообщество	57	20,7	1	3,3
Промышленность и коммерция	10	3,5	0	1,1
Возобновляемая энергетика	88	31,8	21	56,3
Транспорт	0,003	0,001	0	0,0
Управление отходами	13	4,7	5	12,7
Всего	276	100	38	100

## Добровольные рынки углерода в КНР: динамика и перспективы развития

В 2023 г. на нерегулируемых добровольных рынках углерода разразился масштабный кризис доверия, который обрушил цены на эти инструменты. Авторы целого ряда публикаций в научных журналах и СМИ пришли к выводу об очень низком качестве большинства офсетов на этом рынке – объем выдаваемых кредитов по ряду климатических проектов превышает реальный эффект в 10 и более раз [Науа et al., 2023a]. По оценкам Abatable, в 2023 г. средняя цена добровольных углеродных единиц в секторе возобновляемой энергетики снизилась на 40% (до 3 долл./т), в сегменте природных решений по предотвращению деградации леса – на 45% (до 6 долл./т)<sup>10</sup>.

При этом цены на отдельные качественные инструменты, напротив, возросли, поскольку компании, стремящиеся компенсировать свои выбросы, ожидаемо стали предъявлять повышенный спрос на офсетные проекты, эффект от которых легче верифицировать, и которые менее подвержены риску перекредитования. Так, цены на углеродные единицы по проектам высадки лесов в 2023 г. выросли на 80% (до 22 долл./т.), а в отдельных случаях достигали 55 долл./т.

В физических единицах объемы выпуска углеродных офсетов на нерегулируемом добровольном рынке в 2023 г. снизились относительно уровня 2022 г. всего на 3%, а объемы их погашений, напротив, увеличились на 6% (рис. 3). Хотя падение цен на этом рынке привело к существенному снижению капитальных вложений в офсетные проекты в мире в 2023 г. на 27%, до 6,5 млрд долл. (в 2022 г. – 8,9 млрд долл.)<sup>11</sup>, участники рынка настроены оптимистично. В 2023 г. объем публичных объявлений о привлечении капитала в будущие офсетные проекты, включая обязательства покупки будущих кредитов, вырос с 9 млрд долл. в 2022 г. до 14,1 млрд долл. в 2023 г. В первые три квартала 2024 г. этот показатель составил 14,2 млрд долл., что даже выше уровня всего 2023 г.<sup>12</sup>

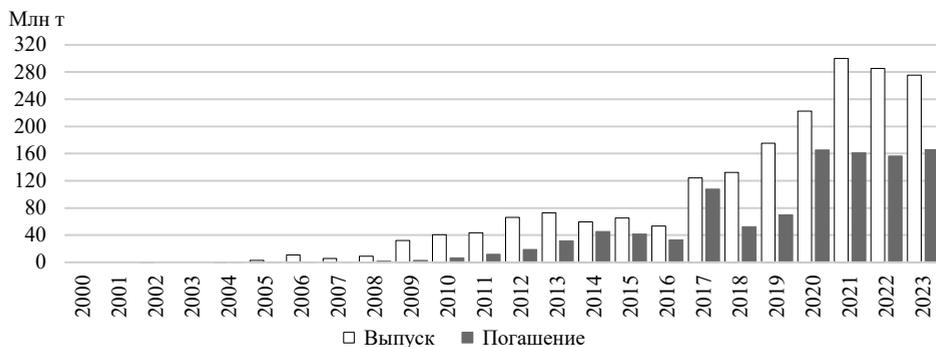


Рис. 3. Динамика объемов выпуска и погашений добровольных углеродных единиц на мировом рынке в 2000–2023 гг.

<sup>10</sup> Voluntary Carbon Market Developer Overview 2023–2024. Abatable. (2024). Available at: <https://www.abatable.com/reports/voluntary-carbon-market-developer-overview-2023> (accessed: 13.05.2024).

<sup>11</sup> Investment Trends and Outcomes in the Global Carbon-Credit Market. MSCI Carbon Markets. 2024. URL: <https://www.msci.com/documents/10199/010c4d7d-636a-12c5-ed7b-68e35cb2307f> (дата обращения: 10.12.2024).

<sup>12</sup> Там же

Высокий и растущий мировой платежеспособный спрос на офсетные инструменты по снижению выбросов со стороны корпоративного сектора будет способствовать дальнейшему развитию рынка добровольных офсетов, и текущий кризис вряд ли затормозит этот процесс. Крупнейшие регистраторы на этом рынке уже заявили о корректировке своих стандартов и процедур с учетом поступившей критики. Также получили развитие новые инициативы, в том числе и от международных некоммерческих организаций Voluntary Carbon Markets Integrity Initiative (VCMI) и Integrity Council for the Voluntary Carbon Market (ICVCM). Первая занимается разработкой стандартов использования добровольных карбоновых сертификатов, вторая – оценкой качества и рисков используемых на этом рынке методологий. Однако в настоящий момент еще рано говорить об эффективности этих инициатив.

### **Возможности статьи 6 Парижского соглашения**

Статья 6 Парижского соглашения предусматривает возможность кооперации между странами для выполнения своих обязательств. Эта статья носит рамочный характер, а принципы работы механизмов такой кооперации, предусмотренных в пунктах 2 и 4, в значительной степени еще не разработаны и не утверждены.

Статья 6.2 позволяет странам на базе двусторонних и односторонних соглашений покупать и продавать так называемые «трансгранично переданные результаты митигации» (Internationally Transferred Mitigation Outcomes, ITMO). Передача ITMO должна сопровождаться взятием на себя страной, в которой был реализован климатический проект, обязательств по соразмерной корректировке углеродной отчетности для избежания двойного счета при определении уровня выполнения своего ОНУВ [Piris-Cabezas et al., 2023; Strand, 2023]. Однако этот механизм пока не разработан, и до его имплементации заключение подобных сделок сопряжено с повышенными рисками нарушения соразмерности корректировки.

Статья 6.4 предусматривает формирование централизованного механизма валидации, верификации, выпуска и учета углеродных офсетов. Создан специальный контролирующий орган, подотчетный странам – участницам Парижского соглашения, который отвечает, в частности, за разработку требований к офсетным проектам и методологий выпуска углеродных кредитов (или одобрение существующих методологий, разработанных третьими лицами), а также создание единого реестра углеродных кредитов.

При этом обсуждается создание двух отдельных реестров – для сертификатов, предусматривающих и не предусматривающих соразмерную корректировку правительством страны расположения проекта. В первом случае углеродные кредиты приобретают формат трансгранично переданных результатов митигаций и могут быть использованы странами в учете своих обязательств по ОНУВ. Во втором – новый механизм будет работать аналогично CDM, но, теоретически, с использованием более высоких и надежных стандартов валидации проектов и верификации объемов сокращения выбросов, которые пока еще не разработаны<sup>13</sup>.

---

<sup>13</sup> National Strategies for Carbon Market under the Paris Agreement. Making Informed Policy Choices. Asian Development Bank, November 2023. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/928596/national-strategies-carbon-markets-paris-agreement.pdf> (дата обращения: 13.05.2024).

Однако весьма вероятно, что новые требования к офсетным проектам на практике окажутся недостаточно строгими. На очередной климатической конференции ООН (COP29) в ноябре 2024 г. участники отклонили предложение об обязательной повторной оценке проектов CDM на «добавочность» заявленного сокращения выбросов (т.е. что оно не было бы достигнуто без реализации этих проектов) при их перерегистрации в рамках нового механизма. Таким образом, такие проекты смогут выпустить кредиты в рамках статьи 6.4 за сокращение выбросов в 2021–2025 гг. без дополнительной верификации, за исключением формального (как правило) одобрения страной их реализации<sup>14</sup>.

В отношении этих рынков Китай занимает выжидательную позицию и пока не совершил ни одной сделки в рамках статьи 6.2. Всего в мире по состоянию на февраль 2024 г. было заключено 78 двусторонних соглашений в рамках статьи 6.2, при этом только три из них (Швейцария-Гана, Швейцария-Таиланд, Швейцария-Вануату) были доведены до этапа авторизации, по одной (Швейцария-Таиланд) – осуществлена передача ITMO<sup>15</sup>.

Учитывая высокие риски неисполнения собственного ОНУВ, продажа ITMO, предполагающая взятие обязательств по соразмерной корректировке собственных выбросов, для КНР может оказаться невыгодной. Более значительные возможности для китайских компаний как поставщиков офсетов, не предполагающих соразмерных корректировок, может представлять развитие централизованного рынка таких инструментов в рамках статьи 6.4, в случае, если консенсус на этом направлении все же будет достигнут.

### **Развитие внутреннего регулируемого добровольного рынка углерода**

В 2012 г. в КНР была запущена внутренняя регулируемая офсетная программа по выпуску углеродных сертификатов CCER (China Certified Emissions Reduction). С самого начала она была интегрирована с действующими с 2011 г. региональными системами торговли выбросами, а затем и с запущенной в 2021 г. национальной системой<sup>16</sup>. Участникам СТВ разрешается использовать добровольные сертификаты для покрытия своих обязательств, но не более 3–10% верифицированных выбросов в региональных системах в зависимости от региона и не более 5% в национальной. С одной стороны, такой подход обеспечил приток внутреннего финансирования в сектор возобновляемой энергетики на фоне сворачивания механизма CDM. С другой – благодаря ему был создан механизм частичного сглаживания негативных эффектов

---

<sup>14</sup> COP29: Complex Article 6 rules pave way to unruly carbon markets. Carbon Market Watch, 23 November 2024. URL: <https://carbonmarketwatch.org/2024/11/23/cop29-complex-article-6-rules-pave-way-to-unruly-carbon-markets/> (дата обращения: 10.12.2024).

<sup>15</sup> International Carbon Market Update. Market brief. Carbon Market Institute, 2024. URL: [https://carbonmarketinstitute.org/app/uploads/2024/02/IM\\_Update\\_Feb\\_24.pdf](https://carbonmarketinstitute.org/app/uploads/2024/02/IM_Update_Feb_24.pdf) (дата обращения: 13.05.2024).

<sup>16</sup> На первом цикле национальной СТВ участники системы должны были до конца 2021 г. отчитаться за выбросы, осуществленные в 2019–2020 гг., и погасить соответствующий объем специальных разрешений на выбросы (China Emission Allowance, CEA).

системы торговли выбросами, поскольку это позволяет переместить снижение выбросов с охваченных этой обязательной системой предприятий на другие секторы.

Выпуск сертификатов CCER в течение 2012–2017 гг. осуществлялся по методологии CDM, однако сами сертификаты не были однородными – процедуры верификации и валидации проектов различались и регулировались в соответствии с правилами различных региональных СТВ, обращение сертификатов также осуществлялось на различных региональных биржах. В 2017 г. выпуск новых региональных сертификатов CCER был приостановлен, хотя уже выпущенные сертификаты продолжали обращаться на рынке.

В январе 2024 г. Министерство окружающей среды и экологии КНР после семилетнего перерыва возобновило программу добровольных сертификатов CCER. На этот раз программа централизована, правила унифицированы, но новые сертификаты по-прежнему можно будет использовать для погашения обязательств в рамках национальной СТВ.

К участию в обновленной программе CCER допущены четыре категории проектов: лесоразведение, концентрированная солнечная электрогенерация, морские ветровые электростанции и посадка мангровых лесов. Для регистрации в программе проект должен пройти процедуру валидации. Не допускаются проекты, участвующие в других механизмах по сокращению эмиссий, а также проекты, осуществление которых было бы экономически целесообразным и без офсетов CCER. После ввода проекта в эксплуатацию производятся мониторинг и верификация объемов сокращения эмиссий, по итогам которых начисляются сертификаты. Верификация объемов сокращения выбросов осуществляется независимыми организациями, соответствующие отчеты будут загружаться в централизованную систему.

Обращение новых CCER будет проходить исключительно на Пекинской зеленой бирже (Beijing Green Exchange), внебиржевая торговля офсетом не предполагается. В настоящий момент к участию в торгах допущены только китайские компании, однако в дальнейшем планируется добавление и иностранных участников<sup>17</sup>. Ведение единого реестра сертификатов CCER производит Национальный центр по стратегии и международной кооперации в области изменения климата (NCSC), входящий в структуру Министерства окружающей среды и экологии.

\*\*\*

Добровольные рынки углерода и национальная система торговли выбросами развиваются в Китае в параллельных режимах. Компании активно использовали добровольные углеродные сертификаты CCER для погашения своих обязательств по СТВ. Так, в 2020–2021 гг. для этих целей были использованы CCER в объеме около 30 млн т. Компании выбирали этот механизм из-за его относительной дешевизны, поскольку CCER стоили значительно дешевле разрешений в национальной системе КНР [Qin, 2022].

---

<sup>17</sup> URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/energy-transition/012224-chinas-national-voluntary-carbon-market-starts-trading-jan-22> (дата обращения: 13.05.2024).

## Добровольные рынки углерода в КНР: динамика и перспективы развития

В целом можно констатировать, что Китай развивает гибкую и диверсифицированную систему оплаты за эмиссию парниковых газов, включающую несколько контуров, в том числе регулируемые и добровольные рынки углеродных кредитов. Главная задача этой системы – снизить издержки компаний реального сектора по декарбонизации и деметанизации, а в конечном счете – поддержать глобальную конкурентоспособность национальных производителей и сохранить достаточно высокие темпы экономического роста.

К торговле китайскими добровольными углеродными сертификатами допущены и иностранные игроки, имеющие зарегистрированные в КНР дочерние компании, однако их погашение возможно только внутри КНР. При этом Китай рассматривает возможность расширения интеграции ССЕР в мировой рынок углеродных кредитов, в том числе в качестве инструментов, доступных для погашения авиакомпаниями своих обязательств в рамках Системы компенсации и сокращения выбросов углерода для международной авиации (CORSIA)<sup>18</sup>.

### Литература/ References

- Жуков С.В., Резникова О.Б. Энергетический переход в США, Европе и Китае: новейшие тенденции // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4 (199). С. 15–31.
- Zhukov, S.V. and Reznikova, O.B. (2023). Energy Transition in the United States, Europe and China: Latest Trends. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 34. No. 4. Pp. 439–449. (In Russ.). DOI: 10.1134/S1075700723040160
- Cames, M., Ralph, O. H., Füssler, J., Lazarus, M., Lee, C. M., Erickson, P., & Spalding Fecher, R. (2016). How additional is the clean development mechanism? Öko-Institut e.V, Available at: [https://climate.ec.europa.eu/system/files/2017-04/clean\\_dev\\_mechanism\\_en.pdf](https://climate.ec.europa.eu/system/files/2017-04/clean_dev_mechanism_en.pdf) (accessed: 13.05.2024).
- Gütschow, J., Pflüger, M., Busch, D. (2023). The PRIMAP-hist national historical emissions time series v2.5.1 (1750–2022). Zenodo. DOI: 10.5281/zenodo.10705513
- Haya, B.K. et al. (2023). Quality assessment of REDD+ carbon credit projects. Berkeley Carbon Trading Project, Available at: <https://gspp.berkeley.edu/assets/uploads/page/Quality-Assessment-of-REDD+-Carbon-Crediting-EXECUTIVE-SUMMARY.pdf> (accessed: 13.05.2024).
- Haya, B.K., Abayo, A., So, I.S., Elias, M. (2023). Voluntary Registry Offsets Database v10. Berkeley Carbon Trading Project, University of California, Berkeley.
- Hove, A., Meidan, M., Andrews-Speed, P. (2021). Software versus hardware: how China’s institutional setting helps and hinders the clean energy transition. Oxford Institute for Energy Studies, Available at: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2021/12/Software-versus-hardware-how-Chinas-institutional-setting-helps-CE2.pdf> (accessed: 13.05.2024).
- Piris-Cabezas, P., Lubowski, R.N., Leslie, G. (2023). Estimating the potential of international carbon markets to increase global climate ambition. *World Development*. Vol. 167. DOI: 10.1016/j.worlddev.2023.106257

---

<sup>18</sup> URL: <https://www.spglobal.com/commodity-insights/en/news-research/latest-news/energy-transition/092724-global-companies-seek-foothold-in-chinas-carbon-markets-amid-strong-policy-signals> (дата обращения: 10.12.2024).

Qin, Y. (2022). China's ETS: Performance, Impact, and Evolution. Oxford Energy Forum, 2022, No. 132, June. Available at: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2022/06/OEF-132.pdf> (accessed: 13.05.2024).

Strand, J. (2023). Finance “Blending” and NDC achievement under the Paris agreement. *Journal of Climate Finance*. Vol. 5. DOI: 10.1016/j.jclimf.2023.100024

Статья поступила 16.05.2024

Статья принята к публикации 28.05.2024

**Для цитирования:** Масленников А.О. Добровольные рынки углерода в КНР: динамика и перспективы развития // ЭКО. 2025. № 1. С. 23–34. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–23–34

### Информация об авторе

Масленников Александр Оскарович (Москва) – кандидат экономических наук.

Отдел науки и инноваций ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

E-mail: [maslennikov@imemo.ru](mailto:maslennikov@imemo.ru); ORCID: 0000–0001–5377–4702

### Summary

*A.O. Maslennikov*

#### **Voluntary Carbon Markets in China: Dynamics and Development Prospects**

**Abstract.** The paper examines the scale and objectives of participation of China and Chinese companies in international voluntary carbon markets, as well as the experience and prospects for the development of national and regional emissions trading systems. It shows the relationship between voluntary carbon markets and the national emissions trading system of the PRC. The author concludes that voluntary carbon markets in China are aimed at stimulating the development of renewable energy by attracting foreign and domestic financing, as well as mitigating the negative impact of the planned tightening of the national emissions trading system for real sector companies, thereby maintaining economic growth.

**Keywords:** *voluntary carbon market; carbon offsets; carbon credits; national emissions trading system (NETS), Paris Agreement; VLCCs; ITMO; China*

**For citation:** Maslennikov, A.O. (2025). Voluntary Carbon Markets in China: Dynamics and Development Prospects. *ECO*. No. 1. Pp. 23–34. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–23–34

### Information about the author

*Maslennikov, Alexander Oskarovich* (Moscow) – Candidate of Economic Sciences.

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS.

E-mail: [maslennikov@imemo.ru](mailto:maslennikov@imemo.ru); ORCID: 0000–0001–5377–4702

# Углеродные кредиты в климатической стратегии Сингапура

**И.А. Копытин, О.Б. Резникова**

УДК: 338 JEL: F650, F680, H230, Q50, Q54, Q58

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-35-44

**Аннотация.** Национальная климатическая стратегия Сингапура нацелена на превращение страны в региональный и глобальный хаб по экспорту экологических услуг, включая торговлю углеродными кредитами. Стратегия подчинена задаче сохранения позиций Сингапура в качестве одного из мировых центров обрабатывающей промышленности, которая является крупнейшим в стране эмитентом парниковых газов. Притом что Сингапур уже во многом исчерпал возможности по развитию возобновляемой энергетики, промышленные компании рассматривают углеродные кредиты как важный инструмент по декарбонизации и деметанизации. Параллельно Сингапур активно участвует в масштабировании мировой торговли углеродными кредитами. В различных сценариях добавленная стоимость Сингапура от предоставления услуг по торговле углеродом может составить к 2050 г. 1,8–5,6 млрд долл.

**Ключевые слова:** углеродные кредиты; углеродные офсетсы; налог на эмиссию парниковых газов; углеродные биржи; климатические проекты; Парижское соглашение по климату; Сингапур

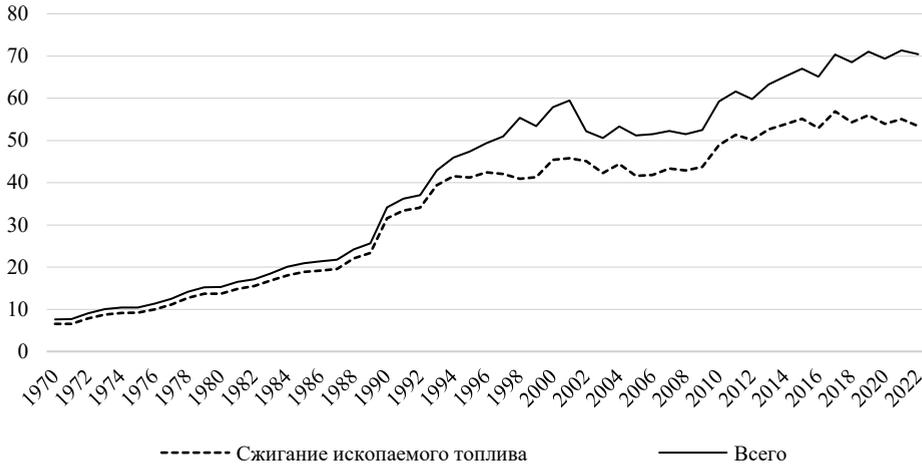
Сингапур играет важную роль в развитии и масштабировании мировых рынков углеродных кредитов. Эта крошечная по размеру территории страна объективно не может выступить в роли генератора кредитов, но делает ставку на превращение в региональный и глобальный хаб по экспорту экологических услуг, включая торговлю углеродными кредитами. Открытость национальной экономики, благоприятный бизнес-климат, опережающее развитие законодательной и финансовой инфраструктуры должны позволить Сингапуру занять важную нишу в формирующейся мировой системе рынков углерода. Согласно специальному исследованию, к 2050 г. добавленная стоимость Сингапура от предоставления услуг по торговле углеродом в различных сценариях может составить 1,8–5,6 млрд долл. [Carvalho et al., 2021].

Однако еще более важно, что зрелые мировые рынки углеродных кредитов/офсетов необходимы для развития сингапурской обрабатывающей промышленности. В международном разделении труда страна утвердилась в качестве одного из ее ведущих центров. Доля Сингапура в мировом экспорте готовых промышленных изделий в 2022 г. составила 2,4%. По этому показателю он лишь незначительно уступал Бельгии, Тайваню и Мексике<sup>1</sup>. Все экологические планы и стратегии Сингапура подчинены задаче сохранения за страной позиции важного мирового промышленного узла (главным образом в сфере электроники, фармацевтики, судостроения, информационных технологий). Однако местная индустрия в значительной мере опирается на сжигание ископаемого топлива, возможности замещения которого новыми возобновляемыми источниками энергии объективно ограничены.

<sup>1</sup> Рассчитано по базе данных Всемирной торговой организации. URL: <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 20.04.2024).

## Динамика выбросов парниковых газов

Сингапур официально объявил о цели достижения климатической нейтральности к 2050 г. Пик эмиссий парниковых газов должен быть пройден до 2030 г.<sup>2</sup> Эти планы представляются вполне реалистичными. Анализ динамики выбросов парниковых газов в сингапурской экономике показывает, что совокупные эмиссии вышли на плато около 70 млн т CO<sub>2</sub>-экв. в 2017 г. Выбросы двуокиси углерода от сжигания ископаемых топлив также стабилизировались на уровне 53–54 млн т CO<sub>2</sub> (рис. 1).



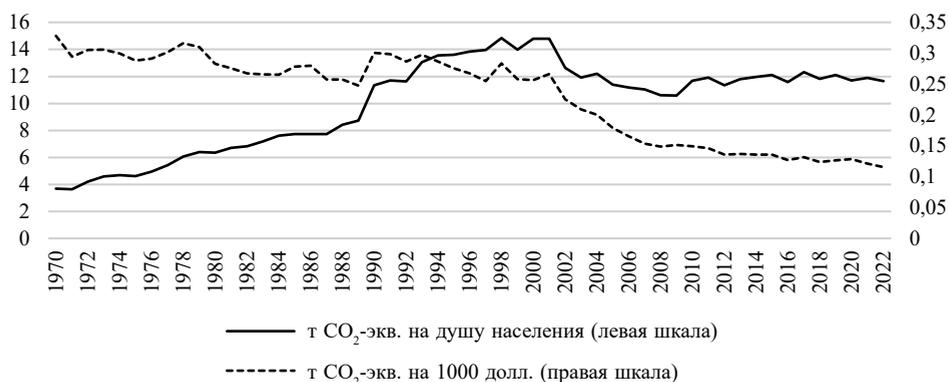
**Источник.** GHG emissions of all world countries 2023 report. EDGAR GHG emissions и IEA-EDGAR fossil CO<sub>2</sub> emissions.

Рис. 1. Сингапур: динамика эмиссии парниковых газов в 1970–2022 гг., млн т CO<sub>2</sub>-экв.

При этом Сингапур уже во многом исчерпал возможности замещения ископаемых топлив новой возобновляемой энергетикой, потенциал которой ограничен размерами территории, слабой наделенностью водными ресурсами, сравнительно неблагоприятными условиями для развития ветровой энергетике. Ограничены и возможности сокращения эмиссии парниковых газов за счет повышения энергоэффективности и трансформации отраслевой структуры производства. Косвенно об этом свидетельствует динамика показателя выбросов парниковых газов в расчете на единицу ВВП. Этот индикатор быстро снижался в 1990–2012 гг., но затем его значения стабилизировались. С 2010 г. фактически перестал снижаться и среднедушевой объем выбросов (рис. 2).

<sup>2</sup> Singapore Commits to Achieve Net Zero Emissions by 2050. 25 October 2022. URL: <https://www.nccs.gov.sg/media/press-releases/singapore-commits-to-achieve-net-zero/> (дата обращения: 20.12.2023).

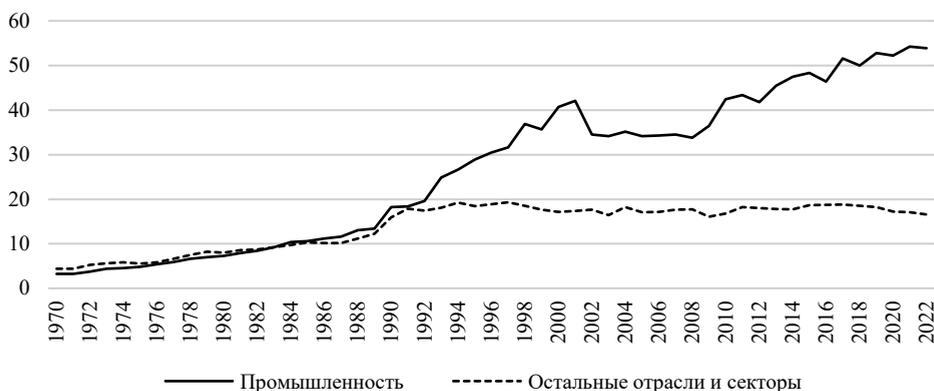
## Углеродные кредиты в климатической стратегии Сингапура



**Источник.** GHG emissions of all world countries 2023 report. EDGAR GHG emissions; UN National Accounts – Analysis of Main Aggregates (AMA).

Рис. 2. Сингапур: динамика эмиссии парниковых газов на 1000 долл. ВВП и душу населения в 1970–2022 гг.

Такая динамика объясняется сохраняющейся высокой эмиссией парниковых газов в отраслях обрабатывающей промышленности, другие источники выбросов Сингапуру удалось стабилизировать (рис. 3). Анализ с опорой на межотраслевые балансы показал, что почти две трети эмиссий парниковых газов в сингапурской экономике связаны с промышленным экспортом [Su et al., 2017].



**Источник.** Рассчитано по GHG emissions of all world countries 2023 report. EDGAR GHG emissions.

Рис. 3. Сингапур: динамика эмиссии парниковых газов в разрезе отраслей и секторов экономики в 1970–2022 гг., млн т CO<sub>2</sub>-экв.

Одновременно решая две задачи – во-первых, поддержки развития обрабатывающей промышленности как основы всей конструкции экономического роста, во-вторых, достижения цели по обнулению уровня выбросов, Сингапур предложил активную климатическую стратегию, опирающуюся на конкурентные

преимущества страны. Эта стратегия очень прагматична и предполагает использование более широкого набора политик и инструментов даже в сравнении с такими деломенталистскими государствами, как Япония и Южная Корея [Liu et al., 2023]. Два ее ключевых элемента – это 1) обязательный налог на выбросы парниковых газов; 2) регулируемый рынок торговли углеродными кредитами [Chester, 2024]. Значительное внимание также уделяется технологическим решениям, включая водородную энергетику, промышленные системы улавливания и хранения углерода [Lau et al., 2021]. Однако данные технологии находятся в начальной стадии развития и неконкурентны по издержкам. Возможности их широкого практического применения станут ясны не ранее 2030 г. [Жуков, Резникова, 2023].

Некоторые исследователи считают климатическую стратегию Сингапура довольно рискованной, так как она опирается на не вполне апробированные технологические и рыночные решения [McGreevy, Chia, 2023]. В полной мере это относится и к опоре на развитие рынков углеродных кредитов. Однако в случае Сингапура этот риск является осознанным и рациональным. Иного пути для страны сохраниться в качестве важного регионального и глобального промышленного, финансового и технологического центра просто не существует.

### **Связь налога на эмиссию парниковых газов и углеродных кредитов**

Сингапур первым в Юго-Восточной Азии ввел налог на выбросы парниковых газов (2019 г.)<sup>3</sup>. Налог платят около 50 крупнейших предприятий в сфере промышленности, электроэнергетики, водном хозяйстве и переработки отходов, на которые кумулятивно приходится 80% всех выбросов от стационарных источников. На период 2019–2023 гг. налог был установлен на уровне 5 сингапурских долл. за тонну выбросов. Начиная с 2024 г. его ставка была поднята до 25 сингапурских долл., в 2026–2027 гг. ее размер увеличится до 45, и в 2028–2029 гг. – до 50–80 сингапурских долл. за тонну CO<sub>2</sub><sup>4</sup>.

При этом с 2024 г. сингапурские компании могут до 5% своих налоговых платежей по эмиссиям покрывать за счет использования международных углеродных кредитов высокого качества, выпущенных в соответствии с положениями статьи 6.2 Парижского соглашения по климату и отвечающих разработанным правительством Сингапура семи принципам<sup>5</sup>. Эти принципы опираются на самые строгие и авторитетные международные стандарты, такие как Схема компенсации и сокращения выбросов углерода для международной авиации ИКАО (Carbon Offsetting and Reduction Scheme for International Aviation – CORSIA) и др., и требуют наличия дополнительного вклада в сокращение выбросов, реалистичности, консервативной

<sup>3</sup> Учитываются все семь парниковых газов: диоксид углерода (CO<sub>2</sub>), метан (CH<sub>4</sub>), закись азота (N<sub>2</sub>O), гидрофторуглероды (ГФУ), перфторуглероды (ПФУ), гексафторид серы (SF<sub>6</sub>) и с 2024 г. трифторид азота (NF<sub>3</sub>). На 14 мая 2024 г. 1 сингапурский долл. был равен 0,74 долл. США.

<sup>4</sup> Carbon tax. Singapore National Climate Change Secretariat. URL: <https://www.nccs.gov.sg/singapores-climate-action/mitigation-efforts/carbontax/> (дата обращения: 01.04.2024).

<sup>5</sup> How SG supports carbon markets. URL: <https://www.carbonmarkets-cooperation.gov.sg/our-art6-cooperation/how-sg-supports-carbon-markets/> (дата обращения: 01.04.2024).

## Углеродные кредиты в климатической стратегии Сингапура

и прозрачной методики расчета, независимого верифицирования третьей стороной, соблюдения принципа необратимости, отсутствия вреда и побочных увеличений выбросов, а также двойного счета<sup>6</sup>.

В сравнении с некоторыми другими активными игроками на мировом рынке углеродных кредитов из Тихоокеанского региона (табл. 1) регуляторная система Сингапура по ограничению выбросов выглядит гораздо более жесткой и при этом открытой для зарубежных участников.

**Таблица 1. Связь между регуляторными системами по ограничению выбросов парниковых газов и углеродными кредитами, %**

Страна/ штат	Регулирование выбросов парниковых газов	Покрытие выбросов	Разрешенная доля		Соответствие кредитов статье 6.2 Парижского соглашения по климату
			углеродных кредитов в платежах	кредитов из других юрисдикций	
Сингапур	Налог на эмиссию углерода	80	5	100	Да
Южная Корея	Национальная торговая система	74	5	100	Да
Калифорния (США)	Торговая система штата	74	4	50	Нет
Колумбия	Налог на эмиссию углерода	23	50	0	Нет
Чили	Налог на эмиссию углерода	29	100	0	Нет
ЮАР	Налог на эмиссию углерода	80	5–10	0	Нет

**Источник.** Carbon Markets 2.0. Addressing Pain Points, Unlocking Impact. GenZero, December 2023; Korea Emissions Trading Scheme. International Carbon Action Partnership; Two Shades of Green: How hot air forest credits are being used to avoid carbon taxes in Colombia. Carbon Market Watch, June 2021; Decreto 4. Aprueba reglamento de proyectos de reduccion de emisiones de contraminantes para compensar emisiones gravadas conforme a lo dispuesto en el articulo 8° de la ley N° 20.780. 29-SEP-2023; Modise D. South African Carbon Offsets Programme.

Подчеркнем, что в отличие от штата Калифорния, Колумбии, Чили и ЮАР, Сингапур разрешает при уплате налога на углерод учитывать только качественные углеродные кредиты, например, верифицированные компаниями, лицензированными в системе углеродной торговли CORSIA. Как и Южная Корея Сингапур допускает, что все углеродные кредиты, используемые в платежах за выбросы парниковых газов, могут быть эмитированы с климатических проектов, реализованных за рубежом.

<sup>6</sup> Singapore Sets Out Eligibility Criteria for International Carbon Credits Under The Carbon Tax Regime. National Environment Agency, 4 October 2023. URL: <https://www.nea.gov.sg/media/news/news/index/singapore-sets-out-eligibility-criteria-for-international-carbon-credits-under-the-carbon-tax-regime> (дата обращения: 01.04.2024).

Для мониторинга и периодических пересмотров стандартов углеродных кредитов и консультирования правительства Сингапура по развитию соответствующего рынка создана Международная консультативная группа по углеродным кредитам, включающая представителей специализированных организаций ООН и университетов стран АТР. Подписаны договоры о сотрудничестве с ведущими мировыми программами по сертифицированию, учету и мониторингу углеродных кредитов, включая Gold Standard (Швейцария), Verra's Verified Carbon Standard (США), Global Carbon Council (Катар), American Carbon Registry and the Architecture for REDD+ Transactions (США)<sup>7</sup>.

### **Сингапур как глобальный центр климатических услуг и зеленых финансов**

Не имея возможности развивать крупные климатические проекты, на базе которых эмитируются углеродные кредиты, Сингапур выстраивает национальную экосистему оказания климатических услуг и зеленых финансов с прицелом на региональный и глобальный рынки. В настоящее время в стране действует более 100 специализированных компаний, оказывающих корпорациям реального сектора и финансовым институтам услуги в области разработки и осуществления стратегий декарбонизации и деметанизации<sup>8</sup>. При поддержке и участии валютного управления (центрального банка) Сингапура в стране создан центр зеленых финансов, работу которого поддерживают крупнейшие мировые банки в лице Bank of China, Goldman Sachs, BNP Paribas, HSBC и Standard Chartered. Задача центра заключается в построении в регионе инфраструктуры для мобилизации и направления инвестиций в климатические проекты<sup>9</sup>. Осенью 2022 г. в Сингапуре начал работать реестр углеродных проектов Asia Carbon Institute (ACI) с особым акцентом на технологические и городские решения<sup>10</sup>.

Правительство Сингапура уделяет большое внимание международному сотрудничеству в формате статьи 6 Парижского соглашения по климату, с тем чтобы обеспечить достаточное предложение углеродных кредитов высокого качества для национального бизнеса. Сотрудничество идет в рамках двусторонних соглашений по имплементации, открывающих передачу углеродных кредитов от страны их происхождения Сингапуру. Соглашения о намерениях в этом формате подписаны уже с 18 государствами, включая Бутан, Вьетнам, Доминиканскую Республику, Индонезию, Камбоджу, Кению, Колумбию, Коста-Рику, Марокко, Монголию, Руанду,

---

<sup>7</sup> Singapore Sets Out Eligibility Criteria for International Carbon Credits Under The Carbon Tax Regime. National Environment Agency, 4 October 2023. URL: <https://www.nea.gov.sg/media/news/news/index/singapore-sets-out-eligibility-criteria-for-international-carbon-credits-under-the-carbon-tax-regime> (дата обращения: 01.04.2024).

<sup>8</sup> Carbon Services. URL: <https://www.edb.gov.sg/en/our-industries/sustainability/carbon-services.html> (дата обращения: 20.12.2023).

<sup>9</sup> The Singapore Green Finance Centre. URL: <https://skbi.smu.edu.sg/singapore-green-finance-centre> (дата обращения: 20.12.2023).

<sup>10</sup> About Us. URL: <https://asiacarboninstitute.org/about-us> (дата обращения: 20.12.2023).

Папуа – Новую Гвинею, Перу, Фиджи, Чили и Шри-Ланку<sup>11</sup>. В конце 2023 г. Сингапур подписал первое соглашение по имплементации с Папуа – Новой Гвинеей<sup>12</sup>. В высокой степени готовности находится аналогичное соглашение с Ганой<sup>13</sup>.

## Сингапурские углеродные биржи

В Сингапуре действуют две биржи, торгующие углеродными кредитами. Первая из них, AirCarbon Exchange, была основана в 2019 г.<sup>14</sup> и в 2021–2023 гг. трансформировалась в глобальную биржевую площадку ACX с центром в эмирате Абу-Даби. Регулятор свободной финансовой зоны эмирата Abu Dhabi Global Market (ADGM) разработал и утвердил специальную классификацию экологических инструментов. В соответствии с ней в ноябре 2022 г. ACX Abu Dhabi получила статус инвестиционной биржи и клиринговой палаты по работе с экологическими инструментами в форме углеродных кредитов. В октябре 2023 г. биржа и клиринг ACX начали работу в свободной финансовой зоне ADGM<sup>15</sup>.

Стратегический 20%-й пакет в ACX приобрел суверенный фонд ОАЭ Mubadala<sup>16</sup>, крупными инвесторами в ее развитие являются также немецкая Deutsche Borse Group, тайская Вапу, сингапурская Trirec<sup>17</sup>. Далее к площадке в Абу-Даби была подсоединена сингапурская торговая площадка, что фактически знаменует создание единого глобально позиционированного рынка<sup>18</sup>.

К началу 2024 г. бывшая AirCarbon Exchange трансформировалась в ACX, международную биржу с тремя торговыми площадками в Абу-Даби (ОАЭ), Рио-де-Жанейро (Бразилия) и Сингапуре<sup>19</sup>. На этих площадках торгуются электронные

---

<sup>11</sup> Memorandum of Understanding (MOU). URL: <https://www.carbonmarkets-cooperation.gov.sg/our-article-6-cooperation/sgs-article-6-cooperations/mous/> (дата обращения: 01.04.2024).

<sup>12</sup> Singapore signs first Implementation Agreement with Papua New Guinea to collaborate on carbon credits under Article 6 of the Paris Agreement. 8 December 2023. URL: <https://www.mti.gov.sg/Newsroom/Press-Releases/2023/12/Singapore-signs-first-Implementation-Agreement-with-Papua-New-Guinea> (дата обращения: 01.04.2024).

<sup>13</sup> Singapore and Ghana Substantively Conclude Negotiations on Implementation Agreement on Cooperative Approaches aligned with Article 6 of the Paris Agreement. 15 November 2022. URL: <https://www.mse.gov.sg/resource-room/category/2022-11-15-media-release-singapore-and-ghana-implementation-agreement-article-6> (дата обращения: 01.04.2024).

<sup>14</sup> Our Beginnings. URL: <https://acx.net/about-us/> (дата обращения: 20.04.2024).

<sup>15</sup> Doneva D. ACX Launches ACX Abu Dhabi Exchange And Clearing House. October 26, 2023. URL: <https://carbonherald.com/acx-launches-acx-abu-dhabi-exchange-and-clearing-house/> (дата обращения: 20.12.2023).

<sup>16</sup> Smith M. Carbon credits trading predicted to hit \$4bn. August 28, 2023. URL: <https://www.agbi.com/finance/2023/08/air-carbon-exchange-sees-carbon-credit-trading-surge/> (дата обращения: 20.12.2023).

<sup>17</sup> Funding and Investors of AirCarbon. URL: [https://tracxn.com/d/companies/aircarbon/\\_\\_\\_N9grAaKEMZT4DBJeIoh3q3anpND99lGeTo-eVe\\_ljCY](https://tracxn.com/d/companies/aircarbon/___N9grAaKEMZT4DBJeIoh3q3anpND99lGeTo-eVe_ljCY) (дата обращения: 20.04.2024).

<sup>18</sup> Trendafilova P. ACX Singapore & ACX's Abu Dhabi Exchange Connect As One Environmental Assets Market. January 30, 2024. URL: <https://carbonherald.com/acx-singapore-acxs-abu-dhabi-exchange-connect-as-one-environmental-assets-market/> (дата обращения: 20.04.2024).

<sup>19</sup> Gupta E. INTERVIEW: Carbon markets to adopt increasingly compliance-heavy approach: ACX. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/energy-transition/090423-interview-carbon-markets-to-adopt-increasingly-compliance-heavy-approach-acx> (дата обращения: 20.04.2024).

сертификаты на девять типов углеродных кредитов разного качества, включая кредиты, сертифицированные в соответствии с требованиями CORSIA. В общей сложности на них участвуют около 180 компаний из 33 стран. После получения официального статуса в ОАЭ АСХ стала первой и пока единственной в мире регулируемой углеродной биржей, работая через которую банки могут снизить риски инвестирования в проекты по генерации кредитов.

Вторая сингапурская углеродная биржа Climate Impact X (CIX) начала работу в мае 2021 г. Она поддерживает несколько торговых площадок, отвечающих интересам различных игроков рынка. Это совместное предприятие крупнейшего банка Сингапура DBS, сингапурской биржи (Singapore Exchange – SGX), сингапурской государственной инвестиционной компании Temasek и глобального банка Standard Chartered. Штаб-квартира последнего находится в Лондоне, но свою деятельность банк ведет за пределами Великобритании, в странах Азии и Африки, в первую очередь в Гонконге и Сингапуре. В деятельности CIX широко используются спутниковый мониторинг, машинное обучение и технологии блокчейна.

Изначально CIX нацелилась на торговлю на своей центральной спотовой площадке качественными углеродными кредитами, в основном связанными с сохранением и предотвращением вырубки лесов<sup>20</sup>. В 2022 г. в рамках партнерства с Nasdaq она начала использовать облачную технологию последней, которая позволяет покупателям и продавцам совершать сделки с продуктами с уникальными характеристиками, что очень важно для рынка слабо стандартизированных углеродных кредитов и офсетов. Технология также позволяет покупателю снизить риск контрагента, выбирая конкретного продавца кредитов. При этом облачные решения Nasdaq допускают торговлю углеродными кредитами самого разного качества, что важно для рынка, находящегося в начальной стадии развития<sup>21</sup>.

В конце 2023 г. об инвестициях в CIX объявила третья крупнейшая финансовая группа Японии, Mizuho, с целью развития глобального рынка углеродных кредитов и удовлетворения потребностей в кредитах японских компаний<sup>22</sup>. Инвестиции в 22 млн долл. пойдут на развитие всех платформ и услуг CIX, включая CIX Marketplace, CIX Auctions, CIX Exchange, CIX Intelligence и CIX Clear. На начало 2024 г. через площадки CIX продажи кредитов превысили 2 млн т углерода<sup>23</sup>.

<sup>20</sup> *Yep E., Yin I.* INTERVIEW: Singapore's CIX to diversify carbon credits for spot trading, build derivatives contacts. 15 June 2023. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/energy-transition/061523-interview-singapores-cix-to-diversify-carbon-credits-for-spot-trading-build-derivatives-contacts> (дата обращения: 20.12.2023).

<sup>21</sup> Nasdaq Technology Enables Climate Impact X to Build Reliability and Credibility into Carbon Trading Platform. September 21 2022. URL: <https://www.nasdaq.com/articles/nasdaq-technology-enables-climate-impact-x-to-build-reliability-and-credibility-into> (дата обращения: 20.12.2023).

<sup>22</sup> Mizuho and Climate Impact X join forces to scale international carbon credit market in Asia. November 28, 2023. URL: [https://www.mizuhogroup.com/news\\_release/20231128release\\_eng.html](https://www.mizuhogroup.com/news_release/20231128release_eng.html) (дата обращения: 20.12.2023).

<sup>23</sup> Climate Impact X secures notable S\$30m funding led by Mizuho for carbon credit exchange expansion URL: <https://fintech.global/2024/02/23/climate-impact-x-secures-notable-s30m-funding-led-by-mizuho-for-carbon-credit-exchange-expansion/> (дата обращения 20.03.2024).

В целом можно заключить, что, заявляя об ориентации на качественные углеродные кредиты, сингапурские углеродные биржи участвуют в масштабировании международной торговли кредитами. Учитывая, что рынки углерода находятся в самой начальной фазе становления, такая политика является вполне рациональной.

## Литература/References

- Жуков С.В., Резникова О.Б. Энергетический переход в США, Европе и Китае: новейшие тенденции // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4(199). С. 15–31. DOI: 10.47711/0868–6351–199–15–31
- Zhukov, S.V., Reznikova, O.B. (2023). Energy Transition in the United States, Europe and China: Latest Trends. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 34. No. 4. Pp. 439–449. (In Russ.). DOI: 10.47711/0868–6351–199–15–31
- Carvalho, M., Alvarez Campo, C. and Tewari, R. (2021). *Study of Singapore as a Carbon Services Hub – Key Findings*. South Pole Carbon Asset Management Ltd. (South Pole), Switzerland.
- Su, B., Ang, B.W., Li, Y. (2017). Input-output and structural decomposition analysis of Singapore’s carbon emissions. *Energy Policy*. Vol. 105. Pp. 484–492. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2017.03.027>
- Liu, Y., Dong, L., Fang, M.M. (2023). Advancing ‘Net Zero Competition’ in Asia Pacific under a dynamic era: a comparative study on the carbon neutrality policy toolkit in Japan, Singapore and Hong Kong. *Global Public Policy and Governance*. No. 3. Pp. 12–40. <https://doi.org/10.1007/s43508–023–00065–2>
- Chester, C.B. (2024). *Exploring Singapore’s Recent Carbon Credits Initiatives*. Cambridge Climate Society Research Journal, Forthcoming. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4703930> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4703930>
- Lau, H.C. et al. (2021). A Decarbonization Roadmap for Singapore and Its Energy Policy Implications. *Energies*. Vol. 14. Issue 20. 14, 6455. <https://doi.org/10.3390/en14206455>
- McGreevy, M., Chia, E.S. (2023). *Sustainability transitioning in a developmental state: an analysis of Singapore’s climate change mitigation and adaptation policies*. *Climate and Development*. Pp.1–17. <https://doi.org/10.1080/17565529.2023.2229779>

Статья поступила 16.05.2024

Статья принята к публикации 18.05.2024

**Для цитирования:** Копытин И.А., Резникова О.Б. Углеродные кредиты в климатической стратегии Сингапура // ЭКО. 2025. № 1. С. 35–44. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2025–1–35–44

## Информация об авторах

Копытин Иван Александрович (Москва) – кандидат экономических наук, доцент.  
Центр энергетических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.  
E-mail: [kopytin@imemo.ru](mailto:kopytin@imemo.ru); ORCID: 0000–0002–7824–2670

Резникова Оксана Бениаминовна (Москва) – кандидат исторических наук.  
Центр энергетических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.  
E-mail: [rezhana@yandex.ru](mailto:rezhana@yandex.ru); ORCID: 0000–0002–9742–5026

## Summary

*I.A. Kopytin, O.B. Reznikova*

### **Carbon Credits in Singapore's Climate Strategy**

**Abstract.** Singapore's National Climate Strategy aims to transform the country into a regional and global hub for the export of environmental services, including carbon credit trading. The strategy is aimed at maintaining Singapore's position as one of the world's centers of manufacturing industry, which is the country's largest emitter of greenhouse gases. While Singapore has already largely exhausted its renewable energy options, industrial companies see carbon credits as an important tool for decarbonization and demethanization. In parallel, Singapore is actively involved in scaling up the global carbon credit trade. In various scenarios Singapore's added value from carbon trading services could reach \$1.8–\$5.6 billion by 2050.

**Keywords:** *carbon credits; carbon offsets; greenhouse gas emission tax; carbon exchanges; climate projects; Paris Climate Agreement; Singapore*

**For citation:** Kopytin, I.A., Reznikova, O.B. (2025). Carbon Credits in Singapore's Climate Strategy. *ECO*. No. 1. Pp. 35–44. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–35–44

### **Information about the authors**

*Kopytin, Ivan Alexandrovich* (Moscow) – Candidate of Economic Sciences.

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS.

E-mail: kopytin@imemo.ru; ORCID: 0000–0002–7824–2670

*Reznikova, Oksana Beniaminovna* (Moscow) – Candidate of Historical Sciences.

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS.

E-mail: rezxana@yandex.ru; ORCID: 0000–0002–9742–5026

# Развитие рынков углерода в Индии

**М.В. Синицын**

УДК: 338 JEL: Q50, Q54, Q58

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-45-54

**Аннотация.** Индия приняла на себя большие обязательства по снижению выбросов парниковых газов в рамках Парижского соглашения, в ней действует второй по размеру добровольный рынок углерода. В работе показано, что заявленные обязательства не могут быть выполнены без значительного ускорения развития энергетики ВИЭ и ускорения декарбонизации экономики при обложении углеродным налогом ископаемых видов топлива. Однако такой сценарий вступает в противоречие с задачами стимулирования экономического роста и борьбы с бедностью, а потому маловероятен. Правительство Индии стремится организовать национальный рынок углерода с низкими ценами и избыточным предложением, который будет признан ЕС, чтобы снизить национальным компаниям плату в рамках СВМ. Дополнительно будет создан канал трансфера технологий и привлечения иностранных инвестиций.

**Ключевые слова:** рынки углерода; плата за углерод; трансграничное углеродное регулирование; Индия

Индия – третья по размеру экономика мира, входит также в тройку лидеров по объему эмиссии парниковых газов. Страна принимает участие во всех основных экологических инициативах ООН: в 1993 г. она ратифицировала Рамочную конвенцию ООН об изменении климата, в 2002 г. – Киотский протокол, в 2016 г. – Парижское соглашение. Премьер-министр Н. Моди объявил о намерении достичь «нулевых» выбросов индийской экономики к 2070 г.<sup>1</sup> Для реализации этой цели правительство Индии активно развивает механизмы по снижению выбросов CO<sub>2</sub>, но отстаивает право страны продвигаться в построении низкоуглеродной экономики своим темпом и настаивает на получении финансовой помощи от развитых стран для осуществления «справедливого энергоперехода»<sup>2</sup>.

## Обязательства Индии по Парижскому соглашению

Первоначальные обязательства Индии в рамках Парижского соглашения (ОНУВ – определяемый на национальном уровне вклад) включали снижение углеродоемкости ВВП к 2030 г. на 33–35% по сравнению с 2005 г. и увеличение доли генерации на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в совокупных установленных мощностях до 40%<sup>3</sup>. В 2022 г. ОНУВ был обновлен:

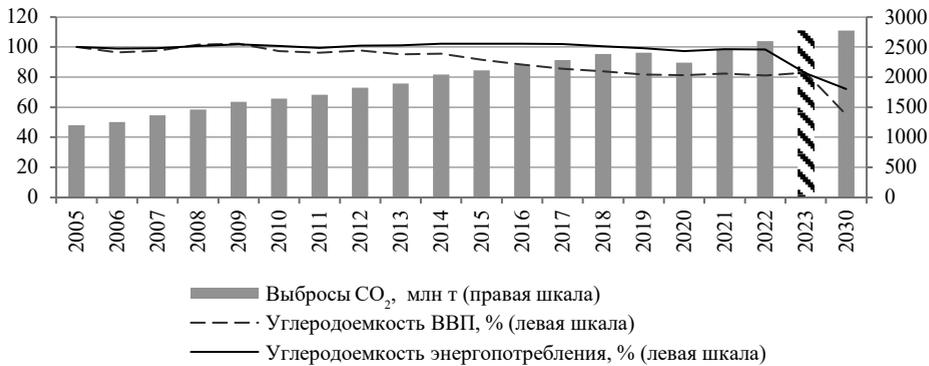
<sup>1</sup> Narendra Modi pledges India will reach net zero emissions by 2070. Nov. 1, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/nov/01/narendra-modi-pledges-india-will-reach-net-zero-emissions-by-2070> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>2</sup> India's just energy transition is more than a coal story. Feb. 6, 2023. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/lead/indias-just-energy-transition-is-more-than-a-coal-story/article66474905.ece> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>3</sup> India's intended nationally determined contribution: working towards climate justice. URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022-06/INDIA%20INDC%20TO%20UNFCCC.pdf> (дата обращения: 08.05.2024).

Индия обязалась снизить углеродоемкость экономики на 45%, а долю ВИЭ в установленных мощностях увеличить до 50%<sup>4</sup>.

По нашему мнению, выполнение этих обязательств маловероятно. В 2005–2022 гг. углеродоемкость индийского ВВП снизилась всего на 19% (рис. 1), можно ожидать, что при сохранении прежней тенденции к 2030 г. она сократится на 33–35% от уровня 2005 г., как предполагалось первоначальным ОНУВ, но уменьшение на большую величину вряд ли возможно. Хотя установлено, что для развивающихся стран в целом нет прямой зависимости между энергопотреблением и экономическим ростом [Mutumba et al., 2021], Индия находится на начальной стадии быстрого подъема экономики, на которой экономическая активность очень тесно связана с энергопотреблением как в кратко-, так и в долгосрочной перспективе [Рева, 2019]. При этом для индийской энергетики характерен обгоняющий рост угольной генерации, из-за чего углеродоемкость энергопотребления после 2005 г. практически не меняется, а для выполнения цели к 2030 г. необходимо снизить ее на 26% от текущего уровня.



**Источник рис. 1,2.** Расчет по данным World Bank, Energy Institute, IRENA, ИМЭМО РАН и национальным обязательствам Индии.

Рис. 1. Индия: динамика углеродоемкости в 2005–2030 гг., 2005 г. = 100

Первоначально руководство страны заявляло о намерении построить до 450 ГВт мощностей ВИЭ<sup>5</sup>, затем план был увеличен до 500 ГВт<sup>6</sup> (рис. 2). Эти обязательства вряд ли могут быть выполнены, исходя из того, что на 2022 г. все совокупные установленные мощности страны составили всего 479 ГВт.

<sup>4</sup> India’s Updated First Nationally Determined Contribution under Paris Agreement (2021–2030). URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022-08/India%20Updated%20First%20Nationally%20Determined%20Contrib.pdf> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>5</sup> India’s 450GW renewable energy goal depends on power flexibility scaling. By EPR Magazine Editorial May 10, 2023. URL: <https://www.eprmagazine.com/green-zone/indias-450gw-renewable-energy-goal-depends-on-power-flexibility-scaling/#:~:text=India%20is%20committed%20to%20increasing,planning%20for%20a%20flexible%20generation> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>6</sup> Индия станет углеродно-нейтральной к 2070 г. – Модри. RenEn. 03.11.2021. URL: <https://renew.ru/indiya-stanet-uglerodno-nejtralnoj-k-2070-g-modri> (дата обращения: 08.05.2024).

## Развитие рынков углерода в Индии

При этом Индия продолжает опираться на дешевую угольную энергетику. По данным Global Energy Monitor, на начало 2024 г. ее угольные мощности составляли 237 ГВт, выдано разрешений на строительство 30,7 ГВт, и поданы заявки еще на 46 ГВт угольных мощностей<sup>7</sup>. Национальное министерство энергетики периодически требует от коммунальных компаний продлевать эксплуатацию старых угольных электростанций<sup>8</sup>. Национальный план электроснабжения на 2022–2027 гг. предполагает прирост угольной генерации 33,2 ГВт и после 2027 г. – 9,4 ГВт<sup>9</sup>.



Рис. 2. Индия: динамика мощностей ВИЭ в 2015–2030 гг., ГВт

Параллельно предпринимаются усилия по повышению уровня депонирования углерода. Политика Индии по восстановлению лесов демонстрирует высокие результаты [Дорохина, Сахаров, 2023]. Она включает национальную программу по субсидированию лесопосадок (в 2016–2020 гг. на эти работы было перечислено 37 млрд долл. [Busch et al., 2021]), использование механизма компенсационного фонда (инфраструктурные компании платят за использование лесных земель для строительства), специальные меры по предотвращению лесных пожаров.

Но хотя площадь лесов в Индии увеличилась с 64 млн га в 1990 г. до 72 млн га в 2020 г.,<sup>10</sup> текущих темпов лесовосстановления недостаточно для выполнения ОНУВ по созданию поглотителя углерода в объеме от 2,5 до 3 млрд т CO<sub>2</sub>-экв. за счёт дополнительного лесного и древесного покрова. При максимальных исторических темпах увеличения площади лесов (1990–2000 гг.) к 2030 г. удастся увеличить объем поглощения всего на 1 млрд т CO<sub>2</sub>-экв<sup>11</sup>. По оценке ФАО, все азиатские страны

<sup>7</sup> Global Coal Plant Tracker. URL: <https://globalenergymonitor.org/projects/global-coal-plant-tracker/summary-tables> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>8</sup> India asks utilities to not retire coal-fired power plants till 2030 – notice. Reuters. 30.01.2023. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/india-asks-utilities-not-retire-coal-fired-power-plants-till-2030-notice-2023-01-30> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>9</sup> National electricity plan. Government of India. Jul 2022. URL: [https://cea.nic.in/wp-content/uploads/irp/2022/09/DRAFT\\_NATIONAL\\_ELECTRICITY\\_PLAN\\_2022\\_27\\_JULY\\_2022\\_COMPRESSED\\_FINAL-1.pdf](https://cea.nic.in/wp-content/uploads/irp/2022/09/DRAFT_NATIONAL_ELECTRICITY_PLAN_2022_27_JULY_2022_COMPRESSED_FINAL-1.pdf) (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>10</sup> ФАО. 2021. Глобальная оценка лесных ресурсов 2020 года – Основной отчет. Рим. <https://doi.org/10.4060/ca9825ru>

<sup>11</sup> Расчет по данным ФАО. 2021. Глобальная оценка лесных ресурсов 2020 года и [Roe et al., 2021].

обладают экономически эффективным потенциалом лесовосстановления в 0,7 млрд т CO<sub>2</sub>-экв. и техническим – 2,6 млрд т CO<sub>2</sub>-экв., что является нижней целевой границей Индии. В этой части планы ОНУВ Индии также выглядят утопическими.

### **Действующие механизмы по уменьшению выбросов**

Механизмы по уменьшению выбросов, которые были положены в основание регулируемого рынка углерода Индии, созданы в кооперации с европейскими и американскими организациями.

В 2012 г. с помощью Министерства энергетики и МИДа Великобритании [Дорохина, Сахаров, 2023] была разработана и имплементирована схема РАТ (от Perform Achieve Trade – «Осуществляй, достигай и продавай»), в рамках которой компании, добившиеся снижения энергопотребления больше утвержденного Бюро энергоэффективности Минэнерго плана, получают белые сертификаты для продажи на национальных энергетических биржах (Indian Energy Exchange и Power Exchange India).

За прошедшие с тех пор годы количество участвующих в схеме компаний увеличилось с 0,5 тыс. до 1,1 тыс. в 13 отраслях (ТЭС, производство цемента, алюминия, чугуна и стали, удобрений, целлюлозно-бумажная промышленность, хлорно-щелочная отрасль, НПЗ, нефтехимия, дистрибьюторские услуги, железнодорожные перевозки, текстильная промышленность и коммерческие здания (отели и аэропорты)), на которые приходится 50% энергопотребления страны.

Однако у этой системы есть своего рода изъяны. Так, в рамках программы разрабатываются трехлетние планы по сокращению выбросов, что приводит к концентрации торгов сертификатами на конец периода с вытекающими отсюда проблемами цикличности. Кроме того, слишком мягкие ограничения приводят к избытку предложения, в результате цена белых сертификатов снизилась настолько, что электростанции предпочитали покупать их, а не устанавливать энергосберегающее оборудование<sup>12</sup>.

В 2022 г. администрация штата Гуджарат объявила, что готовит запуск регионального рынка углерода на основе опыта площадки по торговле сертификатами Particle Pollution (загрязнения воздуха взвешенными частицами)<sup>13</sup>, запущенной в городе Сурат в 2019 г.<sup>14</sup> при поддержке Института энергетической политики Чикагского университета<sup>15</sup>.

Добровольный рынок углерода в Индии развивается при активном содействии компаний Verra (США) и Gold Standard (Швейцария).

<sup>12</sup> Oxford Institute for Energy Studies. Building the Indian Carbon Market: A Work in Progress. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep49373> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>13</sup> Gujarat to launch India's first carbon trading market among large polluters. Hindustan Times. May 24, 2022. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/gujarat-to-launch-india-s-first-carbon-trading-market-among-large-polluters-101653415939802.html> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>14</sup> The Gujarat plans a cap and trade market for carbon emissions. The Times of India. May 23, 2022. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/gujarat-plans-a-cap-and-trade-market-for-carbon-emissions/articleshow/91749291.cms> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>15</sup> Using Markets to Confront Pollution and Climate Change in India. EPIC. Jun 06, 2022. URL: <https://epic-staging.uchicago.edu/insights/using-markets-to-confront-pollution-and-climate-change-in-india> (дата обращения: 08.05.2024).

## Добровольный рынок углерода

Индия занимает второе место в мире по объему финансирования проектов в рамках механизмов чистого развития<sup>16</sup>, а также по обороту на добровольных рынках углерода: в 2010–2022 гг. в обращение были выпущены 278 млн углеродных единиц (17% мирового рынка)<sup>17</sup>. В 2022 г. три из топ-15 компаний, выпускающих углеродные кредиты, были индийскими<sup>18</sup>. При этом национальный рынок можно считать довольно диверсифицированным: на 12 крупнейших эмитентов из сектора возобновляемых источников энергии (ВИЭ) приходится 57% от объема кредитов, выпущенных сектором, на 12 крупнейших в остальных секторах – 36% [Dev, Krishnamurthy, 2023].

Пик мирового выпуска углеродных единиц в Индии пришелся на 2020–2021 гг. (рис. 3). Из-за избытка предложения цены кредитов не превышали 3 долл./т CO<sub>2</sub>-экв.; выкуплено было около половины выпуска на общую сумму 0,652 млрд долл. (при объеме эмиссии 1,2 млрд долл.)<sup>19</sup>.



**Источник.** MSCI Carbon Markets.

Рис. 3. Объем выпущенных углеродных единиц на добровольных рынках в 2005–2024 гг., млн т CO<sub>2</sub>-экв.

Особенность рынка углеродных кредитов Индии – высокая доля в его структуре проектов возобновляемой энергетики (рис. 4), что связано с обязательным

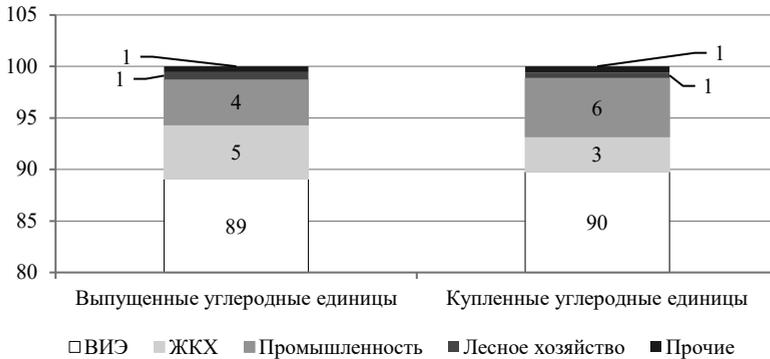
<sup>16</sup> Oxford Institute for Energy Studies. Building the Indian Carbon Market: A Work in Progress. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep49373> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>17</sup> Explore S&P Global. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/energy-transition/063023-indias-national-carbon-market-to-look-for-links-with-international-registries> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>18</sup> Abatable. URL: <https://www.abatable.com/reports/voluntary-carbon-markets-developers-overview-2022> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>19</sup> What are carbon markets? Mongabay. 27 dec, 2023. URL: <https://india.mongabay.com/2023/12/explainer-what-are-carbon-markets> (дата обращения: 08.05.2024).

требованием для компаний о выкупе определенной доли «зеленой» электроэнергии (ее размер варьирует в зависимости от штата, отрасли, размеров компании и пр.). Так, с 1 апреля 2023 г. для новых тепловых электростанций эта доля увеличена до 40%<sup>20</sup>. Впрочем, региональные правительства зачастую снижают требования в ответ на жалобы энергетических компаний.



**Источник.** Berkeley Carbon Trading Project's Voluntary Registry Offsets Database. URL: <https://gspp.berkeley.edu/research-and-impact/centers/cepp/projects/berkeley-carbon-trading-project/offsets-database>

Рис. 4. Индия: структура офсетов на 31.12.2023 г., %

### Регулируемый рынок углерода

Введение Европейским союзом механизма СВАМ (Carbon Border Adjustment Mechanism) ускорило развитие регулируемого рынка углерода в Индии: на страны ЕС приходится 26% индийского экспорта отраслей, попадающих под действие СВАМ<sup>21</sup>. Еще до запуска национального регулируемого рынка углерода Индия попросила ЕС признать ее будущую схему торговли углеродными единицами<sup>22</sup>.

В 2021 г. был опубликован проект структуры национального углеродного рынка (CCTS – Carbon Credit Trading Scheme), содержащий планы поэтапного внедрения национальной системы квотирования выбросов и развития обязательного углеродного рынка. Предполагалось, что в его систему будут переведены все предприятия из 13 отраслей, охваченных схемой РАТ. Последняя будет действовать до 2026 г. с возможностью обменять белые сертификаты на углеродные единицы после запуска национального углеродного рынка.

<sup>20</sup> Power Min mandates 40% renewable purchase obligation for thermal plants. Business Standard. Nov. 22, 2024/ URL: [https://www.business-standard.com/article/current-affairs/power-min-mandates-40-renewable-purchase-obligation-for-thermal-plants-123030700741\\_1.html](https://www.business-standard.com/article/current-affairs/power-min-mandates-40-renewable-purchase-obligation-for-thermal-plants-123030700741_1.html) (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>21</sup> India Challenges EU's Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM). CarbonCredit. March 10, 2024. URL: <https://carboncredits.com/india-challenges-eus-carbon-border-adjustment-mechanism-cbam> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>22</sup> India asks European Union to recognise its carbon credit trading scheme. The Economic Times. May 07, 2023. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/indl-goods/svs/steel/india-asks-european-union-to-recognise-its-carbon-credit-trading-scheme/articleshow/100056949.cms> (дата обращения: 08.05.2024).

Но параметры схемы торговли углеродными кредитами до сих пор остаются крайне неопределенными. Так, в сентябре 2023 г. сообщалось о том, что охват отраслей уменьшен до четырех (нефтехимия, металлургия, цементная и целлюлозно-бумажная отрасли)<sup>23</sup>, в декабре был опубликован проект, где фигурировали уже семь отраслей (ТЭС, производство цемента, алюминия, чугуна и стали, удобрений, хлорно-щелочная отрасль, железные дороги)<sup>24</sup>. Первоначально предполагались два варианта системы: квотирование для обязанных организаций и добровольная система для удаляющих и поглощающих парниковые газы проектов, но в 2022 г. правительство отказалось от идеи развивать добровольный рынок<sup>25</sup> и намеревалось запретить экспорт углеродных кредитов<sup>26</sup>. В 2024 г. все же было принято решение учитывать кредиты с добровольного рынка на регулируемом<sup>27</sup>, хотя не более 5–10% от объема последнего<sup>28</sup>.

Но есть и параметры, которые остаются неизменными при всех вариантах проекта. Так, в отличие от европейской и американской систем торговли выбросами, в Индии будут устанавливаться целевые показатели интенсивности выбросов парниковых газов, а не их абсолютный порог. Иностранные инвесторы получают право на углеродные кредиты по своим проектам только при условии использования передовых технологий, не имеющих аналогов в Индии<sup>29</sup>.

Правительство страны стремится к созданию рынка углерода, который, с одной стороны, будет признан ЕС и позволит индийским компаниям оплачивать выбросы парниковых газов в рамках национальной экономики, с другой – цены на нем должны быть относительно низкими, не подрывающими конкурентоспособность индийского бизнеса и возможности экспорта углеродных кредитов. Дополнительными опциями являются возможности привлечения иностранных инвестиций и стимулирования сектора ВИЭ. Решить проблему низкой востребованности на рынках углерода лесных проектов, в рамках предлагаемого подхода вряд ли удастся. Для этого правительству

---

<sup>23</sup> India to set emission reduction mandates for 4 sectors, to start carbon trading from 2025. Reuters. Set 26, 2023. URL: <https://www.reuters.com/sustainability/climate-energy/india-set-emission-reduction-mandates-4-sectors-start-carbon-trading-2025-2023-09-26> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>24</sup> Detailed Procedure for Compliance Mechanism under CCTS. Bureau of Energy Efficiency. Oct. 2023. URL: [https://cer.iitk.ac.in/odf\\_assets/upload\\_files/blog/Draft\\_Compliance\\_Procedure\\_October\\_2023.pdf](https://cer.iitk.ac.in/odf_assets/upload_files/blog/Draft_Compliance_Procedure_October_2023.pdf) (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>25</sup> URL: [https://india-re-navigator.com/public/tender\\_uploads/wind\\_utility\\_policy-6424292d1dbb3.pdf](https://india-re-navigator.com/public/tender_uploads/wind_utility_policy-6424292d1dbb3.pdf) (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>26</sup> Bloomberg URL: <https://www.bloomberg.com/tosv2.html?vid=&uuiid=7a0606cb-0ba8-11ef-b082-1eeb1fa14a36&url=L25ld3MvYXJ0aWNsZXRMvMjAyMi0wOC0wOC9pbmRpYS10by1zdG9wLWNhcmJvbi1jcmVkaXQtZXhwb3J0cy1lbnRpbC1jbGltYXRILWdvYWxzLWVhZS1tZXQ=> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>27</sup> India Revises Its Carbon Credit Trading Scheme for Voluntary Players. Carbon Credit. Feb 22, 2024. URL: <https://carboncredits.com/india-revises-its-carbon-credit-trading-scheme-for-voluntary-players> (дата обращения: 08.05.2024).

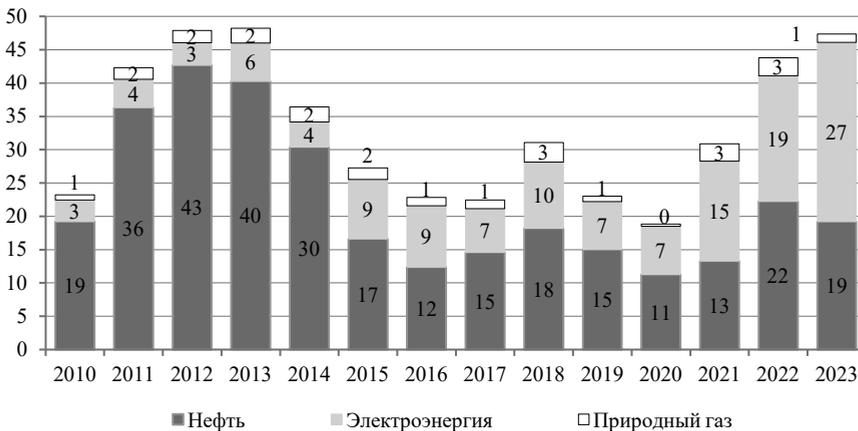
<sup>28</sup> For full access to real-time updates, breaking news, analysis, pricing and data visualization subscribe today. Explore S&P Global. 20 dec 2023. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/energy-transition/122023-india-announces-domestic-voluntary-carbon-market-scheme> (дата обращения: 08.05.2024).

<sup>29</sup> Oxford Institute for Energy Studies. Building the Indian Carbon Market: A Work in Progress. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep49373> (дата обращения: 08.05.2024).

необходимо добиться прогресса в обеспечении прав на землю и разработке механизмов распределения полученных доходов [Roy, Bhan, 2023]. Частично может помочь реализация Программы зеленого кредитования<sup>30</sup>, но при низких ценах на углерод лесные проекты все равно будут менее привлекательны, чем ВИЭ.

### Влияние платы за углерод на экономику

Введение платы за углерод, по мнению автора, не окажет существенного влияния на энергопотребление. Во-первых, правительство продолжает его субсидировать (особенно в части потребления нефтепродуктов и электроэнергии) в рамках борьбы с бедностью; кроме того, правительства штатов зачастую регулируют цены. В среднем в Индии субсидии составляют 13% от цены на энергоресурсы для конечного пользователя, что в 2023 г. дало в сумме 47 млрд долл. (рис. 5). Во-вторых, в условиях экономического подъема спрос на энергоресурсы неэластичен к цене как в целом в экономике [Das et al., 2007], так и в транспортном секторе [Yadav et al., 2024]. По оценкам, только введение платы за углерод в размере 25 долл. на все виды ископаемого топлива могло бы привести к снижению их потребления [Sen, Sahoo, 2024], но такой сценарий маловероятен.



**Источник.** EIA Fossil Fuel Subsidies Database. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/fossil-fuel-subsidies-database#subsidies-database>

Рис. 5. Индия: динамика энергетических субсидий в 2010–2023 гг., млрд долл. 2023 г.

\*\*\*

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что обновленные обязательства Индии по Парижскому соглашению носят декларативный характер и обусловлены стремлением получить финансовую помощь от развитых стран. Выполнение обязательств маловероятно, поскольку в высшем приоритете

<sup>30</sup> Green Credit Rules, 2023. Ministry of environmentto 12.10.2023. URL: <https://egazette.gov.in/WriteReadData/2023/249377.pdf> (дата обращения: 08.05.2024).

у руководства страны остаются поддержание конкурентоспособности национальных компаний и борьба с бедностью, что невозможно при сворачивании энергетических субсидий и установлении значительной платы за углерод. Индия не будет ограничивать свою энергетику и дестимулировать экономический рост, отказываясь от дешевого отечественного угля.

Быстрое развитие добровольного рынка углерода в стране было вызвано главным образом активностью американских и европейских компаний, предоставляющих услуги на углеродных рынках. В основу регулируемого рынка углерода также положены системы, разрабатываемые при содействии западных партнеров. Иностранные компании заинтересованы в развитии индийского рынка углерода, второго по объему в мире, как экспортера дешевых углеродных кредитов.

Регулируемая система торговли выбросами возникла как реакция на европейский механизм СВМ и, вероятно всего, будет развиваться медленно. Правительство заинтересовано в создании рынка углерода, который будет признан ЕС, но постарается сдерживать цены на нем, чтобы не подрывать конкурентоспособность национальных компаний. Особое внимание будет уделяться созданию возможностей для трансфера технологий, привлечения иностранных инвестиций в сектор ВИЭ и лесного хозяйства.

Введение платы за углерод в рамках регулируемого рынка не окажет существенного влияния на энергопотребление. Рост последнего обусловлен увеличивающимся спросом в условиях подъема экономики и поддерживается благодаря регулированию цен и масштабным субсидиям.

### Литература/References

- Дорохина К.М., Сахаров А.Г. Политика Индии в области смягчения последствий изменения климата: трудности и перспективы // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 4. С. 96–123. DOI:10.17323/1996–7845–2023–04–04
- Dorokhina, K., Sakharov, A. (2023). India's Climate Mitigation Policy: Challenges and Prospects. *International Organisations Research Journal*. Vol. 18. No. 4. Pp. 96–123. (In Russ.). DOI:10.17323/1996–7845–2023–04–04
- Рева А.Р. Связь между потреблением энергии и ВВП. Эластичность потребления первичной энергии в Индии // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 4А. С. 371–383.
- Reva, A.R. (2019). The Relationship between Primary Energy Consumption and GDP. Elasticity of primary energy consumption in India. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. Vol. 9 (4A). Pp. 371–383. (In Russ.).
- Busch, J., Ring, I., Akullo, M., Amarjargal, O., Borie, M., Cassola, R.S., Cruz-Trinidad, A. et al. (2021). A global review of ecological fiscal transfers. *Nature Sustainability*. Vol. 4(9). Pp. 756–765. DOI: 10.1038/s41893–021–00728–0
- Das, S., Mukhopadhyay, D., Pohit, S. (2007). Role of Economic Instruments in Mitigating Carbon Emissions: An Indian Perspective. *Economic and Political Weekly*. Vol. 42(24). Pp. 2284–2291. URL: <http://www.jstor.org/stable/4419710> (available at: 08.05.2024).
- Dev, T., Krishnamurthy, R. (2023). *The Voluntary Carbon Market in India: Do People and Climate Benefit?* Centre for Science and Environment, New Delhi, 124 p.
- Mutumba, G., Odongo, T., Okurut, F., Bagire, V. (2021). A survey of literature on energy consumption and economic growth. *Energy Reports*. Vol. 7. Pp. 9150–9239. DOI: 10.1016/j.egy.2021.10.107.

- Roe, S., Streck, C., Beach, R., Busch, J., Chapman, M., Daioglou, V., Deppermann, A., Doelman, J., Emmet-Booth, J., Engelmann, J., Fricko, O., Frischman, C., Funk, J., Grassi, G., Griscom, B.W., Havlik, P., Hanssen, S., Humpenöder, F., Landholm, D., Lawrence, D. (2021). Land-based measures to mitigate climate change: potential and feasibility by country. *Global Change Biology*. Vol. 27 (1). Pp. 1–34. DOI: 10.1111/gcb.15873
- Roy, A., Bhan, M. (2023). Forest carbon market-based mechanisms in India: Learnings from global design principles and domestic barriers to implementation. *Ecological Indicators*. DOI: 158. 10.1016/j.ecolind.2023.111331
- Sen, S., Sahoo, P. (2024). Carbon pricing for sustainable transition in India. *World Development Perspectives*. Vol. 34. 100586. DOI: 10.1016/j.wdp.2024.100586
- Yadav, P., Kanjilal, K., Dutta, A., Ghosh, S. (2024). Fuel demand, carbon tax and electric vehicle adoption in India's road transport. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. Vol. 127. 104010. DOI: 10.1016/j.trd.2023.104010

Статья поступила 16.05.2024

Статья принята к публикации 25.05.2024

**Для цитирования:** *Синицын М.В.* Развитие рынков углерода в Индии // ЭКО. 2025. № 1. С. 45–54. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–45–54

#### Информация об авторе

*Михаил Владимирович Синицын* (Москва) – научный сотрудник.  
Центр энергетических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.  
E-mail: sinitsyn@imemo.ru; ORCID: 0000–0001–5630–0799

#### Summary

*M.V. Sinitsyn*

#### Development of Carbon Markets in India

**Abstract.** India has made significant commitments to reduce greenhouse gas emissions under the Paris Agreement and has the second largest voluntary carbon market. The paper demonstrates that these commitments cannot be met without significant acceleration of renewable energy development and rapid decarbonization of the economy while imposing a carbon tax on fossil fuels. However, this scenario contradicts the objectives of stimulating economic growth and poverty alleviation, and thus is unlikely. The Indian government is committed to establishing a national carbon market with low prices and oversupply, which will be recognized by the EU, in order to reduce the CBAM charge to national companies. In addition, a channel for technology transfer and raising foreign investment will be created.

**Keywords:** *carbon markets; carbon fee; cross-border carbon regulation; India*

**For citation:** Sinitsyn, M.V. (2025). Development of Carbon Markets in India. *ECO*. No.1. Pp. 45–54. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–45–54

#### Information about the author

*Sinitsyn, Mikhail Vladimirovich.* (Moscow) – Research Associate.  
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS.  
E-mail: sinitsyn@imemo.ru; ORCID: 0000–0001–5630–0799

# Метизная отрасль России: вызовы и возможности в неравной борьбе с импортом

**Н.Н. Яшалова, Д.М. Тавриков**

УДК 330.35

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-55-70

**Аннотация.** На основе анализа статистических данных проведена оценка современного состояния отечественной метизной промышленности до и после введения антироссийских санкций. Выявлено, что в России имеется избыток производственных мощностей для выпуска метизной продукции, однако их полной загрузке и развитию отрасли препятствуют низкий спрос на внутреннем рынке, растущий импорт, в том числе высокотехнологичных метизов, и резкое сокращение экспортных возможностей начиная с 2021 г. Эти обстоятельства приводят к дальнейшему снижению загрузки российских предприятий, потере доходности, препятствуют развитию отрасли. Для защиты внутреннего рынка и поддержания отечественных производителей предложен ряд мер: введение импортных квот и пошлин, поддержка экспортной деятельности, снятие транспортных ограничений на перевозку продукции. Результаты исследования могут быть интересны ученым и практикам, изучающим проблемы отраслевой экономики.

**Ключевые слова:** метизная отрасль; статистический анализ; рынок метизов; экспорт; импорт; санкции; защита рынка; поддержка отрасли

## Введение

В обеспечении экономического роста страны активную роль играет обрабатывающая промышленность, на долю которой в Российской Федерации приходится более 60%, а в развитых странах – 90% промышленного сектора экономики. В состав обрабатывающей промышленности входит свыше трехсот отраслей народного хозяйства, задачи которых связаны с переработкой сырья в готовую продукцию.

Большинство предприятий обрабатывающих отраслей отличает высокая ресурсо-, фондо- и энергоемкость, они очень требовательны к качеству трудовых ресурсов. Обрабатывающий сектор – источник технологической мощи государства, он обеспечивает увеличение производительности, инноваций и международной торговли. На современном этапе сокращение или сжатие обрабатывающего сектора вновь рассматривается как один из признаков экономического упадка [Кондратьев, 2013].

К числу хронических проблем отечественного обрабатывающего сектора можно отнести высокую степень износа и низкую скорость обновления основных фондов, недостаток инвестиционных ресурсов, технологическое отставание от зарубежных конкурентов, высокую импортозависимость по оборудованию и комплектующим, в последние годы на волне антироссийских санкций к этому добавились проблемы с доступом к передовым западным технологиям и оборудованию, необходимость переориентации торговых отношений в пользу Китая, стран Центральной Азии, Белоруссии и других дружественных государств [Лукина, 2023].

Метизная промышленность является одной из обрабатывающих подотраслей черной металлургии (4-й передел). Ее номенклатура включает в себя сотни наименований и десятки тысяч типоразмеров различных изделий (проволоки, гвоздей,

болтов, шурупов, калиброванного проката, сеток, электродов и др.), при изготовлении которых используется бунтовой или прутковый металлопрокат широкого марочника сталей, выпускаемых предприятиями черной металлургии. Численность занятых – около 20 тыс. чел.

Метизная продукция используется практически во всех сферах хозяйственной деятельности<sup>1</sup>, но основными потребителями выступают строительство, автомобильная промышленность и машиностроение.

Будущее метизной промышленности оценивается зарубежными аналитиками в целом оптимистично: только мировой рынок оцинкованной стальной проволоки, по прогнозам, к 2030 г. достигнет примерно 0,7 млрд долл. при среднегодовом темпе роста 4,1%<sup>2</sup>. Однако далеко не все производители смогут использовать этот рост для своего развития. География производства метизных изделий все больше смещается в развивающиеся страны, которые могут обеспечить массовый и дешевый выпуск изделий и занять существенную долю рынка.

Российская обрабатывающая промышленность в последние годы столкнулась с масштабным санкционным давлением, усиление которого произошло в 2022 г. Санкции вызвали отток иностранных компаний и ресурсов из страны, разрушили многие устоявшиеся производственные и торговые связи, технологические и логистические цепочки, создали проблемы в обслуживании импортной техники и т.д. Разработка мер по противодействию негативным последствиям санкционных ограничений превратилась в актуальную задачу для научного и бизнес-сообщества [Shchpeleva et al., 2024; Bali, Rapelanoro, 2021].

Метизная отрасль хотя и не стала прямой мишенью санкционного воздействия, в отличие, например, от отраслей ВПК, нефте- и газодобычи, все же серьезно пострадала как часть металлургического комплекса. Цель настоящего исследования – проследить тренды ее развития до и после введения санкций и сформулировать практические рекомендации по стимулированию внутреннего производства.

## **Что из себя представляет отечественная метизная промышленность**

Крупнейшими производителями метизной продукции в России являются дочерние предприятия или подразделения металлургических холдингов: несколько заводов, входящих в группу «Северсталь» (ССМ) и ПАО «Мечел», а также ОАО «ММК-Метиз», ООО «Абинский электрометаллургический завод» (АЭМЗ), ООО «ПромСорт-Метиз» (ранее «НЛМК-Метиз»), ОАО «ЕВРАЗ ЗСМК» (табл. 1). Они контролируют более 90% отечественного рынка метизной продукции, являются учредителями Ассоциации производителей металлических изделий «Промметиз» (независимого эксперта Минпромторга России по метизному сегменту промышленности)<sup>3</sup>. Оставшиеся 10% рынка делят между собой малые и средние предприятия.

<sup>1</sup> Подробнее см.: Ассоциация «Промметиз». URL: <https://www.asmetiz.ru/>;  
Как создавался фундамент сегодняшних метизных производств? URL: <https://www.alfa-ars.ru/lp/stati/kaksozdavalsyafundamentsegodnyashnikhmetiznykhproizvodstv2642018/>

<sup>2</sup> Galvanized Steel Wire Market Report: Trends, Forecast and Competitive Analysis to 2030. URL: <https://www.lucintel.com/galvanized-steel-wire-market.aspx>

<sup>3</sup> Ассоциация «Промметиз». URL: <https://www.asmetiz.ru/>

Таблица 1. Крупнейшие компании метизного бизнеса в РФ

Мажоритарный акционер	Материнская компания	Степень обеспеченности собственным подкастом от материнской компании	Основной вид производимых метизных изделий	Объем продаж в 2022 г., тыс. т
СМ:	<i>ОАО «Северсталь метиз»</i> (г. Череповец, Вологодская область, СЗФО), основано в 1965 г.; <i>ОАО «Северсталь канаты»</i> (г. Волгоград, Волгоградская область, ЮФО), основано в 1954 г.; <i>ООО «Орловский сталепрокатный завод»</i> (г. Орел, Орловская область, ЦФО), основано в 1967 г.			
А.А. Мордашов (77%)	ПАО «Северсталь»	Очень высокая (выше 85%)	Канаты, высокопрочные профили, сетчатые изделия, ж/д крепеж, калибровка, высокоуглеродистая и низкоуглеродистая проволока, гвозди, крепеж	475,3
«Мечел»:	<i>ОАО «Белорецкий металлургический комбинат»</i> (г. Белорецк, Республика Башкортостан, ПФО), цех метизов основан в 1911 г.; <i>ОАО «Вятский метизный завод»</i> (пос. Вятск, Республика Карелия, СЗФО), цех метизов основан в 1898 г.			
И.В. Зюзин (50,2%)	ПАО «Мечел»	Полная	Канаты, высокоуглеродистая и низкоуглеродистая проволока, гвозди	473,9
ММК:	<i>ОАО «ММК-МЕТИЗ»</i> (г. Магнитогорск, Челябинская область, УрФО), основано в 1942 г.			
В.Ф. Рашников (84%)	ПАО «ММК»	Полная	Канаты, ж/д крепеж, калибровка, высокоуглеродистая и низкоуглеродистая проволока, гвозди, крепеж, сетчатые изделия	354,2
ООО «ПРОМСОРТ-МЕТИЗ»:	до 2023 г. <i>ООО «НЛМК-МЕТИЗ»</i> (г. Березовский, Свердловская область, УФО), цех метизов основан в 1976 г.			
В.С. Лисин (84%)	ПАО «НЛМК»	Полная	Низкоуглеродистая проволока, гвозди, крепеж	273,7
«ЕВРАЗ»:	<i>ОАО «ЕВРАЗ Объединенный Западно-Сибирский металлургический комбинат»</i> (г. Новокузнецк, Кемеровская область, СФО), цех метизов основан в 1971 г.			
Р.А. Абрамович (29%), А.Г. Абрамов (19%)	ПАО «ЕВРАЗ»	Полная	Низкоуглеродистая проволока, гвозди	218,3
АЭМЗ:	<i>ООО «Абинский электрометаллургический завод»</i> (г. Абинск, Краснодарский край, ЮФО), цех метизов основан в 2018 г.			
И.И. Демченко (100%)	Новосталь-М	Полная	Низкоуглеродистая и высокоуглеродистая проволока	158,7

**Источник.** Составлено авторами по данным с официальных сайтов компаний.

В тройку лучших российских производителей метизов за 2023 г., согласно рейтингу журнала «Металлоснабжение и сбыт», при расчете которого помимо комплексного анализа деятельности компаний учитывались результаты опроса покупателей металлопродукции и экспертов рынка металлов, вошли «Северсталь-метиз», «ММК-МЕТИЗ» и «Мечел»<sup>4</sup>.

Большинство метизных производств расположены в непосредственной близости к источникам сырья, что кардинально сокращает себестоимость, транспортные расходы, снижает зависимость бизнеса от сторонних поставщиков.

Отрасль в значительной степени консолидирована вокруг крупных вертикально интегрированных горно-металлургических компаний полного цикла. С одной стороны, это обеспечивает сырьевую безопасность метизным активам, что крайне важно для выстраивания непрерывного производственного процесса, с другой – приводит к тому, что деятельность метизных подразделений полностью регламентирована, бюрократизирована и подчиняется тем целям, планам и задачам, которые ставит перед ними руководство холдинга. В итоге метизная отрасль практически лишена гибкости, что может отражаться на консервативном подходе к инвестициям и низкой скорости внедрения инноваций, развития новых нишевых продуктов и сервисов.

Так, в российской структурной политике одним из ключевых инструментов выступают отраслевые стратегии с длительным горизонтом планирования [Сасаев, 2023]. У метизной отрасли такой стратегии нет. Её ориентиры развития полностью совпадают с целями и задачами металлургической промышленности, которая в своей деятельности опирается на такие документы федерального уровня, как ФЗ «О промышленной политике в РФ»<sup>5</sup>, «Стратегия развития металлургической промышленности РФ на период до 2030 года»<sup>6</sup>, «Стратегия развития черной металлургии России на 2014–2020 годы и на перспективу до 2030 года»<sup>7</sup>, «Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности РФ до 2024 года и на период до 2035 года»<sup>8</sup>, «Энергетическая стратегия РФ период до 2035 года»<sup>9</sup> и др.

Данные стратегические документы направлены не только на укрепление отечественной обрабатывающей промышленности и развитие её производственного потенциала, но и на решение вопросов обеспечения национальной безопасности, и требуют актуализации с учетом современных вызовов и угроз, среди которых особенно следует выделить «постковидное» восстановление экономики и санкционную политику со стороны недружественных стран. Обновленные стратегические документы должны учитывать риски, связанные с нестабильностью макроэкономических условий, нарушением традиционных кооперационных связей и логистических маршрутов,

---

<sup>4</sup> Рейтинг ведущих российских производителей и поставщиков металлопродукции за 1-е полугодие 2023 года. URL: [https://www.metalinfo.ru/ru/magazine/rate/2023/2023\\_1](https://www.metalinfo.ru/ru/magazine/rate/2023/2023_1); Рейтинг ведущих российских производителей и поставщиков металлопродукции за 2-е полугодие 2023 года. URL: [https://www.metalinfo.ru/ru/magazine/rate/2023/2023\\_2](https://www.metalinfo.ru/ru/magazine/rate/2023/2023_2)

<sup>5</sup> См. Федеральный закон «О промышленной политике в РФ» от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ.

<sup>6</sup> Утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2022 г. № 4260-р.

<sup>7</sup> Утв. Приказом Минпромторга России от 05.05.2014 г. № 839.

<sup>8</sup> Утв. Распоряжением Правительства РФ от 06.06.2020 г. № 1512-р.

<sup>9</sup> Утв. Распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 г. № 1523-р.

решением задач по цифровой трансформации отраслей<sup>10</sup>. В отношении металлургической промышленности особую важность приобретают стимулирование внутреннего спроса и переориентация экспорта на альтернативные зарубежные рынки<sup>11</sup>.

Очевидно, существенные коррективы будут внесены и в дальнейшее развитие металлургической отрасли страны, включая её подотрасли. Здесь мы рассмотрим только проблемы метизной промышленности. Представленные далее в статье рисунки и таблицы составлены авторами самостоятельно, на основе данных единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) и ассоциации «Промметиз», имеющей более детальную статистику по отрасли. Ряд выводов, сделанных в статье, опирается на многолетний практический опыт одного из авторов, а также экспертные мнения, полученные в ходе его личной беседы с топ-менеджерами ведущих российских метизных компаний.

В течение 2018–2022 гг. расстановка сил в отрасли немного изменилась. Совокупная доля крупнейших игроков («Северсталь», «Мечел» и ММК) сократилась с 74 до 61%, тогда как вес АЭМЗ увеличился с 2 до 7%, «прочих компаний» – с 2 до 8%.

АЭМЗ – молодая компания, специализирующаяся на производстве сварочной и стальной проволоки, катанки, арматурного проката. Она использует свое выгодное географическое положение (в 34 км от порта Новороссийск) для минимизации транспортных издержек как при закупке сырья (главным образом металлического лома), так и в наращивании экспортных поставок. По данным ассоциации «Промметиз», доля экспорта в ее продажах в период с 2018 г. по 2022 г. составляла около 50%. География экспорта включает Турцию, Алжир, Египет, Израиль и Марокко, некоторые страны ЕС.

Категория «прочие компании» объединяет в себе небольшие локальные производства, секрет успеха которых, как можно предположить, в расположении поблизости от мест потребления (некоторые эксперты считают это долгосрочной стратегией для отрасли) [Власюк, 2022].

Производя около 2 млн т метизов /в год, в том числе на экспорт, Россия не входит в число крупнейших игроков мирового рынка металлоизделий<sup>12</sup>. Лидирует на этом рынке Китай, который производит более 40 млн т металлопродукции, что превышает пиковое валовое производство метизов 1988 г. в СССР в пять раз и аналогичный российский показатель 2022 г. почти в 21 раз. Крупнейшими мировыми производителями металлоизделий являются компании из Китая (Tianjin Huayuan Wire, Henan Henxing, Taizhou Jinyou Metal Products), Индии (Tata Wiron, Usha Martin), Южной Кореи (Kiswire, DSR), Тайланда (Bangkok Steel Industry), Вьетнама (Hoa Phat), Перу (Prodac) и др. Большая часть их продукции ориентирована на рынки широкого потребления и имеет выгодное соотношение «цена – качество».

<sup>10</sup> Мишустин: подготовлена обновленная стратегия развития обрабатывающей промышленности. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18569077>

<sup>11</sup> О Долгосрочной стратегии развития металлургической отрасли на период до 2030 года. URL: <https://rspp.ru/events/news/o-dolgosrochnoy-strategii-razvitiya-metallurgicheskoy-otrasli-na-period-do-2030-goda-63a99acbb932f/>

<sup>12</sup> Ассоциация «Промметиз». URL: <https://www.asmetiz.ru/>; World Steel in Figures. 2024. URL: <https://worldsteel.org/wp-content/uploads/World-Steel-in-Figures-2024.pdf>

Российская Федерация выступает и импортером, и экспортером метизной продукции. За период с 2018–2021 гг. экспорт в натуральном объеме увеличился в 2,5 раза, импорт – в 1,5 раза. В 2022 г. стоимостной и натуральный объемы экспорта сократились в два раза относительно предыдущего года. В целом на протяжении исследуемого периода сохранялся отрицательный внешнеторговый баланс рассматриваемой отрасли (табл. 2).

**Таблица 2. Экспорт и импорт метизной продукции в РФ в 2018–2022 гг.**

Показатель		2018	2019	2020	2021	2022
ЭКСПОРТ	млн долл. США	268,7	243,9	455,6	752,0	344,0
	тыс. т	272	261	583	678	348
ИМПОРТ	млн долл. США	1 078,5	1 130,2	1 257,7	1 698,0	1368,0
	тыс. т	549	583	564	569	597

**Источник.** Рис. 1,2, табл. 2–5 составлены авторами по данным ассоциации «Промметиз».

Основные позиции в экспорте, по данным «Промметиз», – это стандартная низкоуглеродистая проволока, оцинкованная или без покрытия, высокоуглеродистая проволока и изделия из нее. Из низкоуглеродистой проволоки изготавливают различные гвозди, сетчатые изделия и габионы; высокоуглеродистая используется для производства канатов, машиностроительных и мебельных пружин, шпалер, высокопрочных армирующих материалов, в том числе для инфраструктурного строительства. Стальные канаты применяются, к примеру, для создания и эксплуатации различных кранов, подъемных механизмов и специальных грузозахватных приспособлений.

Большая часть импорта приходится на рядовой крепежный сортамент, использующийся в ремонтных и эксплуатационных нуждах: продукция либо не производится в России, либо производится в недостаточном количестве. Основными зарубежными поставщиками метизной продукции на территорию РФ являются Китай и Республика Беларусь<sup>13</sup>.

Ярко выраженной специализации среди российских производителей метизов не наблюдается. Практически все они выпускают проволоку – обыкновенную и стальную (табл. 3). Второй по популярности продукт – холоднокатанная арматура. Многие занимаются крепежом и гвоздями, но их основную массу (42% и 37% соответственно) выпускают «прочие компании», которые, как правило, относятся к субъектам малого и среднего предпринимательства.

Динамика производства основных видов метизной продукции в 2018–2022 гг. представлена в таблице 4. Ведущее место в структуре выпуска отечественных предприятий занимает все та же проволока, причем объемы ее выпуска мало изменились за пять лет.

<sup>13</sup> Ассоциация «Промметиз». URL: <https://www.asmetiz.ru/>

**Таблица 3. Производство основных видов метизной продукции российскими компаниями в 2022 г., %**

Вид продукции	ССМ	«Мечел»	ММК	НЛМК	«ЕВРАЗ»	АЭМЗ	Прочие	Σ
Проволока обыкновенного качества	12	25	14	19	17	10	3	100
Проволока стальная	44	31	14	2	1	6	2	100
Холоднодеформированная арматура	1	27	23	15	13	21	-	100
Крепёжные изделия	25	-	29	4	-	-	42	100
Канаты стальные	43	37	20	-	-	-	-	100
Гвозди проволочные	7	8	10	25	13	-	37	100
Сортовая холоднотянутая сталь	64	1	35	-	-	-	-	100
Прочие метизы	61	13	8	-	-	-	18	100

**Таблица 4. Производство основных видов продукции в метизной промышленности РФ в 2018–2022 гг., тыс. т**

Вид продукции	2018	2019	2020	2021	2022	Темп прироста 2022/2018, %	Темп прироста 2022/2021, %
Проволока обыкновенного качества	1 085	1 110	1 123	1 171	1 074	-1,0	-8,3
Проволока стальная	301	301	303	318	281	-6,6	-11,6
Холоднодеформированная арматура	139	193	178	216	177	+27,3	-18,1
Крепёжные изделия	132	140	135	144	172	+30,3	+19,4
Канаты стальные	120	109	107	111	103	-14,2	-7,2
Гвозди проволочные	87	82	88	79	104	+19,5	+31,6
Сортовая холоднотянутая сталь	92	88	79	87	75	-18,5	-13,8
Прочие метизы	155	145	159	178	138	-11,0	-22,5
<b>ИТОГО</b>	<b>2 112</b>	<b>2 167</b>	<b>2 172</b>	<b>2 304</b>	<b>2 123</b>	<b>+0,5</b>	<b>-7,9</b>

На годовую динамику производства в 2018–2022 гг. влияли главным образом колебания спроса – нестабильность экспортных поставок и ситуация в строительной отрасли России, которая выступает одним из основных потребителей металлоизделий. Значительное увеличение объемов производства в 2022 г. по сравнению с 2018 г. произошло по арматуре (+27,3%), крепежным изделиям (+30,3%), гвоздям проволочным (+19,5%).

Но 2021 и 2022 гг. стали большим испытанием для отрасли. В 2021 г. на фоне восстановительного роста спроса после пандемии во всем мире резко взлетели

цены на металлоизделия. Стоимость листового проката к середине 2021 г. в России за полгода выросла более чем в два раза, а арматуры – в полтора раза<sup>14</sup>. В России, по данным ассоциации «Промметиз», объем выпуска в натуральном выражении вырос на 6,1%, а денежном – на 64,6%. Это вынудило многие западные страны усилить протекционистские меры (квотирование импорта метизной продукции в ЕС, старт различных антидемпинговых расследований в США и других государствах). Во второй половине 2021 г. была предпринята попытка ограничить рост цен и на российском рынке – за счет сдерживания экспорта. Были введены экспортные пошлины в размере 15% от таможенной стоимости продукции, но не менее 133 долл./т (с 01.01.2022 г. отменены)<sup>15</sup>. По мнению экспертов метизной промышленности, эта мера отразилась в первую очередь на высокотехнологичном экспорте.

В 2022 г. относительно 2021 г. суммарный объем производства метизов сократился на 7,9%. Во-первых, российские производители столкнулись с ужесточением конкуренции по коммодити-продуктам в РФ и на экспортных рынках, ростом импорта метизной продукции; во-вторых, шоком для отрасли стало введение санкционных ограничений со стороны западных стран против российских металлургических компаний, их продуктов, собственников, бенефициаров, контрагентов и т.д. Конкретно в метизной подотрасли были затронуты все логистические и финансовые цепочки, финальные и промежуточные продукты производства, поставки и обслуживание импортного оборудования, поддержка различных информационных систем, включая MES и ERP.

Компаниям пришлось выстраивать новые отношения с поставщиками оборудования и материалов из дружественных стран, восстанавливать собственные компетенции по технологическому запуску, профилактическому ремонту импортных машин и оборудования.

Исторически сложилось, что ведущие российские метизные компании использовали в своей технологической цепочке оборудование и агрегаты западного производства (Бельгия, Германия, Италия): волочильные станы КОСН, MFL, канатные и прядевильные машины SKET, печи Olivotto и агрегаты FIB, сейчас запасные части и вспомогательный инструмент к ним стали недоступны.

После введения санкций и ограничений против России в 2022 г. привычные премиальные рынки западных стран, таких как ЕС и США, стали недоступны для отечественного экспорта метизов. Отраслевые эксперты отметили, что фактически произошла переориентация российского экспорта на рынки Турции, Северной Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока, Индии, Вьетнама и Сингапура. Стоимостной и натуральной объемы экспорта метизов существенно сократились (табл. 2) и предпосылок для его восстановления пока не наблюдается. Часть объемов

<sup>14</sup> С чем связан резкий рост цен на металлопродукцию. URL: <https://rg.ru/2021/06/14/s-chem-sviazan-rezkij-rost-cen-na-metalloprodukciiu.html>

<sup>15</sup> Постановление Правительства РФ от 27.10.2021 г. № 1833 «О внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств – участников соглашений о Таможенном союзе» (утратило силу с 01.01.2022 г.). URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_399298/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399298/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/)

из высвободившегося экспорта, которые не смогли перенаправить в дружественные страны, удалось переориентировать на внутренний рынок.

Изучив финансовую отчетность крупнейших российских метизных компаний за 2021–2022 гг. и проанализировав на её основе такие показатели, как выручка, валовая прибыль, прибыль от продаж, EBITDA, чистая прибыль, авторы статьи пришли к выводу, что в этом периоде санкции существенно не отразились на финансовых результатах предприятий. Однако анализ отчетности за 2023 г. продемонстрировал снижение вышеназванных показателей: выход на новые рынки сбыта продукции не смог компенсировать российским метизным компаниям потери от закрытия западных рынков, хотя такое снижение нельзя назвать критичным.

### Какие проблемы высветил санкционный кризис в метизной отрасли

Одной из важнейших системных проблем отрасли уже многие годы является избыточность производственных фондов по всем видам продукции (рис. 1). Среднее значение загрузки производственных мощностей за 2018–2022 гг. составило 49,8%. Наихудшее значение показателя наблюдается по сортовой холодноотянутой стали и канатам.

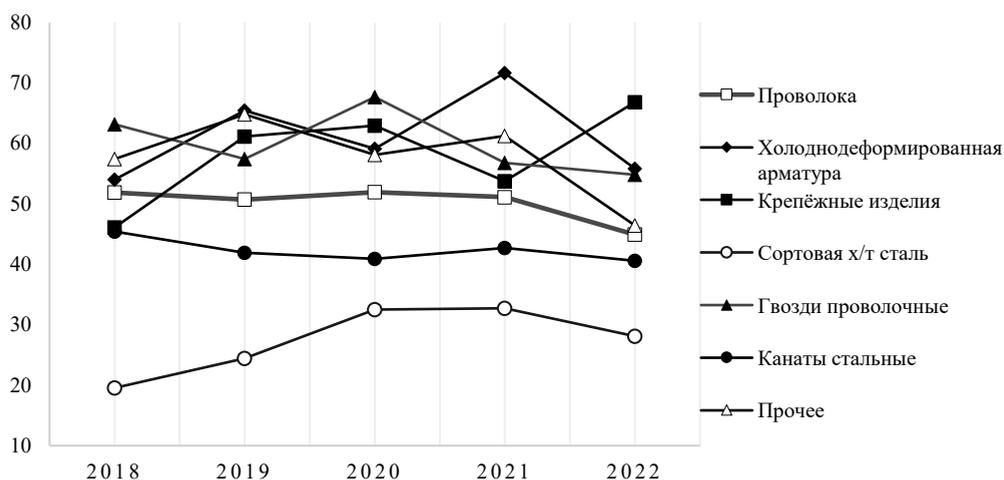


Рис. 1. Динамика уровня использования среднегодовой производственной мощности организаций по выпуску отдельных видов продукции в метизной промышленности РФ в 2018–2022 гг., %

Объясняется это тем, что многие ведущие метизные производства были построены еще в советский период, когда возводились огромные заводы и комбинаты, рассчитанные на совершенно иные, чем сейчас, объемы выпуска, в том числе – для поставки в страны СЭВ. И хотя за прошедшие после распада СССР годы часть мощностей была выведена, и объемы выпуска сократились, внутренний спрос на базовые метизные продукты остается значительно ниже предложения. Поэтому избыточное количество

продукции российские компании экспортируют, до 2022 г. – преимущественно в западные страны. Теперь им приходится искать новые рынки сбыта.

Если проанализировать загрузку мощностей в разрезе отдельных предприятий (рис. 2), хорошо видно, что самые высокие показатели у АЭМЗ, который был построен уже в постсоветское время (2007 г.), и малых и средних «прочих компаний», мощности которых максимально приближены к потенциальному объему сбыта.

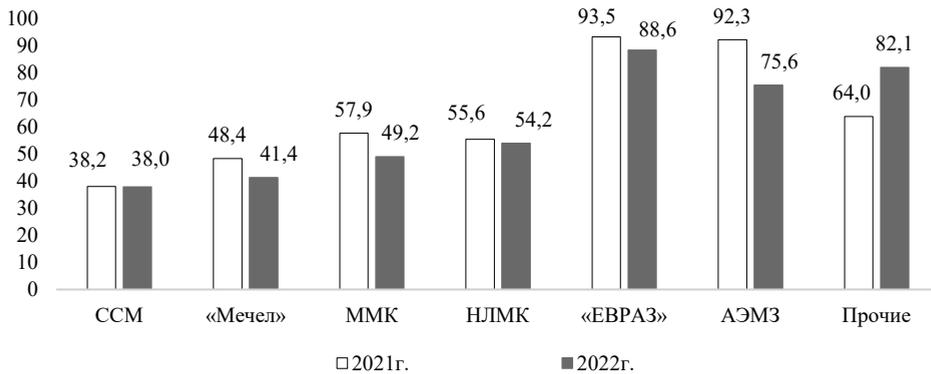


Рис. 2. Загрузка производственных мощностей у ведущих отечественных метизных компаний в 2021, 2022 гг., %

Из бывших советских гигантов хорошие результаты показывает «Евраз», который имеет сравнительно узкий и низкомаржинальный ассортимент продукции для массового потребления (гвозди, низкоуглеродистая проволока ВР-1 для армирования) и эффективно использует свое географическое положение для торговли в Сибири, на Урале и на Дальнем Востоке. Работа в сегменте масс-маркета подразумевает реализацию стратегии низких цен и получение прибыли за счет максимального сокращения затрат при производстве и поставке продукции.

Такие метизные предприятия, как ССМ, «Мечел», ММК, работают в нише дорогого сортамента и производят широкую номенклатуру изделий, однако на экспорт «Мечел» и ММК в основном поставляли низкоуглеродистую проволоку, которая является базовым полуфабрикатом с низкой добавленной стоимостью. Из-за высокой конкуренции по этому виду продукции данные компании не смогли быстро переориентировать значительную часть высвободившихся экспортных объемов на внутренний рынок или на экспорт в дружественные страны, что негативно отразилось на уровне загрузки производственных мощностей. Что касается ССМ, то эта компания, по мнению экспертов, обладает самым большим и диверсифицированным продуктовым и клиентским портфелем в метизной отрасли. По этой причине ей удалось реализовать значительную часть высвободившегося экспортного объема на внутреннем рынке в таких секторах экономики, как машиностроение и строительная индустрия, что практически не сказалось на уровне загрузки оборудования.

Существенный рост уровня загрузки производственных мощностей у «прочих компаний» (с 64% в 2021 г. до 82,1% в 2022 г.) произошел ввиду узкой специализации их производственной деятельности. Данные предприятия в основном изготавливают специальный крепеж и сварочные материалы. Так как в 2022 г. западные компании остановили отгрузку высокотехнологичных метизов для нужд всего отечественного машиностроения, включая автомобилестроение, эту нишу довольно быстро смогли занять отечественные «прочие компании», что и отразилось на показателях их загрузки.

После введения санкционных ограничений против металлургических отраслей России и Белоруссии и резкого сокращения экспортных возможностей в стране обострился дисбаланс спроса и предложения, который, по мнению экспертов ассоциации «Промметиз», привел к падению цен на базовую метизную продукцию простейших переделов: катанки сортопрокатных цехов (проволока ВР-1, холоднодеформированная арматура, гвозди). Дополнительным негативным фактором стало увеличение себестоимости метизной продукции из-за роста издержек и снижения масштабов выпуска. И на этом фоне начали расти объемы импорта.

Импорт метизов в страну и ранее рос быстрее экспорта (см. табл. 2). По экспертным оценкам, примерно на 90% он состоял из массовых крепежных изделий (саморезы, болты, гайки, шайбы), ввезенных в Российскую Федерацию из дружественных стран. Растущий импорт метизной продукции также не способствует росту загрузки российских предприятий и вынуждает их сокращать объемы производства аналогичной продукции. Отметим, что в России действуют низкие импортные пошлины на метизную продукцию (к примеру, на проволоку и крепеж – всего 5%)<sup>16</sup>, которые позволяют иностранной продукции практически безбарьерно войти на российский рынок и составить конкуренцию отечественной продукции.

## **О защитных и стимулирующих мерах для метизной отрасли**

Одной из мер для развития внутреннего производства является защита внутреннего рынка от импортной продукции. Сегодня ввиду постоянно усиливающейся конкуренции, особенно со стороны китайских производителей, многие отрасли народного хозяйства России вынуждены отстаивать свои экономические интересы.

Особое значение при поддержке внешней торговли играют тарифные и нетарифные меры государственного регулирования. К первым относят таможенные пошлины, ко вторым – квоты на ввоз и вывоз продукции, различные налоги и сборы, сертификацию продукции и др. [Ур-Рашид и др., 2024; Irfanullah, 2023].

В последние годы один из наиболее ярких примеров, связанных с *защитой внутреннего рынка*, продемонстрировала Европейская федерация производителей стали Eurofer. В данную организацию входят почти все основные производители металлопродукции ЕС с совокупной мощностью более 200 млн т стали в год и их национальные ассоциации.

В 2019 г. на рынке ЕС произошел резкий рост импорта стальной продукции, включая метизную. Основной причиной эксперты Eurofer посчитали переориентацию

<sup>16</sup> URL: <https://www.alt.ru/tnved/code/7415330000/>

глобальных потоков стали и металлопродукции из-за введения на них заградительных импортных пошлин в США (в размере 25%)<sup>17</sup>. Избыток предложения и обострение конкуренции негативно отразились на положении европейских металлургов, и по их просьбе Евросоюз усилил меры защиты своего рынка. В феврале 2019 г. ЕС утвердил квоту на 26 категорий стальной и метизной продукции в размере 105% от среднегодового объема её импорта в 2015–2017 гг., при превышении квот применялась пошлина в размере 25%.

Меры по защите внутреннего рынка активно применяют и другие страны, заботящиеся о развитии металлургической промышленности. Так, в Индии импортная пошлина на стальную проволоку составляет 15%<sup>18</sup>, в Мексике действует пошлина в размере 25% на импорт стали и метизов<sup>19</sup>. В Турции в 2022 г. было принято решение о защите внутреннего производителя канатов и арматурных прядей на пятилетний период импортной пошлиной в 500 долл./т<sup>20</sup>. В Бразилии действует многоуровневая система защиты от импорта, состоящая из тарифных и сложных процедурных и технических барьеров. Так, для стальной проволоки китайского производства установлена ввозная пошлина в размере от 124,33 до 563,77 долл./т, в зависимости от спецификации продукта (качества стали, сечения, поверхностных свойств и т.д.)<sup>21</sup>.

Помимо защиты внутреннего рынка от иностранных производителей метизов, стоит обратить особое внимание на меры по укреплению экспортного потенциала метизной отрасли, одной из которых может стать *компенсация экспортной логистики*. В Российской Федерации данная льгота прописана в Постановлении Правительства РФ от 28.07.2022 г. № 1347 «О государственной поддержке российских организаций промышленности в целях компенсации затрат на транспортировку промышленной продукции»<sup>22</sup>. Однако по причине действия секторальных санкций большинство компаний метизной отрасли не могут быть грузоотправителями, и, следовательно, не имеют права претендовать на данную льготу [Тавриков, Яшалова, 2024. № 10]. На наш взгляд, целесообразно доработать действующий механизм компенсации экспортной логистики за счет приведения действующего нормативного документа к современным реалиям, особое внимание уделив экспортным отгрузкам. Также следует рассмотреть возможность выделения дополнительных денежных средств, которые будут распределяться только на экспорт метизной продукции по кодам ТН ВЭД 7211–7217, 7228, 7229, 7301, 7312, 7314, 7318.

<sup>17</sup> Сталь на пороге торговых войн. Обзор. URL: <https://www.interfax.ru/business/604842>

<sup>18</sup> Indian Customs Duty of 7229: Wire of Other Alloy Steel. URL: <https://www.cybex.in/indian-custom-duty/wire-alloy-steel-hs-code-7229.aspx>

<sup>19</sup> Мексика продлила пошлины на российскую толстолистовую сталь. URL: [http://vch.ru/event/view.html?alias=meksika\\_prodlila\\_poschliny\\_na\\_rossiiskuyu\\_tolstolistovuyu\\_stal](http://vch.ru/event/view.html?alias=meksika_prodlila_poschliny_na_rossiiskuyu_tolstolistovuyu_stal)

<sup>20</sup> Турция продлила на 5 лет пошлины на импорт российских стальных тросов и канатов. URL: <https://www.metaltorg.ru/n/9B1FEE?ysclid=lvpgutd8hz910927931>

<sup>21</sup> Бразилия продлила пошлину на китайскую проволоку из углеродистой стали. URL: <https://www.metaltorg.ru/n/9B396C?ysclid=lvpgxy312y79878697>

<sup>22</sup> См. Постановление Правительства РФ «О государственной поддержке российских организаций промышленности в целях компенсации затрат на транспортировку промышленной продукции» от 28.07.2022 г. № 1347.

Еще одна мера поддержки может быть связана с содействием проведения *процедур сертификации и омологации на экспортных рынках*. Такие сертификаты для импортируемых изделий выдаются лицензированными органами зарубежным производителям на основании изучения производства и лабораторных испытаний образцов, отобранных из нескольких производственных партий. У российских метизных компаний, по данным «Промметиз», в течение 2022–2024 гг. были отозваны, аннулированы или приостановлены все международные сертификаты, декларации и омологации на продукцию и системы менеджмента, необходимые для поставок продукции на экспортные рынки. Более того, они потеряли возможность использовать западные испытательные центры для проведения высокотехнологичных испытаний метизной продукции, например, релаксационных испытаний для арматурных прядей, которые ранее проводились в Бельгии, Австрии, Швейцарии или США [Тавриков, Яшалова, 2024. № 11].

Также отметим, что, помимо длительного периода прохождения омологации (от 4 до 12 месяцев), эта процедура весьма затратна для бизнеса. Стандартные расходы на омологацию арматурных прядей в странах ЕС, США, ОАЭ, КСА, Израиле составляют, по словам участников отрасли, около 65–80 тыс. долл., поэтому производители рассматривают целесообразность её прохождения как инвестиционный проект, тщательно выверяя каналы продаж и потенциальную прибыль от поставок.

Немаловажная мера поддержки экспорта – *создание и поддержка финансовой инфраструктуры для проведения оплат, факторинга, гарантирующих инструментов, страхования сделок*, которая в настоящее время в РФ практически отсутствует, а зарубежная стала недоступна для отечественных компаний из-за опасения вторичных санкций. В результате российский экспорт, по отзывам участников отрасли, стал проблемным для иностранных клиентов, даже из дружественных стран. Многие из них отказываются работать на условиях стопроцентной предоплаты, что приводит к значительным рискам для метизных компаний. При этом в России действует жесткий валютный контроль по экспортным операциям, и в случае потери экспортной выручки компания может ожидать еще и обременительный штраф за нарушение валютного законодательства.

Предприятия метизной отрасли в досанкционный период работали с западными компаниями преимущественно на условиях постоплаты с предоставлением акцепта в 30–45 календарных дней. Кредитные линии были подкреплены гарантирующими инструментами – банковскими гарантиями или аккредитивами. Метизные компании, работающие на экспорт, активно использовали в своей работе такие сервисы, как экспортный факторинг, в том числе предпоставочный. Важно отметить, что экспортеры метизной отрасли страховали экспортные контракты в государственной компании ЭКСАР<sup>23</sup>.

По причине действия санкционного механизма и постоянного его ужесточения, направленного в адрес российских экспортеров, поступление экспортной выручки за уже поставленную продукцию стало проблемно со стороны как клиентов, так и банков. Эффективно действующие каналы платежей в настоящее время не являются

---

<sup>23</sup> Группа российского экспортного центра. URL: <https://exiar.ru/>

гарантией получения денежных средств за поставленную продукцию. По этой причине российские экспортеры стараются работать по стопроцентной предоплате. При этом экспортные клиенты из дружественных стран не берут на себя риски, связанные с тем, что за время производства и доставки продукции могут быть введены новые ограничения, которые гипотетически могут заблокировать поставку или ограничить возможность применения уже поставленной и растаможенной продукции.

Мировые страховые и банковские компании отказываются работать с отечественными метизными компаниями. В результате такие распространенные банковские инструменты, как банковская гарантия, аккредитив, экспортный факторинг, страхование сделки, страхование экспортного контрагента, страхование груза, стали недоступны. Такая ситуация приводит к снижению стоимости отечественной метизной продукции, так как клиенты отказываются её приобретать без дисконта к мировым ценам.

Наконец, важной мерой в поддержку экспорта метизной продукции может стать *субсидирование железнодорожных перевозок по территории России*. Рост стоимости автомобильной и железнодорожной логистики стал существенной проблемой для развития отрасли. Так, по данным ассоциации «Промметиз», стоимость автодоставки на экспорт с 2021 г. по 2024 г. выросла более чем на 27%, перевозка в полувагонах подорожала на 43%, в крытых вагонах – на 61%, мультимодальные контейнерные перевозки выросли в цене в 2,5 раза. При этом со стороны железной дороги действуют серьезные ограничения и лимиты по отправке вагонов и контейнеров в восточном направлении, что отражается на развитии экспорта как в страны ЕЭАС (Армения, Казахстан и Киргизия), так и в дружественные государства Азии и Персидского залива [Тавриков, Яшалова, 2024. № 11].

\* \* \*

Исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод, что отечественная метизная промышленность имеет нереализованный потенциал роста. Есть сырье, доступная по цене электроэнергия, свободные мощности, профессиональные компетенции. Основными препятствиями для развития являются сложности с наращиванием сбыта (ограниченный внутренний рынок и высокая конкуренция на экспортных рынках, часть из которых закрыта для российской продукции в связи с санкциями). В целях создания благоприятных условий для развития отрасли необходимо предпринять ряд мер по защите внутреннего рынка от избыточного и некачественного импорта, а также по поддержке экспорта на рынки дружественных стран.

## Литература/References

- Власюк Л.И. Стратегический анализ факторов размещения промышленного предприятия // Стратегирование: теория и практика. 2022. Т. 2. № 3. С. 346–359.
- Vlasyuk, L.I. (2022). Strategic analysis of industrial enterprise location factors. *Strategizing: Theory and Practice*. Vol. 2. No. 3. Pp. 346–359. (In Russ.).
- Кондратьев В. Обработывающая промышленность: секреты и тенденции // Прямые инвестиции. 2013. № 8 (136). С. 41–45.

## Метизная отрасль России: вызовы и возможности в неравной борьбе с импортом

- Kondratiev, V. (2013). Manufacturing industry: secrets and trends. *Direct investments*. No. 8 (136). Pp. 41–45. (In Russ.).
- Лукина Е.М. Обрабатывающая промышленность как локомотив экономического развития России в условиях санкций // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 1. № 11 (140). С. 27–35.
- Lukina, E.M. (2023). Manufacturing industry as the locomotive of Russia's economic development under sanctions. *Economics and Management: Problems, Solutions*. Vol. 1. No. 11 (140). Pp. 27–35. (In Russ.).
- Сасаев Н.И. Основы отраслевого стратегирования: от концепции стратегии до её развития // Экономика промышленности. 2023. № 1. Т. 16. С. 7–19.
- Sasaev, N.I. (2023). Fundamentals of industry strategizing: from the concept of strategy to its development. *Industrial Economics*. No. 1 (16). Pp. 7–19. (In Russ.).
- Тавриков Д.М., Яшалова Н.Н. Проблемы развития экспорта метизной продукции в условиях санкций и меры по его поддержке // Сталь. 2024. № 10. С. 28–33.
- Tavrikov, D.M., Yashalova, N.N. (2024). Problems of development of export of hardware products under sanctions and measures to support it. *Steel in Translation*. No. 10. Pp. 28–33. (In Russ.).
- Тавриков Д.М., Яшалова Н.Н. Национальная сертификация метизной продукции как инструмент содействия развитию отрасли // Стандарты и качество. 2024. № 11. С. 104–108.
- Tavrikov, D.M., Yashalova, N.N. (2024). National certification of hardware products as a tool for promoting industry development. *Standards and Quality*. No. 11. Pp. 104–108. (In Russ.).
- Bali, M., Rapelanoro, N. (2021). How to simulate international economic sanctions: A multipurpose index modelling illustrated with EU sanctions against Russia. *International Economics*. Vol. 168. Pp. 25–39.
- Irfanullah, Iqbal, J. (2023). Commodity market dynamics: Who's behind booms and busts? *Borsa Istanbul Review*. Vol. 23, Iss. 1. Pp. 55–75.
- Shchepeleva, M., Stolbov, M., Weill, L. (2024). Do sanctions trigger financial crises? *Finance Research Letters*. Vol. 64. P. 105467.
- Ur-Rashid, H.H., Khan, M.A. (2024). Standards and non-tariff barriers in trade – A case study of South Asia. *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 69. Pp. 427–437.

Статья поступила 12.02.2024

Статья принята к публикации 20.05.2024

**Для цитирования:** Яшалова Н.Н., Тавриков Д.М. Метизная отрасль России: вызовы и возможности в неравной борьбе с импортом // ЭКО. 2025. № 1. С. 55–70. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-55-70

### Информация об авторах

Яшалова Наталья Николаевна (Череповец) – доктор экономических наук, доцент. Череповецкий государственный университет.

E-mail: natalij2005@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7279-3140

Тавриков Денис Михайлович (Череповец) – коммерческий директор.

Филиал «Метиз» в г. Череповце АО «Северсталь Менеджмент».

E-mail: dmtavrikov@chsu.ru; ORCID: 0009-0008-9441-0794

## Summary

*N.N. Yashalova, D.M. Tavrikov*

### **Russian Metalware Industry: Challenges and Opportunities in the Unequal Competition with Imports**

**Abstract.** The authors analyzed statistical data to assess the current state of the domestic metalware industry before and after the imposition of anti-Russian sanctions. It was revealed that Russia has excess production capacity for the manufacture of hardware products, but their full utilization and development of the industry are hindered by low demand in the domestic market, growing imports, including high-tech hardware, and a sharp reduction in export opportunities starting from 2021. These circumstances lead to a further decrease in the utilization of Russian enterprises, loss of profitability, and hinder the development of the industry. To protect the domestic market and support domestic producers, a number of measures are proposed: the introduction of import quotas and duties, support for export activities, and the removal of transport restrictions on the transportation of products. The results of the study may be of interest to scientists and practitioners studying the problems of the sectoral economy.

**Keywords:** *metalware industry; statistical analysis; metalware market; export; import; sanctions; market protection; industry support*

**For citation:** Yashalova, N.N., Tavrikov, D.M. (2025). Russian Metalware Industry: Challenges and Opportunities in the Unequal Competition with Imports. *ECO*. No. 1. Pp. 55–70. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–55–70

### **Information about the authors**

*Yashalova, Natalia Nikolaevna* (Cherepovets) – Doctor of Economics, Associate Professor. Cherepovets State University.

E-mail: natalij2005@mail.ru; ORCID: 0000–0001–7279–3140,

*Tavrikov, Denis Mikhailovich* (Cherepovets) – Commercial Director.

Severstal-metiz, Cherepovets.

E-mail: dmtavrikov@chsu.ru; ORCID: 0009–0008–9441–0794

# Деревянное домостроение как драйвер спроса на лесопромышленную продукцию на Дальнем Востоке

**Н.Е. Антонова**

УДК 332.82+ 332.1: 330.15

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-71-88

**Аннотация.** В статье рассматриваются возможности развития внутреннего спроса на продукцию лесного комплекса ДФО в домостроении. В частности, выявлены потенциальные возможности и проблемы в формировании такого спроса в индивидуальном жилищном строительстве, включая деревянное домостроение, анализируются результаты государственной поддержки данного сектора на национальном и региональном уровнях. Показано, что региональный лесной комплекс сможет использовать свое ресурсное преимущество при условии создания современных технологических производств по выпуску качественных изделий для деревянного домостроения, конкурентоспособных с продукцией из других регионов России и импорта, что требует значительных инвестиций и государственных преференций.

**Ключевые слова:** лесной комплекс; индивидуальное жилищное строительство; деревянное домостроение; льготная ипотека; спрос и предложение; лесопромышленная продукция; Дальний Восток

## Введение

Переориентация продукции экспортоориентированного лесного комплекса России на внутренний спрос – это сложная долгосрочная задача, требующая согласованных решений на всех уровнях управления – от регионального до федерального, включая отраслевую, налоговую, бюджетную, промышленную политику, с обязательным учетом региональных особенностей функционирования лесного комплекса.

В 2023 г. на правительственном уровне были определены два основных направления развития внутреннего спроса на лесопroduкцию<sup>1</sup>. Во-первых, использование биотоплива в муниципальных котельных, во-вторых, развитие деревянного домостроения. Оба они помимо лесного комплекса напрямую затрагивают смежные отрасли (жилищное строительство, ЖКХ, машиностроение).

Ранее мы рассмотрели возможности и ограничения использования биотоплива муниципальными котельными в дальневосточных регионах [Антонова, 2023]. Вывод был неутешителен с точки зрения развития внутреннего спроса: стимулирование расширения использования биотоплива из древесного сырья сталкивается с объективными ограничениями и не решает проблему расширения сбыта для дальневосточных лесопромышленников. В данной работе проанализируем возможности реализации в дальневосточных регионах другого направления увеличения внутреннего спроса на лесопромышленную продукцию – развития деревянного домостроения.

<sup>1</sup> Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития лесопромышленного комплекса. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70764>

Прежде всего, отметим, что в России в целом из древесины строится чуть больше 25% малоэтажных домов<sup>2</sup>. В других многолесных странах этот показатель значительно выше: деревянные здания составляют 90% индивидуальных домов в Канаде и США, 45–70% – в некоторых странах Европы, 45% – в Японии<sup>3</sup>. Ожидается, что высокий процент использования древесины в строительстве сохранится и во многих странах будет нарастать со временем благодаря ее доступности и экологичности, в том числе с позиций устойчивого развития.

В России, обладающей 20% мировой площади лесов<sup>4</sup>, эти аргументы в пользу деревянного домостроения тоже должны сработать. Согласно прогнозным расчетам динамики производства пиломатериалов в регионах Сибири до 2050 г., реализация сценария, в который заложен опережающий рост сектора индивидуального деревянного домостроения и увеличения потребления деревянной продукции в строительстве многоквартирных домов, может дать существенное увеличение внутреннего спроса на пиломатериалы [Пыжев, 2024].

Однако в настоящее время ресурсный потенциал России для увеличения объемов деревянного домостроения используется недостаточно, что сдерживает переориентацию лесного комплекса на внутренний спрос в условиях существующих шоков (запрет экспорта из России древесины хвойных и ценных лиственных пород, введение внешних санкций на российскую лесопромышленную продукцию, логистические сложности). Возникает вопрос: почему это происходит, и каковы условия для увеличения объемов деревянного домостроения в стране и макрорегионе?

Дальний Восток РФ как макрорегион неоднороден с точки зрения освоенности и социально-экономического развития. Наиболее развита его южная часть, где проживает основная часть населения, формируется внутрорегиональный спрос, сосредоточено лесопромышленное производство. Поэтому больше внимания в статье уделено ситуации в деревянном домостроении двух южных регионов ДФО – Приморского и Хабаровского краев.

## **Результаты господдержки индивидуального жилищного строительства в России**

Жилищное строительство традиционно выступает одним из локомотивов национальной экономики, в России в последние годы этому в немалой степени способствовали специальные инструменты господдержки. В первую очередь это «Льготная ипотека на новостройки», «Семейная ипотека», а также чуть менее распространенные «Сельская ипотека» и «IT-ипотека».

<sup>2</sup> Частный дом с завода: как будет работать программа «деревянной» ипотеки. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5abcc00b9a79479947ba5525?ysclid=m06dhilwjs704925541&from=copy>

<sup>3</sup> Circularity Concepts In Wood Construction. ECE/TIM/DP/95. United Nations and the Food and Agriculture Organization of the United Nations. Geneva, Switzerland. 2023. 76 p. URL: [https://unece.org/sites/default/files/2023-05/ECE\\_TIM\\_DP95E\\_web.pdf](https://unece.org/sites/default/files/2023-05/ECE_TIM_DP95E_web.pdf)

<sup>4</sup> ФАО и ЮНЕП. 2020 год. Состояние лесов мира – 2020. Леса, биоразнообразие и люди. Рим, ФАО. <https://doi.org/10.4060/ca8642ru>. С. 10.

## Деревянное домостроение как драйвер спроса на лесопромышленную продукцию на Дальнем Востоке

Наиболее массовая программа «Льготная ипотека на новостройки»<sup>5</sup> стартовала в 2020 г. и проработала больше четырех лет. Первоначальный взнос был 20%, а ставка по льготному кредиту составляла 6,5%, с 2023 г. ставка выросла до 8%, размер минимального взноса увеличился до 30%. Но если поначалу программа распространялась только на жилье в многоквартирных домах, то с октября 2021 г. она была расширена и на сферу индивидуального жилищного строительства (ИЖС): приобретение готовых и строящихся частных жилых домов с земельными участками, непосредственно строительство, а также покупку земельных участков и оплату строительных работ<sup>6</sup>. С июня 2022 г. льготная ипотека была распространена на ИЖС хозяйственным способом.

Действие программы закончилось 1 июля 2024 г. За время ее действия банками было выдано более 1,5 млн кредитов на сумму свыше 5,8 трлн руб. (в том числе в 2020 и 2021 гг. – по 1 трлн руб., в 2022 г. – 1,3 трлн руб., в 2023 г. – 2 трлн руб.). С начала 2024 г. было выдано 137,7 тыс. кредитов на 0,6 трлн руб.<sup>7</sup> Государственному бюджету субсидирование этой программы обошлось в 453,1 млрд руб.<sup>8</sup>

В рамках «Семейной ипотеки» кредит на покупку готового жилья по льготной ставке до 6% может взять семья, где есть второй ребенок в возрасте до шести лет, а также семья, где есть несовершеннолетний ребёнок с инвалидностью. В 2021 г. программа была расширена<sup>9</sup> на строительство частных домов и приобретение земельных участков под них, первоначальный взнос по семейной ипотеке составляет 15%<sup>10</sup>.

В 2022–2023 гг. основная часть кредитов на ИЖС выдавалась по льготным программам. Так, в 2022 г. из новых кредитов лишь 21% был выдан по рыночным ставкам, 47% – по льготной ипотеке, 19% – по семейной, 14% – по другим льготным программам. В 2023 г. доля рыночных кредитов упала до 2%, в 2024 г. – до 0,3%<sup>11</sup>.

В 2024 г. было объявлено о сворачивании действия льготной ипотеки и изменении правил семейной ипотеки, что способствовало росту желающих вступить в еще действующие программы в первом полугодии 2024 г.

Льготы по семейной ипотеке сохранились для семей с детьми до шести лет и детьми-инвалидами, а для семей с двумя несовершеннолетними детьми (но без

---

<sup>5</sup> Об утверждении Правил возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации в 2020 г. Постановление Правительства РФ от 23.04.2020 г. № 566.

<sup>6</sup> Льготную ипотеку под 7% можно взять на покупку или строительство дома. 19.10.2022. URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/ipoteka-7-na-dom/?ysclid=m0nd5s8vnk721056088>

<sup>7</sup> Как льготная ипотека повлияла на рынок недвижимости в России. URL: <https://realty.rbc.ru/news/667ea84f9a7947ed343cf899?ysclid=m0gclz9xko636223031&from=copy>

<sup>8</sup> Сколько в России потратили на льготную ипотеку за 4 года. URL: <https://realty.rbc.ru/news/67e8ca19a7947072ba7cd55?ysclid=m0m4c4dqkf444176104&from=copy>

<sup>9</sup> О внесении изменений в Правила возмещения российским кредитным организациям и акционерному обществу «ДОМ.РФ» недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам РФ, имеющим детей. Постановление Правительства РФ от 14 апреля 2021 г. № 587.

<sup>10</sup> Льготные программы по ипотеке, которые действуют в России. 25.10.2021. URL: <http://duma.gov.ru/news/52541/>

<sup>11</sup> Итоги I полугодия 2024 в жилищной сфере. URL: <https://дом.рф/upload/iblock/359/596qcc3bs0nnte7v4peyl5mlim7pfmcn.pdf>

детей-инвалидов и дошкольников) был ограничен перечень регионов. Они могут получить льготную ипотеку только в 35 регионах с низким уровнем строительства (на них в 2023 г. и начале 2024 г. пришлось только 13% от всего нового жилья в стране)<sup>12</sup> и в малых городах до 50 тыс. жителей. На Дальнем Востоке, в частности, в этой программе остались Еврейская автономная область, Магаданская область и Чукотский автономный округ, где новое жилье строится в мизерных количествах (соответственно 25,7, 12,0, 6,2 тыс. м<sup>2</sup> в 2023 г.). По мнению экспертов, такое ограничение в ипотеке приведет к невозможности ею воспользоваться из-за отсутствия предложения жилья<sup>13</sup>. Однако для ИЖС условия по семейной ипотеке не ограничивают выбор регионов, что может стимулировать рост его объемов<sup>14</sup>.

Льготная ипотека способствовала развитию индивидуального жилищного строительства во многих регионах страны. Согласно официальной статистике, в целом по России площади ИЖС, как и доля деревянного домостроения, в последние годы растут (табл. 1).

**Таблица 1. Динамика общей площади индивидуальных жилых домов, включая деревянные, в Российской Федерации в 2019–2023 гг.**

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Введено в действие общей площади ИЖС, млн м <sup>2</sup>	38,5	39,8	49,1	57,2	58,7
В том числе построенного с использованием деревянных стен, млн м <sup>2</sup>	8,8	9,4	10,8	14,2	15,7
Доля деревянных домов в общем ИЖС, %	22,9	23,6	22,0	24,8	26,7

**Источник.** О жилищном строительстве в Российской Федерации в 2023 году [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jil\\_stroi\\_2023.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jil_stroi_2023.pdf); Ввод общей площади жилых домов по материалам стен в Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14458>

Темпы роста рынка ИЖС обгоняет индустриальное строительство многоквартирных домов: в 2023 г. из 110 млн м<sup>2</sup> жилья 53% пришлось именно на индивидуальное жилье. За 2019–2023 г. общая площадь введенного индивидуального жилья в России увеличилась в 1,5 раза, при этом рост деревянного домостроения составил 1,8 раза, что привело к увеличению доли деревянных домов в ИЖС на 3,8 п.п. В 2024 г. темпы ИЖС еще ускорились – за 7 месяцев 2024 г. было введено 43,6 млн м<sup>2</sup>, что больше по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. на 23,4%. На ИЖС пришлось 70,2% от всего объема сданного жилья в России<sup>15</sup>. Информации по деревянному домостроению в 2024 г. найти в открытом доступе не удалось.

<sup>12</sup> Ипотечный кошмар: что делать тем, кто хочет купить квартиру в кредит. URL: <https://newizv.ru/news/2024-07-25/ipotchny-koshmar-cto-delat-tem-kto-hochet-kupit-kvartiru-v-kredit-432143>

<sup>13</sup> О жилищном строительстве в Российской Федерации в 2023 году. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jil\\_stroi\\_2023.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jil_stroi_2023.pdf)

<sup>14</sup> URL: <https://спроси.дом.пф/instructions/semeynaya-ipoteka/>

<sup>15</sup> Выдача ипотеки на частные дома обвалилась вдвое сильнее рынка новостроек. URL: <https://realty.rbc.ru/news/66c353669a794774c5274b80?ysclid=m0f4mnl1nr629774140&from=copy>

## Деревянное домостроение как драйвер спроса на лесопромышленную продукцию на Дальнем Востоке

Отметим, что в последние шесть лет было несколько попыток создать специальные инструменты для государственного стимулирования именно деревянного домостроения. В 2018 г. Минпромторгом РФ была разработана специальная программа субсидирования для приобретения и строительства деревянных домокомплектов, так называемая «деревянная ипотека»<sup>16</sup>, благодаря которой кредит мог быть снижен на 5%.

Однако банки не проявили заинтересованности к участию в программе из-за очень короткого периода субсидирования кредита (8 месяцев), неопределенности в продлении программы, незначительного числа компаний, производящих домокомплекты и подходящих под условия программы. В результате, несмотря на проявленный интерес граждан, в 2018 г., по одним данным, было заключено менее 100 сделок<sup>17</sup>, а по другим – всего 14<sup>18</sup>.

В 2019 г. программу доработали, срок ее действия был продлен до 2021 г., субсидируемая процентная ставка осталась прежней (5%), срок действия кредитного договора увеличился до 36 месяцев, банки должны были получать возмещение выпадающих доходов за счет средств федерального бюджета<sup>19</sup>. При этом сохранилось обязательное условие: можно купить домокомплект только заводского изготовления у предприятия-производителя. Этот вариант программы также не вызвал энтузиазма у банков.

Поэтому в 2021 г. Минпромторг РФ, Минстрой РФ и госкорпорация ДОМ.РФ совместно разработали новый инструмент<sup>20</sup>, направленный уже на непосредственную поддержку предприятий по производству деревянных домокомплектов через субсидирование им скидки (не более 10%), предоставленной покупателям деревянных домов бюджетного сегмента<sup>21</sup>.

Но, как показала практика, разработчики программы не учли такой мощный лимитирующий фактор на рынке домостроения, как сильная волатильность цен на стройматериалы и комплектующие. По условиям программы, производители должны были в течение года придерживаться постоянного прейскуранта на все детали домокомплекта. Между тем эти цены зависят как от погодных факторов,

---

<sup>16</sup> Постановление Правительства РФ от 17 февраля 2018 г. № 163 «Об утверждении Правил предоставления субсидий российским кредитным организациям на возмещение выпадающих доходов по кредитам, выданным на приобретение специализированной техники и деревянных домов».

<sup>17</sup> Первый брус комом: «деревянная» ипотека оказалась невостребованной. URL: <https://iz.ru/836856/svetlana-volokhina-volokhina-tatiana-gladysheva/pervyi-brus-komom-dereviannaia-ipoteka-okazalas-nevostrebovannoi>

<sup>18</sup> URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/ipoteka/ipoteka-na-derevyannyj-dom/?ysclid=Iztleu7ep6432051251>

<sup>19</sup> «Деревянная» ипотека 2.0: как будет работать программа льготных кредитов. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5d63b71e9a7947bd64a3d3b6?from=copy>

<sup>20</sup> Постановление Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2022 г. № 2093 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из Федерального бюджета производителям деревянных домокомплектов на возмещение выпадающих доходов, связанных с предоставлением скидки физическим лицам на покупку таких деревянных домокомплектов».

<sup>21</sup> Субсидии для производителей деревянных домов 9 февраля 2021. URL: <https://npadd.ru/novosti/subsidii-dlya-proizvoditeley-derevyannykh-domov/>

так и от внешней конъюнктуры<sup>22</sup>. Например, в 2021 г. произошел беспрецедентный рост мировых цен на пиломатериалы, обусловленный бумом на рынке недвижимости США и увеличившейся во время пандемии активностью по ремонту домов [Антонова, 2022]. Экспортные цены на российские хвойные пиломатериалы за 2021 г. выросли в 1,5 раза, а на внутреннем рынке – в 2,2 раза<sup>23</sup>. В этих условиях сохранять неизменный прейскурант на детали домокомплектов – значит работать себе в убыток, даже получая государственную субсидию.

По идее, учитывая внутренние и внешние шоки российской экономики в 2022–2023 гг., лесопромышленные предприятия и сами должны были бы обратить внимание на внутренний рынок и активнее пользоваться инструментами господдержки. Однако программа субсидирования деревянного домостроения привлекла лишь минимальное число предприятий. По данным Минпромторга РФ, с начала действия 3-го варианта программы (с ноября 2022 г. до середины 2023 г.) заявки на участие в ней подали лишь три компании-производителя, и только одна заявка была удовлетворена. В общей сложности скидки получили около сотни покупателей<sup>24</sup>.

По мнению экспертов, одной из причин непопулярности «деревянной» ипотеки со стороны спроса является ценовая неконкурентоспособность готовых домокомплектов на рынке деревянного домостроения. Этот рынок в России формируют преимущественно частные лица, строящие жилье хозяйственным способом (зачастую с привлечением недорогой рабочей силы, без проектов, договоров и гарантий)<sup>25</sup>, что обходится значительно дешевле. Кроме того, частным застройщикам приходится нести затраты на земельный участок, на само строительство дома, инфраструктуру. По некоторым данным, в 2018 г. при максимально возможной стоимости заводского домокомплекта (3,5 млн руб.), на который можно было бы рассчитывать получить субсидию, готовый дом вместе с участком в европейской части России обошелся бы в пределах 4 млн руб.<sup>26</sup>

Со стороны предложения одной из главных проблем деревянного домостроения в России является небольшое количество заводов по производству домокомплектов, к тому же для участия в программе от них требуется обязательная сертификация, согласно недавно принятому закону № 186-ФЗ<sup>27</sup>. В законе сказано, что домокомплексом считается предназначенная для строительства жилого дома совокупность конструкций, деталей, изделий и материалов, произведенных заводским способом, сведения о которой включены в Реестр российской промышленной продукции.

<sup>22</sup> Деревянные дома со скидкой 10%: как будет работать дисконтная программа. 16.02.2021. URL: <https://realty.rbc.ru/news/602bb7af9a79472bc0cda249?ysclid=m04xmmvnlb651251135&from=copy>

<sup>23</sup> Пиломатериалы – цены в 2021 г. URL: <https://www.lesonline.ru/news/id/592554-pilomaterialy-tseny-v-2021-g?ysclid=m04wlvzu5w641285625>

<sup>24</sup> Скидками на домокомплекты воспользовались около ста человек. URL: <https://rg.ru/2023/07/26/skidkami-na-domokomplekty-vospolzovalis-okolo-sta-chelovek.html?ysclid=m03gzrhnoq320914990>

<sup>25</sup> Рекомендации круглого стола «Перспективы развития деревянного домостроения в Российской Федерации» 2 ноября 2023 г. URL: [http://region.council.gov.ru/activity/activities/round\\_tables/150381/](http://region.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/150381/)

<sup>26</sup> Частный дом с завода: как будет работать программа «деревянной» ипотеки. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5abcc00b9a79479947ba5525?from=copy>

<sup>27</sup> См. закон «О строительстве жилых домов по договорам строительного подряда с использованием счетов эскроу» (от 22.07.2024 № 186-ФЗ).

## Деревянное домостроение как драйвер спроса на лесопромышленную продукцию на Дальнем Востоке

При попытке найти в указанном реестре продукцию «домокомплект» нам удалось обнаружить только два предприятия: ООО «Уютный дом» (Республика Карелия, п. Шуя), производящий два вида комплектов несущего каркаса и ООО «Востоктранс-лес» (Приморский край, с. Чугуевка), производящий домокомплекты из хвойной древесины<sup>28</sup>.

То есть привлекательность механизма государственного стимулирования деревянного домостроения оказалась невысокой как для потребителей, так и производителей домов. Как инструмент развития внутреннего спроса на лесопромышленную продукцию он пока что не работает.

### **Дальневосточный кейс: результаты действия инструментов государственной политики в ИЖС и деревянном домостроении**

Для дальневосточников, помимо общероссийских программ стимулирования жилищного строительства с 2019 г., действует «Дальневосточная и арктическая ипотека» (с 2023 г. она распространяется также на Арктическую зону РФ)<sup>29</sup>. Оператором этой и всех других государственных ипотечных программ выступает ДОМ.РФ. Он возмещает кредиторам недополученные доходы, возникающие в результате снижения процентной ставки ниже рыночных условий. Участникам программы предоставляется ипотечный кредит по ставке 2% годовых на срок до 20 лет. Первоначальный взнос – не менее 20% стоимости жилья, которое можно приобрести только на территории ДФО и Арктического региона.

Эта программа распространяется и на ИЖС, включая покупку у застройщика готового дома по договору купли-продажи или строящегося по договору долевого участия; строительство индивидуального жилого дома самостоятельно или с привлечением подрядной организации; покупку земельного участка с дальнейшим строительством дома.

Участниками дальневосточной части программы могут стать молодые семьи (не старше 35 лет), а также молодые одинокие родители с несовершеннолетними детьми; участники программы «Дальневосточный гектар» (кредит предоставляется только на строительство жилого дома на полученном участке<sup>30</sup>); участники региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов; работники медицинских и образовательных учреждений ДФО, имеющие не менее пяти лет трудового стажа в них; работники предприятий оборонно-промышленного комплекса в ДФО; граждане России – вынужденные переселенцы, проживающие в регионах ДФО.

Как можно было ожидать, «Дальневосточная и арктическая ипотека» пользуется наибольшей популярностью в макрорегионе: за период с 2018 г. по июль 2024 г. в общем объеме выданных по льготным программам в ДФО кредитов ее доля составила

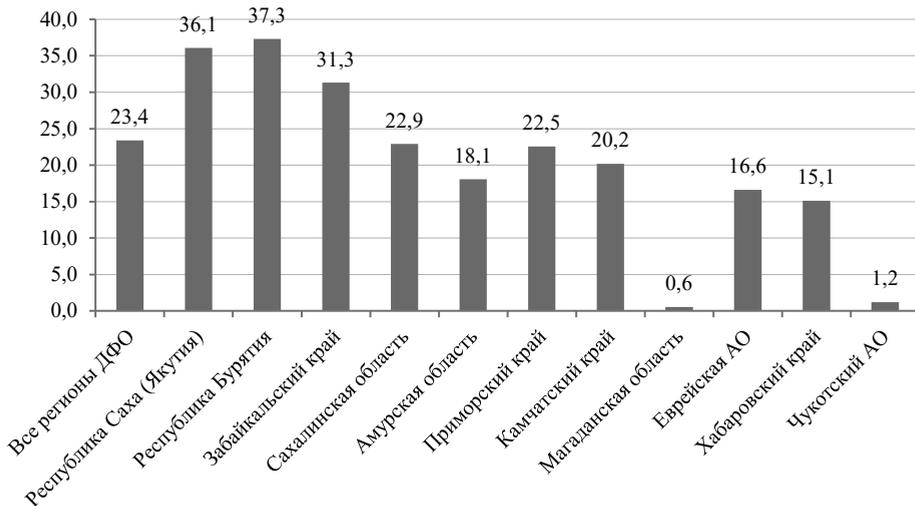
<sup>28</sup> Реестр российской промышленной продукции (ПП РФ 719 от 17.07.2015). URL: <https://gisp.gov.ru/pp719v2/pub/prod/>

<sup>29</sup> Программа Дальневосточная и Арктическая ипотека. URL: <https://дом.рф/mortgage/dalnevostochnaya-ipoteka/>

<sup>30</sup> Дальневосточная ипотека – 2024. Как получить кредит и на что потратить. 17.01.2024. URL: <https://reality.rbc.ru/news/60a61d6e9a7947045b23294c?from=copy>

75,5%, или 497,7 млрд руб. Она лидирует также по количеству выданных кредитов (72,8%, или 108 тыс.) и по площади приобретаемого (строящегося) жилья (75,3% или 6,8 млн м<sup>2</sup>)<sup>31</sup>. Поэтому закрытие федеральной льготной ипотеки на новостройки не оказало существенного влияния на ипотечный рынок Дальнего Востока.

В некоторых регионах ДФО программа служит неплохим стимулом индивидуального жилищного строительства (рис. 1). Особенно можно отметить значительную долю ИЖС в дальневосточных республиках, где традиционно развит частный сектор.



**Источник.** Рассчитано на основе данных ДОМ.РФ «Единая отчетность по льготному ипотечному кредитованию». URL: <https://дом.рф/programmy-gosudarstvennoj-podderzhki/report/>

*Рис. 1.* Доля ИЖС и покупка готовых индивидуальных жилых домов на вторичном рынке в общем количестве сделок по льготной дальневосточной ипотеке в регионах ДФО за 2018 – июль 2024 г., %

В результате за пять лет площадь ИЖС выросла в 2 раза в целом по округу (табл. 2).

Лидируют по темпам ввода Амурская область, Хабаровский и Приморский края (доля последнего в общей площади ввода индивидуальных жилых домов макрорегиона за пять лет составила 18%). Масштабное индивидуальное строительство идет также в Республике Саха (Якутия), ее доля в площади нового ИЖС макрорегиона за этот же период составила 15%.

<sup>31</sup> Рассчитано на основе данных ДОМ.РФ «Единая отчетность по льготному ипотечному кредитованию». URL: <https://дом.рф/programmy-gosudarstvennoj-podderzhki/report/?program=%D0%94%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F+%D0%B8+%D0%90%D1%80%D0%BA%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B0>

Деревянное домостроение как драйвер спроса  
на лесопромышленную продукцию на Дальнем Востоке

Таблица 2. Введено ИЖС в ДФО в 2020–2023 гг.,  
тыс. м<sup>2</sup> общей площади жилых помещений

Регион	2019	2020	2021	2022	2023	2023 к 2019, %
Дальневосточный федеральный округ	1127,1	1209,3	1604,7	1986,4	2291,8	203,3
Республика Бурятия	170,5	190,5	204,9	250,4	302,7	177,5
Республика Саха (Якутия)	222,4	234,6	345,8	385,3	389,7	175,2
Забайкальский край	114,6	139,1	146,9	224,7	280,6	244,8
Камчатский край	51,8	34,8	41,1	50,3	54,4	105,1
Приморский край	235,2	256,8	349,9	468,8	562,7	239,2
Хабаровский край	114,5	116,1	151,5	196,7	273,4	238,8
Амурская область	77,1	68,4	113,2	162,2	208,1	270,0
Магаданская область	6,1	4,6	3,5	4	5,8	95,1
Сахалинская область	142,3	150,3	219	219	192,6	135,3
Еврейская автономная область	8,5	14,1	28,6	24	21,6	253,2
Чукотский автономный округ		-	0,3	0,6	0,4	

**Источник.** О жилищном строительстве в Российской Федерации в 2023 г. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jil\\_stroi\\_2023.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jil_stroi_2023.pdf); [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ypb7tsuS/pril-jil-str\\_2020.doc](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ypb7tsuS/pril-jil-str_2020.doc); [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pril\\_analit\\_zap.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pril_analit_zap.pdf); [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pril\\_jil\\_stroi\\_2022.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pril_jil_stroi_2022.pdf)

К сожалению, крайне сложно найти региональную статистику по материалам, из которых изготовлены индивидуальные дома. Такую информацию в отчетах Росстата удалось обнаружить только по Приморскому краю – в 2023 г. 49% стен новых частных домов здесь сооружалось из древесины<sup>32</sup>. Можно предположить, что в Приморье, где существует традиция сдачи жилья вдоль морского побережья туристам, деревянное строительство будет расти и в дальнейшем, учитывая увеличение турпотока из внутренних регионов РФ в последние четыре года (период пандемии, геополитические шоки) и хорошее сочетание себестоимости и экологичности (комфортности) домов из древесины.

По другим дальневосточным регионам отдельные данные о материалах ИЖС встречаются в неофициальных источниках. Так, по информации СМИ, в Республике Бурятия в 2021 г. 72,1% общей площади введенных индивидуальных жилых домов построены из древесины<sup>33</sup>. В Хабаровском крае, по словам представителя регионального правительства, в 2021 г. доля деревянного домостроения в ИЖС составляла 24%, в 2023 г. она выросла до 36%<sup>34</sup>.

Трудно сказать, насколько эти данные отражают реальную картину с использованием древесины в жилищном строительстве макрорегиона. Возможно, следует внести какие-то изменения в систему статистического учета, тем более что в Стра-

<sup>32</sup> Строительная деятельность 2023 год. Приморкстат. URL: <https://25.rosstat.gov.ru/folder/28571>

<sup>33</sup> Бурятия занимает шестое место в РФ по темпам роста строительства. GAZETA-N1.RU14.08.2022. URL: <https://gazeta-n1.ru/news/society/114042/>

<sup>34</sup> ВЭФ. Сессия «Лесной комплекс: технологии современного деревянного домостроения. URL: <https://forumvostok.ru/programme/business-programme/?day=4.09.2024>

тегии развития лесного комплекса РФ до 2030 года намечена цель довести уровень жилых домов и объектов социально-культурного назначения с использованием деревянных конструкций до 20% к 2030 г. в среднем по стране в рамках программ с государственными мерами поддержки<sup>35</sup>.

Региональные власти пытаются создавать свои программы и проекты по развитию деревянного домостроения. В Приморском крае такая программа действовала в 2019–2022 гг.<sup>36</sup> Однако она была направлена главным образом на популяризацию деревянного домостроения, бюджетных средств на нее не предусматривалось.

В Хабаровском крае в 2021 г. был инициирован проект «Дом дальневосточника», первоначально ориентированный на деревянное индивидуальное домостроение с использованием местного сырья<sup>37</sup>. Ожидалось, что в ходе его реализации доля деревянных домов в крае увеличится до 20% от общей площади введенного в регионе жилья в 2022–2025 гг. В качестве инструмента жителям края (без возрастных ограничений) предлагалась пониженная на 4 п.п. кредитная ставка на ипотеку, не превышающую 12 млн руб. Источником финансовых средств для покрытия этой субсидии должны были стать инфраструктурные кредиты из федерального бюджета. Региональное правительство гарантировало участникам программы выделение земельных участков, обеспеченных инженерной инфраструктурой<sup>38</sup>. Предполагалось, что себестоимость квадратного метра такого жилья составит 40–50 тыс. руб. за счет экономии на использовании типовых проектов домов и централизованного подведения коммуникаций<sup>39</sup>.

Однако в ходе реализации проекта выяснилось, что в крае практически отсутствуют производители деревянных домокомплектов. Кроме того, многие потребители не готовы жить в домах только из древесины. Поэтому «Дом дальневосточника» был переориентирован на другие строительные материалы. По факту был построен всего один дом из деревянного домокомплекта (компания «КД Восток»), причем не из местного сырья – это был сушеный брус, завезенный из Иркутской области. Стоимость дома первоначально была оценена в 7 млн руб., но в результате он был продан в 1,5 раза дешевле<sup>40</sup>.

Таким образом, региональные инициативы по стимулированию деревянного домостроения пока что дают очень слабый импульс лесопромышленному и строительному бизнесу развивать этот сегмент строительства.

---

<sup>35</sup> Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса РФ до 2030 года. Распоряжение Правительства РФ от 11 февраля 2021 года № 312-р.

<sup>36</sup> Об утверждении региональной программы Приморского края «Развитие деревянного домостроения» на 2019–2022 годы. Постановление администрации Приморского края от 11.03.2019 № 150-па.

<sup>37</sup> Дегтярев: доля деревянного домостроения в Хабаровском крае займет до 20% к 2024 году. ТАСС 12 августа 2021. URL: <https://tass.ru/vedvizhimost/12111965>

<sup>38</sup> Дом дальневосточника. URL: <https://stroyka27.ru/unit-holders-info/1/>

<sup>39</sup> Хабаровский край подготовил документацию для проекта «Дом дальневосточника» URL: <https://gia.ru/20211022/proekt-1755725938.html>

<sup>40</sup> Губернатора подставили: о проблемах «Дома дальневосточника» рассказала его владелица. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2023/06/22/157189/>

## **Потенциальные возможности и проблемы в формировании спроса и предложения на древесину в строительстве на Дальнем Востоке**

В научной литературе активно обсуждаются различные направления расширения использования изделий из древесины в строительстве с целью стимулирования спроса [Афонин, 2023; Дементьев, 2020; Петров и др., 2023]. Это и индивидуальное малоэтажное, и многоэтажное строительство, и использование древесины в создании социальной инфраструктуры, общественных зданий, и активизация ИЖС в рамках программ ликвидации ветхого и аварийного жилья. Рассмотрим эти возможности для дальневосточных регионов.

Определенные перспективы ИЖС раскрывает механизм комплексного развития территорий (КРТ), который в настоящее время является одним из ключевых направлений развития градостроительства в России, включая дальневосточные регионы<sup>41</sup>. Деревянное домостроение потенциально может быть задействовано при реализации стандарта КРТ.

В частности, в г. Хабаровске ДОМ.РФ проводит аукционы на право заключения договора о комплексном развитии незастроенной территории на пяти земельных участках общей площадью 207,5 га, находящихся в федеральной собственности<sup>42</sup>. Победителем двух аукционов стала компания «Техград» из г. Ульяновска, которая планирует построить в общей сложности более 800 тыс. м<sup>2</sup> жилья. В рамках реализации проектов КРТ, помимо строительства жилья, предполагается обустройство детских и спортивных площадок, размещение объектов инфраструктуры, благоустройство и озеленение<sup>43</sup>. Кроме того, в документах по торгам<sup>44</sup> рекомендуется включать в проекты комплексной застройки малоэтажные здания из Каталога пилотных проектов с использованием деревянных несущих строительных конструкций, представленного на сайте Минстроя РФ.

Фактически реализованным примером комплексной застройки на основе деревянного домостроения можно считать поселок «Новый Де-Фриз», построенный компанией DNS Девелопмент в 2018–2023 гг. в Надеждинском районе Приморского края (хотя формально он к КРТ не относится). На территории в 18 га построено 350 домовладений, рассчитанных на 1100 жителей, к каждому дому подведены электричество, централизованные сети водоснабжения и канализации, выполнено комплексное благоустройство территории. При строительстве домов использовалась каркасно-панельная технология на основе SIP-панелей собственного производства (сэндвич-панели из трех слоев: двух ориентированно-стружечных плит и теплоизоляционного

<sup>41</sup> Маховик ДВ реновации. 08.04.2021. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/makhovik-dv-renovatsii/>

<sup>42</sup> Список торгов в Хабаровском крае. URL: <https://земля.дом.пф/auctions/khabarovsk-territory/>

<sup>43</sup> По итогам аукционов ДОМ. РФ в Хабаровске построят более 835 тыс. м<sup>2</sup> жилья. 07 августа 2024. URL: <https://minstr.khabkrai.ru/events/Novosti/3470>

<sup>44</sup> Документы по торгам. URL: <https://земля.дом.пф/auctions/archive/488968/>

материала)<sup>45</sup>. К сожалению, в дальнейшем компания отказалась от использования в ИЖС SIP-панелей и перешла на железобетон и многоэтажное строительство, поскольку потребительский спрос на такие дома не оправдал ожиданий<sup>46</sup>.

Опыт использования древесины для создания объектов социальной инфраструктуры на Дальнем Востоке связан в первую очередь с природоохранной деятельностью. Для центра «Амурский тигр» в селе Красный Яр (Приморский край) ООО «КЛМ-Арт» построило 3000 м<sup>2</sup> зданий из клееного бруса, включая помещения почты, дома быта, пекарни, отделения полиции, визит-центра, детского сада, фельдшерского пункта, дома для сотрудников, а также 12 автономных научных станций, расположенных в тайге<sup>47</sup>. Вся продукция была произведена из ангарской сосны, заготовленной в Красноярском крае, где ООО «КЛМ-Арт» имеет крупное производство<sup>48</sup>. То есть местное сырье в данном проекте не использовалось.

Приведенные примеры – это точечные, эксклюзивные проекты, трудно поддающиеся тиражированию, т.е. рассматриваться как драйверы долгосрочного и масштабного спроса на продукцию местного лесного комплекса они не могут.

Возможно, что содействовать решению этой проблемы будет поставленная Президентом РФ<sup>49</sup> задача по внедрению типовых проектов повторного применения деревянных домокомплектов заводского изготовления для размещения в них многофункциональных объектов, совмещающих социальные, коммерческие, правоохранительные функции.

Еще одним перспективным направлением использования древесины представляется создание жилья для переселения граждан из ветхого и аварийного фонда. Подобные программы реализуются в каждом субъекте Федерации, включая дальневосточные. В настоящее время происходит корректировка региональных программ в соответствии с федеральным законом «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» от 21.07.2007 № 185-ФЗ (ред. от 25.12.2023) и утвержденными методическими рекомендациями<sup>50</sup>. Рекомендуемые типы жилья для переселения – многоквартирные дома, дома блокированной застройки, а также индивидуальные жилые дома. Среди материалов первоначально фигурировали кирпич, крупные железобетонные блоки, железобетонные панели, монолитный железобетонный каркас с заполнением, то есть древесина не предусматривалась.

<sup>45</sup> DNS Девелопмент / Проекты / Загородный поселок. URL: <https://dnsdevelopment.ru/projects/zagorodnyu-poselok/>

<sup>46</sup> ВЭФ. Сессия «Лесной комплекс: технологии современного деревянного домостроения. URL: <https://forumvostok.ru/programme/business-programme/?day=4.09.2024>

<sup>47</sup> Не только CLT. XIV конгресс по деревянному строительству. URL: <https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=6537>

<sup>48</sup> Вклад КЛМ-Арт в сохранение популяции амурского тигра. URL: <https://klm-art.ru/vklad-klm-art-v-sokhranenie-populyatsii-amurskogo-tigra/>

<sup>49</sup> Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития лесопромышленного комплекса 22.03.2023. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70764>

<sup>50</sup> Об утверждении методических рекомендаций по формированию субъектами Российской Федерации региональных адресных программ по переселению граждан из аварийного жилищного фонда: приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 11.11.2021 г. № 817/пр.

## Деревянное домостроение как драйвер спроса на лесопромышленную продукцию на Дальнем Востоке

Однако после совещания по развитию лесопромышленного комплекса в 2023 г. и сформулированных на нем поручений Президента РФ в методические рекомендации было внесено дополнение, что допускается применение комплектов домов высокой степени заводской готовности на основе деревянного каркаса, массивных деревянных панелей и (или) клееных конструкций для возведения многоквартирных жилых зданий. Как видим, про использование древесины в ИЖС речи пока не идет, хотя в упомянутом перечне поручений говорится о выделении в 2023 и 2024 гг. из федерального бюджета ежегодно 10 млрд руб. на строительство деревянных малоэтажных жилых зданий с использованием домокомплектов заводского изготовления для переселения граждан из аварийных домов<sup>51</sup> (без уточнения: индивидуальные или многоквартирные это дома). Тем не менее включение деревянных конструкций в перечень разрешенных к использованию материалов будет способствовать росту спроса на лесопромышленную продукцию.

Немаловажен вопрос стоимости квадратного метра жилья, предназначенного для переселения. Строительство осуществляется за бюджетные средства, основную долю покрывает Фонд содействия реформированию ЖКХ, остальное вносится из региональных и муниципальных бюджетов, поэтому нормативная стоимость определяется и контролируется жестко. Для того чтобы деревянное домостроение стало частью программы расселения из аварийного жилья, необходимо обеспечить нормативную стоимость строительства, но принимая во внимание дороговизну деревянных домокомплектов, добиться этого будет сложно.

Вторая сторона вопроса – это предложение материала для деревянного домостроения. Отметим, что на протяжении последних 20 лет произведенные в ДФО пиломатериалы практически полностью поставлялись на экспорт, поскольку внутрирегиональный рынок не был развит. Ужесточение условий внешней торговли негативно влияет на экономические параметры экспорта лесопромышленной продукции (падение спроса и цен, соответственно, низкая выручка). Это заставляет компании искать новые направления сбыта внутри страны, в том числе на рынке деревянного домостроения.

Нами рассчитаны возможные объемы деревянного домостроения на Дальнем Востоке, исходя из объемов производимой лесопромышленной продукции в макрорегионе. За основу взяты показатели по расходу пиломатериалов по трем наиболее востребованным технологиям деревянного домостроения (каркасное, из CLT-панелей, дом из бруса)<sup>52</sup>.

В таблице 3 представлены результаты расчетов потенциально возможной площади строительства деревянных домов в ДФО и его наиболее развитых лесопромышленных регионах – Приморском и Хабаровском краях – исходя из реальных объемов производства пиломатериалов. В расчетах использованы показатели 2022 г. с целью иллюстрации имеющихся мощностей для производства деревянных домов.

<sup>51</sup> Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития лесопромышленного комплекса 22.03.2023. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70764>

<sup>52</sup> Информация была приведена в выступлении вице-президента Segezha Group на сессии «Лесной комплекс: технологии современного деревянного домостроения ВЭФ. 04.09.2024. URL: <https://forumvostok.ru/programme/business-programme/?day=4.09.2024>

**Таблица 3. Потенциально возможные объемы деревянного домостроения в дальневосточных регионах по различным технологиям исходя из объемов производства пиломатериалов**

Показатель	ДФО	Приморский край	Хабаровский край
1. Объем производства пиломатериалов, 2022 г., млн м <sup>3</sup>	3,5	0,9	1,5
2. Технологии домостроения, млн м <sup>2</sup> :			
каркасное домостроение	11,6	2,8	5,1
дом из бруса	7,0	1,7	3,1
дом из CLT-панелей	7,8	2,1	3,9
смешанные технологии*	9,7	2,3	4,3

**Примечание.** \*Расчет проводился исходя из следующего соотношения технологий: 52% – каркасная технология, 31% – брус, 18% – CLT-панели.

При расчете последней строки в таблице мы принимали во внимание данные о сложившейся структуре используемых технологий в России. Эксперты Ассоциации деревянного домостроения оценивали в 2023 г. технологическую структуру деревянного строительства следующим образом: доля каркасных домов составляла 51,5%, дома из массива – 31%, из SIP-панелей – 11%, из клееного бруса – 2,5%, панельные (в том числе CLT) и модульные дома – 2,5%<sup>53</sup>. Мы предположили, что возможная структура, с учетом перспективного развития производств по производству CLT-панелей в ДФО, может включать все три основные технологии деревянного домостроения.

Представленные показатели, конечно, довольно условны, они свидетельствуют, какова была бы возможная площадь деревянного домостроения на территории ДФО, если бы все произведенные пиломатериалы были пущены на строительство. Тем не менее эти расчеты позволяют сравнить реальный ввод ИЖС в макрорегионе (табл. 2) как возможный спрос на деревянное домостроение и существующий потенциал предложения сырья при трех различных технологиях возведения домов.

Если сравнивать с объемами индивидуального жилищного строительства в наиболее населенных регионах ДФО, объемы производства пиломатериалов потенциально достаточны для закрытия спроса на сегмент деревянного домостроения (во внимание приняты также другие направления использования пиломатериалов). То есть предложение сырья не должно сдерживать спрос. Однако необходимо учесть ряд факторов.

1. Качество производимых в ДФО и экспортируемых пиломатериалов в основной своей массе довольно низкое. Это преимущественно сырые пиломатериалы, поставляемые на китайский рынок. Правда, после ввода в 2022 г. повышенных ставок пошлин на экспорт древесины влажностью более 22% доля сухих пиломатериалов выросла. Однако, вероятнее всего, лишь небольшая часть местной продукции соответствует требованиям, предъявляемым современным домостроением к качеству древесины, стабильности размеров и прочности материалов.

<sup>53</sup> Не только CLT. XIV конгресс по деревянному строительству. URL: <https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=6537>

## Деревянное домостроение как драйвер спроса на лесопромышленную продукцию на Дальнем Востоке

2. В регионах ДФО критически мало предприятий по производству домокомплектов. Так, на сайте Министерства строительства Хабаровского края<sup>54</sup> в перечне организаций, осуществляющих ИЖС и выпускающих домокомплекты, представлены всего два предприятия, которые работают с древесиной. Для того чтобы деревянное домостроение развивалось, необходимо создавать производства последующих переделов пиломатериалов, желательно – на основе современных технологий, обеспечивающих надлежащее качество, масштабы и себестоимость.

3. Третий сдерживающий фактор для ДФО – конкуренция с продукцией из других регионов России, где лучше развито производство домокомплектов, имеется древесина более высокого качества. Из двух упомянутых ранее производителей домокомплектов в Хабаровском крае одно предприятие работает только с сибирской древесиной, второе не идентифицировало происхождение материала. Кроме того, существует сильная конкуренция со стороны Китая.

Это верно и в отношении использования деревянных строительных конструкций в проектах КРТ. Если даже застройщик воспользуется рекомендацией к их применению, скорее всего, он привезет продукцию из западных регионов страны (особенно, если сама компания не местная, и у нее есть сложившийся пул проверенных поставщиков, как в описанном ранее случае кейсе Хабаровска).

Таким образом, при достаточном количестве первичного сырья требуются серьезные инвестиции в создание современных производств его обработки для применения в домостроении.

### Заключение

Проведенный анализ показал, что как сегмент жилищного строительства деревянное домостроение получило определенный импульс в связи с активизацией льготных ипотечных программ. Соответственно, с завершением действия наиболее массовой из них происходит снижение темпов в ИЖС, включая деревянное домостроение. Каков будет дальнейший тренд в его развитии в России без инструментов господдержки и в условиях постоянного роста ключевой ставки, предположить нетрудно. Но в ДФО, где пока сохраняется дальневосточная ипотека, индивидуальное жилье продолжает строиться.

Деревянное домостроение как вид экономической деятельности базируется на взаимосвязи двух мощных экономических комплексов – лесного и строительного. Понимая это, органы государственного управления пытаются разрабатывать инструменты поддержки сразу в двух сферах экономики, но это не всегда приводит к желаемому результату. Примером может послужить невостребованность «деревянной» ипотеки, направленной на стимулирование «технологичного» использования древесины в строительстве через применение домокомплектов заводского изготовления. Рынок выявил ценовую неконкурентоспособность этого продукта по сравнению с существующими способами строительства деревянных домов (прежде всего хозяйственным способом). Снизить себестоимость производства домокомплектов можно было бы за счет масштабирования производства, но для этого нужны инвестиции,

---

<sup>54</sup> URL: <https://minstr.khabkrai.ru/?menu=getfile&id=3360>

технологии, оборудование и время. То есть проблемы развития деревянного домостроения затрагивают вопросы законодательного, технологического, экономического уровня [Никитенко, 2019].

По мнению экспертов, массовый спрос на деревянные дома возможен при условии, что бытовой и технологический комфорт и безопасность проживания в них будут не ниже, чем у многоквартирных домов из традиционных материалов<sup>55</sup>. Кроме того, для снижения цен на деревянное жилье необходимо использовать экономичные технологии (например, каркасное домостроение), массовую типовую застройку поселков с готовой инфраструктурой.

Чрезвычайно важно учитывать региональные особенности функционирования лесного комплекса. Для дальневосточных регионов с низкой плотностью населения стимулирование эффективного внутреннего спроса довольно проблематично. Наибольшим потенциалом потребления древесины в домостроении на Дальнем Востоке обладают южные регионы, где сосредоточена основная часть населения. На северных территориях в домостроении гораздо более важен освоенческий аспект, что предполагает обращение к другим технологиям и материалам.

На Восточном экономическом форуме в сентябре 2024 г. специальная сессия была посвящена развитию деревянного домостроения на Дальнем Востоке как перспективному направлению, способному не только поддержать отрасль, но и удовлетворить потребности в качественном жилье. Некоторые эксперты полагают, что, учитывая развитый лесной комплекс, макрорегион может стать ключевым полигоном для реализации новых проектов в сфере деревянного домостроения<sup>56</sup>. Плодотворным направлением применения местной древесины может стать и строительство малоэтажного жилья для переселения людей из аварийного фонда, а также создание объектов социальной инфраструктуры, общественных зданий, как в рамках комплексного развития территорий в городах, так и в сельской местности. Но здесь основным игроком должно выступать государство.

Как показали наши расчеты, потенциально ресурсы для домостроения в регионе имеются. Но использовать этот потенциал региональный лесной комплекс сможет лишь при условии создания современных производств по выпуску высококачественных изделий для домостроения, конкурентоспособных с продукцией из других регионов России, а также из КНР. Это требует значительных инвестиций и государственных преференций, что делает данное направление стратегическим приоритетом развития лесного комплекса на средне- и долгосрочную перспективу.

## Литература/ References

Антонова Н.Е. Лесной комплекс Хабаровского края в поисках путей развития // ЭКО. 2023. № 11. С. 64–85. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-64-85

<sup>55</sup> Пыжжев А., Гордеев Р. В доме, где резной палисад // Эксперт. 2023. № 11, 13 марта, С. 44–47. URL: <https://kiozk.ru/article/ekspert/v-dome-gde-reznoj-palisad-2>

<sup>56</sup> Лесной комплекс: технологии современного деревянного домостроения. Сессия ВЭФ-2024. 04.09.2024. <https://forumvostok.ru/programme/business-programme/?day=4.09.2024>

Деревянное домостроение как драйвер спроса  
на лесопромышленную продукцию на Дальнем Востоке

- Antonova, N.E. (2023). Forest Complex of Khabarovsk Krai in Search of Development Paths. *ECO*. No. 11. Pp. 64–85. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2023–11–64–85
- Антонова Н.Е. Особенности проявления новых внутренних и внешних шоков в лесном комплексе ДФО и их возможные последствия // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 5. С. 17–31. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.5.17>
- Antonova, N.E. (2022). Features of the Manifestation of New Internal and External Shocks in the Forest Complex of the Far Eastern Federal District and Their Possible Consequences. *Regionalistics*. Vol. 9. No. 5. Pp. 17–31. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.5.17>
- Афонин В.С. Перспективы строительства и развития архитектуры многоэтажных деревянных гражданских зданий // Academia. Архитектура и строительство. 2023. № 4. С. 51–57 DOI: 10.22337/2077–9038–2023–4–51–57
- Afonin, V.S. (2023) Prospects for the construction and development of the architecture of multi-storey timber civil buildings. *Academia. Architecture and Construction*. No. 4. Pp. 51–57. (In Russ.). DOI: 10.22337/2077–9038–2023–4–51–57
- Дементьев Д.А. Современный опыт строительства многоквартирных деревянных домов в зарубежных странах // Архитектура и современные информационные технологии. 2020. № 1(50). С. 95–108. DOI: 10.24411/1998–4839–2020–15006
- Dementiev, D.A. (2020). Modern experience of multi-apartment wooden houses construction in foreign countries. *Architecture and modern information technologies*. Vol. 50. No. 1. Pp. 95–108. (In Russ.). DOI: 10.24411/1998–4839–2020–15006
- Никитенко Е.Б. Социально-экономические проблемы в вопросах развития деревянного домостроения // Жилищные стратегии. 2019. Т. 6. № 2. С. 199–214. DOI: 10.18334/zhs.6.2.40696
- Nikitenko, E.B. (2019). Socio-economic problems in the development of wooden housing construction. *Russian Journal of Housing Research*. Vol. 6. No. 2. Pp. 199–214. (In Russ.). DOI: 10.18334/zhs.6.2.40696
- Петров В., Кондрашов Г., Калашников С., Толстолугов В., Толстолугова И., Артиков Р. Малоэтажное деревянное домостроение и его инженерное обустройство как парадигма жилищного строительства для Сибири и Арктического региона России // Сантехника, отопление, кондиционирование. 2023. № 11. С. 64–75.
- Petrov, V., Kondrashov, G., Kalashnikov, S., Tolstolugov, V., Tolstolugova, I., Artikov, R. (2023). Low-rise wooden housing construction and its engineering arrangement as a paradigm of housing construction for Siberia and the Arctic region of Russia. *Plumbing, heating, air-conditioning*. No. 11. Pp. 64–75. (In Russ.).
- Пыжев А.И. Эластичность спроса на лесную продукцию в макрорегионах России: моделирование для прогнозирования развития отрасли // Terra Economicus. 2024. № 22(1). С. 104–116. DOI: 10.18522/2073–6606–2024–22–1–104–116
- Pyzhev, A.I. (2024). Elasticity of demand for forestry products in macro-regions of Russia: Models to forecast sector development. *Terra Economicus*. Vol. 22. No. 1. Pp. 104–116. (In Russ.). DOI: 10.18522/2073–6606–2024–22–1–104–116

Статья поступила 25.09.2024

Статья принята к публикации 30.09.2024

**Для цитирования:** Антонова Н.Е. Деревянное домостроение как драйвер спроса на лесопромышленную продукцию на Дальнем Востоке // ЭКО. 2025. № 1. С. 71–88. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–71–88

### Информация об авторе

*Антонова Наталья Евгеньевна* (Хабаровск) – доктор экономических наук.  
Институт экономических исследований ДВО РАН.  
E-mail: antonova@ecrin.ru; ORCID: 0000-0003-0317-0817

### Summary

*N.E. Antonova*

#### **Timber House Building as a Driver of Demand for Timber Products in the Far East**

**Abstract.** The paper considers the opportunities for the development of domestic demand for the products of the forestry complex of the Far Eastern Federal District in house building. It identifies potential opportunities and problems in the formation of such demand in individual housing construction, including wooden house-building, analyzes the results of state support of this sector at the national and regional levels. It is demonstrated that the regional forestry complex will be able to use its resource advantage on condition of creation of modern technological productions for production of high-quality products for wooden house-building, competitive with products from other regions of Russia and imports, which requires significant investments and state preferences.

**Keywords:** *forest complex; individual housing construction; wooden house construction; preferential mortgage; supply and demand; timber products; Far East*

**For citation:** Antonova, N.E. (2025). Timber House Building as a Driver of Demand for Timber Products in the Far East. *ECO*. No. 1. Pp. 71–88. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-71-88

### Information about the author

*Antonova, Natalia Evgenievna* (Khabarovsk) – Doctor of Economic Sciences.  
Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the RAS.  
E-mail: antonova@ecrin.ru; ORCID: 0000-0003-0317-0817

# Жилищная ипотека в экономике современной России<sup>1</sup>

**Н.П. Дементьев**

УДК 336.77

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-89-103

**Аннотация.** На протяжении 2020–2024 гг. льготные семейная ипотека и ипотека на новостройки были главными драйверами роста жилищного кредитования и строительства жилья. Но одновременно быстро росли ипотечные диспропорции и риски. Из-за ажиотажного спроса на жилье оно быстро дорожало, отчего выгоду от ипотечных льгот получали не столько заемщики, сколько застройщики. Возникли риски, связанные с низкой платежеспособностью половины ипотечных заемщиков. Перегрев рынка побудил правительство 1 июля 2024 г. отменить льготную ипотеку на новостройки и ужесточить условия других льготных ипотечных программ. Уже в III квартале этого года произошел обвал льготного ипотечного кредитования. Несколько ранее из-за роста ключевой ставки Банка России стала быстро сокращаться и рыночная ипотека. В ближайшие 2–3 года не стоит ожидать существенного роста жилищной ипотеки.

**Ключевые слова:** ипотечное кредитование; льготная семейная ипотека; льготная ипотека на новостройки; драйверы роста; ажиотажный спрос; ценовые диспропорции; ипотечный кризис

До 2020 г. почти вся жилищная ипотека в России была рыночной. Но затем правительство ввело льготную ипотеку на новостройки для всех граждан и смягчило условия льготной семейной ипотеки. Преследовались две главные цели: стимулировать экономический рост в условиях коронавирусной пандемии и повысить рождаемость в стране. Действительно, жилищное строительство и смежные отрасли стали быстро развиваться, но одновременно в них накапливались крупные диспропорции и риски. Стремительно росли цены на новостройки, отчего возникла парадоксальная ситуация: из-за появления ипотечных льгот снизилась доступность жилья для большей части населения. Выгоду же от появления льгот получили главным образом застройщики и ипотечные банки. Кроме того, до половины ипотечных кредитов оказались «токсичными», поскольку выдавались они заемщикам с низкой кредитоспособностью. В середине 2023 г. Банк России начал повышать ключевую ставку, вслед за которой соразмерно росли и рыночные ипотечные ставки. Это быстро привело к обвалу рыночной ипотеки.

В данной работе проведен критический анализ российской ипотеки в 2020–2024 гг., показано, почему льготные ипотеки, введенные, казалось бы, с лучшими намерениями, оказались с крупными дефектами. Дан примерный прогноз жилищной ипотеки на ближайшую перспективу после частичного свертывания льготных программ в июле 2024 г.

<sup>1</sup> Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.6.4. (0260–2021–0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности» № 121040100281–8.

## Общие сведения о российской жилищной ипотеке

До 1 июля 2024 г. существовало несколько государственных льготных ипотечных программ, среди которых доминировали семейная ипотека и льготная ипотека на новостройки. В 2023 г., например, доли этих ипотек в общем количестве выданных льготных ипотечных кредитов составляли 46 и 45% соответственно<sup>2</sup>. За исключением некоторых оговариваемых случаев, обеими ипотеками можно было воспользоваться только на основании договора долевого участия (ДДУ) в строительстве жилья или договора купли-продажи с застройщиком.

Суть механизма ипотечных льгот: устанавливаются низкие процентные ставки, под которые уполномоченные банки могут выдавать населению ипотечные кредиты. Правительство РФ возмещает банкам выпадающие доходы по процентной ставке, равной ключевой ставке Банка России с надбавкой за вычетом ставки по льготному кредиту. Размер надбавки устанавливается правительством, время от времени она пересматривается.

В последние годы в десятку лидеров рынка ипотечного кредитования входят шесть государственных банков – Сбербанк, ВТБ, Банк ДОМ.РФ, Банк «Открытие», Россельхозбанк и Промсвязьбанк. Все они контролируются структурами Минфина РФ – Фондом национального благосостояния и агентством Росимущество. По результатам 2023 г. на долю Сбербанка и ВТБ приходилось 79,1% выданных ипотечных жилищных кредитов (ИЖК), а на долю всех шести – 86,5%. Как видно, российский ипотечный рынок ныне сильно монополизирован, он регулируется Банком России и через акционерный капитал управляется государством.

В литературе по ипотечной проблематике часто неверно понимаются термины «первичное жилье» и «вторичное жилье». Используемые в статье статистические данные взяты главным образом из материалов Банка России и АО ДОМ.РФ (АИЖК до марта 2018 г.), в которых эти термины имеют вполне определенное значение. Первичным жильем обе организации считают новостройки, но не все, а только те, которые строятся в рамках договора долевого участия. После того, как право собственности на построенное жилье будет зарегистрировано в Росреестре на имя дольщика, оно считается его собственностью. Застройщик выступает здесь, скорее, в роли подрядчика в строительстве жилья, а не его собственника. Вторичным называется любое жилье, на которое оформлено свидетельство о регистрации права собственности в Росреестре. Важно отметить, что часть вторичного жилья составляют новостройки, которые возводятся застройщиками без привлечения дольщиков и их средств. В этом случае застройщики по завершении строительства жилья регистрируют его на свое имя и затем уже на правах собственников выставляют жилье на рынок в качестве вторичного. Покупатели такого жилья могут воспользоваться теми же льготными ипотечными программами, что и участники ДДУ.

---

<sup>2</sup> Что такое семейная ипотека и кто ее может получить. ВЕДОМОСТИ. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2024/08/16/1056234-semeinaya-ipoteka> (дата обращения: 16.10.2024).

## **2020–2021 гг.: семейная ипотека и льготная ипотека на новостройки становятся главными драйверами роста жилищной ипотеки**

По сути, история современной льготной жилищной ипотеки начинается с 2020 г., до этого ипотека практически полностью была рыночной. Хотя семейная ипотека со сниженной ставкой появилась в 2018 г., выданные в 2019 г. льготные ипотечные жилищные кредиты составляли всего лишь 4,9% от их общего объема.

Поначалу воспользоваться семейной ипотекой могли семьи с двумя и более детьми, причем требовалось, чтобы хотя бы один из них родился после 2017 г. В отношении некоторых семей (с ребенком-инвалидом, например) условия ипотеки были более мягкими. Максимальная сумма кредита в Москве, Санкт-Петербурге и их областях была определена в 8 млн руб., в остальных регионах – в 3 млн руб., размер минимального первоначального взноса – 20% от стоимости приобретаемого жилья. Льготная процентная ставка распространялась только на несколько лет после выдачи кредита. Такие условия не прельщали покупателей жилья, и в 2018 г. лишь 4446 семей воспользовались льготной семейной ипотекой. Поэтому в апреле 2019 г. это положение семейной ипотеки было изменено, и льготная ставка стала действовать до конца срока действия кредита.

Но и предпринятые в 2019 г. меры правительства в льготной семейной ипотеке не привели к росту всего ипотечного рынка. Очевидно, по этой причине, а также из-за опасений спада в жилищном строительстве на фоне начавшейся коронавирусной пандемии правительство предприняло в 2020 г. дополнительные меры по повышению привлекательности льготной семейной ипотеки. В июне максимальная сумма кредита в обеих столицах и их областях была повышена до 12 млн руб., а в остальных регионах – до 6 млн руб. Кроме того, в августе минимальный первоначальный взнос был снижен с 20 до 15% от стоимости приобретаемого жилья. Но, главное, в середине апреля 2020 г. была запущена льготная жилищная ипотека на новостройки.

В рамках льготной ипотеки на новостройки всем совершеннолетним российским гражданам предоставлялась возможность получить кредиты до 3 млн руб. (а в Москве, Петербурге и их областях – до 8 млн руб.) под 6,5%. Минимальный первоначальный взнос был определен в 15% от стоимости приобретаемой недвижимости. Предполагалось, что выдача кредитов по новой программе продлится до конца октября 2020 г., но затем эта дата несколько раз переносилась. О том, что реальной необходимости в продлениях этой ипотеки не было, говорилось в некоторых исследованиях по ипотечной проблематике (см., например, [Мусиенко, 2021]).

После того, как в 2020 г. были скорректированы условия семейной ипотеки и появилась льготная ипотека на новостройки, объемы льготного ипотечного кредитования выросли почти в 10 раз по сравнению с предыдущим годом – со 130 до 1293 млрд руб. На первый план сразу же выдвинулась льготная ипотека на новостройки. За неполный 2020 г. в ее рамках было выдано кредитов на 984 млрд руб.<sup>3</sup>,

---

<sup>3</sup> Ипотечная телеграмма № 79. Занимательная математика 2020. Итоги. РУСИПОТЕКА, 01.02.2021. URL: [http://rusipoteka.ru/ipoteka\\_sekyuritizaciya/ipoteka\\_2021/ipotechnaya\\_telegramma\\_79zanimatelnaya\\_matematika\\_2020\\_itogi/](http://rusipoteka.ru/ipoteka_sekyuritizaciya/ipoteka_2021/ipotechnaya_telegramma_79zanimatelnaya_matematika_2020_itogi/) (дата обращения: 16.10.2024).

что составило 76,15% от всех льготных ипотечных кредитов, предоставленных населению за тот год. Покупателей жилья привлекали льготные процентные ставки, к тому же они спешили воспользоваться этой ипотекой, поскольку осенью ее предполагалось закрыть. Впрочем, отчасти расширение льготного ипотечного кредитования было связано с быстрым ростом цен на новое жилье. В IV квартале 2020 г. средняя цена 1 м<sup>2</sup> на первичном рынке выросла на 23% по сравнению с IV кварталом 2019 г.

С 1 июля 2019 г. взносы дольщиков стали поступать застройщикам по-новому – в рамках проектного финансирования. До этого нередкими были случаи разворовывания взносов. Так, например, только в Подмосковье от недобросовестных застройщиков пострадало 117 тыс. человек<sup>4</sup>. По новой схеме взносы дольщиков должны храниться на беспроцентных счетах условного депонирования (счетах эскроу) в уполномоченных банках, список которых публикуется Банком России. Застройщики получали к ним доступ только после сдачи жилья в эксплуатацию, а до тех пор должны были обходиться собственными средствами и банковскими кредитами. Перемены в финансировании долевого жилищного строительства обеспечили сохранность денег дольщиков, что способствовало улучшению инвестиционного климата в этой сфере.

В начале июля 2021 г. Правительство РФ еще более повысило доступность льготной семейной ипотеки: право воспользоваться ею получили также семьи с одним ребенком, родившимся после 1 января 2018 г. Эти меры сыграли свою роль: объем выданных в 2021 г. ипотечных кредитов увеличился почти в два раза по сравнению с 2019 г. – с 2935 до 5700 млрд руб. (табл. 1). При этом объем льготных ИЖК вырос почти в 12 раз – со 139 до 1665 млрд руб.

**Таблица 1. Ипотечные жилищные кредиты, предоставленные физическим лицам – резидентам в рублях**

Отчетная дата	Задолженность на отчетную дату, млрд руб.	За год, предшествующий отчетной дате			
		предоставленные ИЖК, млрд руб.			средневзвешенный срок кредитов за декабрь, лет
		всего	первичный рынок	вторичный рынок	
01.01.2015	3464	1766	н.д.	н.д.	14,8
01.01.2016	3932	1161	н.д.	н.д.	15,2
01.01.2017	4522	1474	572	902	15,4
01.01.2018	5280	2022	662	1360	15,6
01.01.2019	6527	3013	871	2142	16,7
01.01.2020	7822	2934	923	2012	17,9
01.01.2021	9486	4445	1500	2945	18,8
01.01.2022	12004	5700	1880	3820	21,4
01.01.2023	14058	4813	2063	2750	24,1
01.01.2024	18198	7779	3376	4403	25,2

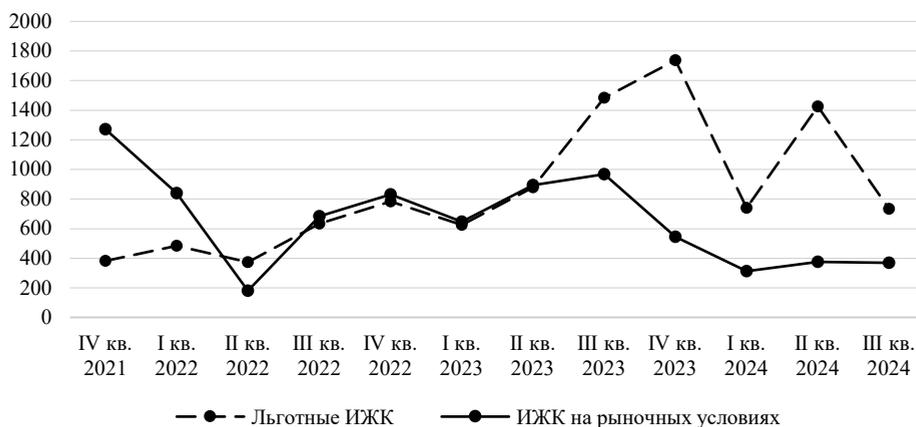
**Источник.** Банк России и АО ДОМ.РФ.

<sup>4</sup> Андрей Воробьев: «К 1 января мы должны окончательно закрыть тему дольщиков» // Коммерсантъ. 14.12.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6395658> (дата обращения: 16.10.2024).

Если в 2019 г. объем ипотечных кредитов, выданных на рыночных условиях, оценивался в 2795 млрд руб., то в 2021 г. – в 4030 млрд руб. (+44,2%). Быстрому росту способствовало падение рыночных ипотечных ставок вслед за ключевой ставкой Центробанка. С 27 июля 2020 г. по 21 марта 2021 г. Банк России поддерживал ее на рекордно низком уровне в 4,25%, чтобы стимулировать инвестиционную активность в экономике на фоне коронавирусной пандемии.

### 2022 г.: начало СВО на Украине, рост ключевой ставки БР и спад в российской жилищной ипотеке

В 2022 г. произошел значительный спад в ипотечном кредитовании: объем ИЖК составил 4813 млрд руб. против 5700 млрд руб. годом ранее. Главной причиной послужили панические настроения участников ипотечного рынка в первые месяцы после начала СВО на Украине. Если в I квартале 2022 г. объем выданных ипотечных кредитов составил 1325 млрд руб., то во II квартале – 555 млрд руб. (снижение в 2,4 раза). При этом льготные ИЖК снизились с 485 до 374 млрд руб., а рыночные ИЖК – с 840 до 181 млрд руб. (рис. 1).



Источник. Банк России.

Рис. 1. Объемы льготных и рыночных ИЖК в 2021–2024 гг., млрд руб.

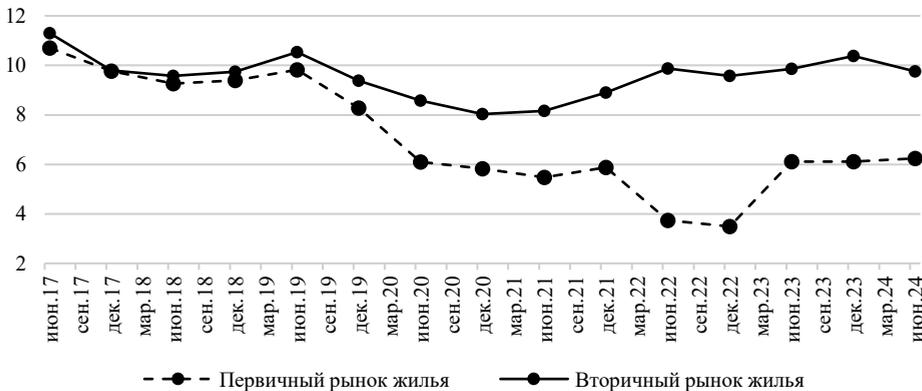
Причиной форменного обвала рыночной ипотеки во II квартале послужили резко возросшие рыночные ипотечные ставки. На практике они обычно превышают на несколько процентов ключевую ставку Банка России. И 25 февраля регулятор объявил о повышении ставки с 9,5 до 20%, а уже в марте средневзвешенная рыночная ипотечная ставка поднялась до 20,8% (в январе она составляла 10,5%). Брать ипотеку со столь высокими ставками население в большинстве своем отказывалось. При этом льготное ипотечное кредитование пострадало намного меньше, потому что после начала СВО льготные ставки остались на прежнем уровне, а государство продолжило выплачивать банкам возросшую разницу между рыночным и льготным процентом. Это, с одной стороны, поддерживало спрос на льготную ипотеку, а с другой – снижало кредитные риски для ипотечных банков.

В апреле 2022 г. Банк России начал постепенно понижать ключевую ставку и в сентябре довел ее до 7,5%, после чего она оставалась неизменной до июля следующего года. Параллельно снижались и рыночные ипотечные ставки. Так, в мае средневзвешенная рыночная ипотечная ставка составляла 13,2%, тогда как ключевая снизилась за месяц с 14 до 11%. Выдача ипотечных кредитов на рыночных условиях стала расти, и в IV квартале 2022 г. их объем практически сравнялся с аналогичным показателем в I квартале (рис. 1). Быстро росла и выдача льготных кредитов, что в какой-то степени объясняется появлением тогда ипотек от застройщиков (подробнее о ней далее).

В целом за 2022 г. в составе выдаваемых ипотечных кредитов резко возросла доля льготных ИЖК. Если в IV квартале 2021 г. она составляла 23%, то в III квартале 2022 г. возросла до 48% и оставалась на том же примерно уровне в следующих трех кварталах.

### Ипотечные процентные ставки на рынке жилья

До апреля 2020 г. средневзвешенные ипотечные процентные ставки и на первичном, и на вторичном рынке жилья формировались большей частью на рыночной основе и потому мало различались по величине (рис. 2). Но с течением времени расхождение между ними стало расти: на первичном рынке ипотечные кредиты все чаще стали выдаваться по льготным ставкам, тогда как на вторичном большая часть ипотеки оставалась рыночной. Очень сильно снизилась средневзвешенная ставка на первичном рынке после запуска льготной ипотеки на новостройки (апрель 2020 г.) – с 7,8% в марте до 6,1% в июне. И в последующие месяцы, за исключением мая 2022 г. – января 2023 г., ставка незначительно отклонялась от уровня в 6%.



Источник. АО ДОМ.РФ.

Рис. 2. Ипотечные ставки на рынке жилья, 2017–2024 гг., %

Резкое снижение средневзвешенной ипотечной ставки в мае – декабре 2022 г. (в этот период она не превышала 4%) было связано с появлением субсидированных ипотек от застройщиков: последние заключали договоренности с банками-партнерами, в рамках которых те выдавали ипотечные кредиты под заниженный процент,

а застройщики компенсировали им выпадающие доходы тем или иным способом. Привлекать покупателей жилья низкими ставками застройщиков заставляло падение спроса после начала СВО на Украине.

Впрочем, быстро обнаружилось, что цены на жилье по такого рода партнерским программам были на 20–30% выше среднерыночных. Регулятор усмотрел в этих манипуляциях желание застройщиков ввести в заблуждение покупателей жилья и в начале 2023 г. принял меры по их ограничению. Для банков, выдававших ипотечные кредиты под близкие к нулю проценты, были повышены нормы резервирования капитала, и вскоре ипотеки от застройщиков сошли на нет.

В течение 2017–2024 г. БР несколько раз то снижал ключевую ставку с целью оживления экономического роста в стране, то повышал ее, когда из-за смягчения денежно-кредитной политики инфляция ускорялась. С некоторым запозданием в том же направлении изменялась и средневзвешенная ипотечная ставка на вторичном рынке жилья. Именно этим объясняется появление трех «ямок» в динамике этой ставки на рисунке 2 (верхняя траектория). Как это происходило, можно проиллюстрировать на одном примере. С июня 2019 г. по март 2021 г. ключевая ставка в несколько приемов уменьшилась с 7,75% до 4,25%. Вслед за этим снижалась и средневзвешенная ставка на вторичном рынке. Если в июне 2019 г. она составляла 10,8%, то в марте 2021 г. – 7,9%. Дешевые кредиты быстро разгоняли инфляцию в стране: за 2019 г. потребительские цены выросли на 3%, а за 2021 г. – уже на 8,4%. Регулятор был вынужден поднять ключевую ставку, и к середине февраля 2022 г. она достигла 9,5%. Повышалась и средневзвешенная ставка на вторичном рынке. В феврале 2022 г. она оценивалась в 9,6%.

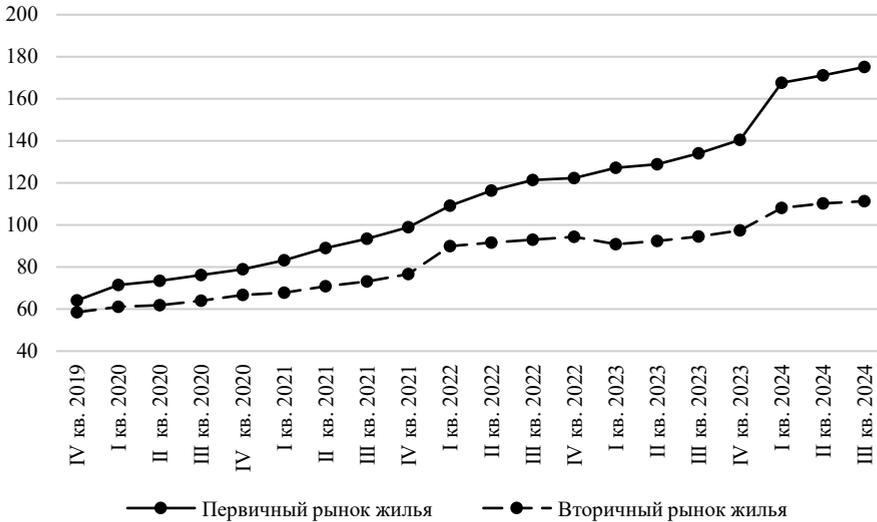
### **Льготные ипотеки и быстрый рост цен на новостройки**

После смягчения условий льготной семейной ипотеки и появления льготной ипотеки на новостройки разрыв между первичным и вторичным рынками жилья рос не только по линии ипотечных ставок, но и по ценам. Если в IV квартале 2019 г. средняя цена 1 м<sup>2</sup> на первичном рынке жилья была на 9,6% выше, чем на вторичном, то в III квартале 2024 г. разница составляла уже 57,3% (рис. 3). Цены на жилье росли намного быстрее, чем издержки на его строительство. Например, в декабре 2022 г. цены на наблюдаемые Росстатом виды приобретаемых строительными организациями материалов, деталей и конструкций выросли на 20,9% по сравнению с декабрем 2020 г.<sup>5</sup>, что практически совпало с приростом потребительских цен за то же время. Однако первичное жилье в IV квартале 2022 г. подорожало на 54,8% по сравнению с IV кварталом 2020 г., а вторичное – на 41,5%.

Главную причину стремительного удорожания первичного жилья следует искать в быстром росте спроса после появления льготных ипотечных программ. Этим же во многом объясняется и быстрый рост цен на вторичное жилье: покупатели готового жилья от застройщиков могли воспользоваться льготными ипотечными программами,

<sup>5</sup> Росстат. О жилищном строительстве в Российской Федерации в 2022 году // URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jil\\_stroi\\_2022.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jil_stroi_2022.pdf) (дата обращения: 16.10.2024).

поэтому на такие виды жилья быстро росли спрос и, как следствие, цена. Подорожанию нового жилья способствовало и появление в 2022 г. ипотек от застройщиков.



**Источники.** Банк России и Росстат.

Рис. 3. Средняя цена 1 м<sup>2</sup> площади квартир на рынке жилья в 2019–2024 гг., тыс. руб.

Быстрое наращивание жилищного строительства могло бы затормозить рост цен, но для этого нужно было расширять производственные мощности. А с этим застройщики, похоже, не слишком торопились. Рынку жилищного строительства в России присуща высокая монополизация. В Санкт-Петербурге, например, в середине 2022 г. на пять крупнейших застройщиков приходилось 55,4% вводимого жилья<sup>6</sup>. Свою роль сыграли и инвестиционные риски, порожденные неопределенностью со сроками действия льготных ипотечных программ. Не зная, что будет в ближайшем будущем, застройщики не рисковали вкладывать деньги в расширение производственных мощностей, ведь после свертывания льготной ипотеки спрос снизится, и новые мощности окажутся лишними.

Еще одной причиной роста цен на первичном рынке могло послужить появление счетов эскроу в долевом строительстве: при заключении договоров долевого участия застройщики завышали стоимость жилья на величину прогнозируемого обесценения денег к концу строительства.

### «Минусы» льготных ипотечных программ

За годы действия льготных ипотечных программ резко повысилась кредитная задолженность российского населения. За 2020–2023 гг. долги домохозяйств

<sup>6</sup> Монополизация рынка недвижимости: чем это грозит покупателям. РБК. 27 июня 2022. URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/62b9b1437a8aa9a6d1cd03fc>. (дата обращения: 16.10.2024).

перед кредитными организациями возросли на 16,4 трлн руб. – с 19,1 до 35,5 трлн, при этом задолженность по ипотечным кредитам увеличилась на 10,3 трлн руб. По данным Банка России, в 2023 г. было предоставлено ипотечных кредитов на 7,78 трлн руб., из которых 4,73 трлн руб. (60,8%) выданы в рамках ипотечных программ с господдержкой<sup>7</sup>. Столь масштабные льготные программы на рынке жилья могут спровоцировать банковский кризис, поскольку из-за чрезмерной доступности льготных ИЖК среди их получателей оказалось множество лиц с низкой кредитоспособностью.

За 2020–2023 гг. существенно ухудшилось качество выдаваемых ипотечных кредитов. По данным БР, в третьем квартале 2023 г. доля кредитов, предоставленных заемщикам с показателем долговой нагрузки<sup>8</sup> более 80%, составила 47%, тогда как двумя годами ранее она была почти в два раза меньше. При этом половина всех ипотечных выдач приходилась на кредиты с первоначальным взносом менее 20%. Либеральное отношение банков к ипотечным заемщикам характеризует и тот факт, что в конце 2023 г. более двух третей долга по ипотеке приходилось на заемщиков, у которых был хотя бы один потребительский кредит. Порой заемщики, не имея денег для первоначального взноса, брали для этих целей потребительские кредиты. Для их погашения (с процентами) малоимущему заемщику нужно будет получить новый более крупный кредит, и так далее. На каком-то шаге банки перестанут рефинансировать заемщика, и он окажется банкротом. Именно схемы рефинансирования рискованных ипотечных заемщиков стали одной из главных причин ипотечного, а затем и финансового кризиса в США (2007–2008 гг.).

Слишком быстрый рост цен на новое жилье, нежелательный сам по себе, имеет и другие неприятные последствия. Во-первых, банк, выдавший кредит под залог нового жилья, рискует понести убытки в случае банкротства заемщика, потому что заложенное жилье придется продавать на вторичном рынке, а там его цена окажется намного ниже. Такого же рода убытки понесет и покупатель нового жилья, если он потом захочет продать его.

Во-вторых, доступность дорожающего жилья банки поддерживали увеличением срока ипотечных кредитов. Если в декабре 2018 г. средневзвешенный срок выданных ипотечных кредитов составлял 16,7 лет, то в декабре 2023 г. – 25,2 лет. По данным Банка России, у 42% лиц, получивших ипотечные кредиты во второй половине 2023 г., возраст на момент планового погашения кредита превысит 65 лет. Эти обстоятельства, а также невозможность сколько-нибудь полно предвидеть картину не слишком-то устойчивой российской экономики на несколько десятилетий вперед существенно повышают для банков риски в ипотечном кредитовании.

Возникает вопрос, действительно ли жилье стало более доступным после появления льготных ипотечных программ? Если в 2019 г. средней семье из трех человек требовалось 3,2–3,3 года, чтобы накопить деньги на покупку средней квартиры (при условии, что она откладывает на это все доходы), то в 2022 г. – более четырех лет

<sup>7</sup> Банк России. Обзор рынка ипотечного жилищного кредитования. URL: [https://cbr.ru/statistics/bank\\_sector/mortgage/Indicator\\_mortgage/1223/](https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/Indicator_mortgage/1223/) (дата обращения: 16.10.2024).

<sup>8</sup> Показатель долговой нагрузки – это отношение среднемесячных платежей заемщика по всем кредитным обязательствам к его среднемесячному доходу.

[Козлов, 2023]. При этом для 38% семей, взявших ипотеку, ежемесячные выплаты по ней превышали 30% от совокупного семейного дохода [Пшеницин, Соклакова, Егорова, 2024]. О том, что в дополнение ипотечных программ «следует проводить целенаправленную политику в части роста доходов и заработной платы», говорилось еще в 2021 г. [Басова, 2021]. Главными же приобретателями выгоды от появления льготных ипотек, несомненно, были застройщики.

Считается, что льготная ипотека предназначалась, прежде всего, нуждающимся семьям, живущим в стесненных жилищных условиях. Но, похоже, на деле ею пользовались в основном состоятельные граждане, а вот покупатели с невысокими доходами – гораздо в меньшей степени. Из таблицы 2 видно, что после появления льготной ипотеки на новостройки ввод индивидуальных домов вырос с 38,5 млн м<sup>2</sup> в 2019 г. до 58,7 млн м<sup>2</sup> в 2023 г. (+52,5%). Ввод многоквартирных домов рос намного медленнее – с 43,5 до 51,8 млн м<sup>2</sup> (+19,1%).

Таблица 2. Объемы ввода жилья в РФ, 2016–2024 гг., млн м<sup>2</sup>

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024*
Всего	80,2	79,2	75,7	82,0	82,2	92,6	102,7	110,4	87,6
Многokвартирные дома	48,4	46,2	43,2	43,5	42,4	43,5	45,5	51,8	29,5
Индивидуальные дома	31,8	33,0	32,4	38,5	39,8	49,1	57,2	58,7	58,1

**Примечание.** \* Объемы ввода жилья за январь – октябрь 2024 г.

**Источник.** АО ДОМ.РФ.

По данным Росстата<sup>9</sup>, в новых индивидуальных жилых домах средний размер квартир в 2022 г. составил 142,5 м<sup>2</sup>. Покупателями таких квартир были, надо полагать, преимущественно небогатые семьи. Для покупки жилья им было выгоднее взять льготные ИЖК с низкими процентными ставками, а свои деньги размещать в банках под более высокий рыночный процент. Что же касается многоквартирных домов, то в этом случае у покупателей в приоритете были однокомнатные квартиры и студии<sup>10</sup>. Ясно, что среди покупателей такого жилья были большей частью небогатые люди, и, судя по вводу многоквартирных домов, льготные ИЖК слабо стимулировали их спрос. Все это не вяжется с заявлениями о социальной направленности действовавших льготных ипотек. В связи с этим спорным представляется предложение изменить акцент в жилищной политике с многоэтажного на индивидуальное жилищное строительство [Коростин, 2023].

## 2024 г.: заоблачные ключевые ставки Банка России, спад жилищной ипотеки

Пытаясь снизить темпы инфляции, Банк России во второй половине 2023 г. несколько раз повышал ключевую ставку, в результате чего она возросла с 7,5 до 16%. В результате процентная ставка для субсидий по льготной ипотеке

<sup>9</sup> Росстат. О жилищном строительстве в Российской Федерации в 2022 году. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jil\\_stroi\\_2022.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jil_stroi_2022.pdf) (дата обращения: 16.10.2024).

<sup>10</sup> Алексей Зубец: Нельзя: не заметить определенного роста напряженности на ипотечном рынке. РУСИПОТЕКА. 2024. URL: <https://rusipoteka.ru/experts/50839/> (дата обращения: 16.10.2024).

на новостройки выросла за полугодие почти в пять раз – с 2 до 9,5% (напомним, ее размер определяется путем вычета ставки по льготному кредиту из ключевой ставки БР с надбавкой).

Начиная с осени 2020 г. Банк России настойчиво призывал прекратить раздачу льготных ипотечных кредитов «всем подряд», но, похоже, только возросшие в несколько раз расходы федерального бюджета на субсидирование ипотечных ставок убедили правительство ужесточить условия льготных ипотек. В сентябре 2023 г. минимальный первоначальный взнос во всех программах с господдержкой был повышен до 20% от стоимости жилья. В декабре взнос в льготной жилищной ипотеке на новостройки был повышен еще раз – до 30%. Тогда же в этой ипотеке была установлена максимальная сумма кредита – 6 млн руб. Ранее в Москве, С.-Петербурге, Московской и Ленинградской областях лимит был в два раза выше. С 2,5 до 1,5% была снижена процентная надбавка для расчета господдержки, после чего ипотечные банки стали жаловаться на убытки и требовать от застройщиков-партнеров комиссионных, а от правительства – повышения надбавки. Не исключено, что банки излишне прибеднялись, но их прибыли действительно снизились, и они считали, что застройщики имеют сверхдоходы после взлета цен на новое жилье, которыми следует поделиться.

Предпринятые правительством меры привели к тому, что в I квартале 2024 г. выдача льготных ИЖК снизилась в 2,3 раза по сравнению с последним кварталом предыдущего года (рис. 1). Последовавший во II квартале 2024 г. всплеск льготного жилищного кредитования был связан с заявлениями правительства о закрытии льготной ипотеки на новостройки и ужесточении условий семейной ипотеки с 1 июля того же года.

Более чем двукратное увеличение ключевой ставки Банка России во второй половине 2023 г. сопровождалось соразмерным ростом рыночных ипотечных ставок и, как следствие, обвальным снижением объема рыночной ипотеки. Выдача рыночных ИЖК сократилась с 967 млрд руб. в III квартале 2023 г. до 324 млрд руб. в I квартале 2024 г. и не превышала 400 млрд руб. в течение следующего полугодия.

А 1 июля 2024 г. льготная жилищная ипотека на новостройки перестала существовать. Семейная ипотека была продлена до конца 2030 г., но в ней значительно ужесточились требования к заемщикам. Получить ее могут семьи хотя бы с одним ребенком до шести лет включительно или с несовершеннолетним ребенком с инвалидностью. Кроме того, семейной ипотекой могут воспользоваться семьи с двумя или более детьми из небольших городов (до 50 000 человек) и из регионов с низким объемом строительства. В небольших ипотечных программах требования к заемщикам также были повышены. Предпринятые правительством меры проявились быстро: в III квартале 2024 г. выдача ипотечных кредитов с господдержкой снизилась почти в два раза по сравнению со II кварталом – с 1425 до 734 млрд руб. (рис. 1). В III квартале 2024 г. объем выданных ИЖК снизился в 2,2 раза относительно аналогичного периода предыдущего года – с 2451 до 1104 млрд руб.

В ближайшие 2–3 года едва ли возможен существенный рост ипотечного кредитования. Если господдержка ипотеки и расширится, то ненамного. По словам

А. Силуанова<sup>11</sup>, в 2024 г. госрасходы на субсидирование ипотечных ставок составят около 1,1 трлн руб. Если в 2025 г. ставка составит 19%, то расходы будут на таком же уровне, добавил он. От федерального бюджета, испытывающего ныне трудности, ждать заметного увеличения и без того внушительных ипотечных субсидий вряд ли придется. Усугубляет ситуацию высокая инфляция из-за санкций и растущих военных расходов. По словам зампреда Совета безопасности РФ Д. Медведева, и после завершения СВО на Украине «придется в течение достаточно большого количества лет выпускать оружие в очень значительных объемах»<sup>12</sup>.

Осенью 2024 г. спад в рыночной ипотеке еще более углубился. В октябре ключевая ставка Банка России была повышена с 19 до 21%, причем регулятор не исключал ее повышения в декабре. К середине ноября 2024 г. на первичном рынке средняя ставка по рыночным программам взлетела до 28,4%, а на вторичном – до 28,6%.

Существенные риски могут возникнуть в кредитовании застройщиков со стороны ипотечных банков. Только за III квартал 2024 г.<sup>13</sup> количество нераспроданного жилья в новостройках России увеличилось на 4,2% – с 73,8 до 76,9 млн м<sup>2</sup>. На июль 2024 г. было не продано около 65% строящегося жилья [Федоров, Яшина, 2024]. Нераспроданное жилье строилось большей частью за счет кредитов, полученных застройщиками в ипотечных банках. Из-за снижения спроса на жилье продажа свободных квартир может затянется, и в этом случае застройщикам не хватит денег, чтобы вовремя рассчитаться с кредиторами.

Снижение цен на жилье могло бы повысить спрос, и как бы застройщики ни тянули, рано или поздно им придется это сделать. Денег будет не хватать, а регулятор не собирается поддерживать их кредитами. Как заявила Э. Набиуллина, у застройщиков есть возможности для сокращения цен на жилье, поскольку они «накопили неплохую финансовую подушку – цены росли и у них прибыль кратно выросла за четыре года»<sup>14</sup>.

Взросшие риски ипотечного кредитования могут негативно сказаться на устойчивости российской банковской системы, тем более что ипотечные кредиты массово предоставлялись заемщикам с низкой кредитоспособностью. Некоторые эксперты даже говорили о формировании «ипотечного пузыря» после введения льготных программ [Ерофеева, Некрасов, 2024]. Но ожидать чего-то подобного американскому ипотечному кризису 2007–2008 гг. не стоит. Почти вся ипотечная деятельность осуществляется несколькими государственными банками, банкротства которых регулятор не допустит. Другое дело, что его кредиты в помощь таким банкам станут дополнительным фактором роста инфляции в стране.

---

<sup>11</sup> Антон Силуанов оценил расходы бюджета на льготную ипотеку // Ведомости. 18 окт. 2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/10/18/1069665-siluanov-otsenil-rashodi> (дата обращения: 18.10.2024).

<sup>12</sup> Медведев: после СВО России нужно будет много лет наращивать арсенал // ТАСС, 28 авг. 2024. URL: <https://tass.ru/politika/21702233> (дата обращения: 16.10.2024).

<sup>13</sup> Названы регионы с наибольшим ростом нераспроданного жилья в новостройках // РБК. 1 окт. 2024. URL: <https://realty.rbc.ru/news/670f80b29a79479868d6c526> (дата обращения: 18.10.2024).

<sup>14</sup> Набиуллина считает, что застройщики выдержат снижение цен на жилье // РБК. 10 апр. 2024. URL: <https://realty.rbc.ru/news/66166b3a9a79473fada26d06> (дата обращения: 16.10.2024).

## Выводы

Начиная с 2020 г. льготная семейная ипотека, и в особенности льготная ипотека на новостройки, были мощными драйверами роста ипотечного жилищного кредитования и строительства жилья. Поскольку обе они были нерыночными, на рынке жилья быстро возникли большие перекосы. Из-за ипотечных льгот возник ажиотажный спрос на новостройки, цены на них стремительно росли. Этому же способствовало и появление счетов эскроу в долевом строительстве. С помощью льгот государство хотело повысить доступность жилья для населения, но получилось обратное: цены на жилье росли быстрее зарплат, и его доступность существенно снизилась.

Начавшийся в июле 2023 г. быстрый рост ключевой ставки ЦБ и вслед за ней рыночных ипотечных ставок резко обострил ситуацию в ипотеке и жилищном строительстве. Объемы рыночных ИЖК снизились в 2–3 раза, а государственные расходы на субсидирование ипотечных ставок возросли в 4–5 раз. Это убедило правительство ужесточить условия льготных ипотек и закрыть 1 июля 2024 г. льготную ипотеку на новостройки.

С 2020 г. рекордными темпами росло строительство индивидуальных домов с большой площадью, рост строительства многоквартирных домов был намного скромнее. Это плохо вяжется с декларированными целями льготных ипотек – поддержкой малоимущих граждан, семей с детьми. Большую же часть выгод от льготных ипотек получили застройщики – из-за взлета цен на жилье.

В III квартале 2024 г. ипотечное кредитование снизилось почти в два раза по сравнению с предыдущим кварталом, и в ближайшие 2–3 года не стоит ожидать его существенного роста. Причины тому – высокие рыночные ипотечные ставки, дороговизна жилья и, как следствие, низкий спрос на него, ограниченные возможности федерального бюджета увеличивать расходы по поддержке льготных ипотек. На этом фоне могут возникнуть кризисные явления, связанные с низкой платежеспособностью ипотечных заемщиков и ростом объемов нераспроданного жилья, отчего некоторые застройщики не смогут вовремя рассчитаться по кредитам и разорятся. Однако масштабного ипотечного кризиса не произойдет, поскольку почти вся ипотечная деятельность в России осуществляется в 5–6 государственных банках.

Из-за снизившегося спроса на жилье цены на него будут постепенно падать, этот процесс Банк России может ускорить путем введения гибких правил выплат со счетов эскроу застройщикам. В будущем целесообразно сделать льготные ипотеки предельно адресными, срок их действия для всех желающих должен быть небольшим, чтобы избежать возникновения диспропорций в экономике.

## Литература / References

- Басова Е.А.* Доступная ипотека vs доступность жилья. Хотели как лучше, а получилось...? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 113–130. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.7
- Basova, E.A. (2021). Mortgage availability vs. availability of housing. We wanted the best, but it turned out...? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 14. No. 4. Pp. 113–130. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.7

- Ерофеева М.Ю., Некрасов В.В.* Состояние сферы ипотечного кредитования как ведущий фактор развития рынка недвижимости в современной России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 7. Т. 1. С. 287–293. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.07.01.029
- Erofeeva, M. Yu., Nekrasov, V.V. (2024). The state of mortgage lending as a leading Factor in the development of the Real estate market in modern Russia. *Ekonomika i Upravlenie: Problemy, Resheniya*. Vol. 1. No. 7. Pp. 287–293. (In Russ.). <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.07.01.029>.
- Козлов И.М.* Рынок ипотечного кредитования в России в постпандемийный период: динамика и меры по развитию // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. № 10. Т. 2. С. 137–145. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.10.02.017
- Kozlov, I. M. (2023). Mortgage lending market in Russia in the post-pandemic period: dynamics and development measures. *Ekonomika i Upravlenie: Problemy, Resheniya*. Vol. 2. No. 10. Pp. 137–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.10.02.017>
- Коротин С.А.* Пути совершенствования жилищной политики в России // Региональная экономика. Юг России. 2023. Т. 11. № 2. С. 104–112. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2023.2.10>.
- Korostin, S.A. (2023). Ways to Improve Russia's Housing Policy. *Regional Economy. South of Russia*. Vol. 11. No. 2. Pp. 104–112. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2023.2.10>
- Мусяненко С.О.* Реализация программы льготной ипотеки-2020: результаты, возможности и риски // Известия высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством» [Ивэкофин]. 2021. № 2 (48). С. 95–103. DOI: 10.6060/ivecofin.2021482.540
- Musienko, S.O. (2021). Implementation of the preferential mortgage program-2020: results, opportunities and risks. *Ivecofin*. No. 2(48). Pp. 95–103. (In Russ.). DOI: 10.6060/ivecofin.2021482.540.
- Пушеницын А.В., Соклакова И.В., Егорова Л.Р.* Перспективы развития ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации // Вестник Академии управления и производства. 2024. № 3. С. 95–101.
- Pshenitsyn, A.V., Soklakova, I.V., Egorova, L.R. (2024). Prospects for the development of housing mortgage lending in the Russian Federation. *Vestnik Akademii Upravleniya i Proizvodstva*. No. 3. Pp. 95–101. (In Russ.).
- Федоров В.А., Яшина Н.И.* Анализ результатов программы массовой льготной ипотеки в Российской Федерации в период развития проектного финансирования // Общество. 2024. № 3–2 (34). С. 113–118.
- Fedorov, V.A., Yashina, N.I. (2024). Analysis of the results of the program of mass preferential mortgages in the Russian Federation during the development of project financing. *Obshchestvo*. No. 3–2. Pp. 113–118. (In Russ.).

Статья поступила 20.12.2024

Статья принята к публикации 25.12.2024

**Для цитирования:** Дементьев Н.П. Жилищная ипотека в экономике современной России // ЭКО. 2025. № 1. С. 89–103. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–89–103

### Информация об авторе

Дементьев Николай Павлович (Новосибирск) – доктор физико-математических наук.  
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.  
E-mail: [dement@ieie.nsc.ru](mailto:dement@ieie.nsc.ru); ORCID: 0000–0001–5605–9640

## Summary

*N.P. Dementiev*

### Housing Mortgage in the Economy of Modern Russia

**Abstract.** Over the period from 2020- to 2024, preferential family mortgages and preferential mortgages for new buildings were the main drivers of growth in housing credit and housing construction. But at the same time, mortgage imbalances and risks grew rapidly. Due to the rush demand for housing, it quickly became more expensive, so that the beneficiaries of mortgage benefits were not so much the borrowers as the developers. There were risks associated with the low solvency of half of mortgage borrowers. Overheating of the market prompted the government on July 1, 2024 to cancel the preferential mortgage for new buildings and tighten the terms of other preferential mortgage programs. Already in the third quarter of this year there was a collapse of preferential mortgage lending. A few years earlier, due to the growth of the key rate of the Bank of Russia, market mortgages began to decline rapidly. In the next 2–3 years, we should not expect a significant growth in residential mortgages.

**Keywords:** *mortgage lending; preferential family mortgage; preferential mortgage for new buildings; growth drivers; hype demand; price disproportions; mortgage crisis*

**For citation:** Dementiev, N.P. (2025). Housing Mortgage in the Economy of Modern Russia. *ECO*. No. 1. Pp. 89–103. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–89–103

### Information about the author

*Dementiev, Nikolay Pavlovich* (Novosibirsk) – Doctor of Physical and Mathematical Sciences.  
Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS.  
E-mail: [dement@ieie.nsc.ru](mailto:dement@ieie.nsc.ru); ORCID: 0000–0001–5605–9640

# Потенциал обеспечения структурных изменений в экономике дальневосточных ресурсных регионов

**Н.В. Ломакина**

УДК 338.23+338.28; 332.142

DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2025-1-104-122

**Аннотация.** Государственная политика технологического суверенитета вошла в стадию практической реализации на разных иерархических уровнях, создавая возможности для промышленной диверсификации не только отраслевых, но и региональных экономических систем. Один из важных факторов вовлеченности того или иного региона в реализацию этой политики – накопленный в его экономической системе «потенциал перехода» к более высокому технологическому уровню. В статье такой потенциал оценивается для трех дальневосточных регионов (Хабаровский край, Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область). Они различаются по масштабам и структурным характеристикам экономик, но все обнаруживают высокую степень готовности к реализации проектов, обладающих таксономическими признаками проектов технологического суверенитета. На основе полученных количественных оценок выявлены тренды региональных потенциалов в 2013–2022 гг. и показано, что «потенциал перехода» (в части основных фондов, инвестиций, подготовки кадров) преобладает в сырьевой сфере экономики.

**Ключевые слова:** государственные приоритеты; минерально-сырьевой комплекс; ресурсные регионы; оценка потенциала; производственно-технический потенциал; инвестиционный потенциал; кадровый потенциал; структурные изменения; Дальний Восток России

## Введение

Вопросы формирования и реализации политики технологического суверенитета в РФ, остро актуализированные в 2022 г., сегодня «входят в плоскость» постановки и решения текущих задач. После принятия в 2022–2023 гг. ряда стратегических документов, отражающих концептуальные и методологические аспекты этой политики, разработана уже целая «линейка» национальных и отраслевых программ, определяющих набор методов, инструментов, организационно-экономических и управленческих мер, обеспечивающих ее реализацию.

Для субъектов Федерации существенными факторами вовлеченности в реализацию политики технологического суверенитета являются не только наличие институционального поля, но и накопленный на территории «потенциал перехода» к иной экономической структуре, к более высокому технологическому уровню. Поэтому сегодня чрезвычайно важно оценить и сам этот потенциал, и условия их участия в развитии высокотехнологичных производств национальной экономики. Это в полной мере касается и регионов минерально-сырьевой специализации, так как в контур политики технологического суверенитета входит гарантированное сырьевое обеспечение высокотехнологичных проектов.

Заявленный на государственном уровне подход к развитию отраслей минерально-сырьевого комплекса (МСК) через их достройку до получения конечных продуктов и акцентированное формирование внутреннего спроса на них создаёт перспективу не только отраслевых, но и региональных структурных изменений на основе диверсификации [Ломакина, 2023]. В частности, в ресурсных регионах это предполагает полное использование рудного сырья и формирование региональных горно-металлургических комплексов как элемента завершённых технологических цепочек [Крюков, Крюков, 2023; Лаженцев, 2024].

На протяжении последних десятилетий минерально-сырьевой комплекс является сектором национальной специализации как всего Дальневосточного макрорегиона, так и отдельных субъектов РФ в его составе. При этом анализ реализации государственной политики ускоренного развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) после 2014 г. показывает, что ни в её целевой области, ни в «инструментальной» не были акцентированы задачи достройки этого комплекса до конечных переделов [Развитие экономики..., 2021]. В результате мы видим опережающий рост сырьевых отраслей в инвестициях и объеме производства ДФО, и в целом – в его экономике.

Практическая реализация политики технологического суверенитета, включая её гарантированное сырьевое обеспечение, может стать стимулом диверсификации экономики макрорегиона. В данной статье мы ставим задачу проанализировать ресурсы и возможности таких изменений. Оценки накопленного «потенциала перехода» сырьевой экономики к более технологичной, его отдельных структурно-динамических характеристик могут быть полезны при разработке организационно-экономических и управленческих решений для практической реализации политики технологического суверенитета на региональном уровне.

## **Методические основы оценки потенциала промышленной трансформации**

Оценке потенциалов разноразмерных экономических систем (национальная экономика, регионы, виды экономической деятельности) посвящено немало работ методологического, методического и экспериментального (расчётного) характера. В рамках таких исследований не только уточнены понятийные и методические вопросы, но и получены количественные оценки, основанные на применении различных методов – от простейших индексных и рейтинговых до сложного экономико-математического моделирования. Неизбежные в таких расчётах допущения и ограничения (методические, информационные, содержательные и пр.) зачастую подвергаются справедливой критике. Однако, на наш взгляд, основанные на них оценки вполне допустимы для применения в адекватных применяемым методам задачах, например, для формирования качественных представлений о динамике, трендах, потенциале и перспективах развития оцениваемых объектов.

Интересным и весьма перспективным для практической реализации представляется метод оценки потенциала индустриализации регионов РФ на основе двух критериев (уровень индустриализации и уровень технологического развития) [Сухарев, Ворончихина, 2019]. Его авторы оценили структуру экономического комплекса

ряда регионов РФ, выделив два крупных сектора ОКВЭД: «в обрабатывающий сектор должны включаться виды деятельности, связанные с созданием продуктов, в транзакционно-сырьевой – виды деятельности, связанные с различными услугами и распределением благ, ресурсов, а также с добычей и первичной обработкой ресурсов» [там же. С. 12]. Такой подход был бы интересен и для оценки возможностей индустриализации макрорегиональных экономических систем, например, ДФО – крупного макрорегиона, с преимущественно ресурсно-транзитной специализацией, высоким уровнем господдержки инфраструктурных отраслей (активно развиваемых зачастую именно для реализации сырьевых проектов).

Множество исследовательских работ посвящены оценке социально-экономических и производственных потенциалов субъектов РФ в целом (например, регионов Сибирского федерального округа [Литвинцева, Лисицин, 2018]), а также выявлению «узких мест» в их развитии в сравнении с другими (например, для Еврейской автономной области в сравнении с регионами ДФО [Ревуцкая, Красота, 2020]) и т.д.

Нередко объектом исследования в проблематике оценки потенциалов выступает региональный промышленный комплекс. В этой группе представлены как работы методологического характера – анализ применяемых подходов и методов в приложении к «абстрактному» российскому региону [Кадышев, Петров, 2023], так и эмпирические – оценки и их динамика для отдельных субъектов РФ (например, промышленный комплекс Республики Мордовия [Егина, 2023] и др.). Исследуются также потенциалы отдельных отраслевых комплексов, формирующих экономическую специализацию крупных российских территорий (например, горнодобывающий сектор Арктической зоны РФ [Цукерман, Горячевская, 2023]).

Активно обсуждается в последнее время и такая предметная задача, как оценка «потенциала перехода» региональных экономических систем к более высоким уровням технологического развития, другим структурным характеристикам промышленности и экономики в целом. Такие исследования часто пересекаются с оценками инновационного развития регионов (в том числе и для ДФО, например [Дугаржапова, 2023]), направленности изменений структуры региональной экономики, потенциала её модернизации и диверсификации [Фальцман, 2018; Мельников, 2019 и др.]. Оценка структурных характеристик на более «тонком» уровне – через объемы инвестиций в новые и старые технологии – позволяет оценивать и прогнозировать «уровень технологичности» экономики, потенциал и динамику технологического развития [Сухарев, 2019]. Самостоятельное значение для проблематики оценки «потенциала перехода» имеет учет особенностей развития ресурсно-сырьевых регионов [Поподько, 2023; Цукерман, Горячевская, 2022 и др.], возможностей формирования в них высокотехнологичных производств для изменения структуры экономической системы [Рыжкова и др., 2020].

Анализ указанных работ позволяет сформировать следующие методические подходы и набор ключевых индикаторов для оценки «потенциала перехода»:

- 1) количественная оценка ресурсного потенциала носит условный характер и рассчитывается для формирования качественных представлений о динамике и уровне развития, а также для получения отдельных сравнительных характеристик [Поподько, 2011];

2) исходные региональные показатели нормируются по среднероссийским, что определяет базу дальнейших сравнений рассчитанных потенциалов и субпотенциалов (выше-, ниже- либо равный российскому уровню, при этом  $RФ=1$ ) [Поподько, 2023; Цукерман, Горячевская, 2022]; при оценке потенциалов в целом они рассчитываются как среднеарифметические [Цукерман, Горячевская, 2022];

3) расчёт количественных оценок потенциала имеет целевое назначение, в соответствии с которым выделяются отдельные структурные «субпотенциалы», отражающие ключевые ресурсные (факторные) элементы общего потенциала, прежде всего, производственно-технический, инвестиционный и кадровый.

В настоящей работе использованы следующие подходы к выбору конкретных показателей для расчётов субпотенциалов.

**1. Производственно-технический потенциал (ПТП).** Большинство исследователей для его характеристики выбирают в первую очередь показатели наличия, состояния и воспроизводства основных фондов (ОФ) ([Цукерман, Горячевская, 2022; Поподько, 2023] и др.). Исходя из требований полноты характеристики состояния и простоты расчетов при выборе критериев оценки, остановимся на таких, как:

– доля основных фондов отдельных видов экономической деятельности (ВЭД) в общей структуре ОФ,%. Этот показатель характеризует структуру фондов в регионе и «наделенность» этим ресурсом разных отраслей (мы рассматривали укрупненные ВЭД: «добыча полезных ископаемых» и «обрабатывающие производства»);

– степень годности ОФ (разница между 100% и степенью износа фондов, %) можно интерпретировать как качественную характеристику «исчерпанности» данного ресурса для определенного периода;

– структура ввода в действие ОФ по видам деятельности (% от общего объема фондов, введенных в действие) позволяет выявить направленность процессов «восстановления ресурса» для разных видов деятельности.

**2. Инвестиционный потенциал.** Для его оценки чаще всего используются такие показатели, как объём инвестиций в основной капитал на душу населения; доля инвестиций в ВРП; структура инвестиций по видам основных фондов («машины и оборудование» и «здания и сооружения»); структура инвестиций по отраслям (ВЭД) ([Кадышев, Петров, 2023; Поподько, 2023; Цукерман, Горячевская, 2022] и др.).

Что касается таких характеристик, как объём инвестиций на душу населения (по экономике в целом) или на одного занятого (для отдельных ВЭД), то для ДФО характерна ситуация многократного превышения этих показателей в секторе добычи полезных ископаемых относительно других секторов экономики. Причины, формы проявления, последствия таких процессов обсуждались нами ранее [Ломакина, 2020]. К настоящему времени не было объективных оснований для принципиальных изменений этих тенденций, поэтому примем уже имеющиеся оценки как данность в содержательном смысле.

Среди различных структурных характеристик инвестиционного процесса (формы собственности, источники, географическая и отраслевая структуры и т.д.) ключевым с позиции перспектив технологического развития является соотношение инвестиций в активную и пассивную части основного капитала. Направленность

изменений структуры региональной экономики, потенциал её модернизации и диверсификации определяет динамика доли машин и оборудования в общей структуре капитальных вложений [Фальцман, 2018; Мельников, 2019 и др.].

При выборе показателей для количественной оценки инвестиционного потенциала рассматриваемых субъектов РФ в ДФО остановимся на следующих:

- доля инвестиций в «технологический капитал» (машины, оборудование, транспортные средства) в общей структуре капвложений, %;
- отраслевая структура инвестиций (с выделением ВЭД «добыча полезных ископаемых» и «обрабатывающие производства»),%.

**3. Кадровый потенциал.** В рамках количественной оценки кадрового потенциала для обеспечения перехода региональной экономики на новый уровень инновационного и технологического развития исследователи, как правило, опираются на следующие данные: среднеарифметическое значений численности студентов среднего и высшего образования [Цукерман, Горячевская, 2022]; доля занятых в обрабатывающих производствах от общей численности занятых [Поподько, 2023]; число высших учебных заведений на 10 тыс. населения; число студентов высшего (ВПО) и среднего (СПО) профессионального образования на 10 тыс. населения и ряд других.

На наш взгляд, на первом этапе оценки кадрового потенциала для обеспечения структурных изменений в промышленности на региональном уровне достаточно остановиться на показателях состояния и возможностей профессиональной подготовки квалифицированных рабочих кадров и кадров среднего звена. В последние 20–30 лет эти сферы оказались провальными как на национальном, так и на региональном уровнях. Для расчёта количественных оценок кадрового потенциала в регионах ДФО нами использованы следующие показатели:

- численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих (на 10 тыс. чел. населения);
- численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена (на 10 тыс.чел. населения).

Включение в расчёт количественных оценок кадрового потенциала показателей по сфере высшего образования вряд ли имеет смысл, поскольку проблемы его «перекося» в сторону гуманитарных специальностей общеизвестны, но существующая региональная статистика не позволяет выделить структурные составляющие по направлениям подготовки. Здесь, на наш взгляд, допустимы качественные оценки принимаемых на региональном уровне мер по формированию структуры высшего образования, учитывающей специализацию региональной экономики и перспективы её встраивания в новые технологические форматы.

## **Результаты оценки переходного потенциала в регионах ДФО**

Проведем экспериментальные оценки потенциала промышленной трансформации для трех дальневосточных субъектов РФ – Хабаровского края, Еврейской автономной области (ЕАО) и Чукотского автономного округа. Первое принципиальное замечание: между ними значительно больше различий, чем сходства – и по объемам

## Потенциал обеспечения структурных изменений в экономике дальневосточных ресурсных регионов

экономики, и по её структуре, и по «видовому наполнению» минерально-сырьевых комплексов. Даже роль МСК в экономике каждого из регионов различна. Экономика Хабаровского края относится к диверсифицированному типу с преобладанием отраслей перерабатывающего комплекса, в ЕАО в рассматриваемый период активно формируется минерально-сырьевая специализация, Чукотский АО – ярко выраженный моносырьевой регион.

Объединяет эти территории одно, но важное с позиций предмета настоящей статьи обстоятельство – высокая готовность к реализации отдельных проектов в минерально-сырьевом комплексе, отвечающих целевым задачам сырьевого обеспечения и определенным признакам таксономии проектов технологического суверенитета. В Хабаровском крае это проекты по добыче и переработке олова и меди (с ожидаемым запуском Малмыжского ГОКа в 2024 г.), в ЕАО – перспективные возможности производства горячечбрикетированного железа на уже работающем Кимкано-Сутарском ГОКе как элемент мегапроекта «Металлургия» [Крюков, Крюков, 2023; Ломакина, 2023], на Чукотке – готовящееся к освоению Баимское месторождение меди национального значения с высоким уровнем государственной преференциальной поддержки и перспективное месторождение олова Пыркакайские штокерки.

Общая оценка потенциала и его отдельные структурные характеристики рассмотрены нами в пределах 10-летнего периода реализации государственной политики ускоренного развития Дальнего Востока с выделением 2013 г. как предшествующего ее началу (справочно) и более подробным рассмотрением динамики показателей в 2019–2022 гг. (2019-й рассматривается как год «условно мягкого» кризиса и перехода к «шокам» последующих трех лет).

Для решения целевой задачи, обсуждаемой в рамках данной статьи, рассчитаем количественные оценки производственно-технического и инвестиционного потенциалов для двух ВЭД – «добыча полезных ископаемых» (ДПИ) и «обрабатывающие производства» (ОП). В качестве информационной базы для оценки использована открытая статистическая информация.

При расчёте количественных оценок потенциала (и его субпотенциалов) каждый анализируемый показатель сравнивался с соответствующим по РФ в целом и нормировался по нему. Это определяет базу дальнейших сравнений рассчитанных потенциалов и субпотенциалов (выше-, ниже- либо равный российскому уровню, при этом среднероссийский показатель принят за 1). При оценке потенциалов в целом они рассчитываются как среднеарифметические.

### **Производственно-технический потенциал**

Базовыми факторными характеристиками региональных экономических систем являются в первую очередь их производственно-технические ресурсы. Результаты экспериментальной оценки производственно-технического потенциала для трех регионов ДФО представлены в таблице 1.

Таблица 1. Оценка производственно-технического потенциала Хабаровского края, Еврейской АО, Чукотского АО в 2013–2022 гг. (РФ=1)

Потенциал и показатель	2013	2019	2020	2021	2022
<i>Хабаровский край</i>					
Производственно-технический потенциал ВЭД ДПИ, в том числе:	0,83	0,58	0,58	0,7	0,98
- доля в общей структуре ОФ	0,31	0,33	0,35	0,35	0,43
- степень годности ОФ	1,4	1,12	1,04	1,14	1,08
- доля в общей структуре ввода ОФ	0,79	0,28	0,36	0,61	1,42
Производственно-технический потенциал ВЭД «обрабатывающие производства»:	1,55	0,85	0,75	0,72	0,78
- доля в общей структуре ОФ	1,45	1,12	1,07	1,00	1,09
- степень годности ОФ	1,22	0,98	0,94	0,89	0,78
- доля в общей структуре ввода ОФ	1,97	0,45	0,25	0,26	0,47
Итого ПТП	1,19	0,72	0,67	0,71	0,88
<i>Еврейская автономная область</i>					
Производственно-технический потенциал ВЭД ДПИ:	0,57	1,03	1,88	1,23	3,02
- доля в общей структуре ОФ	0,09	0,88	0,99	0,82	0,84
- степень годности ОФ	1,46	1,93	1,84	1,73	1,64
- доля в общей структуре ввода ОФ	0,15	0,29	2,82	1,13	6,58
Производственно-технический потенциал ВЭД «обрабатывающие производства»:	0,41	0,41	0,32	0,47	0,32
- доля в общей структуре ОФ	0,12	0,11	0,09	0,12	0,10
- степень годности ОФ	0,95	0,96	0,84	0,86	0,79
- доля в общей структуре ввода ОФ	0,17	0,15	0,03	0,42	0,08
Итого ПТП	0,49	0,72	1,1	0,85	1,67
<i>Чукотский автономный округ</i>					
Производственно-технический потенциал ВЭД ДПИ:	2,71	1,92	2,79	3,05	2,73
- доля в общей структуре ОФ	2,69	3,41	3,87	3,45	2,92
- степень годности ОФ	1,19	0,84	1,01	1,17	1,28
- доля в общей структуре ввода ОФ	4,26	1,50	3,48	4,53	3,98
Производственно-технический потенциал ВЭД «обрабатывающие производства»:	0,40	0,34	0,27	0,34	0,29
- доля в общей структуре ОФ	0,12	0,08	0,04	0,06	0,04
- степень годности ОФ	1,08	0,86	0,75	0,90	0,80
- доля в общей структуре ввода ОФ	0,01	0,07	0,02	0,05	0,02
Итого ПТП	1,56	1,13	1,53	1,69	1,51

**Источник табл. 1, 2, 4:** рассчитано автором по данным Росстата. Сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за соответствующие периоды. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: июль, 2024).

## Потенциал обеспечения структурных изменений в экономике дальневосточных ресурсных регионов

Можно отметить, что полученные оценки производственно-технического потенциала вполне адекватно отражают экономическую специализацию регионов. Так, в Хабаровском крае видна равнозначность потенциалов сырьевого (0,98) и обрабатывающего (0,78) секторов экономики к 2022 г. При этом значения близки к среднероссийскому уровню. Однако сравнение этих оценок с «контрольным» 2013 г. выявляет не самую прогрессивную тенденцию: за 10 лет потенциал ресурсного сектора вырос (с 0,83 до 0,98), а обрабатывающего – сократился почти вдвое (с 1,55 до 0,78). То есть налицо движение экономики Хабаровского края от «преимущественно диверсифицированной» (с превышением в 2013 г. оценок среднероссийского уровня по обрабатывающим отраслям почти в 1,5 раза) до приближения к сырьевой специализации (0,98).

Стремительный рост минерально-сырьевой специализации экономики Еврейской АО, обусловленный началом освоения железорудных ресурсов области и запуском Кимкано-Сутарского ГОКа, нашел свое отражение и в оценках ПТП. По ресурсному сектору они увеличились более чем в пять раз относительно 2013 г. и вышли на уровень экономической специализации региона, при сохранении слабого уровня потенциала в обрабатывающих производствах в течение всего периода.

Стабильно высокую оценку ПТП сырьевого сектора, в 2,5–3 раза превышающую среднероссийское значение, поддерживает ключевой сектор экономики Чукотки – горнодобывающий комплекс, производящий от 20 до 25 т добычи золота ежегодно. При этом оценка потенциала для ВЭД «обрабатывающие производства» и её динамика в Чукотском АО (0,4–0,3 относительно среднероссийского уровня) демонстрирует, скорее, отсутствие таких производств, как и в Еврейской автономной области.

Общие оценки производственно-технического потенциала для трех регионов «расшиваются» и на уровне отдельных показателей, формирующих эти оценки. Так, в регионах минерально-сырьевой специализации (Чукотского АО и ЕАО) развитие соответствующих отраслей обеспечивается не только количественным преобладанием основных фондов для ВЭД ДПИ в их общей структуре, но и их более высокими качественными оценками. При значительной степени годности основных фондов ВЭД ДПИ в этих регионах («молодые фонды»), которая превышает среднероссийские оценки в 2–3 раза, для них характерны и более высокие доли в структуре ввода новых мощностей («скорости обновления») по сравнению с обрабатывающими производствами на протяжении практически всего рассматриваемого периода.

Оценивая ПТП основных секторов промышленности в анализируемых регионах как ключевой элемент их «переходного потенциала», следует отметить наиболее важные тренды, сложившиеся в 2013–2022 гг.:

- наибольший «ресурс возможностей» для обеспечения дальнейшего развития в части основных фондов, их количественных и качественных оценок создан в секторе добычи полезных ископаемых;
- для ВЭД «обрабатывающие производства» характерно «устаревание фондов» (снижение степени годности) и существенное замедление «скорости» их обновления (показатели доли ВЭД ОП в общей структуре ввода ОП). Это касается как ЕАО и Чукотского АО с преимущественно ресурсно-сырьевой специализацией экономики, так и Хабаровского края с диверсифицированным промышленным комплексом.

### Инвестиционный потенциал

Ключевым ресурсом воспроизводства социально-экономического потенциала, в том числе и производственно-технического, являются инвестиции. Их важными характеристиками служат не только абсолютный объём и его динамика, но также структурные и удельные показатели. Результаты оценки инвестиционного потенциала трех исследуемых регионов и его ключевых составляющих представлены в таблице 2.

**Таблица 2. Оценка инвестиционного потенциала Хабаровского края, Еврейской АО и Чукотского АО в 2013–2022 гг. (РФ=1).**

Потенциал и показатель	2013	2019	2020	2021	2022
<i>Хабаровский край</i>					
Всего,	1,39	0,72	0,66	0,79	1,23
в том числе:					
- доля инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в общей структуре инвестиций в ОК	1,25	1,34	1,32	1,14	1,08
- доля по ВЭД ДПИ в общей структуре инвестиций в ОК	0,72	0,36	0,31	0,77	1,75
- доля по ВЭД ОП в общей структуре инвестиций в ОК	2,19	0,46	0,35	0,45	0,86
<i>Еврейская автономная область</i>					
Всего,	0,56	0,31	0,40	0,55	0,45
в том числе:					
- доля инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в общей структуре инвестиций в ОК	0,47	0,69	0,91	0,94	0,69
- доля по ВЭД ДПИ в общей структуре инвестиций в ОК	1,16	0,18	0,26	0,50	0,60
- доля по ВЭД ОП в общей структуре инвестиций в ОК	0,06	0,06	0,02	0,20	0,07
<i>Чукотский автономный округ</i>					
Всего,	1,63	0,77	1,15	1,38	1,44
в том числе:					
- доля инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в общей структуре инвестиций в ОК	1,13	0,73	0,68	0,77	0,77
- доля по ВЭД ДПИ в общей структуре инвестиций в ОК	3,76	1,56	2,76	3,37	3,55
- доля по ВЭД ОП в общей структуре инвестиций в ОК	0,004	0,006	0,01	0,003	0,007

Отметим, что для ДФО в целом характерны относительно низкие значения таких характеристик инвестиционного процесса, как соотношение инвестиций в активную и пассивную части основного капитала. Так, в 2013 г. по РФ в целом доля инвестиций в «технологический капитал» (машины, оборудование, транспортные средства) в общей структуре капложений составляла 35,3%, а по ДФО – 30,3%. Примерно такое же соотношение сохранилось и в 2019–2022 гг.: 36,8% и 30,9% соответственно в среднем за период<sup>1</sup>. Такое соотношение определяется отраслевой структурой инвестиций

<sup>1</sup> Оценки представлены на основе открытой статистической информации сборников «Регионы России. Социально-экономические показатели» за соответствующие периоды. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: июль, 2024).

## Потенциал обеспечения структурных изменений в экономике дальневосточных ресурсных регионов

и преобладанием в экономике ДФО ресурсодобывающих отраслей (их доля в ВРП округа в 2–2,5 раза выше, чем в среднем по РФ). Подтверждает это и обратный пример: для диверсифицированной экономики Хабаровского края характерно превышение доли «технологических инвестиций» в основной капитал относительно среднероссийской (44,1% в 2013 г. и 45% в среднем в рассматриваемом периоде).

Эти закономерности сохраняются и при переходе на региональный уровень анализа инвестиционного потенциала (табл. 2). Так, в Хабаровском крае доля инвестиций в «технологический капитал» в общем объеме капвложений оказывается выше среднероссийской (при определенных колебаниях по конкретным годам), тогда как в регионах минерально-сырьевой специализации (ЕАО и Чукотский АО) она существенно отстает от среднего по стране уровня (0,7–0,8). С одной стороны, это определяется отраслевыми особенностями видового строения инвестиций, а с другой – в определенной мере характеризует накопленный «уровень технологичности» сырьевой и перерабатывающей сфер региональной экономики.

С точки зрения распределения инвестиционного потенциала между добывающим и обрабатывающим секторами, во всех анализируемых регионах наблюдается постепенный крен в сторону первого из них. Так, например, в диверсифицированной экономике Хабаровского края позиции этих ВЭД относительно среднероссийского уровня за 10 лет изменились на противоположные. Если в 2013 г. доля инвестиций в обрабатывающие отрасли в общей структуре капвложений края превышала среднероссийский уровень более чем в два раза, то к 2022 г. аналогичную позицию в оценке потенциала занимает ресурсная сфера (табл. 2).

Конечно, объем и динамику инвестиций определяют набор и график реализации инвестпроектов (что и объясняет годовые колебания оценок их потенциала), тем не менее направленность распределения инвестиций хорошо прослеживается по статистическим показателям. Так, если в 2013 г. доля капвложений в добычу полезных ископаемых в их общем объеме в Хабаровском крае составляла 10,8%, то в среднем за 2019–2022 гг. – 14,6%, для ВЭД «обрабатывающие производства» тот же показатель равнялся соответственно 30,9% и 8,6%<sup>2</sup>. В регионах минерально-сырьевой специализации (ЕАО и Чукотского АО) в рассматриваемом периоде доля инвестиций в обрабатывающую промышленность оставалась неизменно мизерной.

Оценивая инвестиционную составляющую «потенциала перехода» к новому технологическому уровню в трех рассматриваемых регионах (для сырьевого обеспечения проектов технологического суверенитета), отметим следующее:

- в период активной реализации государственной политики ускоренного развития ДФО (2013–2022 гг.) ресурсодобывающий сектор оказался более инвестиционно привлекательным и конкурентоспособным;
- накопленный потенциал определяет его дальнейший рост в экономике регионов;
- для преломления тренда и ускоренного развития обрабатывающей промышленности в целях реализации политики технологического суверенитета нужны

---

<sup>2</sup> Оценки представлены на основе открытой статистической информации сборников «Регионы России. Социально-экономические показатели» за соответствующие периоды. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: июль, 2024).

специальные меры государственной политики (институциональные и экономические механизмы целевого изменения направленности технологического развития неплохо представлены, например, в работах О.С. Сухарева [Сухарев, 2019; Сухарев, Ворончихина, 2019]).

### Кадровый потенциал

К значимым социально-экономическим эффектам реализации ресурсных проектов, наряду с формированием ВРП и налоговых доходов, относятся создание новых рабочих мест и «эффекты освоения» новых территорий. Детальное рассмотрение как текущей деятельности горнодобывающего комплекса, так и практики реализации новых проектов в России и за рубежом позволяет говорить о значительной роли вахтового метода в привлечении трудовых ресурсов, со всеми его достоинствами и недостатками [Ломакина, Файман, 2021].

При решении задач диверсификации экономики, существенного изменения экономико-технологической структуры возрастает актуальность формирования кадрового потенциала, количественно и качественно адекватного этим задачам. Помимо обеспечения текущей потребности в трудовых ресурсах (в регионах минерально-сырьевой специализации это зачастую превращается в проблему), важно сформировать условия для устойчивого воспроизводства регионального кадрового потенциала в целом.

В таблице 3 представлены показатели динамики подготовки специалистов разных уровней в ДФО за почти 20-летний период с их фиксацией в трёх точках, отражающих различные качественные ситуации: 2005 г. – относительно стабильное положение в рассматриваемой сфере; для 2013 г., предшествующего запуску активной государственной политики ускоренного развития, характерен глубокий провал в подготовке рабочих кадров на всех уровнях; в оценках 2022 г. отражены результаты 10-летия реализации преференциальных режимов в макрорегионе.

**Таблица 3. Динамика численности студентов, обучающихся по программам подготовки кадров различного уровня в 2005–2022 гг. (на 10 тыс.чел. населения)**

Регион	Квалифицированные рабочие и служащие			Специалисты среднего звена		
	2005	2013	2022	2005	2013	2022
Российская Федерация	105	54	39	173	129	204
Дальневосточный федеральный округ	114	64	53	196	146	232
Хабаровский край	162	63	53	236	175	242
Еврейская автономная область	135	84	65	205	111	132
Чукотский автономный округ	161	112	36	138	74	137

**Источник.** Регионы России. Социально-экономическое положение. 2015. URL: [https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B15\\_14p/Main.htm](https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B15_14p/Main.htm); Регионы России. Социально-экономическое положение. 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.07.2024).

Анализ динамики показывает, что процесс подготовки кадров в округе всегда шел активнее, чем в среднем по РФ. Однако имеются существенные различия в трендах

Потенциал обеспечения структурных изменений  
в экономике дальневосточных ресурсных регионов

подготовки специалистов среднего звена. Так, в 2013 г. на всех уровнях отмечалось заметное (от 25 до 50%) уменьшение количества обучающихся относительно 2005 г., но к 2022 г. это падение было преодолено. При этом более значительное падение показателей в 2013 г. относительно 2005 г. было отмечено в Еврейской АО и на Чукотке, но если в Чукотском АО, как и в целом по Дальневосточному округу, к 2022 г. показатели вернулись к уровню 2005 г. или превосходили его, то в ЕАО мы этого не наблюдаем.

Еще более тревожными выглядят тренды прошедшего 20-летия в сфере подготовки квалифицированных рабочих. На протяжении всего периода и в России в целом, и в ДФО они имеют резко понижающий характер: в 2022 г. относительно 2005 г. численность обучающихся рабочим профессиям снизилась в 2,7 и 2,2 раза соответственно. Прямой зависимости темпов снижения, например, от экономической специализации регионов в ДФО мы не обнаружили. Так, сильнее всего (в 4,5 раза) показатель упал в Чукотском АО с моносырьевой специализацией, сразу за ним (снижение более чем в три раза) следует Хабаровский край, в диверсифицированной экономике которого существенную роль играет обрабатывающая промышленность, включая машиностроение. Результаты расчётов количественной оценки кадрового потенциала для трех рассматриваемых регионов представлены в таблице 4.

**Таблица 4. Оценка кадрового потенциала Хабаровского края, Еврейской АО, Чукотского АО в 2013–2022 гг. на 10 тыс. чел. населения (РФ=1)**

Потенциал и показатель	2013	20019	2020	2021	2022
<i>Хабаровский край</i>					
Всего, численность студентов, в том числе:	1,27	1,22	1,23	1,23	1,27
- обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих	1,17	1,24	1,26	1,28	1,36
- обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена	1,36	1,21	1,20	1,19	1,18
<i>Еврейская автономная область</i>					
Всего, численность студентов, в том числе:	1,21	1,11	1,10	1,06	1,16
- обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих	1,56	1,57	1,54	1,48	1,67
- обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена	0,86	0,65	0,65	0,65	0,65
<i>Чукотский автономный округ</i>					
Всего, численность студентов, в том числе:	1,32	0,67	0,71	0,64	0,79
- обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих	2,07	0,49	0,62	0,57	0,92
- обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена	0,57	0,85	0,81	0,71	0,67

Динамика кадрового потенциала рассматриваемых дальневосточных регионов в 2013–2022 гг. показывает, что его количественные оценки остаются примерно на одном уровне в Хабаровском крае и Еврейской АО, главным образом – благодаря стабильности в подготовке рабочих кадров, тогда как в сфере подготовки специалистов среднего звена наблюдается некоторое ухудшение оценок относительно среднероссийского уровня. Оценки Чукотского АО в рассматриваемом периоде ухудшились как в целом, так и по структурным составляющим кадрового потенциала.

Таким образом, вопросы количественного обеспечения политики технологического суверенитета и качественного соответствия ей имеющегося трудового потенциала довольно остры как на национальном, так и на региональном уровнях. Для исправления ситуации предпринимаются программные меры федерального (нацпроект «Кадры», программа «Профессионалитет» и пр.) и регионального масштабов.

Так, например, в Хабаровском крае в рамках политики подготовки кадров для горнодобывающего комплекса, реализуемой совместными усилиями промышленников, образовательных организаций и региональной администрации, в школьном звене происходит формирование специализированных классов, организуется профильные смены «Горная школа» и «Школа юных горняков», проводятся профориентационный фестиваль «Горный» и молодёжный образовательный форум «Горный кейс-27». Дальнейшее обучение по горняцким специальностям осуществляют Тихоокеанский государственный университет (ТОГУ) и семь колледжей и техникумов. Благодаря высоким кадровым потребностям горной отрасли выпускники легко находят высокооплачиваемую работу на добывающих предприятиях. Например, процент трудоустройства в Чегдомынском горно-технологическом техникуме достигает примерно 90% выпуска. По оценке специалистов горной отрасли и правительства Хабаровского края, до 2030 г. горнодобывающим предприятиям региона понадобится ещё около 8 тыс. работников<sup>3</sup>. С учётом количества и масштабов реализуемых в ДФО новых инвестпроектов в области добычи полезных ископаемых такие потребности характерны для многих дальневосточных субъектов РФ.

## **Общие оценки и размышления**

Подводя итоги исследования, отметим, что при всей разнице в масштабах и качестве экономик рассмотренных дальневосточных регионов, выявленные тренды «потенциалов перехода» для обеспечения структурных изменений и их отдельных составляющих отражают вполне реальную картину (рисунок).

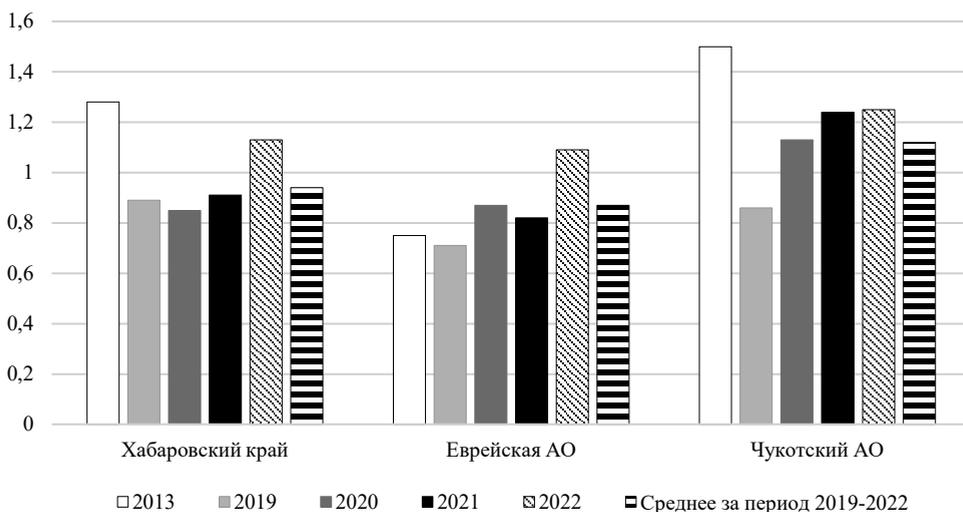
Позитивная динамика и устойчивость оценки потенциала экономики Чукотского автономного округа обеспечена исключительно развитием сырьевых отраслей. Так, оценка производственно-технического потенциала по сырьевому сектору Чукотки существенно (в 2,7 раза) превышала среднероссийский уровень на протяжении всего

---

<sup>3</sup> Горной отрасли Хабаровского края потребуется ещё 8 тысяч человек. 08.07.2024. Информагентство «Хабаровский край сегодня». URL: <https://todaykhv.ru/news/society/75681/> (дата обращения: 09.07.2024).

## Потенциал обеспечения структурных изменений в экономике дальневосточных ресурсных регионов

рассматриваемого периода, тогда как аналогичный показатель по обрабатывающим отраслям находился в диапазоне 0,3–0,4 (относительно среднероссийского) (табл. 1). Примерно так же выглядят соотношения и при оценке инвестиционных потенциалов этих сфер экономики: в 3,5–3,7 раза выше среднероссийского уровня по ВЭД «добыча полезных ископаемых» и стремящийся к нулю потенциал в обрабатывающей промышленности (табл. 2). Вполне ожидаемой оказалась и оценка кадрового потенциала: её уровень на 20–30% ниже среднероссийского (табл. 4), что обусловлено моносырьевой специализацией экономики Чукотского АО и преобладанием вахтового труда в сырьевых отраслях.



Динамика общего потенциала Хабаровского края, Еврейской АО и Чукотского АО в 2013–2022 гг. (РФ=1).

Тенденции в оценке общего потенциала экономического комплекса Еврейской автономной области, в структуре которого происходит активное формирование минерально-сырьевого сектора, в определенной степени схожи с отмеченными выше трендами в экономике Чукотского АО, разве что «размах» максимальных и минимальных оценок для сырьевой и обрабатывающей сфер экономики здесь меньше, чем на Чукотке.

Полученные оценки общего потенциала демонстрируют его снижение в Хабаровском крае (рисунок), при этом анализ «субпотенциалов» показывает, что это происходит прежде всего за счет ухудшения показателей в обрабатывающей сфере. Так, если в 2013–2022 гг. уровень производственно-технического потенциала регионального ресурсодобывающего сектора остался примерно на том же уровне, то для обрабатывающей промышленности оценки снизились практически в два раза (табл. 1). Еще более наглядны оценки инвестиционного «субпотенциала»: при росте показателя по ВЭД «добыча полезных ископаемых» в рассматриваемый период с 0,72 до 1,75, по ВЭД «обрабатывающая промышленность» он упал с 2,19 до 0,86 (табл. 2). По сути, экономика Хабаровского края всё более сдвигается в направлении

сырьевой специализации, что характерно и для ряда других промышленно развитых российских регионов, например, Красноярского края [Поподько, 2023].

Несмотря на кажущуюся простоту применяемых методов оценки и полученных количественных измерителей региональных экономических потенциалов, отдельные результаты дают основания для нетривиальных выводов. Так, динамика региональных потенциалов в рассматриваемом периоде показывает их значительную позитивную устойчивость с превышением среднероссийского уровня для экономики Чукотского АО и определенное снижение (до уровня ниже среднероссийского) для экономики Хабаровского края. Вряд ли такая направленность движения региональных экономических потенциалов могла быть выявлена при сопоставлении абсолютных показателей таких разных по масштабу и структуре экономических комплексов. Однако нормированные значения (по среднероссийским показателям в едином методическом поле) региональных «потенциалов перехода» (как факторов обеспечения реализации государственной политики технологического суверенитета) и логика их изменений определяют иной взгляд и могут служить основаниями для управленческих решений.

\*\*\*

И хотя количественные оценки потенциала носят условный характер, они важны и интересны в плане выявления возможностей и «узких мест» региональных экономических комплексов в достижении поставленных целей и задач. Так, с точки зрения перспектив реализации политики технологического суверенитета на Дальнем Востоке, следует отметить на примере рассмотренных кейсов (Хабаровский край, ЕАО и Чукотский АО), что к настоящему времени «потенциал перехода» (в части основных фондов, инвестиций, подготовки кадров) преобладает в сырьевом секторе экономики. Это, с одной стороны, безусловно, имеет объективную основу: ресурсные отрасли по-прежнему являются сферой «естественной» конкурентоспособности дальневосточных регионов, что и предопределяет их перспективность как «легитимного» участника реализации политики технологического суверенитета. Однако, с другой стороны, слишком сильный «перекос» в сторону сырьевого сектора демонстрирует не только слабость развития обрабатывающей сферы рассмотренных региональных экономических комплексов, но и необходимость разработки специальных мер для целевого изменения направленности технологического развития.

В настоящее время, по сути, уже стартовал этап реализации новых инструментов государственной политики стимулирования технологического суверенитета. Они могут стать существенным фактором развития, способным изменить структурные характеристики экономики Дальнего Востока, одним из ключевых направлений специализации которого является освоение минерально-сырьевых ресурсов. Для «перевода» имеющихся в регионе потенциалов (ресурсного, проектного, кадрового и т.д.) в активные факторы развития критически важны согласование и взаимное воздействие новых инструментов госполитики с уже реализуемыми преференциальными режимами ускоренного регионального развития.

## Литература / References

- Дугаржапова Д.Б. Инновационный потенциал регионов Дальнего Востока: состояние и проблемы // ЭКО. 2023. № 10. С. 86–102. DOI:10.30680/ECO0131–7652–2023–10–86–102
- Dugarzharova, D.B. (2023). The Innovation Potential of the Far East Regions: Current State and Problems. *ECO*. No. 10. Pp. 86–102. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2023–10–86–102
- Егина Н.А. Оценка промышленного потенциала территории в интересах обеспечения национального технологического суверенитета // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Сер.: Экономика и управление. 2023. № 2 (57). С. 14–27. DOI: <https://doi.org/10.25686/2306–2800.2023.2.14>
- Egina, N.A. (2023). Assessment of the Industrial Potential of the Territory in the Interests of Ensuring National Technological Sovereignty. *Vestnik of Volga State University of Technology. Ser.: Economics and Management*. No. 2 (57). Pp. 14–27. DOI: <https://doi.org/10.25686/2306–2800.2023.2.14>
- Кадышев Е.Н., Петров Н.Н. Оценка промышленного потенциала региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 1 (147). С. 5–11. <https://doi.org/10.26726/1812–7096–2023–1–5–11>
- Kadyshev, E.N., Petrov, N.N. (2023). Assessment of the industrial potential of the region. *Regional Problems of Economic Transformation*. No.1. Pp. 5–11. (In Russ.). <https://doi.org/10.26726/1812–7096–2023–1–5–11>
- Крюков В.А., Крюков Я.В. Подходы к освоению минерально-сырьевых ресурсов Сибири и Дальнего Востока в контексте современных геополитических процессов // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2023. № 2. С. 44–51.
- Kryukov, V.A., Kryukov, Ya.V. (2023). Approaches to the development of mineral resources in Siberia and the Far East in the context of modern geopolitical processes. *Mineral Resources of Russia. Economics & Management*. No. 2. Pp. 44–51. (In Russ.).
- Лажнецов В.Н. Перемены в минерально-сырьевой экономике Севера России // Проблемы прогнозирования. 2024. № 1 (202). С. 208–216. DOI: 10.47711/0868–6351–202–208–216
- Lazhntsev, V.N. (2024). Changes in the mineral resources economy of the Russian North. *Studies on Russian Economic Development*. No. 1 (202). Pp. 208–216. (In Russ.). DOI: 10.47711/0868–6351–202–208–216
- Литвинцева Г.П., Лисицин А.Е. Оценка социально-экономического потенциала регионов Сибирского федерального округа // Вестник КеМГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 114–121.
- Litvintseva, G.P., Lisitsin, A. E. (2018). Assessment of the Socio-Economic Potential of the Siberian Federal District' Regions. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. No. 2. Pp. 114–121. (In Russ.). DOI:10.21603/2500–3372–2018–2–114–121
- Ломакина Н.В. Государственное стимулирование инвестиционной активности в ресурсном регионе: дальневосточный вариант // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 68–90. <https://doi.org/10.14530/se.2020.4.068–090>
- Lomakina, N.V. (2020). State Incentivizing of Investment Activity in the Resource Region: Far East of Russia Variant. *Spatial Economics*. Vol. 16. No. 4. Pp. 68–90. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.068–090>

- Ломакина Н.В. Потенциал структурных изменений экономики ДФО в контексте новой минерально-сырьевой политики России // ЭКО. 2023. № 10. С. 8–28. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-10-8-28
- Lomakina, N.V. (2023). The potential for structural changes in the Far Eastern Federal District's economy in the context of the new policy in the mineral complex of Russia. *ECO*. No. 10. Pp. 8–28. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-10-8-28
- Ломакина Н.В., Файман А.Д. «Фактор вахтовиков» в ресурсных отраслях: эффекты для экономики региона // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 6. С. 5–35. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.6>
- Lomakina, N.V., Fayman, A.D. (2021). «Shift Workers» in the Resource Industries: Effects for the Economy of the Region. *Regionalistica*. Vol. 8. No. 6. Pp. 20–37. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.6.20>
- Мельников А.Е. Инвестиционные процессы и структурные изменения в экономике старопромышленных регионов СЗФО // 2019. Т. 12. № 2. С. 91–102. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.5
- Mel'nikov, A.E. (2019). Investment processes and structural changes in the economy of old industrial regions of the Northwestern Federal District. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 12. No. 2. Pp. 91–102. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.5
- Поподько Г.И. Особенности и приоритеты реиндустриализации ресурсных регионов // Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. 2023. № 16(10). С. 1720–1727. EDN: WXFMRM
- Popod'ko, G. I. (2023). Specific features and priorities of reindustrialisation of resource regions. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* No. 16(10). Pp. 1720–1727. (In Russ.). EDN: WXFMRM
- Поподько Г.И. Оценка ресурсного потенциала перехода экономики региона на инновационное социально ориентированное развитие // Вестник Донского государственного технического университета. 2011. Т. 11. № 8–1 (59). С. 1297–1305. EDN: PBJQSF
- Popod'ko, G. I. (2011). Resource potential assessment of regional economy transition to innovative socially orientated development. *Vestnik of Don State Technical University*. Vol. 11. No. 8–1 (59). Pp. 1297–1305. (In Russ.). EDN: PBJQSF
- Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / Отв. ред. П.А. Минакир, С.Н. Найден; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. 208 с.
- Development of the Economy of the Russian Far East: The Effects of the State Policy (2021) / ed. by P.A. Minakir, S.N. Nayden; Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk: ERI FEB RAS. 208 p. (In Russ).
- Ревуцкая О.Л., Красота Т.Г. Производственный потенциал Еврейской автономной области: оценка и сопоставление с регионами Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2020. Т. 23. № 4. С. 22–34. DOI 10.31433/2618-9593-2020-23-4-22-34
- Revutskaya, O.L., Krasota, T.G. (2020). Production Potential of The Jewish Autonomous Region: Assessment and Comparison With the Regions of the Far Eastern Federal District. *Regional Issues*. Vol. 23, No. 4. Pp. 22–34. (In Russ). DOI 10.31433/2618-9593-2020-23-4-22-34
- Рыжкова О.В., Латынина А.В., Лихачев М.А. Методика оценки потенциала формирования высокотехнологичных производств для структурных изменений экономической системы сырьевого региона // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 9. С. 2339–2354. DOI: 10.18334/epp.10.9.110820

Потенциал обеспечения структурных изменений  
в экономике дальневосточных ресурсных регионов

- Ryzhkova, O.V., Latynina, A.V., Likhachev, M.A. (2020). Methodology for assessing the potential of high-tech industries for structural changes in the economic system of the raw material producing region. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. No. 10. (9). Pp. 2339–2354. DOI: 10.18334/epp.10.9.110820
- Сухарев О.С. Технологическое развитие: влияние структуры инвестиций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 36–55. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.2
- Sukharev, O.S. (2019). Technological development: investment structure impact. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 12. No. 2. Pp. 36–55. (In Russ). DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.2
- Сухарев О.С., Ворончихина Е.Н. Индустриализация регионов России: структурная оценка по общему и специальному агрегатным критериям // Вестник Института экономики РАН. 2019. № 2. С. 9–33. DOI: 10.24411/2073–6487–2019–10014.
- Sukharev, O.S., Voronchikhina, E.N. (2019). Industrialization of the regions of Russia: structural evaluation by general and special aggregate criteria. *Bulletin of the Institute of Economics of the RAS*. No. 2. Pp. 9–33. (In Russ). DOI: 10.24411/2073–6487–2019–10014
- Фальцман В.К. О структуре, динамике и использовании активной части национального богатства // Проблемы прогнозирования. 2018. № 5 (170). С. 13–23. EDN: VLSGPI
- Fal'tsman, V.K. (2018). On the structure, dynamics, and use of the asset share in the national wealth. *Studies on Russian Economic Development*. Т. 29. No. 5. С. 462–469. (In Russ.). EDN: VLSGPI
- Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Оценка промышленного потенциала горнодобывающего сектора арктических регионов России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 2. С. 38–54. DOI:10.37614/2220–802X.2.2023.80.003
- Tsukerman, V. A., Goryachevskaya, E.S. (2023). The mining sector of the Russian Arctic: Industrial potential assessment. *Sever i Rynok: Formirovanie Economicheskogo Poryadka*. No. 2. Pp. 38–54. (In Russ). DOI:10.37614/2220–802X.2.2023.80.003
- Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Ресурсный потенциал инновационного развития промышленности российской Арктики: оценка и значимость // Арктика и Север. 2022. № 46. С. 66–78. DOI: 10.37482/issn2221–2698.2022.46.66
- Tsukerman, V.A., Goryachevskaya, E.S. (2022). Resource Potential for Innovation Development of the Russian Arctic Industry: Assessment and Significance. *Arctic and North*. No. 46. Pp. 66–78. (In Russ). DOI: 10.37482/issn2221–2698.2022.46.66

Статья поступила 06.09.2024

Статья принята к публикации 16.12.2024

**Для цитирования:** Ломакина Н.В. Потенциал обеспечения структурных изменений в экономике дальневосточных ресурсных регионов // ЭКО. 2025. № 1. С. 104–122. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–104–122

**Информация об авторе**

Ломакина Наталья Валентиновна (Хабаровск) – доктор экономических наук, доцент. Институт экономических исследований ДВО РАН.  
E-mail: lomakina@ecrin.ru; ORCID: 0000–0003–3490–5775

## Summary

*N.V. Lomakina*

### **Opportunities for Structural Changes in the Economy of Far East Resource Regions**

**Abstract.** The national policy of technological sovereignty has entered the stage of practical implementation at different levels of hierarchy, creating opportunities for industrial diversification of not only sectoral, but also regional economic systems. One of the important factors of a region's involvement in the implementation of this policy is the "transition potential" accumulated in its economic system to a higher technological level. In the article such potential is assessed for three Far Eastern regions (Khabarovsk Krai, Chukotka Autonomous Okrug, Jewish Autonomous Oblast). They differ in the scale and structural characteristics of their economies, but all of them reveal a high degree of readiness to implement projects with taxonomic features of technological sovereignty projects. Based on the obtained quantitative estimates, the trends of regional potentials in 2013–2022 are revealed and it is shown that the "transition potential" (in terms of fixed assets, investments, personnel training) prevails in the raw materials sector of the economy.

**Keywords:** *state priorities; mineral and raw materials complex; resource regions; potential assessment; production and technical potential; investment potential; personnel potential; structural changes; Far East of Russia*

**For citation:** Lomakina, N.V. (2025). Opportunities for Structural Changes in the Economy of Far East Resource Regions. *ECO*. No. 1. Pp. 104–122. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–104–122

### **Information about the author**

*Lomakina, Natal'ya Valentinovna* (Khabarovsk) – Doctor of Economic Sciences.  
Economic Research Institute of the Far-Eastern Branch of the RAS.  
E-mail: lomakina@ecrin.ru; ORCID: 0000–0003–3490–5775

# Политический нетворкинг и высшее образование элит

**С.А. Барков, И.В. Колодезникова, А.В. Маркеева**

УДК 316.354, 316.454.5, 32.019.5

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-123-143

**Аннотация.** В постиндустриальном обществе важнейшим механизмом социального взаимодействия людей выступают социальные сети. В статье на основе анализа вторичных данных и авторского исследования мест получения образования политическими лидерами разных стран продемонстрированы эффекты построения социальных сетей (политического нетворкинга) в рамках трех моделей образования элиты: централизованной, децентрализованной и революционной. Каждая из моделей создает особые условия для формирования и управления социальными сетями. Отдельное внимание уделено существующим барьерам и направлениям создания реальных социальных сетей в российских образовательных институтах как составляющей стратегии «мягкой силы».

**Ключевые слова:** социальные сети; политический нетворкинг; высшее образование; университеты; «мягкая сила»; политические лидеры

Соцсети стали важнейшим социальным механизмом взаимодействия людей в постиндустриальном обществе. Сегодня все чаще ведётся речь о сознательном управлении социальными контактами, об использовании потенциала сети для решения различных задач – от быстрого нахождения партнера (по бизнесу или для досуга) до распространения инноваций. Этот феномен не может не вызывать интереса исследователей, особенно учитывая те возможности, которые предоставили современные технологии для конструирования социальных сетей в цифровом пространстве.

Социальные сети делятся на две очевидные группы: (1) реальные, основанные на непосредственном общении и реальных взаимодействиях (встречах, совместной работе, ведении бизнеса, осязаемой помощи и др.), часто их отличает высокий уровень доверия, дружественные, родственные отношения, и (2) виртуальные, основанные на электронных коммуникациях, позволяющих иметь весьма широкий круг контактов без реального взаимодействия. При использовании термина «социальные сети» чаще всего имеется в виду второй их тип, но это отнюдь не означает, что реальные сети утратили свое влияние в обществе и стали занимать подчиненное положение по отношению к виртуальным.

Следует признать, что сегодня деление социальных сетей на реальные и виртуальные больше условное – современный темп жизни, увеличение мобильности людей создают предпосылки для «перевода» части реальных социальных контактов в виртуальное пространство, и наоборот – «виртуальные» друзья могут наладить взаимодействие в физическом измерении.

Развитие технологической инфраструктуры, активное включение искусственного интеллекта в управление социальными контактами людей и организаций будут

формировать новые управленческие и исследовательские вызовы, все более сложные сценарии нетворкинга<sup>1</sup>.

Однако в контексте открывающихся цифровых возможностей нельзя недооценивать потенциал реальных социальных сетей в решении самых разных задач. В статье на основе анализа данных об образовании политических лидеров разных стран, вторичных исследований по данной теме продемонстрированы эффекты политического нетворкинга, возможности и направления конструирования реальных социальных сетей в российских образовательных организациях.

### **Формирование социальных сетей**

Реальные социальные сети всегда возникают на какой-то объективной основе, связывающей их членов. В различных исследованиях показывается, что структурно укорененные связи появляются «не просто как следствие регулярности (повторяемости) обмена, но возникающей избирательности, вырастающей из общности признаваемых участниками рынка социальных признаков – сходства образования, принадлежности к одной этнической группе, общего круга знакомых, которые могут дать рекомендации и т.п.» [Радаев, 2008. С. 47].

Долгое время основой для формирования сетей была (и в какой-то степени остается поныне) территория. Так образовывались различные кластеры в экономике (Голливуд, Силиконовая долина, промышленный кластер Сассуоло в Италии, креативный лофт-проект «Этажи» в Санкт-Петербурге и др.), так возникали диаспоры и землячества мигрантов. Ярким примером могут служить сети китайских предпринимателей (гуанси) на Тайване. Выходцы из одних и тех же городов, районов континентального Китая при бегстве на остров сохраняли между собой устойчивые неформальные связи, которые становились основой совместного бизнеса [Chan, 2000; Chang, 2004].

В целом, роль сетей, условия для формирования их различных структурных конфигураций довольно подробно рассматривались в рамках изучения этнического предпринимательства в экономической социологии [Валитов, 2000; Бредникова, Паченков, 2002; Олдрич и др., 2008]. Выявленные в рамках анализа сетевых структур возможности, культурные нормы и формируемые диапазоны развития предпринимательства подтверждали, что общая территория сближает людей, формирует рациональные и иррациональные механизмы передачи опыта. К последним, прежде всего, относится простое копирование паттернов поведения людей, живущих неподалеку. Так общие аспекты социализации становятся базисом образования реальной социальной сети, появившейся непосредственно на некоторой общей территории или благодаря «воспоминаниям» о ней.

Не менее (а в некоторых случаях – более) значимой основой формирования социальных сетей выступает образование, которое также формирует в людях общность познавательных практик, стереотипов восприятия действительности, культурных кодов и ценностных ориентаций. Именно поэтому *Alma mater* может стать

---

<sup>1</sup> Например, проект «Сетка» от HeadHunter будет использовать набор алгоритмических решений, чтобы рекомендовать, делать «видимыми» и соединять профессионалов в сети взаимодействия. URL: <https://hi.setka.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

эффективной основой реальной социальной сети. Гуанси являются лучшим тому подтверждением; когда воспоминания о месте проживания предыдущих поколений стали постепенно угасать, новые социальные сети стали возникать между тайваньцами-выпускниками одних и тех же университетов [Chan, 2000; Chen et al., 2013].

Важное отличие образования от территории как основы формирования социальной сети заключается в продолжительности периода общения. На территории обычно проживают многие поколения людей; родственные, дружеские, соседские, профессиональные коммуникации могут длиться годами и десятилетиями. Период же учебы относительно короток. За это время отнюдь не всегда успевают сформироваться устойчивые связи между людьми и их общие представления о жизни. Именно поэтому на «родстве» бывших сокурсников чаще основываются не реальные, а виртуальные сети (так в 1995 г. возникла одна из первых виртуальных соцсетей Classmates.com, затем уже были всем известные Facebook<sup>2</sup>, Одноклассники и др.). Решающим для формирования таких виртуальных сообществ выступает сам факт принадлежности к вузу, вне зависимости от года обучения или специальности, к его ценностям, традициям. Такие сообщества открывают широкие возможности для конвертации принадлежности к ним в реальные ценности как для конкретных участников, так и для университетов (например, в части пополнения эндаумент фондов) [Гойко и др., 2022].

Однако существуют примеры нетворкинга, создающего реальные, а не виртуальные социальные сети вокруг учебных заведений, прежде всего – наиболее престижных, формирующих элиты общества. Видимой и во многом эпатажной частью таких сетей выступают различные студенческие братства и сестринства [Дорохина, 2015; Борунов, 2021], но речь идет не только о них. Насколько такие сети действенны и эффективны – вопрос сложный. Ответ на него определяется как страновыми особенностями, так и идеологическими предпочтениями исследователей. Кто-то хочет видеть в таких сетях проявление «всемирного заговора» элит, кто-то – искусственный и ни к чему не обязывающий «довесок» к престижному образованию. В любом случае нечто подобное реальной социальной сети выпускников элитных вузов представляет собой интересный предмет для анализа.

## **Степень концентрации политической элиты в университетах страны**

Основой концептуализации моделей высшего образования и особенностей политического нетворкинга в их рамках послужило авторское кабинетное исследование образования лидеров 110 стран в конце XX – начале XXI вв. США, Великобритании, Германии, России. Исследование было дополнено историко-социологическим анализом институционального контекста модернизации образовательных институций и образовательных траекторий элиты на протяжении всего XX в. Результаты этого исследования сопяргались с данными аналитических центров и выводами оригинальных исследований российских и зарубежных специалистов. Даже беглый взгляд на места получения профессионального образования высшими руководителями стран (президентами, премьер-министрами и т.п.) за последние десятилетия дает довольно

---

<sup>2</sup> Социальная сеть внесена в список экстремистских организаций и запрещена на территории РФ.

четкую картину различий в степени «однородности» дипломов у представителей национальных элит. Налицо три модели, отражающие различные ситуации в сфере высшего профессионального образования людей, претендующих на высокие посты в государстве: централизованная; децентрализованная (дисперсная) и революционная.

Для **централизованной модели** характерно наличие в стране одного<sup>3</sup> или (чаще) нескольких университетов, из которых выходят наиболее успешные политики и чиновники, занимающие потом ключевые посты в государстве. Такие университеты являются наиболее престижными, лидируют в разнообразных рейтингах. Такая модель находит свое воплощение в странах с разным социально-экономическим развитием и культурными традициями. Так, в США большинство президентов последних лет были выпускниками Гарварда или Йеля; в Великобритании «кузнецами» управленческих кадров служат Кембридж и Оксфорд; во Франции большинство ведущих политиков и высших госслужащих имеют дипломы Национальной школы администрации и Политехнической школы, а также парижского Института политических исследований; в Японии наиболее престижным и влиятельным является Токийский университет (Тодай). Аналогичная картина складывается в странах Восточной Европы и Прибалтики. В Молдавии 4 из 9 президентов окончили Кишиневский госуниверситет. В Болгарии 3 из 5 президентов окончили Софийский университет Св. Климента Охридского. В Эстонии источником значительного числа представителей элиты служит Тартуский университет, в Литве – Вильнюсский. То же можно сказать о странах неевропейских культурных традиций. Централизованную модель образования можно встретить в Юго-Восточной Азии (Сингапур, Тайвань) и Латинской Америке. Так, все президенты Венесуэлы с 1958 по 1999 г. заканчивали Центральный университет Венесуэлы. Прервал эту традицию только Уго Чавес – выпускник Военной академии. С 1976 г. по настоящее время 8 из 11 президентов Уругвая<sup>4</sup> были выпускниками Респуббликанского университета.

В контексте данного исследования важно, что централизованная модель непосредственно связана с образованием реальных социальных сетей, объединяющих лиц, принимающих наиболее важные политические решения в стране. В данном случае сети возникают почти «автоматически»: отчасти в результате сознательных усилий (членство в студенческих объединениях, ассоциациях выпускников, отбор подчиненных и/или коллег из числа сокурсников, университетских товарищей и т.д.), отчасти – спонтанно на основе стереотипов, механизма подражания и неявных симпатий, базирующихся на общих параметрах социализации.

Так, при изучении французских высших школ П. Бурдьё указывал, что их функционирование как «миниатюрных закрытых сообществ» способствует формированию единого образа жизни, «проявляющегося не только в последовательных и отличительных системах культурных референций, особых этических и политических ценностях, но воплощается в одежде, манере говорить и даже сексуальных привычках, во всем, что оказывает эффект на мотивацию и индивидуальные стратегии» [Bourdieu, 1989. С. 180]. Фактически образуемые в такой модели конфигурации социальных сетей способствуют

<sup>3</sup> В некоторых странах доминирующее положение в системе элитного образования занимает единственный столичный вуз: Токийский университет в Японии, Национальный автономный университет в Мексике [Тев, 2016].

<sup>4</sup> Хулио Мария Сангинетти Койроло занимал пост президента дважды.

социальной сплоченности элит, и те порой оказываются даже более действенными, чем политические партии. Так, идеологическая схожесть и отсутствие жесткой организации у двух ведущих американских партий определяют принципиальную значимость для амбициозных в сфере политики молодых людей наличия диплома университета, входящего в Лигу плюща<sup>5</sup>. Именно они имеют реальные шансы на успешную карьеру как у республиканцев, так и у демократов.

Централизованная модель получения высшего образования элитой изучена лучше двух других, в том числе в российских политических и социологических исследованиях. Это неслучайно – образование элиты современной России тяготеет к данной модели. Несмотря на некоторое снижение востребованности первого образования в ведущих столичных вузах у представителей пред-элитной или около-элитных групп, которые рекрутируются в состав высшего руководства страны из российских регионов и имеют дипломы региональных университетов (что дало исследователям повод рассуждать о возможном «реванше регионов» в качестве подготовки кадров для элиты [Мещерякова, Крыштановская, 2023]), необходимо констатировать значимость МГУ, СПбГУ и МГИМО в качестве основных мест подготовки высших чиновников страны. В 2022 г. из 380 представителей «первого эшелона» власти 41 человек (10,7%) получили первое образование в этих трех вузах [Мещерякова, Крыштановская, 2023]. Еще более показательны цифры в разрезе отдельных элитных групп – в 2016 г. 42% представителей Правительства РФ и 37% высших чиновников Администрации Президента получили первый диплом в одном из этих вузов [Тев, 2016. С. 86]. При всех попытках придать импульс региональному образованию, Москва пока остается лидером среди городов, в которых представители будущей элиты предпочитают получать образование. Так, более 90% из 437 глав и заместителей глав федеральных министерств и ведомств повысили в Москве свой образовательный либо профессиональный уровень [Юшкина, 2019. С. 178].

Популярность централизованной модели у исследователей обусловлена двумя причинами: 1) модель создает очень влиятельные социальные сети, от существования которых зависят важнейшие государственные решения, персональные назначения, а иногда и выбор политического вектора развития страны; 2) своим существованием модель ставит под сомнение, декларируемое и мифологизируемое демократическое устройство современного общества. Как и наличие в «цитаделях» демократии политических династий [Барков и др., 2020], централизованная модель получения высшего образования элитой существенно ограничивает возможность меритократии. Такое «нарушение» социального порядка не могло не стать объектом внимания ученых.

Альтернативная централизованной модели образования элиты может быть охарактеризована как **децентрализованная**, или **дисперсная**. С точки зрения демократических принципов она выглядит более легитимной. При ее наличии в стране выходцы из самых разных учебных заведений (а иногда и вовсе не имеющие диплома) могут

---

<sup>5</sup> Лига плюща объединяет 8 старейших и самых престижных высших учебных заведений США (Гарвардский, Йельский, Принстонский, Колумбийский, Браунский, Корнельский университеты, Университет Пенсильвании и Дартмутский колледж). Согласно специальным исследованиям, 15 американских президентов получили квалификацию в 5 университетах Лиги, из них 8 окончили Гарвард. См. подробнее: Number of presidential alumni from each university from those who attended between 1751 and 1991, by educational achievement. URL: <https://www.statista.com/statistics/1124248/us-presidents-universities/> (дата обращения: 25.02.2024).

с равной вероятностью претендовать на занятие высших постов в государстве. Лучшими примерами такой модели служат Германия и Италия. Несмотря на то, что в обеих странах существуют высшие учебные заведения с давней историей, позитивным имиджем и существенным социокультурным влиянием, в них нет «сверхпредставленности» выпускников отдельных университетов в элите общества. Становление такой модели в двух развитых европейских странах, по всей видимости, было детерминировано их историческим развитием. Обе они до конца XIX в. были раздробленными, что обусловило отсутствие значимых для всей нации и структурообразующих для элиты научных и образовательных центров.

Данная модель, как и централизованная, не зависит от местоположения, степени развития или социокультурного кода страны. Она реализуется в таких кардинально различных странах, как, например, Латвия, Мексика или Колумбия. Однако, будучи внешне более демократичной, она не создает предпосылок для действенного нетворкинга и тем самым усложняет государственное управление (может выступать фактором недопонимания между людьми в руководстве страны, замедлять процесс принятия важных политических решений). Децентрализованная модель не отменяет реальные социальные сети, связывающие представителей элиты, однако усиливает важность других (не образовательных) оснований для их формирования.

В контексте нашего исследования важным аспектом является возможность получения зарубежного образования лидерами. В рамках централизованной модели центры подготовки элиты обязательно находятся внутри страны, децентрализованная в ряде случаев дает возможность возглавить страну или стать очень влиятельным политиком и тем, кто получил образование за рубежом. Таким образом формирование национальных элит может оказаться под непосредственным влиянием процессов глобализации высшего образования.

Существование централизованной или децентрализованной модели не связано напрямую с социально-экономическим развитием страны, но можно с известной долей уверенности утверждать, что длительное состояние политической стабильности и, соответственно, устойчивость элиты в этот период обуславливают тенденцию к формированию централизованной модели образования. Если политическая обстановка в стране нестабильна, характеризуется сменой векторов развития, есть большая вероятность закрепления децентрализованной модели. Когда же нестабильность оказывается очень высокой, происходят резкие перемены во власти и политическом курсе, элиты радикально меняются («кто был никем – тот станет всем!»), возникает третья модель – **революционная**.

К власти приходят новые люди, и чаще всего они получили в свое время другое образование, абсолютно несхожее с наличествующим у предыдущей элиты. Лучший пример революционной модели дает история СССР. Пришедшие в 1917 г. к власти большевики в массе своей вообще не имели высшего образования. Многие руководители страны пытались в царское время учиться в вузах, но были отчислены за революционную деятельность<sup>6</sup>. Исключение составил В.И. Ленин, закончивший экстерном юридический факультет Петербургского университета.

<sup>6</sup> А.И. Рыков исключён из Казанского университета (как в свое время и Ленин, но Ленин в последствии получил диплом юриста), В.В. Куйбышев исключён из Военно-медицинской академии, Л.Б. Каменев отчислен из МГУ, Г.Е. Зинovieв – из Бернского университета, Н.И. Бухарин – из МГУ.

Революционная модель образования элиты в нашей стране стала складываться при первом, «ленинском» поколении руководителей. Говоря современным языком, они формировали очень дееспособную и устойчивую социальную сеть, в основе которой было не общее образование, а причастность к революционному движению. Людей объединяли идеология и политическая деятельность в качестве нелегальной оппозиции. Дополнительным и также принципиально значимым фактором сплочения сети было и пребывание в эмиграции. После революции закрытая сеть «старых» большевиков начала постепенно «открываться», впускать в себя новых членов.

Развил революционную модель И.В. Сталин, который был ярким противником формирования каких-либо сетей в руководстве страны. Горизонтальные связи между большевиками он рассматривал как угрозу себе. Постоянные репрессии и чистки на протяжении всего его правления не давали возможности сформироваться стабильной элите. Тем более речь не могла идти о том, чтобы возникли какие бы то ни было устойчивые центры подготовки ее членов. В этот период опять же отдавалось неясное предпочтение людям, не имеющим высшего образования<sup>7</sup>.

Единственным заметным исключением в общем отсутствии учебных заведений, ориентированных на подготовку представителей руководящей элиты СССР, может считаться Высшая партийная школа. Ее заканчивали многие руководители страны (в том числе Ю.В. Андропов, К.У. Черненко). Однако это был специфический, говоря современным языком, «корпоративный» университет правящей партии. Партия не рекрутировала своих лидеров из ее выпускников, а, наоборот, направляла их в эту школу. В 1977 г. подобный «корпоративный университет» был создан и для руководителей промышленности – Академия народного хозяйства при Совете Министров СССР. Обе институции не только выполняли образовательную функцию, приобщая представителей высших эшелонов управления к новому, в том числе иностранному знанию, но и активно способствовали наращиванию и укреплению реальных социальных контактов между ними. На это работала совместная культурная и досуговая составляющая образовательной программы с «отрывом от производства». Институции работали на приращение социальных связей людей с устоявшимися жизненными приоритетами и уже сложившейся карьерой. Аналогично тому, как эти связи в современных реалиях формируют выпускники программ MBA.

Революционная модель характеризуется самой сильной дисперсностью учебных заведений. В основе реальных социальных сетей оказываются иные – «необразовательные» – факторы. Чаще всего в случае СССР – территория или национальность. Отношение к таким сетям и на официальном уровне (еще со времен Сталина), и у народа было негативное, поэтому в публичном дискурсе их часто называли «кланами». Вокруг Л.И. Брежнева сформировался днепропетровский клан, вокруг Э.А. Шеварднадзе – грузинский, вокруг Г.А. Алиева – азербайджанский. Другим фактором появления властной сети-клана могла быть принадлежность к силовым структурам (или неформальная связанность с этими структурами). Как и современные социальные сети, советские кланы могли переплетаться друг с другом – представитель национального

---

<sup>7</sup> Из 38 членов ЦК КПСС, занимавшихся хозяйственной деятельностью в 1930-е гг., законченное высшее образование имели только А.Н. Косыгин и Г.Я. Сокольников. При этом специалистом в своей профессии был только Косыгин, окончивший Ленинградский текстильный институт и работавший наркомом текстильной промышленности.

клана мог быть одновременно участником «силового». Но никогда общее место получения образования не играло в них принципиальную роль.

Таким образом, революционная модель характеризуется тем, что иные основания (участие в революционном движении, территория, национальность, принадлежность к силовым структурам и т.д.) формирования сети оказываются в период резких социальных перемен значительно более существенными, чем полученное образование.

### **Глобализация и политический нетворкинг**

Глобализация внесла существенное изменение в процесс образования социальных сетей представителями политических элит. Ранее сети замыкались внутри стран (государств). Это было характерно для всех элит – экономической, политической, культурной. Сегодня они активно преодолевают национальные границы (особенно экономические и культурные). Существует множество мест – клубы, форумы, конкурсы, конференции, рекреационные центры – где сети формируются из граждан самых разных стран. Политическая элита в этом плане всегда была более закрытой, что основывалось на простом императиве: нельзя допускать к важным политическим решениям людей из-за рубежа. Лидер государства не мог быть иностранным гражданином (это правило действует и сегодня в подавляющем количестве случаев). Исходя из такой ситуации, политические руководители получали образование преимущественно внутри страны.

Несколько десятилетий назад ситуация начала меняться. После крушения колониальных систем появилось большое количество государств, не обладавших самостоятельной системой высшего образования. Некоторые из них не имели четкой национальной идеи, были связаны тесными экономическими, социальными и политическими узами с бывшими метрополиями, не собирались вырабатывать самостоятельный политический курс [Барков, 2008]. Еще сильнее изменилась ситуация после распада СССР и «социалистического лагеря». Многие возникшие в результате «молодые демократии» захотели непосредственно перенимать опыт управления у представителей Запада и стали доверять им руководящие посты. В этих условиях присутствие «варягов» в руководстве страны перестало восприниматься как серьезная проблема. Появился и рациональный аргумент в пользу такой ситуации – главное, чтобы руководитель был хорошим профессионалом, и неважно, где он родился или учился.

В целом, очень небольшое количество государств возглавлялось и возглавляется иностранными резидентами или людьми с двойным гражданством<sup>8</sup>, гораздо чаще встречаются случаи, когда их руководители обучались за рубежом. Образование, полученное в ведущих вузах мира, вводит человека в глобальную элиту, положительно влияет на репутацию и жизненные перспективы. Благодаря наличию в качестве базиса общего образования реальная социальная сеть легко переступает национальные границы.

---

<sup>8</sup> В качестве примеров руководителей стран – бипатридов в текущей /недавней политической истории можно привести: Саломе Зурабишвили (президент Грузии 2018- н/в); Андри Радзуэлина (президент Мадагаскара 2019 г. – н/в); Мохамед Абдуллахи Мохамед (премьер-министр (2010–2011)), президент Сомали (2019–2021); Саад Харири (премьер-министр Ливана 2009–2011, 2016–2019), Андрей Бабиш (премьер-министр Чехии 2017–2021), Альберто Фухимори (президент Перу 1990–2000), также с учетом особых факторов становления государственности двойным гражданством обладали премьер-министры Израиля разных лет.

Активные глобализационные процессы в экономике и политике начались в конце XX в. в эпоху господства неолиберализма как социально-экономической доктрины. Неолибералы были первыми обладателями дипломов иностранных вузов в правительствах разных стран. В первую очередь это было характерно для Латинской Америки, где традиционно велико влияние США. В качестве технических исполнителей госструктур сюда нередко приглашали «варягов» с Севера. Так, небезызвестные «чикагские мальчики» – ученики автора теории монетаризма М. Фридмана, осуществлявшие неолиберальные реформы в Чили при А. Пиночете, явили миру пример того, как на базе отдельной теоретической конструкции переформатируется экономика целой страны [Valdés, 1995; Fourcade-Gourinchas & Babb, 2002]. В качестве глав правительств в этом регионе активно проявили себя местные выпускники американских университетов, опять же учившиеся неолиберальным подходам к управлению экономикой непосредственно у их авторов. Вот как об этом писали авторы журнала «Бизнес уик»: «Знаменательно, что в авангарде перемен мы видим сегодня новое поколение лидеров, многие из которых получили образование в США. Рассеянные по всей Южной Америке выпускники Гарвардского, Чикагского и Стэнфордского университетов возглавили крупнейшие компании и министерства, применяя повсюду на практике новый рыночный подход к решению проблем. Используя старые студенческие связи, заключая соглашения о свободной торговле и создании совместных предприятий со своими давними знакомыми по университету, эти магистры и доктора философии не только не боятся подписывать контракты с коллегами из США, но, напротив, стремятся к этому»<sup>9</sup>.

Американцы хорошо понимали силу социальных сетей, возникших вокруг их университетов. Их представители, любящие США и создавшие себе имидж выдающихся профессионалов, были способны успешно конкурировать на местном «политическом рынке» с теми, кто придерживается иных взглядов: «Для нового поколения лидеров, овладевших основами экономического планирования в вузах США, Латинская Америка стала своего рода полигоном, на котором проверяются на практике приобретенные ими теоретические знания... Эти новые высокообразованные латиноамериканцы, прекрасно владеющие английским, уверенно теснят националистически настроенных лидеров, десятилетиями стоявших у кормила власти»<sup>10</sup>.

Сегодня сила сетей, объединяющих выпускников американских университетов, в которые входят руководители разных стран, многократно возросла. Американцы могут по праву гордиться тем, сколько политических лидеров за рубежом они «воспитали». За период с 1900 по 2023 гг. 83 лидера национальных государств получили образование в США, из них после 2000 г. – 42 человека из 34 стран мира (табл. 1). Показателен и охват: образовательная экспансия США распространилась буквально на все регионы мира. А в отдельных странах, представляющих для США наибольший политический интерес (например, в ряде стран Ближнего Востока, в Мексике, Панаме, Сингапуре, Эквадоре и др.), подавляющее большинство государственных лидеров последних двух десятилетий имеют дипломы американских университетов.

---

<sup>9</sup> Бейкер Ст., Уинер Э., Смит Дж., Чартерс Э., Джэкобсон К. Латинская Америка в огненном ритме свободного рынка // Бизнес Уик (издание на русском языке), 1994. № 1. С. 38.

<sup>10</sup> Там же. С. 41.

Такой образовательный бэкграунд формирует поддержку внешней политики США со стороны многих государственных деятелей, которые вроде бы никак не должны быть заинтересованы в расширении американского влияния и успехе американских инициатив.

**Таблица 1. Главы государств с американским образованием, занимавшие пост с 2000-х по настоящее время**

Регион	Страна	Глава государства	Срок полномочий	Американский университет, который закончил
Страны Европы	Греция	Костас Караманлис	2004–2009	Университет Тафтса
		Кириакос Мицотакис	2019 –н/в	Гарвардский, Стэнфордский
	Грузия	Саломе Зурабишвили	2018- н/в	Колумбийский
	Италия	Марио Монти	2011–2013	Йельский
	Молдова	Майя Санду	2020- н/в	Гарвард школа Кеннеди
	Польша	Марек Белька	2004–2005	Колумбийский, Чикагский
	Португалия	Жозе Мануэль Баррозу	2002–2004	Джорджтаунский
	Хорватия	Колинда Грабар-Китарович	2015–2020	Университет Дж. Вашингтона
	Чешская республика	Вацлав Клаус	2003–2013	Корнельский
Эстония	Тоомас Хендрик Ильвес	2006–2016	Колумбийский, Пенсильванский	
Страны Ближнего Востока	Ирак	Ахмед Чалаби	Сентябрь 2003	МИТ, Чикагский
		Гази Машаль Аджиль аль-Явер	2004–2005	Американский, Университет Дж. Вашингтона
	Израиль	Эхуд Барак	1999–2001	Стэнфордский
		Биньямин Нетаньяху	1996–1999, 2009–2021	МИТ, Гарвардский университет
Страны Африки	Ботсвана	Мокветси Масиси	2018-н/в	Университет штата Флорида
	Кения	Ухуру Кениата	2013–2022	Амхерст Колледж
	Либерия	Эллен Джонсон- Серлиф	2006–2018	Мэдисонский бизнес-колледж, Университет Колорадо, Гарвардский университет
	Сомали, Пунтленд	Абдивели Гаас	2011–2012 (Сомали), 2014–2019 (Пунтленд)	Университет Вандербильта, Гарвардский университет, Университет Джорджа Мейсона
	Тунис	Зин эль-Абидин Бен Али	1987–2011	Высшая разведывательная школа (Мэриленд), Школа полевой зенитной артиллерии (Техас)

Регион	Страна	Глава государства	Срок полномочий	Американский университет, который закончил
Страны Северной и Южной Америки	Боливия	Гонсало Санчес де Лосада	1993–1997, 2002–2003	Чикагский
	Колумбия	Хуан Мануэль Сантос	2010–2018	Канзасский, Гарвардский
	Коста Рика	Лаура Чинчилья	2010–2014	Джорджтаунский
	Маршалловы острова	Кристофер Лоик	2011–2016	Портлендский общественный колледж, Гавайский тихоокеанский колледж, Юридический факультет Университета Гонзага
	Мексика	Эрнесто Седильо	1994–2000	Йельский
		Висенте Фокс	2000–2006	Гарвардский
		Фелипе Кальдерон	2006–2012	Гарвардский
	Никарагуа	Энрике Боланьос	2002–2007	Университет Сент – Луиса
	Панама	Мирейя Москосо	1999–2004	Колледж Майами-Дейд
		Мартин Торрихос	2004–2009	Техасский университет A & M
	Перу	Альберто Фухимори	1990–2000	Университет Висконсина в Милуоки
	Чили	Рикардо Лагос	2000–2006	Университет Дьюка
Эквадор	Джамиль Махуад	1998–2000	Гарвардский	
	Рафаэль Корреа	2007–2017	Иллинойсский университет в Урбане-Шампейне	
Страны Азиатского региона	Камбоджа	Хун Манет	2023- н/в	Нью-Йоркский
	КНР	Ли Тен Хуэй	1988–2000	Университет штата Айова; Корнельский университет
		Ма Инцзю	2008–2016	Гарвардский
	Сингапур	Го Чок Тонг	1990–2004	Колледж Уильямса
		Ли Сянь Лун	2004– н/в	Гарвардский
	Таиланд	Йинглак Чиннават	2011–2014	Университет штата Кентукки
	Тайвань	Цай Ивэнь	2016- н/в	Корнельский
	Филиппины	Глория Макапагал Арройо	2001–2010	Джорджтаунский
Япония	Синдзо Абэ	2006–2007, 2012–2020	Университет Южной Калифорнии	

Конкуренцию США в плетении сетей вокруг своих вузов составляет Великобритания (рис. 1). Профессор Ребекка Хьюз, директор отдела по образованию в Британском совете, называет такую связь между Великобританией и мировыми лидерами «долгосрочными активами» своей страны.



**Примечание.** Черным выделены страны с лидерами, получившими образование в Великобритании, темно-серым – в США.

**Источник.** Составлено по данным HEPI за 2023 г.

*Рис. 1.* Страны, лидеры которых получили образование в США и Великобритании, 2023 г.

С 2017 г. Higher Education Policy Institute (HEPI), независимый аналитический центр, занимающийся вопросами высшего образования, измеряет Индекс мягкой силы (Soft-Power Index)<sup>11</sup>, частью которой является предоставление образовательных услуг активным политикам из разных стран. По его данным, США и Великобритания по этому показателю относятся к безусловным мировым лидерам (табл. 2).

**Таблица 2. Количество лидеров стран, получивших образование в США, Великобритании, Франции и России, 2021–2023 гг.**

Страна получения образования лидерами стран	2021	2022	2023
США	65	67	65
Великобритания	58	56	58
Франция	30	31	30
Россия	11	11	10

**Источник.** Составлено по данным HEPI'S2023 SOFT-POWER INDEX. URL: <https://www.hepi.ac.uk/2023/08/22/over-one-quarter-of-the-worlds-countries-are-headed-by-someone-educated-in-the-uk-and-another-quarter-are-headed-by-someone-educated-in-the-us-hepi-2023-soft-power-index/> (дата обращения: 15.03.2024).

<sup>11</sup> Количество действующих мировых лидеров (монархов, президентов и премьер-министров), получивших высшее образование в странах, отличных от их собственной. При расчете показателей учитываются все уровни образования, включая дополнительное и второе высшее.

Но примечательно, что Россия все же сохраняет за собой значимые позиции в образовательной подготовке лидеров национальных государств. Базис для этого был заложен еще в СССР, где очень хорошо понимали «сплачивающий» характер высшего образования.

Так, уже в январе 1921 г. по решению ЦК РКП(б) в Москве начали функционировать восточные курсы<sup>12</sup> для подготовки иностранцев. Однако расцвет образовательного экспорта в СССР наступил с хрущевской оттепелью. В 1957 г. в Москве прошел шестой Всемирный фестиваль молодежи и студентов, в это же время начался массовый прием в советские вузы выходцев из стран «народной демократии» и бывших колоний. В Союз ехали тысячи студентов со всего мира. Очень многие из них возвращались на родину друзьями СССР и занимали важнейшие позиции в политическом руководстве своих стран. Студентов-иностранцев принимали в самые разные вузы, а в Москве для них был создан специальный Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

С формальной точки зрения высшее образование, полученное в СССР, способствовало развитию экономики дружественных стран, а также распространению коммунистической идеологии. Крайне важными были и неформальные аспекты учебы в Советском Союзе. Знание русского языка, наличие друзей и знакомых, понимание русской культуры и культур народов СССР – все это создавало базис для успешных политических контактов и реализации совместных проектов между местными и зарубежными выпускниками.

Эффективность образовательной политики СССР по подготовке иностранцев можно проследить в контексте взаимоотношений СССР и КНР. С 1925 г. по 1930 г. в СССР существовал отдельный Университет трудящихся Китая (УТК) им. Сунь Ятсена (позже Коммунистический университет трудящихся Китая). За весь период его работы он выпустил около 1500 специалистов. Несмотря на то, что с конца 1950-х годов охлаждение отношений между странами привело к сокращению сотрудничества, университет создал мощный задел для будущего политического взаимодействия. Многие из представителей политической и военной элиты Китая, занимавших свои посты, начиная с 1930-х гг. до конца XX в., проходили обучение в СССР. В их числе – основные идеологи китайской компартии Чжан Вэньтянь, Ван Цзясян, Чэнь Бода, главный соратник Мао Цзэдуна в годы «культурной революции» Линь Бяо, как, впрочем, и главные его соперники в борьбе за власть Чжан Готао и Ван Мин (Чэнь Шаоюй). Три из шести генеральных секретарей ЦК КПК (помимо уже упомянутого Чжана Вэньтяня, – Бо Гу и Дэн Сяопин) обучались в Москве. Не меньший вклад внес СССР в подготовку китайской военной элиты. Для обучения военных в КУТК была создана военная секция. Пять из десяти маршалов КНР (Чжу Дэ, Линь Бяо, Лю Бочэн, Не Жунчжэнь, Е Цзяньбин), 3 генерала армии, 7 генерал-полковников, 8 генерал-лейтенантов, 7 генерал-майоров учились в нашей стране.

Именно обученные в СССР китайские специалисты в 1990-х гг. способствовали быстрому налаживанию политического и экономического сотрудничества между двумя странами, быстрому прогрессу в двусторонних отношениях.

---

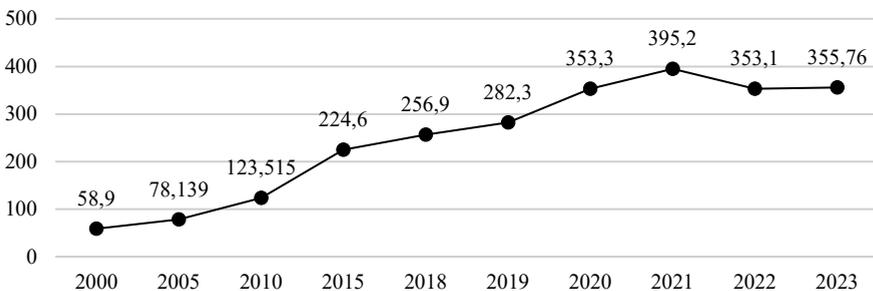
<sup>12</sup> Позже были преобразованы в Университет трудящихся Востока (УТВ), затем к названию вуза было добавлено слово «Коммунистический», и он стал называться КУТВ.

## Российское высшее образование как основа политического нетворкинга

С распадом СССР внимание к привлечению иностранных студентов существенно ослабло. Кроме того, экономический кризис 1990-х гг. не мог не затронуть систему образования, а страна была поставлена в условия, когда она должна была «на равных» конкурировать на мировом рынке образовательных услуг с развитыми странами, где финансирование образования было на порядок выше. Prestиж российского образования в мире сильно упал. Не способствовал притоку студентов и трудный для изучения русский язык, на котором ведется преподавание в нашей стране. И хотя динамика притока иностранных студентов в целом была положительной, она не позволяла говорить о значимой роли России в международной мобильности студентов. Так, в 2000 г. в стране обучалось менее 60 000 иностранных студентов.

В начале 2000-х в страну ехали молодые люди в основном для того, чтобы изучать русский язык. Функционировал Университет дружбы народов, а ряд ведущих вузов постоянно делали попытки привлечения иностранных студентов, но это были несистемные и не вполне эффективные начинания. Целенаправленной политики вузов и/или государства по выстраиванию сетей вокруг российских учебных заведений в 1990-е и начале 2000-х гг. не существовало. Тем более отсутствовал политический нетворкинг.

Однако ситуация стала постепенно меняться. Вложения государства в развитие отдельных направлений подготовки, предпринятые меры по поддержке ведущих вузов, в том числе в регионах, накопленный опыт внутри системы высшего образования по созданию востребованных программ профессиональной подготовки заметно улучшили ситуацию. Если в 2000-м в стране обучалось 58,9 тыс. иностранных студентов, то в 2023-м – 355,76 тыс. (рис. 2)<sup>13</sup>.

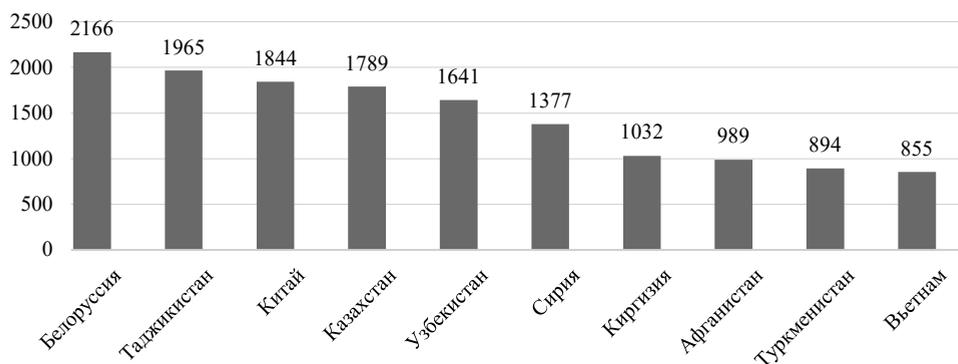


**Источник:** Составлено по данным Министерства образования и науки РФ

Рис. 2. Количество иностранных студентов, получающих высшее образование в России, 2000–2023 гг., тыс. чел.

<sup>13</sup> Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: [https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b15\\_11/isswww.exe/stg/d01/08-12.htm](https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b15_11/isswww.exe/stg/d01/08-12.htm); [https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b12\\_11/IssWWW.exe/Stg/d1/08-11.htm](https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b12_11/IssWWW.exe/Stg/d1/08-11.htm) (дата обращения: 01.04.2024).

Российское образование востребовано прежде всего среди молодых граждан стран СНГ (рис. 3)<sup>14</sup>. Более половины иностранных студентов, обучающихся в России, приезжают из шести государств: Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и Киргизии. При этом, если в 2018 г. больше всего студентов прибывало из Казахстана, то в 2022 г. лидером по количеству студентов, обучающихся в России, стал Узбекистан, а в 2023 г. – Беларусь<sup>15</sup>.



**Источник.** Национальный доклад о реализации государственной политики в сфере образования.

*Рис. 3.* Топ стран по количеству студентов, принятых на обучение в российские вузы в 2023 г., чел.

Среди стран дальнего зарубежья больше всего студентов направляют в Россию в последние годы Вьетнам, Сирия, Афганистан. Существенно увеличился также поток студентов из африканских стран. Так, количество студентов из Египта выросло с 2018 г. почти в 7 раз. Иностранцев привлекают специальности, связанные со здравоохранением (лечебное дело, стоматология, педиатрия), экономикой, педагогикой, юриспруденцией. Растет интерес к строительным и инженерным специальностям<sup>16</sup>. Однако лидером по числу студентов дальнего зарубежья, обучающихся в российских вузах, является Китай.

Приток китайских студентов в Россию следует отметить особо. Ограниченное число мест в китайских университетах и целенаправленная политика государства по задействию зарубежного опыта для поступательного развития страны стимулируют приток в Россию студентов из КНР. Китайцы высоко оценивают уровень российского образования, помнят, какую большую роль в развитии страны сыграли выпускники советских вузов 1930–1960-х гг. Их не отпугивает и начавшееся противостояние

<sup>14</sup> Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования // Министерство науки и высшего образования РФ. 2024. URL: [http://government.ru/dep\\_news/51601/](http://government.ru/dep_news/51601/) (дата обращения: 20.08.2024).

<sup>15</sup> Данные Министерства образования и науки РФ. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/> (дата обращения: 11.04.2024).

<sup>16</sup> Там же.

России и Запада, год от года количество китайских студентов в России растет: в 2022 г. общая численность студентов составляла 36,2 тыс. чел. (рост к 2021 г. составил 10%)<sup>17</sup>, в 2023 г. – 37, 08 тыс. чел., в 2024 г. превысила 41 тыс. чел.<sup>18</sup>.

Среди китайских выпускников российских вузов возникают устойчивые социальные сети, что вообще характерно для культуры этой страны. Исследования показывают, что склонность к нетворкингу свойственна любому китайцу [Dorokhina et al., 2023]. За последние 35 лет сети выпускников российских вузов в КНР в какой-то степени институционализировались. В стране с 1989 г. активно действует Китайская ассоциация выпускников бывшего советского союза и СНГ (КАВС)<sup>19</sup>, с 2014 г. празднуется Единый день выпускников российских и советских вузов – десятый состоялся 8 декабря 2023 г. Регулярные встречи выпускников проходят в Китае и в отдельных вузах в России.

Успешный опыт создания социальных сетей среди китайских выпускников отечественных вузов, а также геополитические императивы налаживания более тесного сотрудничества с дружественными странами в условиях крайне напряженных отношений с Западом ставят на повестку дня активное стимулирование политического нетворкинга вокруг университетов России. Подобный нетворкинг можно считать эффективным инструментом «мягкой силы», с помощью которой в современном мире решается множество проблем во взаимоотношениях между странами и общностями людей. Мягкая сила – это создание привлекательного образа страны, прежде всего, на основе пропаганды ее достижений и ознакомления с культурой. Симпатии к стране и наличие по всему миру людей, поддерживающих ее политическую линию, часто оказывается более эффективным способом предотвращения и/или разрешения конфликтов, чем военная («жесткая») сила.

Возвращаясь к феномену нетворкинга, нужно сделать одно важное замечание. Реальные социальные сети могут возникать спонтанно и целенаправленно. Смысл термина «нетворкинг» на английском языке отсылает к целенаправленному конструированию сети. На наш взгляд, российское государство и система отечественного образования сегодня должны осваивать искусство «плетения» социальных сетей, не полагаясь на случай. Для этого недостаточно собрать на своей территории отечественных и иностранных студентов. Для формирования устойчивых связей между людьми важно создание ситуации, когда положительные эмоции от общения и взаимодействия явно преобладают над отрицательными. Тем более, что образование – сложный процесс. С психологической точки зрения он может быть связан со стрессами, конфликтами, состояниями депрессии и фрустрации. Поэтому эффективный нетворкинг требует специальных усилий. США, поставившие буквально на поток подготовку политических лидеров других стран, имеют специальные программы и организационные установки, чтобы сделать социальные сети действенными.

---

<sup>17</sup> За прошедший год число студентов из Китая увеличилось на 10% // Министерство науки и высшего образования РФ. 22.05.2022. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51810/> (дата обращения: 10.09.2024).

<sup>18</sup> Число китайских студентов в России выросло до 41. тыс. // Известия. 27.04.2024. URL: <https://iz.ru/1688685/2024-04-27/chislo-kitaiskikh-studentov-v-rossii-vyroslo-do-41-tys> (дата обращения: 10.09.2024).

<sup>19</sup> Объединяет свыше 4 тыс. китайцев. URL: <https://rs.gov.ru/news/v-kitae-vstretilis-rossijskie-i-sovetskie-vypuskniki/> (дата обращения: 11.04.2024).

Среди ключевых моментов политического нетворкинга вокруг университетов отметим разработку информационных материалов и информационного сопровождения, облегчающего онбординг иностранных студентов, тщательно спланированную программу адаптации, где ключевые усилия концентрируются на создании условий для преподавателей, администрации и студентов вузов в помощи иностранцам в организационном плане (включения в учебный процесс, объяснения систем оценивания и т.д.), а также в реализации культурных инициатив и налаживания повседневного общения (пригласить в гости, позвать поиграть в волейбол, обсудить книгу, фильм и т.д.).

Например, иностранец, поступивший в американский университет, в первый же день получает детализированную и написанную простым языком информацию о жизни и учебе в стране, где описаны все проблемные ситуации, в которые он может попасть в университете и вне его. Информация постоянно обновляется в зависимости от перемен в учебном процессе и трансформации социального окружения. Обязательно принимается во внимание момент, когда среднестатистический человек начинает чувствовать ностальгию. Примерно в это время семья местных преподавателей приглашает иностранного студента в гости и на экскурсии. Это плюс к тому, что чуть ли не с первого дня в жизни студента появляются организации соучеников для совместного проведения досуга и помощи в учебе. В результате человек оказывается «окутанным» социальными сетями, делающими его жизнь лучше, начинает испытывать уважение к стране пребывания и к ее жителям, с которыми завязываются разной силы связи.

Данные опроса «Адаптация иностранных студентов в России», проведенного по инициативе Госдумы РФ в 2023 г.<sup>20</sup>, демонстрируют необходимость развития информационной поддержки. Так, 26% иностранных студентов испытывали сложности с регистрацией и постановкой на учет, 21,4% – с получением виз в РФ, у 14,2% возникали трудности при взаимодействии с российскими МФЦ, банками, другими структурами, 12,4% требовалась помощь в решении бытовых вопросов. Эти проблемы могут быть решены с помощью технических средств (приложений, порталов, чат-ботов, групп в мессенджерах и т.д.). Не менее важную роль занимает выстраивание межличностных взаимодействий – многие респонденты признались, что им не хватает культурных событий и психологической поддержки со стороны российских студентов и преподавателей.

Значимой проблемой в поддержании контактов становится практика расселения иностранных студентов в общежитиях. Например, китайцы в российских университетах живут практически закрытыми коммунами, результатом чего становится плохое знание русского языка и главное – отсутствие возможности завязать устойчивые социальные связи с россиянами. В советских вузах традицией было поселение иностранцев вместе с местными студентами, что служило основой нетворкинга.

У российских студентов, преподавателей и администраторов университетов нет традиции приглашать иностранных студентов к себе домой или организовывать неформальные мероприятия культурной направленности (совместный поход в музей, приглашение посетить «русскую дачу» и т.д.). Как элементы «мягкой силы»

---

<sup>20</sup> Результаты исследования «Адаптация иностранных студентов», инициатор Комитет Государственной думы по молодежной политике // Сайт Государственного университета управления. URL: [https://guu.ru/wp-content/uploads/2\\_1\\_Адаптация\\_иностраннных\\_студентов.pdf](https://guu.ru/wp-content/uploads/2_1_Адаптация_иностраннных_студентов.pdf)

такие мероприятия не слишком обременительны для наших соотечественников, но необходимо разъяснять их важность в современном мире, во многом состоящем из социальных сетей.

Установление неформальных отношений между иностранными и российскими студентами, преподавателями может стать органичной основой для целенаправленного политического нетворкинга: включения иностранных выпускников в соответствующие организации обмена опытом, отслеживания их карьеры в политике, если они таковую делают, предложения совместных проектов. Важно понимать, что продвижение политического курса России в мире начинается с самых незначительных и не имеющих явных целей шагов по налаживанию неформальных контактов. Без этого место эффективно работающих социальных сетей займет абстрактное позитивное отношение к стране, где человек получил высшее образование. Само по себе такое восприятие – это тоже вклад в развитие международных связей, но по действенности оно не может сравниться с реальными социальными сетями, включающими в себя настоящих и будущих политических лидеров.

\* \* \*

Сегодня Россия во многом использует результаты того политического нетворкинга, который имел место в советское время. Выпускники советских вузов стали значимыми фигурами политического, экономического ландшафта во многих странах. Но время бежит, скоро им на смену придут новые руководители. При исключительной активности Запада в части политического нетворкинга велика вероятность, что они могут быть оплетены социальными сетями, созданными в недружественных по отношению к России странах. В этих условиях принципиально важным становится целенаправленное создание реальных социальных сетей, связывающих иностранных и российских выпускников отечественных вузов.

При непредсказуемости политического будущего в современном мире стоит видеть в большинстве иностранцев, получивших российское образование, потенциальных политических игроков, и действовать, исходя из этого предположения. Россия «умеет нравиться» иностранцам. Богатство и самобытность ее культуры вкупе с открытостью россиян к общению создают широкие возможности для конструирования социальных сетей. Важно превращать эти возможности в действительность. Используя советский опыт и дополняя его инициативами, созвучными сегодняшнему социально-политическому устройству мира, российские вузы уже скоро могут стать сильным подспорьем в реализации политики страны в самых разных регионах мира.

## Литература/ References

Барков С.А., Дорохина О.В., Маркеева А.В., Максимов А.А. Династии и фамилии-бренды в политической сфере постиндустриального общества// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. № 4. С. 801–820.

Barkov, S.A., Dorokhina, O.V., Markeeva, A.V., Maksimov, A.A. (2020). Dynasties and brand names in the political sphere of the post-industrial society. *RUDN Journal of Sociology*. No. 4. Pp. 801–820. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-801-820>

- Барков С.А. Бюргерство и пассионарность как социокультурные модели развития национальных сообществ // Социология власти. 2008. № 6. С. 69–77
- Barkov, S.A. (2008). Burgherism and Passionarity as socio-cultural models of development of national communities. *Sociology of Power*. No. 6. Pp. 69–77 (In Russ.).
- Борунов Д.В. Братство на всю жизнь. Возвращение студенчества в Россию. М.: Изд. Буки Веди, 2021. 424 с.
- Borunov, D.V. (2021). *Brotherhood for Life. Return of the student community to Russia*. Moscow. Buki Vedi Publ. 424 p. (In Russ.).
- Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 74–81.
- Brednikova, O., Pachenkov, O. (2002). Ethnicity of “ethnic economy” and social networks of migrants. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 3. No. 2. Pp. 74–81. (In Russ.).
- Валитов В.Н. Социальные сети российских иммигрантов и коренных жителей // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 112–120.
- Valitov, V.N. (2000). Social Networks of Russian Immigrants and Natives. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. No. 1–2. Pp. 112–120. (In Russ.).
- Гойко В.Л., Мягков М.Г., Мундриевская Ю.О., Александрова Ю.К., Булыгина М.В., Мищенко Е.С., Устюжанцева О.В. Стратегии и практики вовлечения выпускников вузов и массовых жертвователей в деятельность эндаументов: исследование Центра прикладного анализа больших данных и Центра знаний по целевым капиталам ТГУ. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2022. 176 с.
- Goiko, V.L., Myagkov, M.G., Mundrievskaya, Yu.O., Aleksandrova, Yu.K., Bulygina, M.V., Mishchenko, E.S., & Ustyuzhantseva, O.V. (2022). *Strategies and practices of involving university graduates and mass donors in endowment activities: a study of the Center for Applied Big Data Analytics and the TSU Endowment Knowledge Center*. Tomsk: TSU Publ. 176 p. (In Russ.).
- Дорохина Р.В. Этические принципы и ценностные установки студенческих корпораций Европы и Северной Америки. М.: Проспект, 2015. 168 с.
- Dorokhina, R.V. (2015). *Ethical Principles and Values of Student Corporations in Europe and North America*. Moscow. Prospect Publ. 168 p. (In Russ.).
- Мещеракова Н.Н., Крыштановская О.В. Качество образования российской политической элиты // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 12. С. 138–156. DOI: 10.31992/0869–3617–2023–32–12–138–156
- Meshcheryakova, N.N., Kryshtanovskaya, O.V. (2023). Quality of education of the Russian political elite. *Higher Education in Russia*. Vol. 32. No. 12. Pp. 138–156. (In Russ.). DOI: 10.31992/0869–3617–2023–32–12–138–156
- Олдрич Х., Роджер В., Робин У. Этнические предприниматели // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 5. С. 30–55.
- Aldrich, H., Roger, W., Robin, W. (2008) Ethnic entrepreneurs. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 9. No. 5. Pp. 30–55. (In Russ.).
- Радаев В.В. Рынок как переплетение социальных сетей // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6. № 2. С. 47–54.
- Radaev, V.V. (2008). Market as an intertwining of social networks. *Russian Journal of Management*. Vol. 6. No. 2. Pp. 47–54. (In Russ.).

- Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: образовательные характеристики // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 3. С. 76–96.
- Tev, D.B. (2016). The federal administrative elite of Russia: educational characteristics. *Universe of Russia*. Vol. 25. No. 3. Pp. 76–96. (In Russ.).
- Тев Д.Б. Элитное образование как канал рекрутирования властных групп: зарубежный опыт // Социологические исследования. 2015. № 9. 2015. С. 102–110.
- Tev, D.B. (2015). Elite education as a channel of power groups' rectoring: foreign experience. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. No. 9. Pp. 102–110. (In Russ.).
- Юшккина Н.А. Влияние образовательных траекторий на формирование управленческой элиты в российских федеральных органах власти // Вестник университета. 2019. № 11. С. 176–183.
- Yushkina, N.A. (2019). Influence of educational trajectories on the formation of the managerial elite in the Russian federal authorities. *Vestnik Universiteta*. No. 11. Pp. 176–183. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816–4277–2019–11–176–183
- Bourdieu, P. (1989). *The State Nobility: Elite Schools in the Field of Power*. Stanford: Stanford UP
- Chan, Kwok Bun (2000). *Chinese Business Networks: State, Economy and Culture*. Singapore. Prentice Hall, Nordic Institute of Asian Studies.
- Chang, I. (2004) *The Chinese in America: a narrative history*. New York. The Penguin Group.
- Chen, C. Chen, X-P, Huang, S. (2013) Chinese Guanxi: An Integrative Review and New Directions for Future Research. *Management and Organization Review*. Vol. 9(1). Pp.167–207. DOI:10.1111/more.12010
- Dorokhina, O.V., Sinelnikov, A.B., Barkov, S.A. (2023). The West, Russia and China: Inheritance systems and ways of economic development. *RUDN Journal of Sociology*. No. 3. Pp. 600–611. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313–2272–2023–23–3–600–611>
- Fourcade-Gourinchas, M.& Babb, S. (2002). The Rebirth of the Liberal Creed: Paths to Neoliberalism in Four Countries. *American Journal of Sociology*. Vol. 108. Pp. 533–579.
- Valdés, J. (1995). *Pinochet's Economists: The Chicago School in Chile*. Cambridge University Press.

Статья поступила 06.05.2024

Статья принята к публикации 20.05.2024

**Для цитирования:** Барков С.А., Колодезникова И.В., Маркеева А.В. Политический нетворкинг и высшее образование элит // ЭКО. 2025. № 1. С. 123–143. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2025–1–123–143

### Информация об авторах

Барков Сергей Александрович (Москва) – доктор социологических наук, профессор.

МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: barkserg@live.ru; ORCID: 0000–0002–7382–767X

Колодезникова Инна Валентиновна (Москва) – кандидат экономических наук.

МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: inna0105@yandex.ru; ORCID: 0000–0002–3158–8172

Маркеева Анна Валерьевна (Москва) – кандидат социологических наук.

МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: anna\_markeeva@mail.ru; ORCID: 0000–0002–7439–1599

## Summary

*S.A. Barkov, I.V. Kolodeznikova, A.V. Markeeva*

### Political Networking and Higher Education of Elites

**Abstract.** In post-industrial society, social networks are the most important mechanism of social interaction. The article demonstrates the effects of political networking within the framework of three models of elite education (centralized, decentralized and revolutionary) based on the analysis of secondary data and the author's research of places of education of political leaders of different countries. Each of the models creates special conditions for the formation and management of social networks. Special attention is paid to the existing barriers and directions of constructing real social networks in Russian educational institutions as a component of the "soft power" strategy.

**Keywords:** *social networks; political networking; higher education; universities; soft power; political leaders*

**For citation:** Barkov, S. A., Kolodeznikova, I.V., Markeeva, A.V. (2025). Political Networking and Higher Education of Elites. *ECO*. No. 1. Pp. 123–143. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–123–143

### Information about the authors

*Barkov, Sergey Alexandrovich* (Moscow) – Doctor of Sociology Sciences.

Lomonosov Moscow State University.

E-mail: barkserg@live.ru; ORCID: 0000–0002–7382–767X

*Kolodeznikova, Inna Valentinovna* (Moscow) – PhD in Economics.

Lomonosov Moscow State University.

E-mail: inna0105@yandex.ru; ORCID: 0000–0002–3158–8172

*Markeeva, Anna Valeryvna* (Moscow) – PhD in Sociology.

Lomonosov Moscow State University.

E-mail: anna\_markeeva@mail.ru; ORCID: 0000–0002–7439–1599

# Инструменты инвестиционного обеспечения «зеленых» проектов<sup>1</sup>

**Г.С. Чеботарева**

УДК 336.012.23

DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2025-1-144-157

**Аннотация.** В статье исследуются «зеленые» инвестиционные практики, востребованные на мировом и отечественном рынках для адресного финансирования потребностей энергетического перехода. На основе обзора актуальных зарубежных и российских публикаций предложена классификация современных «зеленых» инвестиционных инструментов, учитывающая пять базовых признаков: от степени участия государства до масштабов охвата рынка. Рассматриваются состояние и актуальные кейсы российского рынка «зеленых» инвестиций. Систематизированы характеристики «зеленых» инвестиционных инструментов, отличающие их от классических. Предложены дополнения в современную теорию управления инвестициями, обобщающие теоретические и методологические закономерности финансирования «зеленых» проектов.

**Ключевые слова:** энергетический переход; «зеленые» инвестиции; «зеленый» проект; «зеленые» облигации; возобновляемая энергетика; государственная поддержка

В данной работе характеристика «зеленый» трактуется как нацеленность на решение энергетических, экологических, климатических задач в рамках повестки энергетического перехода на глобальном, национальном, региональном или местном уровнях (сюда относятся, например, повышение энергетической эффективности, сокращение выбросов парниковых газов, рост доступности чистой энергии для потребителей и т.п.). В качестве объекта исследования выступает совокупность «зеленых» инвестиционных инструментов и механизмов, применяющихся для финансирования проектов и инициатив, нацеленных на выполнение «зеленых» задач.

На сегодняшний день вопросам разработки эффективного инструментария, направленного на целевое инвестирование «зеленых» проектов, уделяется повышенное внимание как на глобальном, так и государственном уровнях, как в институциональном аспекте, так и в виде частных инициатив отдельных хозяйствующих субъектов. Этот интерес обусловлен набирающей стремительный ход повесткой энергетического перехода, предусматривающей необходимость обеспечения финансирования чрезвычайно капиталоемких экоориентированных программ и проектов [Гительман и др., 2023].

Глобальные инвестиции в энергопереход в 2023 г. составили почти 2 трлн долл., что превысило аналогичный показатель предыдущего года на 17%<sup>2</sup>. По оценке экспертов, темпы роста инвестиций будут только возрастать, и к 2040 г. их объем может достичь 3,2 трлн долл.<sup>3</sup> Так, только для строительства сетевой инфраструктуры,

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-01242. URL: <https://rscf.ru/project/23-78-01242/>

<sup>2</sup> Energy Transition Investment Trends [Эл. ресурс]. URL: <https://about.bnef.com/energy-transition-investment/> (дата обращения: 01.03.2024).

<sup>3</sup> Global Energy Perspective 2023 [Эл. ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/global-energy-perspective-2023-energy-value-pools-outlook> (дата обращения: 01.03.2024).

## Инструменты инвестиционного обеспечения «зеленых» проектов

связанной с возобновляемой энергетикой (ВЭ), в 2024 г. требуется вложить примерно 374 млрд долл.; а к 2030 г. – суммарно потребуется более 3 трлн долл.<sup>4</sup>

В России тема приобретает особую актуальность из-за намеченного после 2035 г. отказа от государственной поддержки ВЭ, а также в связи с неопределенностью в области поддержки водорода и электромобильного транспорта<sup>5</sup>. Следовательно, требуется упреждающая разработка эффективной системы инвестирования «зеленых» проектов, опирающейся на частные (коммерческие) источники и ресурсы.

Цель работы состоит в систематизации закономерностей, определяющих специфику процесса «зеленого» инвестирования. Это предполагает решение следующих задач:

- классификация соответствующих инвестиционных инструментов, используемых в мировой практике;
- изучение актуальных российских кейсов, обеспечивающих становление сектора «зеленых» инвестиций;
- обобщение уникальных характеристик изучаемого инвестиционного процесса.

Теоретическая значимость работы заключается в формировании теоретико-методологических основ «зеленого» инвестирования в качестве дополнения к теории управления инвестициями.

В качестве информационной базы исследования выступают научные публикации, методические материалы, данные официальных сайтов организаций – участников рынка «зеленого» инвестирования.

### **Классификация «зеленых» инвестиционных инструментов**

Проведенный обзор мировой практики «зеленого» инвестирования позволил идентифицировать более сотни использованных для этих целей инструментов и разделить их на 24 группы (таблица). В качестве критериев классификации автором выбраны следующие.

1. *Степень участия государства в стимулировании (поддержке) инвестиций:* можно выделить государственные (1.1), государственно-частные (1.2), частные инструменты (1.3).

2. *Направление мотивации:* инструменты могут быть стимулирующими в отношении «зеленых» проектов (2.1) и дестимулирующими – для «коричневых»<sup>6</sup> (2.2).

---

<sup>4</sup> Enable or inhibit: Power grids, key to the energy transition, require \$3.1 trillion in investments by 2030 [Эл. ресурс]. URL: <https://www.rystadenergy.com/news/power-grids-investments-energy-transition-permitting-policies> (дата обращения: 01.03.2024).

<sup>5</sup> Минэнерго не планирует продлевать поддержку ВИЭ после 2035 года [Эл. ресурс]. URL: <https://itek.ru/news/minenergo-ne-planiruet-prodlevat-podderzhku-vie-posle-2035-goda/> (дата обращения: 15.02.2024); Правительство РФ, Росатом и «Газпром» подписали соглашение о сотрудничестве в сфере водородной энергетики [Эл. ресурс]. URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/pravitelstvorf-rosatom-i-gazprom-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve-v-sfere-vodorodnoy-energet/> (дата обращения: 15.02.2024); Концепция по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в РФ на период до 2030 года.

<sup>6</sup> В данном исследовании под «коричневыми» понимаются проекты, оказывающие вредное воздействие на окружающую среду, не соответствующие целям и направлениям принятой «зеленой» повестки.

3. *Масштаб охвата рынка*: общерыночные (3.1) – разрабатываемые в расчете на все «зеленые» проекты, и индивидуальные (3.2) – для конкретных секторов рынка или типов проектов.

4. *Наличие финансовой составляющей*: финансовые (4.1) и нефинансовые (4.2) меры поддержки проектов.

5. *Характер воздействия*: прямая (5.1) и косвенная (5.2) поддержка.

В таблице дана краткая характеристика некоторых «зеленых» инструментов с примерами, а также их распределение по предложенным классификационным признакам.

### «Зеленые» инструменты поддержки проектов

№ п/п	Инструмент	Краткая характеристика, примеры	Классификации	Источник
1	Прямая государственная поддержка	1. Государственные гарантии по «зеленым» проектам 2. Субсидирование проектов по снижению вредных выбросов 3. Субсидирование потребителей «зеленой» продукции, эмитентов «зеленых» облигаций и др. (всего 20 инструментов)	1.1, 2.1, 3.1 и 3.2, 4.1 и 4.1, 5.1 и 5.2	[Боркова и др., 2019]
2	Государственное кредитование через банковский сектор	1. Субсидирование части кредитов на «зеленые» проекты 2. Компенсации и льготы в обмен на дешевые «зеленые» кредиты 3. Гарантии по «зеленым» кредитам	1.2, 2.1, 3.1, 4.1, 5.1	[Евдокимова, 2019; Варавин и др., 2023; Спиридонова, 2021]
3	«Зеленые» налоги и сборы	1. Льготы для проектов ВЭ (освобождение от НДС и таможенных пошлин), производителей «зеленой» продукции 2. Льготы и стимулы для инвестирования в «зеленые» облигации 3. Повышенное налогообложение ресурсоемких предприятий и др. (всего 10 инструментов)	1.1, 2.1 и 2.2, 3.1, 4.1, 5.1 и 5.2	[Liao, Shi, 2018; Панова, 2019]
4	Льготное тарифообразование на товары, работы услуги, производимые в рамках «зеленых» проектов	1. Льготные тарифы на электроэнергию на основе ВЭ (например, Feed-in-Tariff); 2. Специальные цены на покупку мощности энергообъектов на основе ВЭ	1.1, 2.1, 3.2, 4.1, 5.1	[Zhang, Yousaf, 2020; Tolliver et al., 2020; Chebotateva et al., 2023]
5	Развитие методологических основ «зеленого» инвестирования	1. Стандарты «зеленого» финансирования, включая эмиссию и верификацию ценных бумаг 2. Ужесточение экологических стандартов (например, объемов выбросов CO <sub>2</sub> ) 3. Развитие института «зеленых» закупок с использованием фактора экологичности	1.2, 3.1, 4.2, 5.2	[Taslina, Salina, 2020]

Инструменты инвестиционного обеспечения «зеленых» проектов

Продолжение таблицы

№ п/п	Инструмент	Краткая характеристика, примеры	Классификации	Источник
6	«Зеленая» политика национальных центральных банков	1. Программы обеспечения «зеленого» роста, включая количественные «зеленые» цели 2. Методические рекомендации по «зеленому» финансированию, управлению рисками 3. Обеспечение финансирования «зеленого» сектора 4. Ограничение несогласованных стимулов в «коричневые» секторы и др. (всего 9 инструментов)	1.1, 2.1 и 2.2, 3.1, 4.2, 5.2	[Dikau, Volz, 2021; Park, Kim, 2020; Ozili, 2021]
7	Государственные программы повышения «зеленой» финансовой грамотности и ответственности населения и бизнеса	1. Развитие экологической грамотности и ответственности и др. (всего 4 инструмента)	1.2, 2.1, 3.1, 4.2, 5.2	[Варавин и др., 2023; Спиридонова, 2021]
8	Обязательное раскрытие «зеленой» отчетности участниками рынка для повышения открытости и прозрачности процессов реализации «зеленых» проектов, а также открытости «зеленой» экономики для общественности	1. Раскрытие информации о «зеленой» повестке в стране, методических основах, применяемых практиках и т.п. 2. Публикация финансовых и нефинансовых отчетов участниками рынка о «зеленой» деятельности 3. Раскрытие информации о деятельности «зеленых» фондов и др. участниках рынка	1.2, 2.1, 3.1, 4.2, 5.2	[Иваницкий, Петренко, 2020; Yu et al., 2021; Sangiorgi, Schopohl, 2021]
9	«Зеленая» сертификация	Система оценки выпускаемых продуктов (услуг) требованиям экологической безопасности и эффективности, включая маркирование видов экономической деятельности, при введении квот на использование «зеленой» энергии	1.2, 2.1, 3.1, 4.1, 5.2	[Евдокимова, 2019; Tolliver et al., 2020; Irfan, 2021]
10	Углеродные биржи	Торговля квотами на выбросы парниковых газов (межгосударственное регулирование, национальные и региональные системы торговли), создаются банки выбросов	1.2, 2.1 и 2.2, 3.1, 4.1, 5.2	[Мусаилова, 2018; Чеботарева, 2021; Зеленая экономика..., 2018]
11	«Зеленые» НИОКР	Инициированные предприятиями, при использовании государственной поддержки на основе грантов. Поддержка в сертификации и передаче перспективных «зеленых» технологий	1.2, 2.1, 3.2, 4.2, 5.2	[Wang, Zhi, 2019; Chebotareva et al., 2023]
12	Независимые «зеленые» фонды (банки «зеленых» инвестиций, климатические, ESG-, ETF-, этические инвестиционные фонды, фонды экологического страхования)	1. Методическая поддержка стартапов 2. Финансирование 3. Предоставления гарантий 4. Финансирование экологического ущерба 5. Реализация природоохранных мероприятий	1.3, 2.1, 3.1, 4.1, 5.1	[Capotă et al., 2022; Yu et al., 2021]
13	«Зеленые» фонды на промышленных предприятиях	Источники финансирования: собственные средства, целевые субсидии, кредиты. Направления: компенсация экологического ущерба, природоохранные нужды	1.3, 2.1, 3.2, 4.1, 5.1	[Боркова и др., 2019]

Продолжение таблицы

№ п/п	Инструмент	Краткая характеристика, примеры	Классификации	Источник
14	«Зеленый» банкинг	1. «Зеленая» ипотека на энергоэффективные жилые дома 2. Кредиты на экологическое коммерческое строительство 3. «Зеленые» автокредиты 4. Целевые «зеленые» депозиты 5. «Зеленые» инвестсчета и др. (всего 15 инструментов)	1.3, 2.1 и 2.2, 3.1, 4.1 и 4.2, 5.1 и 5.2	[Zhixia et al., 2018; Taslima, Salina, 2020; Park, Kim, 2020]
15	«Зеленые» биржи	1. Специализированные биржевые площадки для размещения и торговли «зелеными» ценными бумагами и др. (всего 3 инструмента)	1.3, 2.1, 3.1, 4.1, 5.2	[Mishulina, 2019; Зеленая экономика..., 2018; Мусаилова, 2018]
16	«Зеленые» облигации	«Ванильные» облигации, с обеспечением в виде активов «зеленых» проектов (по типу ABS), секьюритизированные, проектные, с возможностью дефолта и др.	1.2, 2.1, 3.1, 4.1, 5.1	[Sangiorgi, Schopohl, 2021; Gilchrist, Zhong, 2021]
17	«Зеленые» акции	1. Котируемые акции инфраструктурных и коммунальных предприятий, инвестиционных фондов 2. Акции доходных компаний 3. Привилегированные акции	1.2, 2.1, 3.1, 4.1, 5.1	[Поляков, Шерстобитова, 2022; Capotă et al., 2022; Gilchrist, Zhong, 2021]
18	«Зеленое» проектное финансирование	Рефинансирование кредитов на строительство объектов ВЭ, секьюритизация договоров о предоставлении мощности, эмиссия «зеленых» облигаций, обеспеченных активами «зеленых» энергообъектов	1.3, 2.1, 3.1, 4.1, 5.1	[Чеботарева, 2021; Матюшонков, Кучковская, 2018]
19	«Зеленый» краудфандинг	Финансирование проектов на основе краудтехнологий для эффективного сочетания социального и финансового капитала	1.3, 2.1, 3.1, 4.1, 5.1	[Валько, 2021; Коданева, 2020]
20	«Зеленый» лизинг	Лизинг оборудования для предприятий, генерирующих ВЭ, реализующих экологические проекты	1.3, 2.1, 3.1, 4.1, 5.1	[Богачева, Смородинов, 2016]
21	«Зеленое» страхование	1. Развитие специализированного рынка генподрядных услуг в части объектов ВЭ 2. Страхование природных рисков: недостаток солнечного света на солнечных станциях 3. Страхование политических рисков – невыполнения обещаний власти и др. (всего 12 инструментов)	1.2, 2.1, 3.1, 4.1, 5.2	[Богачева, Смородинов, 2016; Park, Kim, 2020; Ren et al., 2020]
22	«Зеленый» маркетинг	1. Модификация рекламы экологически чистых продуктов 2. Построение механизма их продаж 3. Увеличение продаж продуктов и др. (всего 4 инструмента)	1.3, 2.1, 3.1, 4.1 и 4.2, 5.2	[Зеленая экономика..., 2018; Lalon, 2015; Zhixia et al., 2018]
23	«Зеленые» доходные компании (Yieldco)	Энергокомпания отделяет завершенные «зеленые» проекты, способные генерировать стабильные денежные потоки, в Yieldco	1.3, 2.1, 3.1, 4.1, 5.1	[Чеботарева, 2021]

Окончание таблицы

№ п/п	Инструмент	Краткая характеристика, примеры	Классификации	Источник
24	Прочие «зеленые» инструменты	1. «Зеленые» прямые иностранные инвестиции 2. «Зеленые» гибридные инструменты (конвертируемые займы и облигации)	1.3, 2.1, 3.1 и 3.2, 4.1 и 4.2, 5.1 и 5.2	[Богачева, Смо- родинов, 2016; Gilchrist et al., 2021; Chia et al., 2023]

## Российская практика «зеленого» инвестирования

В отечественной практике только некоторые «зеленые» инструменты начинают набирать популярность. Рассмотрим несколько направлений.

1. *Методическая поддержка.* Банк России в 2019 г. внес в стандарты эмиссии ценных бумаг поправки, направленные на установление национальной таксономии «зеленых» проектов и верификацию «зеленых» облигаций российских эмитентов<sup>7</sup>. За основу приняты международные принципы и стандарты ICMA и GBP<sup>8</sup>, верификации целевого характера, проверки политики эмитента на соответствие принципам устойчивого развития. Появление национальной системы верификации позволяет либерализовать условия выпуска облигаций и самостоятельно определять последствия нецелевого использования привлеченных инвестиций эмитентами. В 2020 г. Банк России выпустил рекомендации по ответственному инвестированию для институциональных инвесторов<sup>9</sup>.

Госкорпорация ВЭБ.РФ на основе принципов Осакской декларации создала систему оценки качества и сертификации инфраструктурных проектов на предмет соответствия их экономики и управления, социальной ориентации, экологических и климатических параметров, проектных решений и технологий международным требованиям<sup>10</sup>. Кроме того, при участии ВЭБ.РФ разработан механизм «Фабрика проектного финансирования» для поддержки социально значимых проектов, включая «зеленые» проекты энергоинфраструктуры, экологического сектора и других отраслей<sup>11</sup>.

В сентябре 2021 г. законодательно закреплены Критерии «зеленых» проектов (таксономия)<sup>12</sup> в сфере обращения с отходами, в энергетическом секторе,

<sup>7</sup> Положение Банка России от 19.12.2019 № 706-П (ред. от 04.07.2022) «О стандартах эмиссии ценных бумаг» [Эл. ресурс]. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_344933/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344933/) (дата обращения: 30.10.2023).

<sup>8</sup> International Capital Market Association, Green Bond Principles

<sup>9</sup> Информационное письмо о рекомендациях по реализации принципов ответственного инвестирования [Эл. ресурс]. URL: [https://cbr.ru/statichtml/file/59420/20200715\\_in\\_06\\_28-111.pdf](https://cbr.ru/statichtml/file/59420/20200715_in_06_28-111.pdf) (дата обращения: 30.10.2023).

<sup>10</sup> Системы оценки и сертификации [Эл. ресурс]. URL: <https://вэб.рф/ustojchivoe-razvitie/kachestvennaya-infrastruktura/> (дата обращения: 24.04.2024).

<sup>11</sup> ВЭБ.РФ – государственная корпорация развития России [Эл. ресурс]. URL: <https://вэб.рф/> (дата обращения: 24.04.2024).

<sup>12</sup> Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. №1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» [Эл. ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/402839344/> (дата обращения: 30.10.2023).

строительстве, промышленности и др., а также требования к системе верификации. В 2022 г. разработана «Концепция зеленых облигаций с ипотечным покрытием»<sup>13</sup>, которая конкретизирует направления и цели использования денежных средств, таксономию, порядок оценки и отбора «зеленых» проектов, этапы управления привлеченными средствами, требования к отчетности, внешней оценке и верификации.

2. *Институциональные преобразования.* В 2019 г. на Московской бирже был создан Сектор устойчивого развития – специальная площадка для «зеленых», социальных и облигаций устойчивого развития. На конец апреля 2024 г. на секторе обращается 33 выпуска облигаций шестнадцати эмитентов<sup>14</sup> общим объемом почти 400 млрд руб.

В феврале 2021 г. в структуре Банка России создано подразделение по вопросам устойчивого развития, одной из целей которого является обучение участников рынка оценке и учету средне- и долгосрочных ESG-рисков. Российский опыт в этой сфере отстает от западноевропейского, но отечественные банки уже внедряют методологии управления климатическими рисками. Например, в ПАО «Сбербанк» создаются инструменты по идентификации, оценке, мониторингу и стресс-тестированию ESG-рисков. В банке включили ESG в систему управления рисками и ограничили выдачу кредитов корпоративным клиентам с неприемлемо высоким уровнем риска.

3. *«Зеленые» облигации.* На Московской бирже 27 мая 2021 г. был размещен первый в стране выпуск «зеленых» облигаций (включенных в реестр облигаций устойчивого развития Международной ассоциации рынков капитала ICMA) на сумму 70 млрд руб. Эмитент – Правительство Москвы. Организаторами выступили крупнейшие игроки финансового рынка, в их числе «ВТБ Капитал», Альфа-банк, BCS Global Markets и др. Привлеченные средства направлены на финансирование проектов, связанных со снижением выбросов загрязняющих веществ от автотранспорта. По данным на конец апреля 2024 г., дополнительной эмиссии не проводилось<sup>15</sup>.

В ноябре 2022 г. на Мосбирже был размещен дебютный выпуск «зеленых» ипотечных облигаций с поручительством<sup>16</sup> объемом 5,5 млрд руб. Ипотечное покрытие выпуска сформировано из кредитов, выданных Банком ДОМ.РФ в рамках госпрограмм «Семейная ипотека» и «Льготная ипотека». Эмитентом выступил фонд ДОМ.РФ, организатором и агентом по размещению – Банк ДОМ.РФ. В апреле 2024 г.<sup>17</sup> общий объем эмиссии уже превысил 35 млрд руб.

4. *«Зеленое» проектное финансирование в энергосекторе.* Для рефинансирования кредита на строительство двух солнечных электростанций в Астраханской области

<sup>13</sup> Концепция зеленых облигаций АО «БАНК ДОМ.РФ» [Эл. ресурс]. URL: [https://domrfbank.ru/upload/docs/about/greenbonds\\_framework.pdf](https://domrfbank.ru/upload/docs/about/greenbonds_framework.pdf) (дата обращения: 30.10.2023).

<sup>14</sup> Сектор устойчивого развития Московской биржи [Эл. ресурс]. URL: <https://www.moex.com/s3019> (дата обращения: 24.04.2024).

<sup>15</sup> Сектор устойчивого развития Московской биржи [Эл. ресурс]. URL: <https://www.moex.com/s3019> (дата обращения: 25.04.2024).

<sup>16</sup> ДОМ.РФ разместил первый в России выпуск «зеленых» ипотечных облигаций [Эл. ресурс]. URL: 2022. <https://дом.рф/media/news/dom-rf-razmestil-pervyy-v-rossii-vypusk-zelenykh-ipotechnykh-obligatsiy/> (дата обращения: 11.11.2023).

<sup>17</sup> Сектор устойчивого развития Московской биржи [Эл. ресурс]. URL: <https://www.moex.com/s3019> (дата обращения: 25.04.2024).

(«Сан Проджектс» и «Сан Проджектс 2») и секьюритизации договоров о предоставлении мощности было создано специализированное финансовое общество ООО «СФО РуСол-1», которое в феврале 2020 г. разместило три выпуска «зеленых» облигаций на сумму 5,7 млрд руб. со 100% залогового обеспечения по закрытой подписке среди квалифицированных инвесторов. В апреле 2020 г. данный выпуск облигаций признан «зеленым» и включен в реестр ISMA. По данным на конец апреля 2024 г., «СФО РуСол-1» не проводил дополнительного выпуска ценных бумаг<sup>18</sup>.

### **Уникальные черты «зеленого» инвестирования**

*Отличительные особенности «зеленого» инвестирования, включая новые элементы данной системы, состоят в следующем:*

1. Это относительно молодой, активно развивающийся механизм, роль которого постоянно возрастает, что подтверждается как появлением новых «зеленых» инвестиционных инструментов (прямого и косвенного воздействия), так и увеличением объемов «зеленого» финансирования на мировом рынке. Особенно активно он применяется в процессе технологической модернизации производства и развитии инноваций, в первую очередь в энергосекторе.

2. «Зеленые» инвестиции, как правило, отличаются социально ответственным характером, а также повышенным уровнем риска и пониженной доходностью по сравнению со среднерыночными значениями. Для того чтобы они получили статус «зеленых», должны быть выполнены несколько обязательных условий: привлекаемый капитал является строго целевым, финансируемый проект прошел оценку на соответствие экологическим принципам, информация о расходовании средств прозрачна и регулярно публикуется.

3. С целью оптимизации уровня рискованности и выравнивания доходности до среднерыночного значения, как правило, применяются секьюритизация и диверсификация «зеленых» инвестиций, в том числе их сочетание с традиционными источниками финансирования, а также меры государственной поддержки (стимулирования). Например, стимулирование проектов, связанных с ВИЭ, должно быть направлено на обеспечение их максимальной доступности для всех категорий потребителей – с целью снижения стоимости энергии и расширения ее сбыта, а также минимизации влияния сопутствующих рисков.

4. Повышение прозрачности и минимизация субъективизма в подтверждении «зеленой» направленности инвестиций предполагает разработку однозначно интерпретируемого методического обеспечения процедур и критериев оценки, желательно – соответствующего международным стандартам, возможно также привлечение к верификации «зеленого» статуса авторитетной международной организации.

5. Постоянно возникают новые «зеленые» институты и субъекты инвестиционной деятельности, характеризующиеся высоким уровнем социальной ответственности: разного рода экологические, климатические фонды, эмиссионные банки,

---

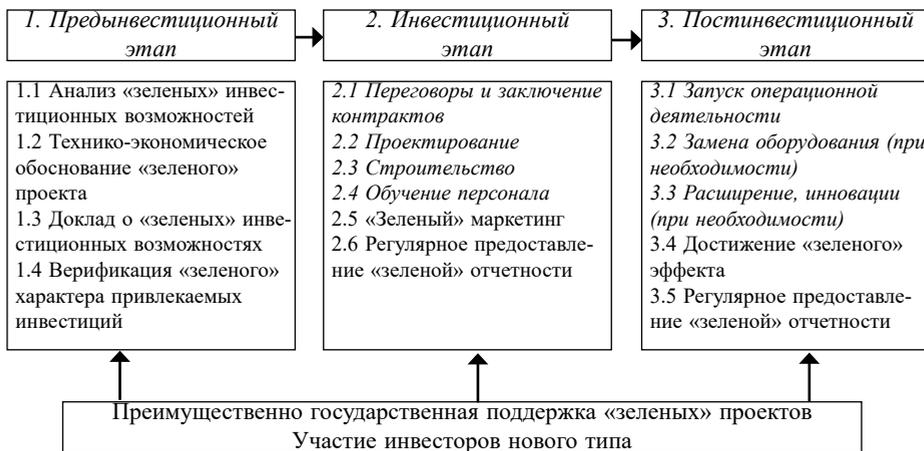
<sup>18</sup> Сектор устойчивого развития Московской биржи [Эл. ресурс]. URL: <https://www.moex.com/s3019> (дата обращения: 25.04.2024).

финансовые организации по регистрации, депозитам и торговле квотами на выбросы, нефинансовые агентства для независимой «зеленой» верификации ценных бумаг.

6. Нацеленность на достижение «зеленого» эффекта, который сегодня может включать не только экологические, но и экономические, социальные, имиджевые результаты в рамках заявленных задач «зеленых» проектов. Например, помимо снижения выбросов парниковых газов и токсичных отходов, могут наблюдаться рост доли ВИЭ в энергобалансе, рост занятости населения, темпов выпуска новой экологичной продукции, повышение открытости «зеленого» рынка.

7. Развитие специфических методов оценки эффективности «зеленых» проектов, учитывающих множество составляющих, которые не рассматриваются при реализации «обычных» вложений.

Выявленная специфика позволяет *уточнить содержание основных этапов «зеленых» проектов* относительно традиционных отраслевых проектов, этапы которых описаны в материалах Всемирного банка и Организации Объединенных Наций по промышленному развитию. На рисунке дополнения, относящиеся к «зеленым» проектам, выделены полужирным шрифтом.



**Источник.** Составлено автором [Чеботарева, 2021].

Дополнение этапов инвестиционного проекта «зеленой» спецификой

Охарактеризуем подробнее специфические виды работ «зеленых» проектов, указанные на рисунке.

*Анализ и доклад о «зеленых» инвестиционных возможностях* (1.1 и 1.3 на рисунке) связаны с поиском и привлечением «зеленых» инвестиций. Примерами последних могут быть эмиссия «зеленых» облигаций под конкретный проект, «зеленых» акций обособленной доходной компании, привлечение «зеленых» депозитов коммерческими банками, получение «зеленых» кредитов, средств «зеленых» фондов, привлечение средств через краудфандинговые платформы, прямых иностранных инвестиций, а также государственной поддержки. Специфика этой деятельности в том, что приходится

взаимодействовать с инвесторами нового типа – социально ответственными, готовыми к получению меньшей доходности в сравнении с альтернативными проектами в обмен на достижение «зеленого» эффекта. Помимо этого, важно изучить возможности и целесообразность взаимодействия с новыми «зелеными» посредниками – специализированными биржами, краудфандинговыми платформами и т.п.

*Технико-экономическое обоснование «зеленого» проекта (1.2)* предполагает первоначально прогнозную, а затем фактическую оценку *достижимого «зеленого» эффекта (3.4)*. Последний состоит в достижении экономических, энергетических, экологических, социальных, имиджевых и (или) других результатов. Например, формирование положительного имиджа заключается в создании и поддержании репутации успешного «зеленого» эмитента на рынке, поддерживается регулярной публикацией «зеленой» отчетности.

*Верификация «зеленого» характера привлекаемых инвестиций (1.4)* проводится сторонними независимыми агентствами для подтверждения целевого характера вложений, их соответствия общепринятым принципам и стандартам «зеленого» инвестирования. В России такая верификация практикуется в отношении облигаций, которые стремятся выйти на Сектор устойчивого развития Московской биржи, что является гарантией экологической направленности вкладываемых средств для потенциальных инвесторов. В мировой практике некоторые государства возмещают эмитентам расходы по «зеленой» верификации [Спиридонова, 2021].

*«Зеленый» маркетинг (2.5)* предусматривает применение специфических подходов по продвижению на рынок выпускаемых в рамках «зеленого» проекта экологически безопасных товаров, работ, услуг (помимо рекламы могут использоваться благотворительные взносы, получение сертификатов экологических организаций и пр.).

*Регулярное предоставление «зеленой» отчетности (2.6 и 3.5)* основано на подготовке и публикации на официальном сайте компании отчетов о достижении проектом поставленных «зеленых» планов, целевых показателей, а также о соблюдении компанией «зеленой» направленности бизнеса в целом.

### **Заключение: теоретические и методологические закономерности на рынке «зеленого» инвестирования**

Показанная в данной работе специфика «зеленого» инвестиционного процесса позволяет расширить направления последующих исследований в области теории управления инвестициями:

1. Появление на рынке новых «зеленых» инвестиционных инструментов, характеризующихся высоким уровнем рискованности и низкой доходности относительно среднерыночных значений и ориентированных на растущее число социально ответственных инвесторов. Часто они пользуются преференциальной поддержкой государства. Методологическое обеспечение их функционирования еще не полностью сформировано и находится на этапе развития. Однако уже можно говорить о возникновении отдельных «зеленых» секторов финансового и отраслевого рынков.

2. Происходит активное развитие рыночных механизмов оптимизации уровня рискованности и доходности «зеленых» инвестиций, а также мер государственной поддержки «зеленых» проектов.

3. На государственном и корпоративном уровнях продолжается разработка новых видов «зеленой» отчетности по проектам, учитывающей результаты первоначальной сторонней независимой верификации «зеленого» характера инвестиций, а также последующей периодической – о ходе реализации заявленных целей, включая финансовые и нефинансовые результаты.

4. Постоянно возникают новые субъекты, сопровождающие реализацию отдельных этапов «зеленых» проектов. Например, углеродные биржи, торгующие квотами на выбросы парниковых газов, «зеленые» биржи, способствующие размещению и торговле «зелеными» ценными бумагами, «зеленые» фонды, предоставляющие финансирование, гарантии и страхование рисков, «зеленые» доходные компании, позволяющие обособленно от головной компании реализовывать «зеленые» проекты и др. В мировом сообществе формируется новый тип социально ответственных инвесторов и инициаторов проектов.

5. Расширение с течением времени понятия «зеленых» проектов за счет включения в их целеполагание, помимо экологических и экономических, также социальных, имиджевых, энергетических и пр. результатов.

## Литература/References

- Богачева О.В., Смородинов О.В. «Зеленые» облигации как важнейший инструмент финансирования «зеленых» проектов // Финансовый журнал. 2016. № 2. С. 70–81.
- Bogacheva, O.V., Smorodinov, O.V. (2016). “Green” bonds as the most important tool for financing “green” projects. *Financial Journal*. No. 2. Pp. 70–81. (In Russ.).
- Боркова Е.А., Изусова М.Р., Гематдинова К.А. «Зеленые» инвестиции как фактор устойчивого развития экономики стран мира // Креативная экономика. 2019. № 13(12). С. 2315–2326. DOI: 10.18334/ce.13.12.41522
- Borkova, E.A., Izusova, M.R., Gematdinova, K.A. (2019). Green investments as a factor of the sustainable development of world economies. *Journal of Creative Economy*. No. 13(12). Pp. 2315–2326. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.13.12.41522
- Валько Д.В. Краудфандинг как инструмент инвестирования в проекты устойчивого развития и его место в экосистеме зеленых финансов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2021. № 37(1). С. 109–139. DOI: 10.21638/spbu05.2021.105
- Valko, D.V. (2021). Crowdfunding as a tool for investing in sustainable development projects and its place in the green finance ecosystem. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*. No. 37(1). Pp. 109–139. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu05.2021.105
- Варавин Е.В., Козлова М.В., Куур О.В., Пестунова Г.Б. Оценка инвестиционной привлекательности отраслей региона в контексте «зеленого» развития // Экономика региона. 2023. № 19(2). С. 494–510. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023–2–15
- Varavin, E.V., Kozlova, M.V., Kuur, O.V., Pestunova, G.B. (2023). Assessment of investment attractiveness of regional industries in the context of green development. *Economy of Region*. No. 19(2). Pp. 494–510. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2023–2–15
- Гительман Л.Д., Кожевников М.В., Ратников Б.Е. Энергетический переход. Руководство для реалистов / Л.Д. Гительман, М.В. Кожевников, Б.Е. Ратников. М.: СОЛОН-Пресс, 2023. 396 с.

## Инструменты инвестиционного обеспечения «зеленых» проектов

- Gitelman, L.D., Kozhevnikov, M.V., Ratnikov, B.E. (2023). *Energy transition. A guide for realists*. Moscow, SOLON-Press. 396 p. (In Russ.).
- Евдокимова Ю.В. Специфика становления «зеленых» финансов в России и зарубежных странах // Вестник Екатеринбургского института. 2019. № 3(47). С. 16–20.
- Evdokimova, J. (2019). The specifics of the formation of “green” finance in Russia and abroad. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. No. 3(47). Pp. 16–20. (In Russ.).
- Зеленая экономика и зеленые финансы: учебное пособие / Под ред. Б.Н. Порфирьева. СПб: Издательство МБИ, 2018. 327 с.
- Porfirev, B.N. et. al. (2018). *Green economy and green finance*. Saint-Petersburg, ANO HE «IBI». 327 p. (In Russ.).
- Иваницкий В.П., Петренко Л.Д. Развитие ответственных инвестиций в соответствии с концепцией устойчивых финансов // Journal of New Economy. 2020. № 21(4.). С. 63–78. DOI: 10.29141/2658–5081–2020–21–4–4.
- Ivanitsky, V.P., Petrenko, L.D. (2020). Development of responsible investment within the concept of sustainable finance. *Journal of New Economy*. No. 21(4.). Pp. 63–78. (In Russ.). DOI: 10.29141/2658–5081–2020–21–4–4
- Коданева С.И. Государственное стимулирование «зеленых» инвестиций: проблема выбора // Экономические и социальные проблемы России. 2020. № 4. С. 152–160. DOI: 10.31249/espr/2020.04.10
- Kodaneva, S.I. (2020). State incentives for «green» investments: the problem of choice. *Economic and Social Problems of Russia*. No. 4. Pp. 152–160. (In Russ.). DOI: 10.31249/espr/2020.04.10
- Матюшонков А.А., Кучковская Н.В. Роль зеленых инвестиционных банков в развитии зеленого финансирования // Форум. 2018. № 3(15). С. 302–304.
- Matyushonok, A., Kuchkovskaya, N. (2018). The role of green investment banks in green finance development. *Forum*. No. 3(15). Pp. 302–304. (In Russ.).
- Мусаилова К.Г. Тенденции мировой «зеленой» экономики и перспективы «зеленых» финансов в России // Российское предпринимательство. 2018. № 19(6). С. 1765–1776. DOI: 10.18334/rp.19.6.39196
- Musailova, K.G. (2018). Trends in the global “green” economy and prospects for “green” finance in Russia. *Russian Journal of Entrepreneurship*. No. 19(6). Pp. 1765–1776. (In Russ.). DOI: 10.18334/rp.19.6.39196
- Панова С.А. «Зеленые» финансовые инструменты в деятельности банков // Финансовые рынки и банки. 2019. № 3. С. 51–54.
- Ranova, S.A. (2019). Green financial instruments in the activities of banks. *Financial Markets and Banks*. No. 3. Pp. 51–54. (In Russ.).
- Поляков С.В., Шерстобитова С.В. Зеленые инвестиции как способ обеспечения устойчивости портфеля инвестора // Инновации и инвестиции. 2022. № 2. С. 28–33.
- Poliakov, S.V., Sherstobitova, S.V. (2022). Green investments as a way to ensure sustainability of investor’s portfolio. *Innovation & Investment*. No. 2. Pp. 28–33. (In Russ.).
- Спиридонова А.В. «Зеленые» облигации как инструмент финансирования экологоориентированных проектов в Российской Федерации // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. № 21(2). С. 101–108. DOI: 10.14529/law210215
- Spiridonova, A.V. (2021). “Green” bonds as a tool for financing environmental projects in the Russian Federation. *Bulletin of South Ural State University. Series “Law”*. No. 21(2). Pp. 101–108. (In Russ.). DOI: 10.14529/law210215
- Чеботарева Г.С. Инвестиции: оценка, отраслевые особенности, специфические виды: учебное пособие / Г.С. Чеботарева. М.: КНОРУС, 2021. 156 с.

- Chebotaeva, G.S. (2021). *Investments: assessment, industry features, specific types*. Moscow, KNORUS. 156 p. (In Russ.).
- Capotă, L.-D., Giuzio, M., Kapadia, S., Salakhova, D. (2022). Are Ethical and Green Investment Funds More Resilient? *ECB Working Paper Series*. 2747. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2747~1b6db3db8d.en.pdf> (accessed 10.10.2023).
- Chebotaeva, G., Čábelková, I., Strielkowski, W., Smutka, L., Zielińska-Chmielewska, A., Bielski, S. (2023). The Role of State in Managing the Wind Energy Projects: Risk Assessment and Justification of the Economic Efficiency. *Energies*. No. 16(12). 4807. DOI: 10.3390/en16124807
- Chia, Y., Hub, N., Lu, D., Yang, Y. (2023). Green investment funds and corporate green innovation: From the logic of social value. *Energy Economics*. No. 119(1). 106532. DOI: 10.1016/j.eneco.2023.106532
- Dikau, S., Volz, U. (2021). Central bank mandates, sustainability objectives and the promotion of green finance. *Ecological Economics*. No. 184(4). 107022. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2021.107022
- Gilchrist, D., Yu, J., Zhong, R. (2021). The Limits of Green Finance: A Survey of Literature in the Context of Green Bonds and Green Loans. *Sustainability*. No. 13(2). 478. DOI: 10.3390/su13020478
- Irfan, M. (2021). Integration between electricity and renewable energy certificate (REC) markets: Factors influencing the solar and non-solar REC in India. *Renewable Energy*. No. 179. Pp. 65–74. DOI: 10.1016/j.renene.2021.07.020
- Lalon, R.M. (2015). Green banking: Going green. *International Journal of Economics, Finance and Management Sciences*. No. 3(1). Pp. 34–42. DOI: 10.11648/j.ijefm.20150301.15
- Liao, X., Shi, X. (2018). Public appeal, environmental regulation and green investment: Evidence from China. *Energy Policy*. No. 119. Pp. 554–562. DOI: 10.1016/j.enpol.2018.05.020
- Mishulina, S.I. (2019). “Green” Investments as an Element of the Mechanism of Greening the Regional Economy. *Sochi Journal of Economy*. No. 13(2). pp. 155–164. Available at: [https://vestnik.sutr.ru/journals\\_n/1560932454.pdf](https://vestnik.sutr.ru/journals_n/1560932454.pdf) (accessed 10.10.2023).
- Ozili, P.K. (2021). Digital finance, green finance and social finance: is there a link? *Financial Internet Quarterly*. No. 17(1). Pp. 1–7. DOI: 10.2478/fiqf-2021-0001
- Park, H., Kim, J.D. (2020). Transition towards green banking: role of financial regulators and financial institutions. *Asian Journal of Sustainability and Social Responsibility*. No. 5(1). DOI:10.1186/s41180-020-00034-3
- Ren, X., Shao, Q., Zhong, R. (2020). Nexus between green finance, non-fossil energy use, and carbon intensity: Empirical evidence from China based on a vector error correction model. *Journal of Cleaner Production*. No. 277. 101996. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.122844
- Sangiorgi, I., Schopohl, L. (2021). Why do institutional investors buy green bonds: Evidence from a survey of European asset managers. *International Review of Financial Analysis*. 30 mar. Available at: [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\\_id=3814937](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3814937) (accessed 10.10.2023).
- Taslima, J., Salina, K. (2020). Exploring green banking performance of Islamic banks vs conventional banks in Bangladesh based on Maqasid Shariah framework. *Journal of Islamic Marketing*. No. 11(3). Pp. 729–744. DOI: 10.1108/JIMA-10-2017-0105
- Tolliver, C., Keeley, A.R., Managi, S. (2020). Policy targets behind green bonds for renewable energy: Do climate commitments matter? *Technological Forecasting & Social Change*. No. 157(4). 120051. DOI: 10.1016/j.techfore.2020.120051
- Wang, Y., Zhi, Q. (2016). The Role of Green Finance in Environmental Protection: Two Aspects of Market Mechanism and Policies. *Energy Procedia*. No. 104. Pp. 311–316. DOI: 10.1016/j.egypro.2016.12.053

## Инструменты инвестиционного обеспечения «зеленых» проектов

- Yu, C.-H., Wua, X., Zhang, D., Chen, S., Zhao, J. (2021). Demand for green finance: Resolving financing constraints on green innovation in China. *Energy Policy*. No. 153. 112255. DOI: 10.1016/j.enpol.2021.112255
- Zhang, X., Yousaf, H.M.A.U. (2020). Green supply chain coordination considering government intervention, green investment, and customer green preferences in the petroleum industry. *Journal of Cleaner Production*. No. 246. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.118984
- Zhixia, C., Hossen, M., Muzafary, S.S., Begum, M. (2018). Green banking for environmental sustainability present status and future agenda: experience from Bangladesh. *Asian Economic and Financial Review*. No. 8(5). Pp. 571–585. DOI: 10.18488/journal.aefr.2018.85.571.585

Статья поступила 12.03.2024

Статья принята к публикации 22.04.2024

**Для цитирования:** Чеботарева Г.С. Инструменты инвестиционного обеспечения «зеленых» проектов // ЭКО. 2025. № 1. С. 144–157. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–144–157

### Информация об авторе

*Чеботарева Галина Сергеевна* (Екатеринбург) – доцент, кандидат экономических наук. Институт экономики и управления; Уральский федеральный университет.  
E-mail: g.s.chebotareva@urfu.ru; ORCID: 0000–0001–7496–4927

### Summary

*G.S. Chebotareva*

#### Tools of Investment Support for “Green” Projects

**Abstract.** The author studies “green” investment practices that are in demand in the global and domestic markets for targeted financing of energy transition needs. Based on a review of current foreign and Russian publications, a classification of modern green investment instruments is proposed, taking into account five basic features: from the degree of government participation to the scale of market coverage. The state and current cases of the Russian market of green investments are considered. The characteristics of “green” investment instruments that distinguish them from classical ones are systematized. Additions to the modern theory of investment management, generalizing theoretical and methodological regularities of financing “green” projects are proposed.

**Keywords:** *energy transition; green investments; green project; green bonds; renewable energy; state support*

**For citation:** Chebotareva, G.S. (2025). Tools of Investment Support for “Green” Projects. *ECO*. No. 1. Pp. 144–157. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–144–157

### Information about the author

*Chebotareva, Galina Sergeevna* (Yekaterinburg) – Associate Professor, Candidate of Economic Sciences.

Graduate School of Economics and Management; Ural Federal University.

E-mail: g.s.chebotareva@urfu.ru; ORCID: 0000–0001–7496–4927

# Идентичность студенческой молодежи Республики Бурятия на фоне восприятия социального благополучия региона<sup>1</sup>

**И.Н. Дашибалова**

УДК 378.4 (316. 354.2)

DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2025-1-158-172

**Аннотация.** В статье представлены результаты изучения видов идентичностей студенческой молодежи Республики Бурятия на фоне социальных проблем региона. Методом массового опроса на основе гнездовой выборки получены данные о социальном поведении и ориентации учащихся вузов и ссузов региона. Сделан вывод о том, что базовым регулятором в ценностной структуре личности студентов являются семья и друзья, тогда как гражданская и региональная идентичности находятся на ее периферии. Выделены ключевые социальные проблемы региона, выступающие фоном социальных настроений учащихся профессиональных учебных заведений: рост цен на продукты и товары первой необходимости (81,8% ответивших), низкий уровень доходов населения (60,8%), загрязнение окружающей среды (55,2%).

**Ключевые слова:** социальные проблемы; социальное самочувствие; студенты; российская идентичность; этническая идентичность; региональная идентичность; локальная идентичность

## Введение

Социальные проблемы в регионе, включая субъективно воспринимаемые его жителями ситуации, служат предметом пристального внимания социологов. Один из аспектов этого внимания – определение природы этих проблем – как они возникают и идентифицируются в той или иной социальной группе или общности. Второй очень важный аспект, связанный с первым, – формирование гражданской идентичности, понимаемое здесь как процесс, в котором индивидуумы определяют свою принадлежность к обществу, в котором живут, соотносят себя с ним.

Проблема гражданской идентичности как основы консолидации российской нации является актуальной темой современных социально-политических исследований. Особую значимость приобретают социологические замеры идентичностей различных социальных групп и в целом населения в полиэтнических регионах.

Социологическое объяснение идентичности исходит из толкования обладания индивидом конкретными социальными ролями и включения в референтные группы. Как считает С.Г. Климова: «Социальные идентичности и контридентичности составляют систему координат, в которой находится социальная позиция индивида. Такая идентичность – это отождествление человеком себя с некоторой общностью, определение того, кем “на самом деле” он является. Чтобы сделать такое заключение относительно самого себя, человек должен иметь представление

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.») №121031000243-5.

## Идентичность студенческой молодёжи Республики Бурятия на фоне восприятия социального благополучия региона

о более и менее близких группах, составляющих общество, по каким правилам они живут, как к ним следует относиться» [Климова, 2000. С. 14].

Типы и уровни идентичностей довольно разнообразны по разным основаниям: индивидуальная и групповая; позитивная, успешная, негативная, кризисная; Я-идентичность, социальная; формирующаяся, незавершенная, достигнутая; статусная, ролевая, профессиональная, корпоративная, политическая, культурная, этническая, историческая, национальная, гражданская, патриотическая, территориальная, религиозная, виртуальная, сетевая, возрастная, гендерная, половая, расовая; ускоренная, запаздывающая, ситуационная, демонстративная; формальная и неформальная; несформированная, утраченная и другие [Ковалева, 2019. С. 89–103]. Как видим, концепт идентичности представляет множественный феномен, так как индивид включен в самые разные социальные группы, институты и общности. В связи с исследовательским проектом нас в большей степени интересует социальная идентичность и ее типы: гражданская, региональная и этническая.

Гражданская идентичность солидаризирует чувство общности среди граждан конкретной страны. Интеграция сообщества происходит на базе символов национального государства и отождествления индивидов с людьми и событиями, происходившими (происходящими) в нем, а также ориентации на общие социальные ценности. В отличие от категорий «гражданское общество» и «политическая идентичность», гражданская идентичность затрагивает все слои общества, включает механизм централизации всех идентификационных общностей с опорой на идеологию. Исходя из анализа текущей политики российского государства и смены идентичностей социальных групп представляет интерес, как происходит процесс перехода от актуальной локальной идентичности к общероссийской в массовом сознании россиян. С начала 2000-х гг. гражданская российская идентичность стала основой консолидации россиян, происходит ее становление и закрепление [Сагитова, 2019]. Социологами справедливо отмечается, что в результате реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», принятой в 2012 г., а также опираясь на исторический опыт взаимодействия этнических общностей, можно свидетельствовать о формировании национальной гражданской идентичности<sup>2</sup>.

Региональная идентичность выполняет функцию позитивной ассоциации, основана на повышенном интересе населения к истории, культуре, традициям народов, проживающих на территории региона. Региональная идентичность формируется под влиянием, с одной стороны, заинтересованности региональных органов власти в продвижении территории в условиях экономической конкуренции, привлечения инвестиций и необходимости формирования его положительного бренда с опорой на целостность, самоидентичность этнонациональных, социокультурных, территориальных идентификаций населения региона – с другой. Региональная идентичность в контексте российских регионов – сравнительно новое политическое явление, возникшее в постсоветский период, и в силу формирующегося характера

---

<sup>2</sup> О «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Эл. ресурс]. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521> (дата обращения: 13.03.2021).

лабильна и инструментальна. Можно согласиться с И. Черняевым, что региональная институционализация имеет конструирующий характер: «Регион в таком случае рассматривается как социальный и дискурсивный конструкт, динамический и длительный процесс постоянного воспроизведения своих особенностей в рамках определенных коллективов» [Черняев, 2015. С. 199]. Региональная идентичность формируется за счет имиджевой политики, закрепления конкретных образов, символов в восприятии жителей региона и вне территории.

В формировании гражданской идентичности молодежи в регионах России участвуют несколько факторов, назовем лишь основные из них: общее и профессиональное образование; знания об истории и культуре России, ее политической системе, гражданских правах и обязанностях; участие в различных общественных, политических организациях, мероприятиях; массовая культура, представляющая различные аспекты жизни в стране и ее регионах; политическая обстановка [Волков и др., 2022]. Большую роль играют информационные и образовательные проекты и программы регионального и федерального уровня, направленные на повышение гражданской активности молодежи и формирование положительной гражданской идентичности. Важнейшим социальным институтом является семья, которая передает ценности, традиции и общественные нормы.

В целом, формирование гражданской идентичности у молодежи – многоаспектный процесс, и влияние перечисленных факторов может различаться в зависимости от конкретного региона и социокультурной среды.

Исследование различных социально-демографических групп позволяет выявить социально-экономические условия жизнедеятельности, ценностные установки и господствующие настроения, объективные и субъективные основания для консолидации людей. Особенно актуальны эти знания в отношении молодежи как наиболее активной части общества.

В Республике Бурятия даже на фоне других дотационных регионов Российской Федерации ухудшение уровня жизни и социальные проблемы приводят к оттоку молодежи в виде образовательной и трудовой миграции. Согласно проведенному исследованию Ю.Г. Бюраевой, «среди дальневосточных субъектов Федерации республика по коэффициенту миграционного оттока уступает только Забайкальскому краю, Магаданской и Еврейской областям, а среди сибирских – лишь Омской области. В целом же по России Республика Бурятия занимает 15-е место по уровню миграционной убыли» [Бюраева, 2020. С. 53].

Вместе с тем информационное общество, широкие возможности образовательных платформ и онлайн-образования, карьерные перспективы во фрилансе и запуске стартапов открывают новые горизонты для самореализации и размывают границы идентичности.

Выявление отношения к социальному благополучию и сравнение видов идентичностей студенческой молодежи позволяют раскрыть особенности формирования гражданской и региональной идентичностей молодых людей, обучающихся в сузах и вузах приграничной полиэтнической республики. Студенческая молодежь представляет интерес по своим качественным параметрам, таким как знания и компетенции, она формирует человеческий капитал региона.

## Идентичность студенческой молодёжи Республики Бурятия на фоне восприятия социального благополучия региона

В Республике Бурятия наблюдаются сходные с общероссийскими консолидационные процессы формирования общегражданской идентичности, обусловленные в первую очередь едиными стандартами в общем среднем образовании. В духовной же сфере сильное ядро составляют традиционные социокультурные ценности русских, бурят, семейских и других этнонациональных групп.

В настоящей работе анализируется влияние восприятия социальных проблем на проявление региональных особенностей идентичностей студенческой молодёжи Республики Бурятия.

### Обзор литературы

Исследование видов идентичностей в молодежной среде представлено в российской социологии неплохо, но влияние восприятия социальных проблем на идентичность студенческой молодёжи в полиэтнических регионах изучено, на наш взгляд, недостаточно.

Аналитика соотношения различных типов идентичности, концептуализация гражданской идентичности представлены в трудах Л.М. Дробижевой, С.В. Рыжовой [Дробижева, 2019; 2020. № 8; 2020. № 4; Рыжова, 2018]. На протяжении последних трех десятков лет крупнейшие российские этносоциологи разрабатывали тему формирования и трансформации этнической идентичности в контексте политики российского федерализма. Проблематика фундаментальных исследований охватывает широкий спектр направлений – от этнической мобилизации и этнонационализма 1990-х гг. до обоснования и укрепления интеграционных процессов на основе российской идентичности. После принятия Стратегии государственной национальной политики РФ в 2012 г. этносоциологи сфокусировали внимание на теоретическом обосновании и эмпирическом изучении феноменов «общероссийской гражданской идентичности», «государственной идентичности», «русской нации» через раскрытие коллективных идентичностей многонационального русского народа, с опорой на индикаторы состояния общества.

Начиная с середины 2000-х гг. в академическом дискурсе и программных документах в рамках политики нациестроительства, делается акцент на идеях и ценностях, выдвигаемых государством: многонациональный народ, гражданское единство, российская культура, патриотизм, национальный суверенитет. В то же время понятия «гражданственность», «патриотизм», «государственная идентичность» имеют множественные прочтения и трактовки [Atkins, Hart, 2019; Haduong, 2023; Petrovska, 2019].

Гражданская идентичность часто рассматривается в качестве интеграционного ресурса при воспитании молодого поколения россиян. В коллективной монографии ФНИСЦ РАН предложен целостный подход к формированию государственно-гражданской идентичности учащейся молодёжи [Саморегуляция в молодежной среде..., 2022]. Авторы, опираясь на социологические методы, описывают процессы саморегуляции в коммуникативном пространстве, служащем одним из социокультурных оснований идентичности.

Теоретическое обоснование феномена гражданской идентичности на базе идей функционализма предложено в работе Л.Г. Невеличко и И.М. Воротилкиной. Авторы, опираясь на данные о конструировании пространства гражданской идентичности

российскими студентами, приходят к выводу о необходимости координации усилий социальных институтов по патриотическому воспитанию молодежи и укреплению семейно-родственных связей, формирующих духовные ценности молодежи [Невеличко, Воротилкина, 2022].

В одном из исследований идентичности молодежи Республики Саха (Якутии) в сравнении с Россией [Арутюнова, 2017] установлено, что у молодежи (как и других социальных групп) этого региона и России государственно-гражданская идентичность имеет сходные признаки, и большая часть опрошенного населения ощущает близость с гражданами России.

Е.А. Авдеев, С.М. Воробьев описали вызовы и риски конфликтности в формировании гражданской идентичности молодежи на Северном Кавказе. Они обнаружили, что гражданская, региональная, этническая и религиозная идентичности молодежи Северного Кавказа неустойчивы. Риском снижения равновесия стали уменьшение влияния государственных институтов на сознание молодежи и увеличение воздействия блогосферы [Авдеев, Воробьев, 2021].

Различение определений «гражданственность» и «идентичность» строится, на наш взгляд, из диспозиций «индивид – этносоциальная группа – государство». Считается, что индивидуальная и групповая идентичности изучаемой группы – студенческой молодежи – формируются под определяющим воздействием институтов образования и культуры [Еремина и др., 2018]. При этом «молодежь, как наиболее чувствительная к социальным изменениям категория населения, стала “зеркалом” сегодняшнего российского общества. Социально-экономические и политические трансформации, а также дисфункции в деятельности основных институтов социализации породили ситуацию, в которой молодежь оказалась фактически на пороге кризиса идентичности» [Магранов, Деточенко, 2018. С. 114].

Особенности восприятия студенческой молодежью социально значимых проблем в российской научной литературе раскрываются в связи с выявлением протестного потенциала [Трынов, Дидковская, 2019], анализом ограничений глобального проектного мышления в условиях «больших вызовов» [Смирнов и др., 2022], видением «образа будущего» [Вишневский и др., 2021], восприятием и решением вопросов социального неравенства [Мазаев, Киреев, 2019]. В частности, в последнем исследовании на основе изучения 250 эссе студентов по проблеме социальной справедливости охарактеризованы эмоциональный и рациональный уровни восприятия социального неравенства, а также описан спектр отношений к разрешению социальных проблем от неприятия до активного участия по их устранению.

В целом, при анализе научной литературы обнаруживается недостаточная изученность характера социальных настроений студенческой молодежи в российских регионах за последние пять лет, как и конкретно предпочтений молодежи Республики Бурятия при выборе собственной идентичности. Это предопределило наш исследовательский интерес к данным вопросам, освещаемым в настоящей статье.

## **Методика**

Комплексное исследование проблем студенческой молодежи и ее социального самочувствия проводилось сектором социологии Института монголоведения, буддологии

## Идентичность студенческой молодёжи Республики Бурятия на фоне восприятия социального благополучия региона

и тибетологии СО РАН в 2022 г. на основе многоступенчатой гнездовой выборки. Репрезентативность выборки подтверждается данными Министерства образования и науки Республики Бурятия по составу студентов и существующим направлениям обучения. Отобраны 8 образовательных учреждений: 4 государственных вуза и 4 ссуза в столице региона – г. Улан-Удэ. В качестве ступеней отбора выступали: уровень учреждения (вуз/ссуз) – направление (естественно-научное, гуманитарное, технологическое, социально-экономическое) – факультет – специальность – курс; на последней ступени шел отбор конкретных групп студентов (гнезд), в которых проводилось групповое анкетирование со случайным отбором обучающихся.

В итоговую выборку вошли учащиеся Бурятского государственного университета (552 студента естественно-научного и социально-экономического направлений); Восточно-Сибирского института культуры (263 студента гуманитарного направления); Бурятской государственной сельскохозяйственной академии (по 100 студентов технологического и социально-экономического направлений, 200 – гуманитарного); Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (300 студентов технологического направления, 100 – социально-экономического); Торгово-экономического техникума (100 слушателей социально-экономического направления); Бурятского республиканского индустриального техникума (100 студентов гуманитарного направления); Республиканского базового медицинского колледжа (100 студентов естественно-научного направления); Бурятского республиканского педагогического колледжа (100 студентов технологического направления), всего 2016 чел. Разница проектируемой совокупности и полученной выборки в ходе исследования объясняется дополнительно полученными данными анкетного аудиторного опроса в образовательных учреждениях.

В структуре выборки по гендерному признаку – 40,9% юношей, 57,9% девушек; 1,2% не указали пол. По национальности: русских – 43,5%, бурят – 41,2%, представителей других национальностей – 13,9%, нет ответа – 1,4%; по направлениям: естественно-научное – 25%, гуманитарное – 28,3%, технологическое – 24,9%, социально-экономическое – 21,6%. По курсам обучения: первый – 36,2%, второй – 29,6%, третий – 18,1%, четвертый – 13%. По возрасту распределение сложилось таким образом: 15–16 лет – 7%, 17–18 лет – 28,7%, 19–20 лет – 35%, 21–22 года – 19,9%, 23 и старше – 8,6%, не указали возраст 0,7% респондентов. До учебы местом жительства опрошенных были: город (59%), село (40%). Обработка и анализ эмпирических данных получены с помощью статистического пакета Да-система 4.0.

### **Специфика регионального студенчества**

В 2022 г. социальные настроения студенчества г. Улан-Удэ отражают контекст общероссийских событий, фоном которых выступают проведение специальной военной операции на Украине, экономические санкции США и Европы против России, рост тревожности в обществе. В этой связи концепты «патриотизм», «гражданственность», «государственная политика» закономерно оказываются сопряжены с пониманием текущей социальной ситуации.

Респондентам предлагалось оценить уровень социальных проблем региона, влияющих на их экономический и социальный статус, предопределяющих их настроения и жизненные стратегии.

Конкретизация установок, выражающих уровень тревожности студентов, проявляется в формулировке ответов на вопрос: «*Какие явления в республике вызывают у Вас наибольшее беспокойство?*». Предлагалось выбрать не более 10 вариантов из 25 предложенных. На основе полученных ответов обозначились ранги. Список проблем определялся путем апробации анкеты в предыдущих исследованиях сектора социологии, экспертного обсуждения инструментария. Респонденту в определении наиболее беспокоящих явлений предлагались следующие варианты ответов: повышение цен на ЖКХ, безработица, угроза потерять работу, низкий уровень стипендий, пособий, пенсий, усиление дифференциации по доходам, низкий уровень доходов работающего населения, рост цен на продукты и товары первой необходимости, недостаточные благоустройство, уборка дворов, улиц, загрязнение окружающей среды, проблемы экологии, транспортное обслуживание (качество, стоимость), плохие дороги, медицинское обслуживание (качество, платность), образование (качество, доступность), ограничение возможностей для культурного развития, проведения досуга, проблемы подрастающего поколения, национального развития культур, языка, преступность, алкоголизм, межнациональные отношения, увеличение числа бомжей, миграция населения, приезжие трудовые мигранты, наркомания, точечная застройка, доступная среда для людей с ОВЗ.

В десятке ключевых проблем, которые наиболее актуальны для учащейся молодежи Бурятии (табл. 1), на первом месте находится рост цен на продукты и товары первой необходимости. За ней идут низкий уровень доходов населения и загрязнение окружающей среды. Каждого второго ответившего не устраивает размер стипендий, пособий и пенсий в Бурятии, беспокоит проблема алкоголизма населения.

**Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие явления в республике вызывают у Вас наибольшее беспокойство?», %**

№	Вариант ответа	%
1	Рост цен на продукты и товары первой необходимости	81,2
2	Низкий уровень доходов работающего населения	60,8
3	Загрязнение окружающей среды, проблемы экологии	55,2
4	Низкий уровень стипендий, пособий, пенсий	52,6
5	Алкоголизм	51,6
6	Плохие дороги	46,9
7	Повышение цен на услуги ЖКХ	37,5
8	Медицинское обслуживание (качество, платность)	36,9
9	Транспортное обслуживание (качество, стоимость)	34,5
10	Преступность	34,9

Примечательно, что несмотря на такую нелицеприятную оценку условий жизни в регионе, в ответах на закрытый вопрос: «*С каким настроением Вы смотрите в будущее?*», мы находим вполне позитивное восприятие социальной реальности.

## Идентичность студенческой молодёжи Республики Бурятия на фоне восприятия социального благополучия региона

С надеждой и оптимизмом смотрят в будущее 32,9% студентов вузов и ссузов г. Улан-Удэ, спокойно и уверенно – 36,5%, с тревогой и неуверенностью – 26, 1%, со страхом и отчаянием – 3,7%.

Полученная картина мнений представляет дуальность социального самочувствия, так как, с одной стороны, для молодежи закрепляется субкультура бедности, при которой в регионе существует узкий рынок труда, продолжающийся отток молодежи и невысокий уровень оплаты труда, с другой – сам возраст предполагает наличие потенциала личностного развития.

Настроение студентов в отношении оценок своего будущего изменяется с возрастом. Наиболее спокойно и уверенно чувствуют себя первокурсники (41,1%), менее уверенно – студенты пятого курса (22,9%). Если о высокой тревожности заявили 21,9% первокурсников, то среди выпускников таких уже 40%. При этом 8,6% из них смотрят в будущее со страхом и отчаянием (у первокурсников такой ответ выбрали всего 3,5%).

Рассмотрим, насколько удовлетворены студенты различными сторонами жизни. Базовыми показателями жизнеспособности индивида традиционно считаются возможности удовлетворения потребностей в питании, одежде, личной безопасности, а также состояние здоровья, наличие денег и приемлемых жилищных условий (табл. 2).

**Таблица 2. Удовлетворенность студенческой молодежи различными сторонами жизни, %**

№	Вариант ответа	Удовлетворен	Не удовлетворен
1	Отношениями в семье	89,7	10,3
2	Питанием	89	11
3	Общением с друзьями	88,8	11,2
4	Одеждой	86,8	13,2
5	Уровнем личной безопасности	88,6	11,4
7	Жилищными условиями	78,8	21,2
8	Проведением своего свободного времени	74,9	25,1
9	Состоянием своего здоровья	71,4	28,6
10	Наличием денег	53,5	46,5

**Примечание.** Значения ответов определялись по каждой строке как отдельный вопрос.

Личностное и профессиональное развитие, а также будущий жизненный успех предопределяются во многом качеством получаемого образования. В регионе, представляющем четыре государственных разнопрофильных вуза, есть возможности самореализации в образовательной траектории, и студенты в целом удовлетворены содержанием учебных программ и уровнем преподавания: 83,6% опрошенных оценивают их положительно. Негативно определяют качество образовательных услуг лишь 15% респондентов.

Полученные при опросе данные фиксируют значимость влияния современных медиа на кругозор студенческой молодежи. На вопрос: «*В настоящее время для большинства представителей современной молодежи основным источником получения информации о событиях, происходящих в республике, стране и мире*

являются социальные сети и мессенджеры, Вы согласны с этим?», подавляющее большинство опрошенных согласилось с этим (96%), не согласилось 3,5%, оставили вопрос без ответа 0,5% респондентов.

Далее предлагалось оценить, насколько удовлетворены студенты жизнью в Бурятии. Здесь мы обнаруживаем более разнородный спектр мнений. «Полностью удовлетворены» лишь 16,1% из них, около половины молодежи (48,9%) – «скорее удовлетворены». При этом более трети дали негативный ответ: 25,8% – «скорее не удовлетворены» и 8% – «совершенно не удовлетворены».

Определяя современную социально-экономическую ситуацию в Бурятии, 8,9% респондентов нашли ее хорошей, половина студентов (51,2%) считают, что «все не так плохо, жить можно», чуть более четверти (26,9%) демонстрируют снисходительное восприятие жизни в республике: «жить трудно, но можно терпеть», и 6,9% выразили критичное отношение: «все очень плохо, терпеть уже невозможно».

Полученные данные свидетельствуют о рисках становления молодого поколения в регионе, наличии ограничений в виде плохой материальной обеспеченности. Отметим, что в год проведения опроса величина прожиточного минимума в регионе составляла 15172 руб. на душу населения, государственная стипендия в вузах – 1755 руб. в месяц и 664 руб. – в ссузах, а уровень среднедушевых денежных доходов – 32726 руб.

В 2022 г. среднедушевые денежные доходы населения Бурятии, по данным Росстата, составили 35163 руб., медианный уровень денежных доходов – 28025,8 руб. Соотношение среднедушевого дохода с величиной прожиточного минимума в тот год зафиксировано на уровне 215,7% (в целом по Российской Федерации – 322,8%)<sup>3</sup>. В этих условиях проблемы выживания и витальные ценности оказываются в приоритете у большей части студенчества.

В то же время оптимистичные социальные ожидания, уверенный настрой, вера в собственные силы и жизненная активность предопределены не только личностными качествами, но и возрастными чертами студентов.

Несмотря на простое социально-экономическое положение региона, экономические ограничения, наличие социальных проблем, которые беспокоят учащуюся молодежь, у половины опрошенных сохраняется позитивное восприятие, уверенные оценки своего будущего. Очевидно, что опору они видят в ближайшем круге – семье и друзьях, личностных ресурсах развития.

В условиях цифровизации экономики традиционные институты, формирующие коллективную идентичность молодых людей (образование и семья), пока сохраняют свою ценность в регионе, но уже наблюдаются снижение воздействия механизмов социальной консолидации и дифференциация настроений опрошенных студентов относительно своего будущего.

<sup>3</sup> Об изменении структуры денежных доходов и расходов населения Республики Бурятия в 2022 году. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия от 27.12.2023 // Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. 2024 [Эл. ресурс]. Величина прожиточного минимума в Республике Бурятия на 2022 год. URL: <https://03.rosstat.gov.ru/statcurrentevents/document/226711> (дата обращения: 27.05.2024).

## Идентичности студенческой молодежи Бурятии

Социальная парадигма развития современной России предполагает включенность студенческой молодежи в различные образовательные и социокультурные программы формирования российской идентичности. В частности, в 2021 г. Министерством культуры РФ в рамках реализации федерального проекта «Придуманно в России» реализован проект «Гений места» при содействии Российской государственной библиотеки. С 2019 г. активно функционирует сеть добровольческого движения «Волонтеры культуры», популяризирующая национальное наследие. В каждом регионе под кураторством комитетов по молодежной политике реализуются проекты патриотического воспитания граждан.

Как правило, идентификационные тенденции данной возрастной группы выражают сопричастность в профессиональном и личностном плане. Данные социологического исследования подтверждают относительно невысокий уровень общегражданской самоидентификации студентов Бурятии. На вопрос: «*Кем Вы чувствуете себя в большей мере?*» чувствовали себя только жителями республики 15% ответивших; только гражданином России – 12%; чувствовали себя тем и другим, но больше жителем республики 15%, а больше ощущающих себя как гражданин России – 17%; чувствовали себя и тем и другим в равной мере – 40,3%; не чувствовали себя ни тем, ни другим 0,7% респондентов.

Исходя из распределения ответов, можно судить, что у молодых людей нет ярко выраженного предпочтения: быть жителем республики или гражданином России. То есть категория региональной общности незначима для большей части студентов.

Для конкретизации представлений о дифференциации идентичностей был задан уточняющий вопрос: «*Какие из перечисленных групп Вам более близки?*» с вариантами ответов: «семья, родственники»; «друзья, приятели»; «товарищи по учебе»; «люди той же профессии»; «люди того же возраста»; «люди, живущие в моем городе, поселке»; «люди той же национальности»; «люди, которые живут в моей стране»; «люди того же вероисповедания»; «люди того же достатка»; «никакие». Предлагалось выбрать не более пяти вариантов ответа.

На основе выбора респондентами более одного варианта ответа, в совокупности превысивших 100%, получено следующее распределение. В среднем по выборке как идентичности проявляются главным образом ближние круги взаимодействия: семья (93,9%) и друзья (87,9%). Профессиональная и возрастная идентификация выражена у четверти студентов (26,7% и 24,9%). Каждый пятый опрошенный соотносит себя с жителями города (21,2%), то есть выражает локальную идентичность.

Меньшую долю ответивших составляют группы, которые соотнесли себя по этническому признаку (14%) и с гражданством России (11,4%), что соответствует данным по предыдущему вопросу о гражданской идентичности. Наконец, на периферии ассоциаций находятся группы по вероисповеданию (5,1%) и люди того же достатка (4,7%).

Таким образом, доминирующей сферой общения и приоритетной принадлежностью со значительным отрывом от других групп для опрошенных остается семья. Вместе с тем заинтересованность студентов в самореализации проявляется

в регулярном общении с теми, с кем они учатся, и построении профессиональной траектории в будущем.

Результаты исследования не выявили значимых отличий между студентами по полу, курсу или специальности обучения, этнической принадлежности, населенному пункту, в котором они жили до учебы.

Соотносят с людьми своего возраста девушки немного чаще, чем юноши (на 4,1%). Равным образом у девушек несколько чаще проявляется ассоциация с жителями своего города /поселка (на 3,1%). Опрошенные студенты демонстрируют в целом невысокий уровень положительной этнической идентичности. Он тем выше, чем менее представлена конкретная национальность в структуре населения. Так, по парному распределению ответов на данный вопрос у опрошенных русских студентов актуальный выбор этничности составляет всего 7,3%, у бурят — 19,3%, тогда как у представителей иных национальностей, живущих в Бурятии, — 22,2%.

## **Заключение**

Социологическое исследование, проведенное среди студентов г. Улан-Удэ, позволило выявить некоторые особенности их самоидентификации на современном этапе. Изменчивость социальной реальности, бесконечный поток информации и смена ориентиров влияют на трансформацию традиционных представлений и общекультурных ценностей, однако, несмотря на происходящие социально-политические события, интенсивность коммуникационных процессов, влияние блогосферы, наше исследование зафиксировало доминирование консервативных ценностей в сознании образованной молодежи.

Базисом и регулятором в диспозициях личности студента является, прежде всего, семья. И хотя современный мир предлагает множественные выборы принадлежности к той или иной общности и сообществам, опорой для идентичности остается непосредственное окружение. В то же время, на наш взгляд, такое высокое значение семьи – показатель не очень значимой роли вторичных социальных институтов и гражданских структур. Это можно интерпретировать, в частности, в том смысле, что близкое окружение воспринимается как «островок спокойствия» в бурном потоке внешних событий.

Региональная самоидентификация имеет неярко выраженный характер для большинства студенчества. На наш взгляд, это обусловлено уровнем жизни региона, занимавшего по уровню социально-экономического развития 81-е место среди 85 субъектов в 2022 г.<sup>4</sup>

Возрастные различия, неравенство в социально-экономическом положении, в доступе к современным цифровым технологиям, дифференциация в культурно-образовательном уровне часто порождают поляризационные процессы в обществе, неоднозначно влияют на становление гражданской идентичности. Поэтому в целях укрепления общероссийской идентичности имеет смысл направить воздействие государственных институтов на главные ценностные ориентиры молодежи – семью

---

<sup>4</sup> Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2022 [Эл. ресурс]. URL: [https://ria.ru/20230213/kachestvo\\_zhizni-1850749274.html](https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html) (дата обращения: 19.09.2024).

## Идентичность студенческой молодёжи Республики Бурятия на фоне восприятия социального благополучия региона

и общение со сверстниками. Укрепление такой идентичности во многом зависит также от эффективной работы механизмов социального лифта, от уровня социально-экономического развития региона. Чем больше у молодых людей поводов гордиться своей малой родиной (ее историей, культурой, экономическими достижениями), чем комфортнее регион для жизни и труда, чем более достойные условия предлагает своим жителям, включая пенсионеров, тем охотнее молодежь ассоциирует себя с ней.

Социальные проблемы региона, такие как сокращение численности занятых, дефицит рабочих мест, низкий уровень заработной платы, рост цен на предметы первой необходимости, невысокое социально-экономическое положение региона, влияют на смену идентичностей молодых людей. Молодежь во время учебы в местных вузах и ссузах находится пока под опекой родителей, но уже задумывается о своем благополучии. Благодаря включению в государственные и социальные проекты она получает возможности для самореализации. Студенты видят недостатки современной реальности в регионе, но в большинстве своем готовы с ними мириться или не считают их слишком драматичными. Кроме того, среда и молодой возраст могут предопределять активизм и самоопределение позитивной идентичности. Как показывает исследование, социальные проблемы влияют на самоощущение молодежи, но находясь в поисках самоопределения, она готова интегрироваться в общероссийский контекст.

### Литература

- Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Общероссийская гражданская идентичность молодежи Северного Кавказа: основные вызовы и риски конфликтности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. № 1. С. 69–86. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.106>
- Avdeev, E.A., Vorobiev, S.M. (2021). All-russian civic identity of the youth of the north caucasus: main challenges and risks of conflict. *Political Examination: POLITEX*. Т. 17. No. 1. Pp. 69–86. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.106>
- Арутюнова Е.М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 259–272.
- Arutyunova, E. M. (2017). State-civil and ethnic identities of youth: all-russian context and regional specifics. *Reforming Russia*. No. 15. Pp. 259–272. (In Russ.).
- Бюраева Ю.Г. Молодежная миграция в Республике Бурятия: направленность потоков и причины // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 52–62.
- Byuraeva, Yu.G. (2020). Youth migration in the republic of Buryatia: directions of flows and causes. *Sotsiologicheskie Issledovania*. No. 10. Pp. 52–62. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250010001-4
- Вишневецкий Ю.Р., Тарасова А.Н., Телепаева Д.Ф. Образ будущего глазами уральских студентов // Siberian Socium. 2021. Т. 5. № 3. С. 84–98.
- Vishnevsky, Yu.R., Tarasova, A.N., Telepaeva, D. F. (2021). The image of the future through the eyes of Ural students. *Siberian Socium*. Vol. 5. No. 3. Pp. 84–98. (In Russ.).
- Волков Ю.Г., Гурба В. Н, Гуськов И.А. Социокультурный габитус гражданской идентичности учащейся молодежи: факторы формирования в условиях неопределенности российского общества // Гуманитарий Юга России. 2022. № 11(6). С. 59–74.

- Volkov, Yu., G., Gurba, V. N., Gus'kov, I. A. (2022). The socio-cultural habitus of civic identity of young students: factors of formation in conditions of uncertainty of Russian society. *Humanitarian of the South of Russia*. No. 11(6). Pp. 59–74. (In Russ.).
- Дробижева Л.М. Стратегия государственной национальной политики о российской гражданской идентичности и реализация ее в полиэтнических регионах Российской Федерации // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сб. науч. трудов к 100-летию Республики Башкортостан. Ч. 1. 2019. Уфа: Казенное предприятие Республики Башкортостан Изд-во «Мир печати», 2019. С. 4–8.
- Drobizheva, L.M. (2019). Strategy of state national policy on Russian civil identity and its implementation in multi-ethnic regions of the Russian Federation. *Unity. Citizenship. Patriotism. Sat. Scientific Works for the 100th Anniversary of the Republic of Bashkortostan*. Part 1. Ufa: State Enterprise of the Republic of Bashkortostan Publishing House “World of Press”. Pp. 4–8. (In Russ.).
- Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI:10.31857/S013216250009460–9
- Drobizheva, L.M. (2020). Russian identity: search for definition and dynamics of distribution *Sotsiologicheskie Issledovania*. No. 8. Pp. 37–50. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009460–9
- Дробижева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4(158). С. 480–498.
- Drobizheva, L. M. (2020). Meanings of all-Russian civil identity in the mass consciousness of Russians. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. No. 4(158). Pp. 480–498. (In Russ.).
- Еремина Е.В., Неделько С.И., Воробьев В.П. Символы российской государственности в сознании студенческой молодежи // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 117–127.
- Eremina, E.V., Nedelko, S.I., Vorobyov, V.P. (2018). Symbols of Russian statehood in the minds of student youth. *Sotsiologicheskie Issledovania*. No. 8. Pp. 117–127. (In Russ.).
- Климова С.Г. Стереотипы в определении «своих» и «чужих» // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 13–22.
- Klimova, S. G. (2000). Stereotypes in the definition of ‘one’ and ‘other’. *Sociologicheskie Issledovania*. No.12. Pp. 13–22. (In Russ.).
- Ковалева А.И. Разновидности социальной идентичности: подходы и классификации // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 4. С. 89–103.
- Kovaleva A.I. (2019). Types of social identity: approaches and classifications. *Knowledge. Understanding. Ability*. No. 4. Pp. 89–103. (In Russ.).
- Магранов А.С., Деточенко Л.С. Гражданская идентичность современной студенческой молодежи: особенности и факторы трансформации // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 108–116.
- Magranov, A.S., Detochenko, L.S. (2018). Civil identity of modern student youth: features and factors of transformation. *Sotsiologicheskie Issledovania*. No. 8. Pp. 108–116. (In Russ.).
- Мазаев Ю.Н., Куреев Е.Ю. Восприятие и оценка справедливого и несправедливого неравенства в среде российской молодежи // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18. № 3. С. 131–139.

## Идентичность студенческой молодёжи Республики Бурятия на фоне восприятия социального благополучия региона

- Mazaev, Yu.N., Kireev, E. Yu. (2019). Perception and assessment of fair and unfair inequality among Russian youth. *Social Policy and Sociology*. Vol. 18. No. 3. Pp. 131–139. (In Russ.).
- Невеличко Л.Г., Воротилкина И.М. Гражданская идентичность молодежи: теоретические и эмпирические аспекты исследования // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1(98). С. 107–116.
- Nevelichko, L.G., Vorotilkina, I.M. (2022). Civil identity of youth: theoretical and empirical aspects of research. *Power and Management in the East of Russia*. No. 1 (98). Pp. 107–116. (In Russ.).
- Рыжова С.В. Содержание и динамика этнической идентичности в России // Этническое и религиозное многообразие в России. М.: Издательство Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 2018. С. 119–135.
- Ryzhova, S.V. (2018). Content and dynamics of ethnic identity in Russia. *Ethnic and Religious Diversity in Russia*. Moscow. Publishing house Institute of Ethnology and Anthropology named after. N.N. Miklouho-Maclay. Pp. 119–135. (In Russ.).
- Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование: монография / Ю.А. Зубок, О.А. Александрова, М.Б. Буланова [и др.]; под общ. ред. Ю.А. Зубок; ФНИСЦ РАН. Белгород: «Эпичесентр», 2022. 360 с. DOI: 10.19181/monogr.978–5–89697–382–9.2022
- Self-regulation in the youth environment: typology and modeling: monograph (2022). Yu. A. Zubok, O.A. Aleksandrova, M.B. Bulanova [etc.]; under general ed. Yu.A. Zubok; FNISC RAS. Belgorod: “Epicenter”. 360p. (In Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978–5–89697–382–9.2022
- Смирнов В.А., Скрыбина О.Б., Бессонова Т.И. Некоторые дисфункции процесса социализации российской молодежи в условиях “больших” вызовов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 110–125.
- Smirnov, V.A., Skryabina, O.B., Bessonova, T.I. (2022). Some dysfunctions in the process of socialization of Russian youth in the context of “big” challenges. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. Vol. 28. No.1. Pp. 110–125. (In Russ.).
- Трынов Д.В., Дидковская Я.В. Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего // *Tempus et Memoria*. 2019. Т. 14. № 3/191. С. 118–127.
- Trynov, D.V., Didkovskaya, Ya.V. (2019). New protest youth: self-identification, social well-being and image of the future. *Tempus et Memoria*. Vol. 14. No. 3/191. Pp. 118–127. (In Russ.).
- Черняев И.В. Региональная идентичность и формирование «позитивного» имиджа региона: к вопросу о теоретико-методологических основаниях политики регионального развития // Вестник российской нации. 2015. № 3(41). С. 196–204.
- Chernyaev, I.V. (2015). Regional identity and the formation of a ‘positive’ image of the region: to the question of theoretical and methodological bases of regional development policy. *Herald of the Russian Nation*. No. 3(41). Pp. 196–204. (In Russ.).
- Atkins, R., Hart, D. (2019). Neighborhoods, adults, and the development of civic identity in urban youth. In: *Beyond the Self*. Routledge. Pp. 156–164.
- Haduong, P. et al. (2023). Who am I and what do I care about? Supporting civic identity development in civic education. In: *Education, Citizenship and Social Justice*. P. 17461979231151616
- Petrovska, I.R. (2019) Measuring Civic Identity: Difficulties and Solution. *Sociologija*. Vol. 24. No. 4. Pp. 187–192.

Статья поступила 07.02.2024

Статья принята к публикации 23.06.2024

**Для цитирования:** *Дашибалова И.Н.* Идентичность студенческой молодежи Республики Бурятия на фоне восприятия социального благополучия региона // ЭКО. 2025. № 1. С. 158–172. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–158–172

### Информация об авторе

*Дашибалова Ирина Николаевна* (Улан-Удэ) – кандидат философских наук.  
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.  
E-mail: dashibalonirina@gmail.com; Researcher ID AAE-5383–2020

### Summary

*I.N. Dashibalova*

#### **The Identity of Student Youth of the Republic of Buryatia in the Context of Perceived Social Well-being of the Region**

**Abstract.** The paper presents the results of the study of student youth identities in the Republic of Buryatia against the background of social problems in the region. The data on social behavior and orientations of students of universities and colleges in the region were obtained by the method of mass survey on the basis of nested sampling. It is concluded that the basic regulator in the value structure of students' personality is family and friends, while civic and regional identities are on its periphery. The key social problems of the region, which act as a background for the social moods of students of professional educational institutions, are identified: rising prices for food and essential goods (81.8% of respondents), low income level of the population (60,8%), environmental pollution (55,2%).

**Keywords:** *social problems; social well-being; students; Russian identity; ethnic identity; regional identity; local identity*

**For citation:** Dashibalova, I.N. (2025). The Identity of Student Youth of the Republic of Buryatia in the Context of Perceived Social Well-being of the Region. *ECO*. No. 1. Pp. 158–172. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–158–172

### Information about the author

*Dashibalova, Irina Nikolaevna* (Ulan-Ude) – Candidate of Philosophical Sciences.  
Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS.  
E-mail: dashibalonirina@gmail.com; Researcher ID AAE-5383–2020

# Цифровизация управления бизнесом: задачи и роли менеджеров<sup>1</sup>

**В.Д. Маркова**

УДК 338.2:004

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-173-186

**Аннотация.** Несмотря на развитие цифровой экономики, продолжается дискуссия о сути цифровизации управления бизнесом и подходах к её реализации. В статье цифровизация управления рассматривается как процесс перехода к принятию управленческих решений на основе данных. Акцент сделан на одной из выделенных исследователями причин неудачи данного процесса: устранении менеджеров от цифровизации, которая рассматривается как задача ИТ-службы компании. Исходя из этой проблемы, выявлены задачи цифровизации управления, которые требуют участия менеджеров. Показано, как при этом изменяется роль менеджеров: из потребителей информации они превращаются в заказчиков и постановщиков задач. Это требует новых компетенций менеджеров и их вовлеченности в процесс цифровизации. Возможные подходы к цифровизации управления применительно к выделенным проблемам иллюстрируются примерами из практики российского бизнеса.

**Ключевые слова:** цифровизация; управление на основе данных; этапы цифровизации; задачи и роли менеджеров; российская практика цифровизации

## Введение

Цифровизация, затрагивающая разные аспекты экономики, давно стала привычным явлением на рынке B2C, однако сфера B2B пока отстаёт в этой части. Так, проведённый в конце 2023-го – начале 2024 г. ассоциацией «Национальные системы управления» опрос 540 российских компаний в сфере логистики показал, что 70% грузоотправителей (производственных компаний и организаций) и грузоперевозчиков используют устаревшие методы учета и коммуникации. В отрасли до сих пор в ходу Excel-таблицы и простейшие CRM-системы, а общение идет через мессенджеры и электронную почту, что ведёт к росту издержек у всех участников процесса<sup>2</sup>. Подобную картину можно наблюдать и на предприятиях других отраслей – рутинные бизнес-процессы до сих пор базируются на принципах и технологиях прошлой эпохи.

Рассматривая причины такого отставания и часто высказываемого скепсиса менеджеров относительно цифровизации в целом и перехода к управлению бизнесом на основе данных, в частности, исследователи отмечают их субъективный характер. С одной стороны, менеджеры опасаются подрыва существующего бизнеса, как это

<sup>1</sup> Работа выполнена в рамках плана НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.1.5 (0260–2021–0003) «Теория и методология исследования устойчивого развития компаний высокотехнологического и наукоемкого сектора экономики в контексте глобальных вызовов внешней среды, технологических, организационных и институциональных сдвигов».

<sup>2</sup> URL: <https://ancsys.ru/news/cifrovizaciyu-gruzoperevozok-predlozhili-privesti-k-edinomu-standartu-informacionnogo-vzaimodejstviya/>

произошло в ряде отраслей<sup>3</sup>, а с другой – они предпочитают использовать в работе привычные, проверенные временем системы и инструменты [Мошелла, 2020].

По мнению А. Ажара, в том, что традиционные институты и бизнес медленно адаптируются к происходящим изменениям, нет ничего нового, это одно из основных и неизбежных последствий инноваций (отметим, что цифровые технологии не только развиваются очень быстро, но и ведут к появлению радикальных инноваций). Но результатом этого отставания стало формирование двухуровневого общества – тех, кто использует возможности новых технологий, и тех, кто это не сделал [Ажар, 2023].

Исследователи отмечают, что для компаний цифровизация представляет вызов внешней среды, нейтральный ускоритель развития, который может иметь для них как положительные, так и отрицательные последствия [Гарифуллин, Зябриков, 2018]. При этом положительные результаты проявляются далеко не сразу, поскольку цифровизация связана с накоплением данных, конвергенцией технологий и, в конечном счёте, с изменением бизнес-модели компании. В то же время в долгосрочной перспективе она даёт существенные конкурентные преимущества: тот, кто найдет оригинальный подход к цифровизации, будет способен стать частью умного бизнеса будущего [Цзэн, 2022].

Известная американская консалтинговая компания в сфере информационных технологий Gartner несколько лет назад выделила девять явных и скрытых причин неудач цифровой трансформации бизнеса<sup>4</sup>.

1. Непонимание масштабов цифровых изменений.
2. Фокус на внутренние проблемы – очередное изменение операционной модели компании.
3. Устранение Совета директоров и руководства компаний от цифровизации, которая рассматривается как задача IT-специалистов.
4. Расплывчатость целей.
5. Инкрементальные улучшения.
6. Сопротивление переменам.
7. Гиперпланирование и аналитический паралич.
8. Фокус на технологии.
9. Игнорирование культурного аспекта перемен.

Автор сосредоточил внимание на третьей причине неудач, определив целью настоящей работы *выявление задач цифровизации управления, которые требуют участия менеджеров, а также определение основных функций менеджеров при цифровизации.*

Статья опирается на анализ научных публикаций отечественных и зарубежных исследователей, материалы консалтинговых компаний, анализ успешных российских практик, собственный опыт автора в сфере консалтинга проектов по цифровизации слушателей программ дополнительного профессионального образования в ЦДО НГУ.

<sup>3</sup> Цифровизация преобразовала сферы услуг такси, аренды жилья, продажи авиабилетов и др., что привело к сокращению в них персонала.

<sup>4</sup> URL: <https://www.gartner.com/en/articles/avoid-these-9-corporate-digital-business-transformation-mistakes>

## Цифровизация управления

Несмотря на широкое распространение и тесную взаимосвязь терминов «цифровизация», «цифровизация управления», «цифровая трансформация бизнеса», в научных публикациях и практике бизнеса отсутствует их однозначное определение, что затрудняет понимание сути связанных с ними изменений бизнес-процессов.

Российские исследователи [Александрова, 2019; Гарифуллин, Зябриков, 2018; Данеева, 2019; Кондратьева, Комахина, 2022 и др.], рассматривая различные подходы к определению терминов цифровой экономики, отмечают, что цифровизацию можно понимать в широком смысле как концепцию экономического развития, перехода к цифровой экономике. В более узком, прикладном смысле под этим термином понимается преобразование производства, управления, цепей поставок или иных процессов на основе использования различных цифровых технологий. То есть ключевым проявлением цифровизации становятся основанные на цифровых технологиях преобразования (трансформация) объектов и процессов (сущностей), в том числе процессов управления.

Зарубежные исследователи также рассматривают эти явления по-разному. Аналитики консалтинговой компании Agile Elephant определяют цифровую трансформацию как процесс перехода компании от традиционного линейного, иерархически управляемого бизнеса к новым методам работы на основе использования цифровых, социальных, мобильных и развивающихся технологий. Такой переход предполагает перестройку мышления и стиля управления, поощрение инноваций и принятие новых бизнес-моделей, оцифровку активов и широкое применение новых технологий для улучшения опыта сотрудников, клиентов, партнёров и других заинтересованных групп<sup>5</sup>. Иными словами, в данной трактовке цифровая трансформация рассматривается как процесс перехода к новой *концепции* (парадигме) управления.

Иной подход демонстрирует компания Gartner. Ее специалисты отмечают, что цифровая трансформация может относиться к чему угодно, поскольку на практике этот термин широко используется для обозначения даже скромных инициатив, таких как перевод услуг в онлайн-пространство или использование облачных технологий для хранения данных<sup>6</sup>.

Несмотря на многообразие трактовок используемой терминологии, в самом общем виде под цифровизацией понимается процесс использования возможностей цифровых технологий для *преобразования* (трансформации) бизнеса и/или его отдельных составляющих. Исходя из этого, цифровизацию управления в данной работе будем понимать как трансформацию системы управления бизнесом на основе цифровых технологий и работы с данными. Такая трансформация охватывает широкий круг задач, начиная от развития бизнес-аналитики, автоматизации рутинных процессов, распределения работ по исполнителям (диспетчеризации), до перехода от контроля процессов к управлению на основе аналитики и обратной связи (управление по отклонениям) и гибкой трансформации бизнес-модели компании с целью создания дополнительной ценности для потребителей.

---

<sup>5</sup> Что такое цифровая трансформация. URL: <https://www.theagileelephant.com/what-is-digital-transformation/>

<sup>6</sup> Gartner glossary. (2023). URL: <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/digital-transformation>

В России наибольшую динамику в использовании цифровых технологий в управлении показывают банки и финансовый сектор, сферы государственного управления и ЖКХ, телеком, ритейл и нефтегазовая отрасль, транспорт и логистика. В промышленности, как отмечают исследователи и консалтинговые компании, подавляющее число российских организаций обеспечены первичной цифровой инфраструктурой, включая персональные компьютеры и широкополосный интернет, используют управленческие системы типа 1С, SAP, Битрикс и другие, но общий уровень использования цифровых технологий пока не высок [Галимова, 2019; Лютягин, Зюков, 2021; Починков, Алферов, 2023]. Причин такого положения дел множество, но большая их часть, как отмечают зарубежные исследователи процессов цифровизации, связана с организационными аспектами [Салдана, 2021; Янсити, Лахани, 2021].

### Этапы цифровизации управления

Цифровизация – это многосторонний процесс, который может включать разные этапы в зависимости от отрасли и цифровой зрелости бизнеса. Кроме того, ее конкретное содержание различно в разных частях (подразделениях) одной и той же организации [Шипилов и др., 2023]. При этом фундаментальный смысл цифровых преобразований состоит в том, чтобы изменить поведение людей таким образом, чтобы в основе принятия ключевых решений, осуществления тех или иных действий и процессов оказались объективные данные, а не интуиция человека [Чаморро-Премузик, 2022].

- Начальным этапом любой цифровизации является *оцифровка* (digitization) аналоговых сущностей – переход от аналоговой формы представления данных и описания процессов к цифровой форме с одновременной унификацией и структурированием данных. Это весьма трудоемкий процесс, затраты на него высоки, а выгоды неочевидны [Мошелла, 2020], поэтому специалисты рекомендуют проводить оцифровку данных под конкретные управленческие задачи.

Так, компания «Горводоканал» купила программный продукт для цифровизации управления ремонтами и обслуживанием оборудования «1С: ТОиР». Однако автоматически перенести данные об оборудовании из системы 1С в новую программу оказалось невозможно, поскольку использовались разные обозначения для однотипного оборудования, что приемлемо для бухгалтерского учёта, но не подходит для цифровизации управления. В результате унификацию данных сотрудникам пришлось проводить в ручном режиме.

Отмеченная ситуация довольно типична, так как большинство промышленных компаний работает со старыми системами, созданными для обслуживания конкретных транзакций, данные в них разрознены и разделены по разным подсистемам, часто избыточны, неактуальны, содержат ошибки и неточности, что не позволяет перейти к управлению на основе данных в реальном времени [Орловский, Коровкин, 2021]. Это породило проблемную ситуацию, связанную с определением ответственности за данные в компании: менеджеры считают, что за качество данных должна нести ответственность ИТ-служба, а та полагает, что это функция менеджеров [Кузнецов и др., 2022].

На наш взгляд, в сфере работы с данными следует разделить организационно-технические вопросы, связанные со сбором, хранением, обработкой и передачей данных, – это, безусловно, сфера ответственности ИТ-службы. И методические,

позволяющие определить, какие именно параметры объектов управления значимы для принятия управленческих решений, как лучше их систематизировать, чтобы облегчить процесс управления. Очевидно, что решить такие задачи без менеджеров невозможно.

Например, применительно к процессам ремонта и обслуживания оборудования из приведенного кейса к таким параметрам, помимо типов оборудования и видов работ, относятся нормативы сроков их выполнения, потребляемых при этом материальных ресурсов и т.д.

- Следующим этапом цифровизации, по мнению ряда зарубежных исследователей, является реализация *пилотных проектов*, которые призваны продемонстрировать возможности и результаты работы с данными, позволяют приобрести опыт такой работы в организации. Лишь затем наступает завершающий этап *объединения данных* из изолированных источников, *их оптимизации и трансформации бизнеса* [Янсити, Лахани, 2021; Салдана, 2021].

- Накопление данных и опыта позволяет расширять масштабы цифровизации управления, охватывая все новые объекты и процессы. Из российских компаний опыт такого рода демонстрируют Уральская горно-металлургическая компания (УГМК, цветная металлургия), «Рейл Континент» (грузоперевозки), FitService (услуги автосервиса) и некоторые другие.

Анализируя причины, по которым цифровая трансформация не всегда даёт ожидаемые результаты, Т. Салдана отмечает, что обычно используемые бизнесом базовые «коробочные» программные продукты (SAP, Oracle, Microsoft и другие ERP-системы), как правило, покрывают от 50 до 90% потребностей организации в автоматизации, но при этом всегда остаются *пробелы*, которые закрывают другие инструменты: таблицы Excel, электронные письма, прямые контакты. По мнению исследователя, полезно начинать цифровизацию именно с этих рутинных операций, выбирая на замену традиционным инструментам решения, которые быстро окупятся, снижая тем самым финансовые риски [Салдана, 2021]. В перечень рутинных операций для первоочередной цифровизации он включает регистрацию клиентов и обработку заказов, претензий, выставление счетов, составление отчётов, оформление на работу, диспетчерские и иные регулярно повторяющиеся операции.

Поскольку внедрение цифровых систем требует времени, в течение переходного периода неизбежно совмещение традиционных и цифровых инструментов управления. Этапность цифровизации призвана облегчить и ускорить весь процесс. В 2011 г. исследователи MIT подготовили отчёт по цифровой трансформации бизнеса, где предложили дорожную карту цифровизации, включающую три последовательно охватываемых ею сферы: работа с клиентами, операционные процессы и бизнес-модель (цит. по: [Гарифуллин, Зябриков, 2018]).

На сегодняшний день можно констатировать, что первая сфера уже довольно плотно охвачена процессами цифровизации в российских компаниях. Акцент на работу с клиентами для определения новых точек соприкосновения с ними и увеличения выручки с каждого клиента во многом объясняет широкое распространение в их деятельности CRM-систем, которые позволяют автоматизировать рутинные операции взаимоотношений с потребителями, организовывать коммуникации с ними и получать

аналитику продаж. Другие области соприкосновения компании с потенциальными клиентами – ее сайт с регулярно обновляемой информацией и функцией обратной связи, а также страницы компании в социальных сетях и мессенджерах, где происходит коммуникация, идет работа с отзывами, выкладывается информация об акциях, разыгрываются бонусы и призы и пр.

Как пишет главный стратег компании Alibaba Цзэн Мин, кардинальное отличие проектов цифровизации бизнеса от использования внутренних ERP-систем<sup>7</sup> заключается *в выходе в онлайн*, что приводит к возникновению мощного потока данных о пользователях [Цзэн, 2022. С. 137]. Это, в свою очередь, порождает необходимость реорганизации структуры управления традиционных компаний, где продажи, маркетинг, логистика и сервис для клиентов изначально формировались как самостоятельные функции со своими регламентами. По мере исчезновения границ между этими функциями *в ходе цифровизации процессы становятся кросс-функциональными при высоком уровне интеграции с ИТ-службой компании и развитии самообслуживания клиентов*. В дальнейшем потребует внешняя интеграция, связанная с обменом данными через API с базами данных партнёров, настройкой бизнес-моделей и другими задачами внешнего партнёрства [Мошелла, 2020. С. 80, 146].

Цифровизация операционных процессов менее заметна для внешних наблюдателей. Но скорее всего пока лишь небольшая часть российских компаний перешла к этому этапу. Он предполагает вовлечение в процесс цифровизации сотрудников фирмы и переход к управлению на основе данных. В ходе операционной деятельности в компании формируется внутренний поток данных о текущем состоянии процессов, событий и объектов. В доцифровую эпоху эта информация собиралась и обрабатывалась в ручном режиме, что требовало большого количества времени и усилий. В результате цифровизации данные поступают в режиме реального времени – с разнообразных датчиков и контроллеров, а также со смартфонов или других устройств сотрудников в процессе выполнения ими своих обязанностей. Автоматизированная обработка этих данных позволяет оперативно выявлять проблемные зоны и принимать корректирующие решения.

Примеры цифровизации задач оперативного управления: цифровые склады и транспортная логистика для обслуживания маркетплейсов и крупных розничных сетей, цифровая система управления разгрузкой на складах фармкомпаний «Протек», цифровой наряд сотрудника и цифровая диспетчерская в Распадской угольной компании, цифровой электромонтер в компании «Мечел», дистанционное управление кранами в НЛМК, коровы с цифровыми датчиками на фермах Белгородской области, системы машинного зрения для контроля технологических процессов на Кольском ГМК, цифровой контроль критически важных параметров безопасности работ на шахтах и металлургических предприятиях (умная каска и другие устройства), управление светом и управление подачей битума в короба в компании «Москабельмет», использование чат-ботов для общения с клиентами и множество других задач.

---

<sup>7</sup> ERP – это система управления ресурсами компании (Enterprise resource planning), например SAP, 1С: ERP.

Что касается последнего этапа описываемой «дорожной карты» МИТ, внедрение цифровых технологий далеко не всегда приводит к изменению бизнес-модели компании, иногда в таком переходе просто нет необходимости, этот вопрос решается индивидуально. В любом случае на этом этапе нужно описать и проанализировать существующую бизнес-модель компании, например, используя канву Остервальдера или шаблон Гассмана.

В целом можно сказать, что разделение процесса цифровизации на итеративные этапы и постоянный анализ результатов каждого из них – это ключевой принцип, который помогает избежать провалов и снизить риски [Салдана, 2021. С. 90].

### **Методические проблемы цифровизации управления**

Важным условием успешности цифровизации является правильный выбор инструментов или программных продуктов. Как отмечает РБК, больше половины российских компаний (53%) при внедрении цифровых решений копирует лучшие практики с рынка (принцип бенчмаркинга), что не всегда оказывается хорошим выбором, так как эффективность схожих цифровых инструментов зависит от множества факторов<sup>8</sup>. Однако некоторые исследователи считают доминирование эффекта толпы на ИТ-рынках вполне объяснимым, так как ИТ-продукты сложны для понимания неспециалистов и непрерывно меняются [Мошелла, 2020].

Копирование практик с рынка заключается в покупке типовых цифровых сервисов, таких как электронный документооборот (ЭДО), системы управления взаимоотношениями с клиентами (CRM), складом (WMS), ремонтами оборудования (IC: ТОиР) и другие узкопрофильные функциональные продукты. Хотя каждая такая система, как правило, является модульной и разрабатывается в рамках общей платформы, она требует настройки и доработки под специфику конкретной компании (объекта управления).

При этом специалисты отмечают, что недостаточная грамотность в области управления данными на всех уровнях организационной структуры компании нередко заставляет её ограничиться решением такой относительно простой задачи, как разработка и внедрение программного обеспечения и базовых информационно-технологических решений [Кузнецов и др., 2022. С. 164]. Следовательно, цифровизация управления требует повышенного внимания и обучения на всех уровнях.

Для обучения менеджеров использованию данных в управлении российская ИТ-компания Softline создала единую платформу, где собраны данные по клиентам, вендорам, сервисам и инновациям. Реализация проекта проходила в несколько этапов: создание хранилища данных по одной из предметных областей и предоставление данных руководителям, их обучение, разработка дашбордов (панелей показателей) для тех руководителей, кто стал регулярно использовать данные, затем расширение хранилища на все предметные области, автоматизация аналитики. Таким образом, у компании появился инструмент, позволяющий в любой момент получать нужные данные по всем важным для бизнеса направлениям<sup>9</sup>.

<sup>8</sup> URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/62551c119a794720027bd38b?from=copy>

<sup>9</sup> URL: <https://sber.pro/digital/publication/pravilnyj-start-s-chego-nachat-czifrovuyu-transformacziyu-biznesa/>

До сих пор не решён (остаётся дискуссионным) вопрос о выборе концептуального подхода к созданию программных продуктов цифровизации. Ещё 15 лет назад практики бизнеса отмечали, что большие (монолитные) информационные системы слишком громоздки, не отвечают современным вызовам, тормозят развитие бизнеса. С позиций практических управленцев информационные системы должны быть простыми и удобными, гибкими и открытыми для взаимодействия и обмена данными друг с другом, т.е. для них оптимален модульный подход. Однако многие ведущие производители ПО и консультанты заинтересованы скорее в создании больших целостных систем, претендующих на универсальность в решении проблем бизнеса [Павлов, 2006. С. 19].

Дискуссии о выборе наилучшей архитектуры цифровизации не прекращаются. Сторонники микросервисной (модульной) архитектуры отмечают, что сами цифровые технологии имеют модульную структуру и легко могут обеспечить разнообразные связи как внутри компании, так и с внешними сетями – через веб-протоколы, интерфейсы прикладного программирования (API) или сервисы типа Zapier. Это позволяет рассматривать микросервисы как строительные блоки систем более высокого уровня, с возможностями, которые сейчас даже трудно представить [Мошелла, 2020; Iansiti, Lakhani, 2014; Маркова, 2022; Янсити, Лахани, 2021]. Такой подход ориентирован на решение конкретных управленческих проблем внутреннего функционального заказчика компании, который, не являясь специалистом в сфере ИТ, все же использует цифровой сервис в своей деятельности. Отметим, что эксперты компании McKinsey мериллом успешности цифровой трансформации фирмы предлагают рассматривать именно то, что делают ее сотрудники, в чем они участвуют, а не то, что делается для них [What does ..., 2023]. Кроме того, такой подход обеспечивает вовлеченность менеджеров и персонала в процесс цифровизации и таким образом способствует формированию у них доверия к данным, которые используются в управлении.

Этот подход, по мнению специалистов компании McKinsey, позволяет использовать лучшие в своём классе решения и снижает зависимость от монолитной ERP-системы (типа широко распространённой в российском бизнесе системы 1С: ERP), что повышает операционную эффективность и улучшает техническое обслуживание цифровых модулей.

С позиций представителей крупных российских ИТ-компаний, наоборот, настало время уходить от устаревшей, по их мнению, модели «лоскутной» цифровизации, ориентированной на функциональных заказчиков внедрения из разных подразделений компании. Для того чтобы обеспечить комплексный подход, в основе любого проекта должен находиться «цифровой двойник» с полным отражением в нем данных о нахождении и выполняемых задачах людей, техники, состоянии оборудования, потребляемых ресурсов и т.д.<sup>10</sup> Однако разработка цифрового двойника и соответствующей стратегии цифровой трансформации компании представляется крайне сложной задачей, особенно в условиях высокой неопределённости внешней среды и недостаточной цифровой компетентности специалистов.

---

<sup>10</sup> Цифровизация промышленности 2022. Обзор TAdviser. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>

Свою позицию в поддержку модульности и микросервисов автор изложила в одной из предыдущих публикаций [Маркова, 2022], добавим, что пока идея «цифровых двойников» реализуется применительно к строительным объектам, где одним из условий строительства с участием бюджетных средств становится наличие BIM-модели (Building Information Modeling) как инструмента проектирования, строительства и управления зданиями и сооружениями.

Указанная дилемма (монолит или микросервисы) перекликается с методической проблемой выбора подхода к цифровизации: идти централизованно сверху и/или сочетать цифровизацию с инициативой снизу? Очевидно, что здесь возможны самые разные сочетания решений при определённой этапности цифровизации. Инициативу снизу могут проявить функциональные службы, заинтересованные в улучшении своих бизнес-процессов, чаще всего это коммерческие службы компаний, для которых приобретаются CRM-система, а также сервисы по управлению складом (WMS-сервис), или технические службы, обеспечивающие эксплуатацию и ремонт оборудования – по их инициативе приобретается, например, микросервис «ТОиР: 1С» (техническое обслуживание и ремонт). Цифровизация сверху означает, что по инициативе собственников или руководства компании разрабатывается стратегия цифровизации компании в целом, как это реализовано в новосибирской компании FitService.

### Задачи менеджеров в процессе цифровизации управления

Как отмечают М. Янсити и К. Лахани, цифровизация управления бросает вызов практически всем традиционным управленческим постулатам, вынуждая фундаментально переосмысливать природу фирмы и ее управленческой команды, а также традиционных ограничений [Янсити, Лахани, 2021.С. 140].

Важным результатом цифровизации управления и одновременно сложнейшей психологической проблемой, на наш взгляд, является изменение роли менеджера: он переходит от роли потребителя информации, который не знает, как именно собираются и обрабатываются данные (рис. 1), к роли заказчика цифровых решений для определённых управленческих задач (рис. 2).



Рис. 1. Менеджер как потребитель информации



Рис. 2. Менеджер как заказчик и потребитель

Постановка конкретных задач, которые подлежат цифровизации, позволяет детализировать менеджмент, заставляет глубже разбираться в ситуации, учит принимать решения, опираясь на полученные актуальные данные (а не агрегированные отчётные показатели) и реагируя на них в режиме реального времени. Результатом таких преобразований являются качественные изменения в системе управления бизнесом: *переход от системы контроля процессов к реальному управлению по отклонениям на основе аналитики и обратной связи!* Одновременно это позволяет организовать адаптивное планирование бизнеса с ориентацией на потребителей и возможностью перестроения процессов для достижения прогнозных результатов, полученных на основе предиктивного анализа данных.

Однако проблематика цифровизации управления сложна для восприятия подавляющего большинства менеджеров, так как затрагивает и подвергает переосмыслению традиционно сложившуюся практику управления. По сути, речь идёт о внедрении в их повседневную рабочую реальность радикальной инновации, а этот процесс, как известно, связан с преодолением сложных барьеров восприятия новшества<sup>11</sup>. Некоторые специалисты считают, что тут нужен инициативный человек (амбассадор), который готов прокладывать в компании путь к цифровизации, при этом у него должна быть поддержка со стороны руководства<sup>12</sup>.

Большим подспорьем в преодолении барьеров на пути цифровизации управления могут стать обучение персонала, знакомство с успешным опытом других компаний, поэтапная цифровизация небольших задач и их внедрение в повседневную практику управления. Но главным рычагом давления (стимулом), безусловно, является конкуренция.

Так, в УГМК выявлены три ключевых фактора успешной цифровизации. Это наличие у команды опыта управления проектами и необходимых компетенций, которые могут быть получены за счёт обучения, привлечения экспертов и найма персонала, наличие **внутреннего заказчика**, который не является ИТ-специалистом, а также внедрение в первую очередь **легко реализуемых проектов**. По мнению руководства компании, секретом успеха цифровой трансформации будет то, что модели и цифровые подсказчики (сервисы) должны стать помощниками сотрудников, которые постепенно перестают быть просто исполнителями и все больше начинают управлять производственным процессом<sup>13</sup>. Цифровизация охватывает все сферы деятельности УГМК: геологию, добычу, транспортировку и переработку сырья, при этом используются технологии искусственного интеллекта и моделирования, виртуальной реальности и предиктивной аналитики, используется роботизация и интернет вещей, беспилотный транспорт и дроны, адаптивное производство и предиктивные ремонты, цифровизация охватывает анализ, планирование, оперативное управление. В результате в 2023 г. при снижении выручки на 4% прибыль компании выросла вдвое<sup>14</sup>.

<sup>11</sup> Подробнее см.: *Евстафьев Д.С.* Продвижение инноваций. СПбГУ. 2001.

<sup>12</sup> Масштабируйте амбассадоров. Как цифровизируется российская промышленность // Эксперт-Урал. 2021. № 20–21. <https://expert-ural.com/archive/nomer-20-21-844/masshtabiruyte-ambassadorov.html>

<sup>13</sup> *Махмудов Дж., Готванский С., Намрусов Н.* УГМК: оцифровать порядок // Эксперт. 2023. № 14. С. 31.

<sup>14</sup> URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Компании:Уральская\\_горно-металлургическая\\_компания\\_\(УГМК\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Компании:Уральская_горно-металлургическая_компания_(УГМК))

## Цифровизация управления бизнесом: задачи и роли менеджеров

Анализ мирового и отечественного опыта цифровизации управления в бизнесе позволил автору систематизировать задачи и функции менеджеров в этом процессе (таблица).

### Задачи и роли менеджеров в процессе цифровизации

Этап цифровизации	Задача менеджера	Роль менеджера
Оцифровка объектов	Определение значимых для управления параметров объектов	Эксперт
Пилотные проекты цифровизации	Описание бизнес-процесса (как есть). Постановка управленческой задачи цифровизации бизнес-процесса (что хотим).	Внутренний функциональный заказчик
Использование цифровых сервисов в управлении	Формирование системы качественных показателей деятельности	Потребитель цифровых услуг
Цифровая система управления	Формирование системы адаптивного планирования и аналитики	Контроль отклонений, наставничество

Ярким примером фирмы с цифровой системой управления может служить новосибирская компания FitService, которая создала франчайзинговую сеть автомастерских в России и Казахстане (более 300 автосервисов). Руководитель компании в режиме реального времени видит как количественные, так и качественные показатели деятельности всей сети в любом разрезе. Развита система адаптивного планирования и аналитики позволяет ему своевременно реагировать на возникшие проблемы, при этом основное внимание сосредоточено на стратегических вопросах развития компании. Цифровая система управления бизнесом – важный элемент франчайзингового пакета партнёров компании.

Цифровизация управления осуществляется по инициативе собственника, являясь важным элементом стратегии развития компании и по сути ее инвестиционным проектом. Система формировалась постепенно, более 10 лет, путем создания цифровых модулей и их интеграции с системой 1С. Цифровизацией занимаются специалисты компании, обращаясь при необходимости к сторонним фирмам. Также постепенно перестраивалась система управления компанией FitService с ориентацией на использование данных в режиме онлайн.

### Заключение

Цифровизация управления компанией, или переход к управлению бизнесом на основе данных, является многоэтапным процессом. Его отправная точка – унификация данных и их оцифровка. На следующем этапе обычно происходит реализация небольших пилотных проектов, как правило, в сфере логистики и оперативного управления, поскольку управленческие задачи этого уровня слабо поддаются формализации в рамках существующих информационных систем компаний, а их алгоритмизация невозможна без участия менеджеров-заказчиков.

В рамках постепенного разворота российских компаний в сторону цифровизации именно эти аспекты формируют тренды 2024 г.: это создание унифицированных корпоративных справочников оборудования и материалов (промышленная идентификация), оцифровка и автоматизация процессов планирования и управления ремонтами и обслуживанием оборудования (ТОРО), а также процессов диспетчеризации производственных и логистических операций компаний.

Как показывает мировой и отечественный опыт, реализация пилотных проектов позволяет понять возможности цифровизации в сфере управления и постепенно формировать новые компетенции компании, накапливать опыт работы с инструментами цифрового управления и преодолевать неизбежное сопротивление персонала.

## Литература/ References

- Ажар А.* Экспонента. Как быстрое развитие технологий меняет бизнес, политику и общество. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 352 с.
- Azhar, A. (2023). *Exponential. How accelerating technology is leaving us behind and what to do about it.* Moscow. Mann, Ivanov & Ferber. 352 p. (In Russ.).
- Александрова Т.В.* Цифровизация как современный тренд развития менеджмента производственных организаций // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2019. Т. 13. № 3. С. 137–144. DOI: 10.14529/em190313
- Aleksandrova, T.V. (2019). Digitalization as a modern trend of management development of industrial organizations. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management.* Vol. 13. No. 3. Pp. 137–144. (In Russ.). DOI: 10.14529/em190313
- Галимова М.П.* Готовность российских предприятий к цифровой трансформации: организационные драйверы и барьеры // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия «Экономика». 2019. № 1 (27). С. 27–37. DOI: 10.17122/2541–8904–2019–1–27–27–37
- Galimova, M. P. (2019). Readiness of Russian enterprises for digital transformation: organizational drivers and barriers. *Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy.* No. 1 (27). Pp. 27–37. (In Russ.).
- Гарифуллин Б.М., Зябриков В.В.* Цифровая трансформация бизнеса: модели и алгоритмы // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 9. С. 1345–1358. DOI: 10.18334/ce.12.9.39332
- Garifullin, B.M., Zyabrikov, V.V. (2018). Digital Transformation of business: models and algorithms. *Kreativnaya Ekonomika.* Vol. 12. No. 9. Pp. 1345–1358. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.12.9.39332
- Данеева Ю.О.* Теоретический подход к цифровизации: обзор зарубежной литературы и новые направления исследования // Хроноэкономика. 2019. № 5. С. 53–58.
- Daneeva, Yu.O. (2019). Theoretical Approach to Digitalization: Review of Literature and Directions of Research. *Hronoeconomics.* No. 5. Pp. 53–58. (In Russ.).
- Кондратьева М., Комяхина А.* Цифровизация: исследование основных терминов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 3 (165). DOI: 10.34773/EU.2022.3.25
- Kondratieva, M., Komakhina, A. (2022). Digitalization: a Study of Basic Terms. *Economy and Management: Scientific-Practical Magazine.* No. 3 (165). (In Russ.). DOI: 10.34773/EU.2022.3.25
- Кузнецов С., Константинов А., Скворцов Н.* Ценность ваших данных. М.: Альпина ПРО, 2022. 574 с.
- Kuznetsov, S., Konstantinov, A., Skvortsov, N. (2022). *The Value of Your Data.* Moscow. Al'pina PRO. (In Russ.).
- Лютягин Д.В., Зюков В.А.* Цифровизация производственных процессов в рамках концепции «Индустрия 4.0» // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Том 11. № 9А. С. 235–247. DOI: 10.34670/AR.2021.36.86.029
- Lyutyagin, D.V., Zyukov, V.A. (2021). The digitalization of production processes within the framework of the Industry 4.0 concept. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow.* T. 11 (9A). Pp. 235–247. (In Russ.). DOI: 10.34670/AR.2021.36.86.029
- Маркова В.Д.* Цифровизация управления: от АСУ к микросервисам // ЭКО. 2022. № 9. С. 113–129. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2022–9–113–129

## Цифровизация управления бизнесом: задачи и роли менеджеров

- Markova, V.D. (2022). Digitalization of Management: From ACS to Microservices. *ECO*. No. 9. Pp. 113–129. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2022–9–113–129
- Мошелла Д. Путеводитель по цифровому будущему. Отрасли, организации и профессии. М.: Альпина Паблишер, 2020. 215 с.
- Moschella, D. (2020). *Seeing digital. A visual guide to the industries, organization and careers on the 2020s*. Moscow. Al’pina Publisher. 215 p. (In Russ.).
- Орловский В., Коровкин В. От носорога к единорогу. Как провести компанию через трансформацию в цифровую эпоху и избежать смертельных ловушек. М.: Эксмо, 2021. 192 с.
- Orlovskiy, V., Korovkin, V. (2021). *From Rhino to Unicorn. How to lead a company through transformation in the digital age and avoid deadly traps*. Moscow.: Eksmo. (In Russ.).
- Павлов С. Время сервисов // *Harvard Business Review – Россия*. 2006, май. С. 18–19.
- Pavlov, S. (2006). Time of services. *Harvard Business Review – Russia*, may. Pp. 18–19. (In Russ.).
- Починок М., Алферов П. Потерянные комплементы, или причины провала цифровой трансформации // Сколково. 2023, декабрь. <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/poteryannyye-komplementary-ili-prichiny-provala-cifrovoj-transformacii/>
- Pochinok, M., Alferov, P. (2023). Lost compliments, or reasons for the failure of digital transformation. *Skolkovo*, Dec. (In Russ.). <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/poteryannyye-komplementary-ili-prichiny-provala-cifrovoj-transformacii/>
- Салдана Т. Почему цифровая трансформация не дает результата и что делать, чтобы все заработало. М.: Альпина Паблишер, 2021. 334 с.
- Saldana, T. (2021). *Why digital transformations fail. The surprising disciplines of how to take off and stay ahead*. Moscow. Al’pina Publisher. 334 p. (In Russ.).
- Цзэн М. Как Alibaba использует искусственный интеллект в бизнесе. Сетевое взаимодействие и анализ данных. М.: Альпина Паблишер, 2022. 360 с.
- Zeng, M. (2022). *How Alibaba is using artificial intelligence in business, Networking and data analytics*. Moscow. Al’pina Publisher. 360 p. (In Russ.).
- Чаморро-Премюзик Т. Пять причин, из-за которых инвестиции в технологии не окупаются // Гарвард. Бизнес. Ревью. Россия. 2022, ноябрь.
- Chamorro-Premuzic T. (2022). Five reasons why technology investments do not pay off. *Harvard Business Review Russia*, nov. (In Russ.).
- Шипилов А., Ферр Н., Руйар Д., Эмон-Лоран А. Четыре элемента успешной цифровой трансформации // Гарвард. Бизнес. Ревью. Россия, 2023, декабрь.
- Shipilov, A., Ferre, N., Rouillard, D., Emond-Laurent, A. (2023). Four elements of successful digital transformation. *Harvard Business Review Russia*, dec. (In Russ.).
- Янсити М., Лакхани К. Оцифруйся или умри. Как трансформировать компанию с помощью искусственного интеллекта и обойти конкурентов. М.: Эксмо, 2021. 320 с.
- Iansiti, M., Lakhani, K. (2021). *Competing in the age of AI. Strategy and leadership when algorithms and networks run the world*. Moscow. Eksmo Publ. 320 p. (In Russ.).
- Iansiti, M., Lakhani, K. (2014). Digital ubiquity: how connections, sensors and data are revolutionizing business. *Harvard Business Review*. Nov. Pp. 3–11.
- What does a chief transformation officer do? (2023). December. <https://www.mckinsey.com/featured-insights/mckinsey-explainers/what-does-a-chief-transformation-officer-do>

Статья поступила 21.01.2024

Статья принята к публикации 12.05.2024

Для цитирования: Маркова В.Д. Цифровизация управления бизнесом: задачи и роли менеджеров // ЭКО. 2025. № 1. С. 173–186. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–173–186

### Информация об авторе

Маркова Вера Дмитриевна (Новосибирск) – доктор экономических наук.

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

E-mail: markova.pro@yandex.ru; ORCID: 0000–0003–1646–8372

### Summary

*V.D. Markova*

#### **Digitalization of Business Management: Challenges and Roles of Managers**

**Abstract.** Regardless of advances in the digital economy, there is an ongoing discussion about the nature of business management digitalization and approaches to its implementation. The paper considers digitalization of management as a process of transition to data-driven management decision-making. Emphasis is placed on one of the reasons highlighted by researchers for the failure of this process: the removal of managers from digitalization, which is seen as a mission of the company's IT service. Taking into account this problem, the tasks of digitalization of management that require the involvement of managers are identified. It is shown how the role of managers changes from information consumers to customers and task setters. This requires new competencies of managers and their involvement in the digitalization process. Possible approaches to digitalization of management in relation to the highlighted problems are illustrated by examples from the practice of Russian business.

**Keywords:** *digitalization; data-driven management; stages of digitalization; tasks and roles of managers; Russian digitalization practice*

**For citation:** Markova, V.D. (2025). Digitalization of Business Management: Challenges and Roles of Managers. *ECO*. No. 1. Pp. 173–186. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–173–186

### Information about the author

*Markova, Vera Dmitrievna* (Novosibirsk) – Doctor of Economic Sciences.

Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Novosibirsk State University.

E-mail: markova.pro@yandex.ru; ORCID: 0000–0003–1646–8372

# Эволюция прав собственности на землю непривилегированных сословий Российской империи

**Н.А. Розинская**

УДК 330.34

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-187-204

**Аннотация.** В статье прослеживается эволюция прав собственности на землю для непривилегированных сословий России с XVII до начала XX вв. Показано, как сначала формировалась монополия дворян на владение землей, а затем постепенно расширялись права владения землей для других сословий. При этом в течение всего периода государство поддерживало и укрепляло такие права крестьянства и других непривилегированных сословий, как владение (сначала коллективное, потом индивидуальное) и использование, но старалось ограничивать право распоряжения. Это было связано с тем, что права владения и пользования рассматривались как оплот стабильности социально-экономической системы, а право распоряжения землей вело к перераспределению ресурсов и в конечном итоге к росту неравенства. При определенных обстоятельствах это могло способствовать развитию, но в рамках традиционного общества скорее вело к нарушению сложившегося уклада и соответствующим негативным социальным последствиям, которых правительство стремилось избежать.

**Ключевые слова:** право собственности; частная собственность; собственность на землю; землевладение; крестьяне; черносошные/государственные крестьяне

## Введение

В России в конце XIX в. только начали формироваться предпосылки для аграрной революции. Низкий уровень развития аграрного сектора проявился, например, в том, как он отреагировал на снижение цен после 1870 г. В отличие от ряда европейских стран, где депрессия в аграрном секторе стимулировала рост эффективности, в частности специализацию на животноводстве, в России она привела лишь к дальнейшему росту количества посевных площадей [Прокопович, Мертваго, 1907; Челинцев, 1928], в большинстве регионов не было роста эффективности [van Zanden, 1991].

Прежде всего, это, конечно, было связано с наличием свободных земель, пригодных для земледелия, но не менее важной причиной выбора экстенсивного пути развития были нечеткие права собственности, существовавшие в Российской империи до реформы 1861 г. и во многом сохранившиеся после нее. Несмотря на то, что до реформы более половины крестьян не были крепостными, их возможности владеть и распоряжаться землей были сильно ограничены государством и общиной.

Право собственности – один из ключевых институтов, который лежит в основе и структурных преобразований экономики и общества (аграрная революция), и развития рыночных отношений, о чем свидетельствуют фундаментальные труды ученых, многочисленные исторические примеры и современные эмпирические исследования. В связи с этим представляется важным проследить эволюцию формирования частной собственности на землю в Российской империи.

В настоящее время в отечественной и зарубежной англоязычной литературе отсутствует комплексный анализ эволюции прав собственности на землю в дореволюционной России. Есть работы, посвященные отдельным периодам [Швейковская, 1997; Ибрагимов, 2008; Жарова, Савельева, 2013; Анисимов, Савченко, 2014; Nafziger 2010] или отдельным регионам [Швейковская, 1997; Плотская, 2014; Ибрагимова 2018], чаще всего права собственности крестьян рассматриваются в связи с Аграрной реформой Столыпина [Кораблев, 2012; Забоенкова, 2013]. В статье И.В. Кочневой охватывается весь дореволюционный период, но рассматриваются только землевладения государства, дворян и крепостных крестьян, причем без привлечения законодательных актов [Кочнева, 2014].

Формирование прав собственности на землю для дворянства имело свою специфику и может быть предметом отдельного исследования. В данной работе эта проблема будет обсуждаться в отношении крестьян, в меньшей степени – купцов и мещан, другие категории податного населения упоминаются в тех случаях, если относительно них принимались отдельные законы (ямщики, инородцы, однодворцы).

Век XVII был важным этапом в политическом и социально-экономическом развитии России. Это был период формирования абсолютистской политической системы, усиления власти государства, проявившегося в том числе в реформировании социально-экономических институтов. Ключевым элементом такого реформирования в сфере землевладения было введение крепостного права. Произошло прикрепление всех податных сословий к месту жительства и роду деятельности, что хоть и не запретило полностью, но сильно ограничило возможности по распоряжению землей. Параллельно происходило усиление роли крестьянской общины в вопросах, связанных с распределением земли.

В период до XVII в. для крестьян не было четко прописанных прав владения землей, существующая практика предполагала для них возможность не только использовать, но и распоряжаться ею (передавать по наследству, продавать, дарить). Во многом это было связано с обилием земли и, соответственно, отсутствием споров относительно прав собственности на нее. Владение крестьянином землей определялось формулой «куда топор и соха ходили». В частности, в Псковской судной грамоте основным критерием права собственности является давность фактического использования (обработки) крестьянином участка – «если он тою землею стражетъ» [Упоров, 2024. С. 142].

По мере роста населения и сокращения свободных земель усиливается влияние общины в вопросах крестьянского землевладения. Кроме того, роль общинных институтов возрастает из-за усиления фискального давления на крестьян, и особенно ярко это проявляется после введения крепостного права в 1649 г. Все это постепенно вело к формированию передельной общины, то есть ситуации, когда община решает вопросы, связанные с распределением земли. Считается, что передельная община начинает складываться в XVI–XVII вв. и достигнет своего пика в послепетровское время [Алаев, 2014], когда основным налогом становится подушная подать. Одной из важнейших функций передельной общины была ответственность за сбор и выплату налогов. Передельные общины, по мере их распространения, будут характерны и для государственных крестьян, и для крепостных.

## Эволюция прав собственности на землю непривилегированных сословий Российской империи

В рассматриваемый в статье период (XVII в. – 1917 г.) в зависимости от того, на каком этапе развития находилось земельное право, землей могли владеть и/или распоряжаться и/или пользоваться крестьяне, бояре, дворяне, однодворцы, казаки, купцы, мещане, крестьянские общины, монастыри, государство, императорская семья, города, различные юридические лица (банки), иностранцы. За исследуемый период прослеживается сначала тенденция к формированию монополии дворян на владение землей, а затем постепенно шел процесс расширения прав владения землей для других сословий. В частности, в 1905 г. 39,1% земли принадлежал государству, церкви и другим учреждениям, 35,1% – крестьянским общинам (надельные земли), оставшиеся 25,8% на праве частной собственности (то есть обладая правом владеть, распоряжаться и пользоваться) [Статистика землевладения..., 1907. С. 11] принадлежали нескольким категориям владельцев (табл. 1).

**Таблица 1. Частная земельная собственность в 47 губерниях Европейской России в 1905 г. (без Прибалтики)**

<b>Владельцы</b>	<b>Владений</b>	<b>Земли (дес.)</b>
Дворяне, чиновники, офицеры	105739	49768169
Духовенство	9813	334590
Купцы и почетные граждане	22815	12806150
Мещане	84809	377809
Крестьяне лично	490356	13208526
Крестьянские общества	17646	3729044
Крестьянские товарищества	53016	7634006
Иные общества	281	166544
Торгово-промышленные и другие	3576	4223249
Иностранные подданные	861	320892
Прочие	22954	1742341

**Источник.** [Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 12–15].

### **Основные термины, используемые в статье**

*Черные/тягловые/невладельческие земли* – государственные земли, с которых платились налоги и отбывались повинности в пользу государства.

*Черносошные крестьяне* – крестьяне, живущие на государственных землях и уплачивающие налоги государству.

*Дворцовые/удельные земли* – земли, принадлежащие членам царской/императорской семьи; налоги с этих земель составляли их личный доход.

*Дворцовые земли/удельные крестьяне* – крестьяне, живущие на землях, принадлежащих членам царской/императорской семьи и уплачивающие налоги в их пользу; по статусу были близки к государственным крестьянам.

*Владельческие/белые земли* – земли, которые находились во владении у бояр, дворян или церкви (монастырей), налоги с этих земель платились только их владельцам.

*Обелять землю* – продавать ее представителям тех сословий, которые не платят налоги государству.

*Беломестцы* – владельцы земель, с которых не платились налоги, чаще всего представители церкви.

*Владельческие крестьяне* – крестьяне, живущие на землях, которые находились во владении у бояр, дворян; крестьян, живущих на землях монастырей (до секуляризации монастырских земель), называли либо владельческими, либо *беломестными*.

*Однородворцы* – сословная группа в Российской империи в нач. XVIII – сер. XIX вв., сформированная главным образом из потомков служилых людей XVII в. Они были лично свободными, могли иметь крепостных.

*Надельное землевладение* – система крестьянского владения землёй во 2-й половине XIX – начале XX вв. Образовалась в результате осуществления крестьянской реформы 1861 г. и реформы государственных и удельных крестьян. Община наделяла земель крестьянское домохозяйство в соответствии с его трудовыми возможностями; крестьяне не имели права надельную землю продавать, закладывать, дарить.

### **Развитие прав собственности на землю с XVII в. до 1861 г.**

Государство старалось ограничить право частной собственности на землю для крестьян, начиная с XVII в., пытаясь предотвратить сужение налоговой базы путем перехода черных земель, то есть земель, с которых платились налоги, в руки представителей социальных групп, которые по разным причинам могли этого не делать [Ключевский, 1988]. Так, Указом от 18 марта 1636 г. Михаил Федорович запретил отчуждение «дворов, дворовых и огородных мест, лежащих в Белом каменном городе и за городом», а 17 октября того же года запретил продажу земель «иностранцам, подьячим и иным всяких чинов мелким людям» [Курдиновский, 1899. С. 291–293].

Соборное уложение 1649 г., прикрепившее к земле помимо владельческих (крепостных) крестьян, также дворцовых и черносошных, практически никак не затронуло права собственности на землю для последних. Как и раньше, отчуждать свою землю они могли лишь при условии, что новый владелец будет продолжать выполнять все податные обязательства. На протяжении всего XVII в. прослеживается тенденция к удержанию черносошных крестьян на их тяглых землях. В 1624, 1646, 1651, 1690 гг. издавались указы и распоряжения, запрещавшие им отчуждать земли помещикам и беломестцам [Швейковская, 1993]. Несмотря на изданные законы, практика отчуждения земли продолжалась. Помещики и беломестцы находили способы выкупать или получать землю у черносошных крестьян, используя экономическое давление, долговую зависимость или административные рычаги. Это требовало повторного закрепления запретов. Кроме того, государственная власть была вынуждена лавировать между интересами крупных землевладельцев и необходимостью сохранить устойчивую налоговую базу, формируемую черносошными крестьянами. Это приводило к периодическим колебаниям в политике: запреты могли ослабляться, а затем вновь ужесточаться. При этом Соборное уложение не вдавалось в подробные регулирования всех аспектов землевладения. Вопросы, касающиеся черносошных земель, регулировались лишь частично, а практика требовала дополнительных уточнений. К тому же реализация уложения на местах часто сталкивалась с саботажем или недостатком административных ресурсов.

Тренд на ограничение крестьянских прав по распоряжению землей ненадолго изменил лишь Петр I. Его указы, по сути, предполагали, что крестьяне могут распоряжаться землей как полноценные собственники. Например, Указ от 15 июня 1700 г. гласит: «Во всех Московских слободах тяглецам тяглые дворы свои продавать и закладывать и за иски отдавать беломестцам всяких чинов людям всем вольно, а оброк с тех дворов беломестцам же платить по договору с тяглецы тое слободы... против платежей прошлых последних годов»<sup>1</sup>. Еще одним примером того, что Петр I не считал необходимым ограничивать права собственности крестьян, был закон, по которому «доносители на дворян имели право на имущество и деревни виновных независимо от своей сословной принадлежности»<sup>2</sup> (при Екатерине II закон будет изменен, и доносители будут получать лишь денежное вознаграждение<sup>3</sup>).

Однако за этим небольшим исключением тенденция на ограничение прав крестьян на распоряжение земельной собственностью, начавшаяся задолго до петровских реформ, со временем лишь усиливалась (в том числе и правилами взимания подушной подати), и в целом в течение XVII–XVIII вв. практика землевладения развивалась в сторону ликвидации личной собственности на землю у крестьян [Розинская, 2023].

Основными принципами, которые долгое время после Петра I будут составлять основу земельной политики российского государства в отношении крестьян и ряда других податных сословий, были: неотчуждаемость участка (невозможность продажи, дарения); уравнительное землепользование (участки выделялись соразмерно с повинностями); обеспечение запаса земель для будущего прироста населения (государство предполагало расчистку лесов и освоение невозделываемых земель для выделения участков вновь появляющимся крестьянским семьям/хозяйствам, чтобы они могли полностью выполнять налоговые повинности) и др. меры, призванные обеспечить наполнение казны.

При Петре эти принципы использовались в процессе наделения землей ямщиков, инородцев (калмыков – в 1717 г.), некоторых разрядов государственных крестьян. В частности, Указом 1712 г. о заселении Ингерманландии был четко определен надел земли для каждого крестьянина, необходимый для исполнения государственных повинностей [Якушкин, 1890].

На протяжении еще нескольких десятилетий после правления Петра I сохраняются случаи покупки земли крестьянами [Ибрагимов, 2008. С. 114.]. Но постепенно эта практика исчезает, так как покупка земли становится привилегией дворянства. По сути, уже Соборное уложение 1649 г. ограничивает право крестьян на покупку земель. Хотя в нем нет прямого запрета черносошным крестьянам покупать земли или распоряжаться землей, которую они обрабатывали, это вытекает из их общего статуса и природы собственности на их землю: наделы черносошных крестьян считались казенными, и распоряжение ими регулировалось государством. При наличии денег и желания эти ограничения можно было обойти, именно поэтому практика

---

<sup>1</sup> Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), т. 4, № 1798. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

<sup>2</sup> ПСЗРИ, т. 5, № 2845. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

<sup>3</sup> ПСЗРИ, т. 17, № 12178. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

покупки земли еще какое-то время сохранялась, но сходила на нет по мере того, как государство совершенствовало регулирование и контроль на местах.

Кроме того, иногда для отдельных групп делались официальные исключения. Так, Елизавета Петровна, ссылаясь на Указ 1725 г., разрешила осуществление купли-продажи земельных участков Устюжской провинции между посадскими и черносошными крестьянами, чтобы избежать «...опустошения земель от разброду черносошных крестьян...»<sup>4</sup>.

Однако такого рода исключения возможны были только для юридически свободных (государственных) крестьян. Крепостные, хотя и могли вступать в земельные отношения, юридически это никак не могло быть оформлено, потому что они не являлись субъектами права. Вся их собственность записывалась на помещика, и дальнейшее ее использование могло реализовываться только с его разрешения.

В целом, созданная к концу XVIII в. институциональная система способствовала укреплению дворянских прав собственности на землю. Немалую роль в этом процессе сыграло начатое при Елизавете Петровне межевание земель, но основной вклад внес изданный Петром III «Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 г., которым дворянство было освобождено от обязанности нести государственную службу, а его права на владение землей значительно расширились, хотя о появлении полноценной частной собственности на землю говорить нельзя, так как обладание земельным участком было обременено рядом обязательств перед государством и крестьянами.

Права собственности на землю других сословий в этот период продолжают ограничиваться. Так, Указ от 4 мая 1768 г. «О несовершении купчих крепостей на продажу недвижимых имений черносошными крестьянами» подтверждает запрет, прописанный в инструкции Межевой Канцелярии, государственным крестьянам и купцам на продажу земельных участков<sup>5</sup>. Изданная 21 апреля 1781 г. «Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства» окончательно закрепила исключительное право дворян на личное владение землей<sup>6</sup>.

Таким образом, в течение XVIII в. сложилась система, при которой земля принадлежала либо государству, либо дворянству. Монастырские земли были секуляризованы Екатериной II, то есть переведены в статус государственных. Крепостные крестьяне обрабатывали дворянскую землю, государственные – государственную, и это было четко зафиксировано в «Инструкции Межевым Губернским Канцеляриям и Провинциальным Конторам»<sup>7</sup>. При этом, хотя юридическими владельцами дворянской земли были помещики, право распределения земельных наделов среди крестьян (в том числе – периодического перераспределения, выделения участков новым членам и пр.) было у общины. В европейской части России переделная община формируется в XVI–XVII вв.

<sup>4</sup> ПСЗРИ Указ от 23 марта 1753 г. № 10082. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

<sup>5</sup> ПСЗРИ Указ от 4 мая 1768 г. № 13114. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

<sup>6</sup> ПСЗРИ Указ от 21 апреля 1781 г. № 16187. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

<sup>7</sup> ПСЗРИ Указ от 25 мая 1766 г. № 12659. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

Помещики вопросами перераспределения наделов не занимались, но при продаже земли она переходила к новому собственнику вместе с прикрепленными к ней крестьянами. У крепостных крестьян размер участка чаще всего определялся в соответствии с налогами, у государственных (казенных) – в соответствии с количеством душ в хозяйстве.

Для того чтобы исключить сосредоточение наиболее плодородных или «худых» участков в одних руках, с определенной периодичностью происходили переделы земли внутри общины (передача ее в другие руки), поддерживаемые и поощряемые государством. Размер подушной подати был фиксированным и не зависел от производительности. Поэтому государство следило лишь за тем, чтобы каждый плательщик имел необходимое количество земли для исполнения налоговых обязательств, но не было заинтересовано в увеличении количества земли у отдельных из них.

В сенатском Указе 1800 г. «О переселении казенных крестьян...» предписывалось: «... ежели, где у казенных крестьян земли недостаточно, а у других находится излишек... учинить между ними полезное уравнение... соблюсти по крайней возможности такое правило, чтобы всякий из поселян казенных, будучи одинаково повинностью обязан, одинаковые ж со стороны земляного пространства и почвы имел выгоды»<sup>8</sup>.

Однако уже в следующем году было положено начало кардинальным изменениям сложившейся системы прав собственности на землю: 12 декабря 1801 г., в день рождения императора, обнародован был указ, предоставлявший лицам всех свободных состояний приобретать вне городов в собственность недвижимые имущества без крестьян; этим правом могли воспользоваться купцы, мещане, казенные крестьяне. Закон 12 декабря разрушил вековую землевладельческую монополию дворянства, которое одно пользовалось правом приобретать землю в личную собственность. Ободренные этим первым начинанием, некоторые свободомыслящие помещики изъявили желание, вступая в соглашение со своими крепостными крестьянами, освобождать их на волю целыми селениями. До этого времени не существовало закона о таком массовом освобождении крестьян. Так, воронежский помещик Петрово-Соловово заключил сделку с 5001 душой своих крестьян, предоставив им в собственность земли, которые они обрабатывали, с условием выплатить ему в 19 лет 1 1/2 млн руб. Сын екатерининского фельдмаршала граф Сергей Румянцев задумал отпустить на волю 199 душ своих крестьян с землей по добровольному соглашению с ними, но при этом он представил правительству проект общего закона о сделках помещиков с крепостными крестьянами. Правительство приняло этот проект, и 20 февраля 1803 г. издан был указ о свободных хлебопашцах: помещики могли вступать в соглашение со своими крестьянами, освобождая их непременно с землей целыми селениями или отдельными семьями. Эти освобожденные крестьяне, не записываясь в другие состояния, образовали особый класс «свободных хлебопашцев» [Ключевский, 1989. С. 196–197].

До закона 1801 г. среди податного населения некое подобие права частной собственности на землю было у однодворцев, которых в начале XIX в.

---

<sup>8</sup> ПСЗРИ Указ от 30 июля 1800 № 19500. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

насчитывалось примерно 1 млн человек. Однодворцы владели землей на так называемом «четвертном праве», которое позволяло им передавать свою землю по наследству, но запрещало продавать. В дальнейшем (1831 г.) эти права были конкретизированы и закреплены специальным Указом «О землях, какие могут однодворцы продавать или передавать в частные владения»<sup>9</sup>.

Важной вехой в развитии земельных отношений стал 1827 г., когда был принят закон, предписывающий переход в казенное заведование имений, в которых оставалось после продажи или залога земли менее 4,5 десятин на крестьянскую душу. Соответственно, и крестьяне таких имений переходили в статус государственных<sup>10</sup>. Так впервые был законодательно установлен минимум крестьянского надела и для крепостных крестьян, за которых помещик нес ответственность. Это был первый важный закон, которым правительство наложило руку на дворянское право душевладения [Ключевский, 1989. С. 253].

Следующим важным этапом была реформа П.Д. Киселёва (1837–1841 гг.), касавшаяся государственных крестьян, которых в тот период насчитывалось 16–17 млн, не считая дворцовых [там же]. Для наделения землей малоземельных и безземельных крестьян в целях повышения их благосостояния<sup>11</sup> было организовано масштабное переселение из центра на пустынные окраины. С точки зрения развития земельного права радикальной новацией реформы было разрешение крестьянам создавать нераздельные наследственные участки.

В Указе «О наделении государственных крестьян семейными участками земли» (1846 г.) писалось, что «...одна из главных причин бедности государственных крестьян в Великороссийских губерниях, есть ныне существующий порядок пользования землями и разделение оных... сии причины рождают в земледельцах беспечность и равнодушие, которые не иначе могут быть отвращены, как изменением нынешнего душевого надела земель и переходом к устройству семейных наследственных участков, которые бы не переделялись, не были раздробляемы и переходили от отца к сыну, внуку и т.д.»<sup>12</sup>.

В результате государственные крестьяне получили в наследственное владение почти 3 млн десятин земли. По отношению к удельным крестьянам правительство пошло еще дальше: им было разрешено приобретать землю в полную собственность.

В том же 1846 г. вышел Указ, который предоставлял крепостным крестьянам право выкупаться на свободу вместе с землей, если поместье, к которому они были приписаны, продавалось за долги с торгов. Более того, Указ 1847 г. дал крестьянской общине, приписанной к такому поместью, первоочередное право купить его целиком<sup>13</sup>. Как отмечает В.О. Ключевский, крепостные были вполне готовы к этому и действительно стали скупать поместья одно за другим [Ключевский, 1989]. Еще через год (1848 г.) право покупки поместья было распространено

<sup>9</sup> ПСЗРИ, от 29 апреля 1831 г., № 4524. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

<sup>10</sup> ПСЗРИ, от 15 февраля 1827, № 906.

<sup>11</sup> ПСЗ, от 29 декабря 1837, № 10834. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

<sup>12</sup> ПСЗ, от 9 декабря 1846, № 20684. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

<sup>13</sup> ПСЗРИ, от 8 ноября 1847, № 21689. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

## Эволюция прав собственности на землю непривилегированных сословий Российской империи

на каждого крепостного в отдельности: вышел Указ «О предоставлении крестьянам помещичьим и крепостным людям покупать и приобретать в собственность земли, дома, лавки и недвижимые имущества», дающий уже крепостным крестьянам право, правда, с согласия помещика, приобретать в частную собственность земли и любую недвижимость<sup>14</sup>.

Таким образом, спустя 47 лет после Указа 1801 г., разрешившего государственным крестьянам покупать землю, крепостные тоже получили такое право. Однако значительных институциональных последствий этот закон не имел, так как помещик мог в любой момент отобрать имущество своих крепостных, а те не имели права подавать иски против дворян<sup>15</sup>.

Законы 1846–1848 гг. во многом стали возможны благодаря Указу 1842 г. об обязанных крестьянах<sup>16</sup>. Он не относился напрямую к развитию прав собственности на землю и регулировал отношения между помещиком и его крепостными. Тем не менее, как отметил В.О. Ключевский, данный закон юридически закреплял тот факт, что крестьяне не являются собственностью помещика [Ключевский, 1989].

К моменту реформы 1861 г., несмотря на то, что дворянская монополия на право частной собственности на землю была разрушена, для всех остальных сословий права на землю оставались в той или иной степени ограниченными.

### Эволюция прав собственности на землю после 1861 г.

Великая реформа Александра II по отмене крепостного права знаменовала собой принципиальное изменение социально-экономической, институциональной и частично политической систем. Это было не просто личное освобождение части крестьян из-под власти помещиков. Получивших свободу людей нужно было обеспечить средствами существования, что было возможно только при выделении им определенного количества земли; при этом не должны были слишком пострадать доходы дворянства в краткосрочной перспективе. Кроме того, необходимо было создать институты, выполняющие те функции, которые раньше были обязанностью помещиков – административные, налоговые, финансовые, военные, судебные.

Передача прав на землю регулировалась Положением «О выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению ими крестьянами в собственность полевых угодий».

В соответствии с Положением крестьяне получили личную свободу. Земля передавалась им небезвозмездно. Сумма выкупа определялась по соглашению между помещиком и крестьянами, но с участием государства. Государство сразу выплачивало помещику 80% этой суммы, а крестьяне погашали этот долг государству в течение 49 лет в виде ежегодных «выкупных платежей». Оставшиеся 20% крестьяне должны были выплатить помещику самостоятельно. Этот срок формально не ограничивался, но до погашения этой части выкупа крестьяне оставались «временнообязанными»

<sup>14</sup> ПСЗРИ, от 03 марта 1848, № 22042. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

<sup>15</sup> Сборник документов по истории СССР. Первая половина XIX века. М., 1974. С. 81–82.

<sup>16</sup> Обязанные – бывшие крепостные крестьяне, перешедшие на договорные отношения с помещиками.

и должны были выполнять повинности (платить оброк или отработать барщину) в пользу помещика. Земля передавалась в общинную собственность, а затем перераспределялась между крестьянскими хозяйствами. Государство контролировало, чтобы земля оставалась в распоряжении общины и не отчуждалась без её согласия.

С точки зрения прав собственности на землю, дворянство скорее приобрело, чем потеряло: теперь его владение землей не было связано с какими-либо обязательствами по отношению к государству, с одной стороны, и к крестьянам – с другой. А вот у крестьян полноценных прав собственности на землю не появилось, за исключением отдельных случаев, когда они могли выкупить участки, которые не принадлежали общине; это могли быть государственные или помещичьи земли, которые выставлялись на продажу. Государство не готово было принципиально менять существовавшую систему общинного наделного землевладения.

Главной задачей правительства было сохранение крестьянства как социального слоя, так как крестьянские хозяйства были главными налогоплательщиками, давали около половины продукции аграрного сектора, составляли основу рабочей силы для обработки помещичьих земель. С этой целью было принято решение оставить общинную или подворную<sup>17</sup> форму собственности, которая бы обеспечивала быт крестьян. В преобладающем числе случаев это были общины.

Если ранее община была неформальным институтом самоуправления, действовавшим на основе обычного права, то реформа 1861 г. формализовала ее статус и расширила права, сделав собственником земли и возложив на нее ответственность за уплату налогов и выкупных платежей за землю. Общинному собранию был предоставлен юридический контроль за доступом к ресурсам коллективной собственности, распределением финансовых обязательств, оно же давало разрешение на работу вне деревни и выход из общины. Согласно закону, не только продажа земли посторонним лицам была практически запрещена, но и передача долей внутри общины должна была быть одобрена общинным собранием [Nafziger, 2010]. Кроме того, доля в общине не могла передаваться по наследству.

Тот факт, что земля оказалась в собственности общины, и община была главным распорядителем земли, накладывал серьезные ограничения на деятельность крестьянина, связанные со способом хозяйствования и его мобильность.

Отметим, что в Положении все же был предусмотрен механизм превращения общинных земель в частную собственность. После полного выкупа надела (законодательно был установлен срок платежей в 49 лет, равными долями, но согласно ст. 165 допускалось и досрочное погашение) община должна была выделить крестьянину его землю, которой он после этого имел право свободно распоряжаться<sup>18</sup>. На практике реализация этого права была сильно ограничена экономическими и социальными

---

<sup>17</sup> Подворная форма собственности на землю представляла собой ограниченную частную собственность – земля передавалась по наследству и могла быть продана, но только другим лицам крестьянского сословия, при этом не могла быть передана в залог. В 1905 г. в Европейской России 2,8 млн крестьянских дворов (около 4% от всех крестьянских дворов) имели 23,0 млн десятин наделной земли в подворном владении [Леонтович, 1995. С. 169].

<sup>18</sup> ПСЗРИ. № 36659, Собрание второе. Т. 36, Ч. 1. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

факторами, что делало эту возможность доступной лишь для небольшого числа крестьян, а в 1893 г. эта статья будет фактически отменена.

Еще до манифеста 1861 г. началось освобождение *удельных* крестьян. Указом от 20 июня 1858 г. последним даются права приобретения земель и отчуждения купленных участков, пользования лесами. Также им было разрешено лично, а не через чиновников, ходатайствовать в судебных и правительственных местах, переходить в другие сословия, составлять духовные завещания<sup>19</sup>. То есть указ уравнил их в личных правах и административном устройстве с крестьянами государственными. Окончательное освобождение удельных крестьян произойдет в 1863 г., а в 1866 г. Положение 19 февраля 1861 г. распространится и на крестьян государственных. При этом земли, на которых работали государственные крестьяне, также перешли в общинную собственность.

Таким образом, все категории крестьянского населения в России должны были получить одинаковое административное устройство, а также гражданские права, и вместе с тем значительные категории крестьян получали поземельное устройство гораздо более выгодное, чем то, которое по Положению 1861 г. выпало на долю бывших помещичьих крестьян [Корнилов, 1993. С. 273–274].

Однако в 1880-х произошел новый поворот в земельной политике Российской империи. Если законодательство 1860-х гг. предполагало, что постепенно права крестьян на землю будут расширяться и ограничения, связанные с общинной формой собственности, сокращаться, то в 1880-х некоторые существенные положения о землепользовании крестьян были пересмотрены не в их пользу.

Прежде всего, это было связано с тем, что в последней четверти XIX в. российское государство столкнулось с измельчанием крестьянских наделов – из-за ускорившегося роста населения приходилось дробить общинную землю между все большим числом членов (табл. 1). Уменьшились размеры не только «индивидуальных», но и наделов, приходящихся на каждый крестьянский двор, число которых тоже росло. Если в 1877 г. в Европейской России было 8,5 млн дворов, то в 1905 г. уже 12,0 млн, а к 1916 г. их количество достигло 13,5 млн [Рашин, 1956].

Для решения этой проблемы и в связи с обострившейся внутрисполитической ситуацией был принят ряд законов, направленных, с одной стороны, на облегчение положения крестьян, а с другой – на ужесточение системы землевладения для демонстрации того, что «черного передела» не будет. Так, в 1881 г. были понижены выкупные платежи, чтобы приблизить момент перехода земли в личную собственность крестьян. В этой же логике был принят закон 1883 г., по которому все крестьяне переводились на выкуп (ранее они могли оставаться временнообязанными и платить повинности в пользу помещика). Для государственных крестьян эта норма была введена в 1886 г. Однако в соответствии с этим законом до тех пор, пока не будет выплачена вся сумма, право собственности на надел повсеместно перешло к сельскому обществу и в общинных, и в подворных селениях [Забоевкова, 2013].

---

<sup>19</sup> ПСЗРИ. № 33326, Собрание второе. Т. 33. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php)

**Таблица 1. Средний надел на 1 душу мужского пола крестьян по районам европейской части России в 1860–1900 гг., десятин**

Район	1860	1880	1900
Северный	7,6	6,1	4,7
Северо-восточный	8,1	6,1	4,6
Восточный	9,5	6,5	4,8
Средневолжский	4,0	3,1	2,4
Юго-Восточный	8,4	5,2	3,5
Среднеземледельческий (юго-восточная группа)	4,1	3,1	2,2
Среднеземледельческий (юго-западная группа)	3,0	2,2	1,7
Среднепромышленный	4,0	3,3	2,6
Прибалтийский	3,7	2,9	2,4
Северо-Западный	5,0	3,3	2,2
Юго-Западный	2,9	2,1	1,4
Малороссийский	3,3	2,5	1,7
Новороссийский	6,2	4,0	2,5
По 50 губ. Европейской России	4,8	3,5	2,6

**Источник.** [Рубакин, 1912].

В 1883–1885 гг. отменяется подушная подать, у крестьян остаются выкупные платежи, поземельный налог, а также местные и косвенные налоги. Однако последующие законы усилили ограничения, связанные с крестьянским землепользованием, со стороны общины. Закон от 18 марта 1886 г. запретил семейные разделы (участок, который крестьянин получил в 1861 г. (по реформе), теперь оставался неприкосновенным и не мог быть разделен между детьми; выросшие дети, чтобы отделиться от родителей, должны были или купить себе землю, или уехать в другой регион (Сибирь) или в город). Закон от 8 июня 1893 г. запретил частные (в рамках семьи) переделы, а частоту общих (в рамках общины) ограничил сроком в 12 лет. Закон от 14 декабря 1893 г. ограничил право крестьян на распоряжение досрочно выкупленным наделом: запретил закладывать надельные земли и ограничил их продажу и сдачу в аренду пределами своей общины (то есть фактически была отменена ст. 165 «Положения о выкупе» 1861 г.). Кроме того, был подчеркнут сословный характер крестьянского землевладения, так как этот закон запрещал продавать надельные земли лицам других сословий.

При этом задачей государства было стабилизировать размер надела на домохозяйство, а не число дворов. Наделы перестали дробиться, но из-за роста населения количество земли на мужскую душу начало сокращаться.

Основные цели новой крестьянской земельной политики 1880-х хорошо прослеживаются по материалам судебной практики. В одном из исследований приводятся интересные примеры разрешения споров между крестьянами в период 1896–1907 гг. [Жарова, Савельева, 2013]. Из постановлений судов можно увидеть, что, во-первых, механизм наследования де-факто препятствует накоплению крестьянскими домохозяйствами земли (выморочный надел переходит общине); во-вторых, для судебных органов оказывается очень важен критерий нуждаемости: дом может достаться родственнику, только если он нуждается. В этих установлениях ярко видны черты общины как уравнительного института, нацеленного на социальную поддержку крестьян.

Однако попытки правительства решить проблему измелчания наделов усилением роли общины и ограничением прав собственности на землю не приводят к успехам. В 1902 г. нарастают крестьянские волнения, и в 1903-м правительство принимает закон об отмене круговой поруки. Теперь ответственность за выплату налогов лежала не на общине, которая распределяла налоговое бремя в соответствии с возможностями домохозяйств, а на каждом домохозяйстве отдельно. Это сильно ослабило власть общины и способствовало процессу ее разложения, несмотря на то, что практически одновременно (с разницей в один день) был принят закон о неприкосновенности общинного землевладения.

Еще одним шагом к разрушению общины могла бы стать отмена выкупных платежей (Манифест от 3 ноября 1905 г. фактически списывал остатки задолженности по выкупным платежам, остававшиеся по состоянию на конец 1906 г.), так как в соответствии с Положением 1861 г., по окончании выкупной операции крестьяне имели право выйти из общины со своей землей. Но реализовать это право на практике было невозможно, так как отсутствовал юридически прописанный механизм выхода из общины и выделения земли в собственность домохозяйств.

Эту проблему должна была разрешить Аграрная реформа П.А. Столыпина. Ее стратегической целью была интеграция крестьян в рыночную экономику, которая, как известно, базируется на институте частной собственности. В 1906 г. был издан ряд указов, четко определявший процедуры укрепления земли в собственности, формы собственности на землю, правила выхода из общины, разрешения споров и т.д. Для претворения нововведений в жизнь и проведения землеустроительных работ были выделены специалисты. Желавшие крестьяне могли оформить обрабатываемую землю в личную собственность и выйти из общины, полностью избавившись от ограничений. Для решения проблемы малоземелья было организовано масштабное переселение крестьян из центральных регионов в Сибирь.

Однако некоторые исследователи полагают, что Столыпинская реформа так и не привела к разрушению общинного землевладения и появлению полноценной частной собственности на землю у крестьян. В законодательных актах, регулирующих реформу, говорится о «*личной собственности*», притом что юридические теория и практика того периода были хорошо знакомы с понятием «*частная собственность*». Выбор формулировки не был случайностью или небрежностью, так как «...личная наделная собственность, заменявшая коллективную собственность общества и семейную собственность двора, имела особый юридический статус

и не обладала признаками частной собственности по двум основаниям. Во-первых, сохранилась сословная принадлежность наделной земли с присущими ей ограничениями. Во-вторых, укрепление в собственность было лишь юридической операцией. Ограничивалось право пользования, владения и распоряжения укрепленными участками до выдела» [Забоенкова, 2013]. Таким образом, термин «личная» собственность употреблялся, прежде всего, как противопоставление семейной или общинной собственности, подчеркивался индивидуальный аспект владения.

Еще одной проблемой земельных отношений, которую не удалось до конца разрешить в ходе реформы, был раздел и определение статуса непахотных земель (угодий). Сюда относились леса, луга, пастбища и пр., которые представляли собой места коллективного пользования и находились в собственности общины. И крестьяне имели право пользоваться долей в ней и после выкупа «своего» надела пахотной земли по Указу 1906 г. «Юридическая судьба угодий ставит вопрос о степени разрушения общины в ходе реформы. Угодья сохранялись в собственности общества, притом, что отдельные крестьяне укрепляли в личную собственность участки пахотной земли. Это ставит под сомнение устоявшиеся данные о разрушении общины, которые учитывают только результаты укрепления наделов в собственность» [Забоенкова, 2013].

Отметим, что у крестьян все-таки была возможность иметь землю в частной собственности. Например, за счет покупки участка в дополнение к полученному в личную собственность наделу. Можно было также объединиться в товарищество и совместно выкупить большой участок (в расчете на десятину земли это обходилось дешевле). Такая земля считалась собственностью товарищества и по статусу была максимально приближена к частной (с точки зрения владения, распоряжения и пр.). Наконец, по Указу 1911 г. допускалось придание статуса частновладельческих тем отрубным владениям, которые были образованы при совместном разверстании наделных и вненаделных земель.

Таким образом, крестьянам принадлежала земля с различными правовыми механизмами владения, пользования и распоряжения: неограниченная частная собственность в отношении купленной земли; обусловленная рядом ограничений личная собственность на наделную землю. Дополнительно крестьянин обладал неким пучком прав в отношении лугов, лесных угодий и пр., принадлежащих общине. То есть даже после Столыпинской реформы не было четких прав собственности на землю.

## **Заключение**

На основании изложенного можно сделать вывод, что в продолжение всего рассматриваемого периода российское государство по отношению к крестьянскому и другим непривилегированным сословиям поддерживало и укрепляло такие права на землю, как владение (сначала коллективное, потом индивидуальное) и использование, но старалось ограничивать право распоряжения (табл. 2). Это было связано со стремлением сохранить стабильность социально-экономической системы и не допустить перераспределения ресурсов и роста неравенства [Rozinskaya et al., 2021].

Эволюция прав собственности на землю непривилегированных сословий  
Российской империи

Таблица 2. Основные этапы эволюции земельных прав  
для податных сословий

Этап	Год	Закон
1.	1624, 1636, 1646	Законы, ограничивающие права крестьян на продажу земли тем, кто не платил земельные налоги (беломестцы, помещики)
2.	1649	Соборное уложение закладывает основы для лишения помещичьих крестьян правосубъектности. Права на землю для черносошных крестьян не изменились
3.	1700	Разрешение черносошным крестьянам продавать землю без ограничений
4.	1752	Манифест Императрицы Елизаветы Петровны о Валовом (Генеральном) межевании – начало регулярного межевания земель
5.	1762	«Манифест о вольности дворянства» – расширение прав дворян на земельную собственность
6.	1760-е	Законы, запрещающие государственным крестьянам и купцам совершать сделки с землей
7.	1781	«Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» – окончательное установление дворянской монополии на частное владение землей (с юридической точки зрения это землевладение не было частным, так как оно было обусловлено рядом обязательств: помещик был ответственен перед государством за сбор налогов, поддержание административного порядка и др.)
8.	1801	Появление права частной собственности на землю для купцов, мещан и государственных крестьян; разрушение дворянской монополии на частное владение землей (см. пункт выше)
9.	1837	В рамках реформы государственных крестьян у последних появляется право иметь наследственный нераздельный участок земли; удельным крестьянами дали право иметь землю на правах частной собственности
10.	1848	Появление права у крепостных крестьян покупать землю, но только с разрешения помещика
11.	1861	Отмена крепостного права – бывшие крепостные теперь могут покупать землю без разрешения помещика. Надельные земли должны быть выкуплены у помещика; после выкупа надельные земли остаются в собственности общины
12.	1906	В рамках Аграрной реформы Столыпина крестьяне получают право частной собственности на «укрепленную» землю с определенными ограничениями

Источник. Столыпин П.А. Программа реформ: док. и матер.: в 2 т. М., 2003. Т. 1.

При определенных обстоятельствах свободное распоряжение землей в рамках частной собственности могло бы способствовать развитию сельского хозяйства, но в рамках традиционного общества скорее вело к нарушению сложившегося уклада и негативным социальным последствиям, которых российское правительство до последнего пыталось избежать.

## Литература/ References

Алаев Л.Б. Чем была «русская община» и что такое «русская общинность» // История и современность. 2014. № 2. С. 46–72.

- Alaev, L.B. (2014). What was the “Russian community” and what is “Russian community”. *History and Modernity*. No. 2. Pp. 46–72. (In Russ.).
- Анисимов П.В., Савченко А.А. Генезис правового регулирования земельных отношений в Российской империи XIX- начала XX веков // *Философия права*. 2014. № 6 (67). С. 64–68.
- Anisimov, P.V., Savchenko, A.A. (2014). The genesis of legal regulation of land relations in the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries. *Philosophy of Law*. No. 6 (67). Pp. 64–68. (In Russ.).
- Жарова С.Н., Савельева В.Г. Сельская крестьянская община и судебные споры крестьян о землевладении на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право»*, 2013. Т. 13. № 4. С. 13–17.
- Zharova, S.N., Savel'eva, V.G. (2013). Rural peasant community and judicial disputes among peasants over land ownership at the turn of the 19th-20th centuries. *Bulletin of SUSU. The series “Law”*. Vol. 13. No. 4. Pp.13–17. (In Russ.).
- Забоенкова А.С. Правовое положение наделной земли в период аграрной реформы П.А. Столыпина // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2013. Вып. 6. С. 96–103.
- Zaboenkova, A.S. (2013). Legal status of allotment land during the period of agrarian reform by P.A. Stolypin. *Bulletin of the Baltic Federal University Named after I. Kant*. No. 6. Pp. 96–103. (In Russ.).
- Ибрагимов К.Х. Правовое регулирование земельных отношений в России (середина XVII–XVIII век) // *Дисс. на соиск. уч. степ. кандидата юридических наук*. М., 2008.
- Ibragimov, K.H. (2008). *Legal regulation of land relations in Russia (mid-17th-18th centuries.)* Diss. of Law Cand. Nauk. Moscow. (In Russ.).
- Ибрагимова П.А. Сословно-поземельные отношения в Дагестане во второй половине XIX–начале XX в. // *Грамота*. 2018. № 2(88). С. 26–30.
- Ibragimova, P.A. (2018). Estate-land relations in Dagestan in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Gramota*. No. 2(88). Pp. 26–30. (In Russ.).
- Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Курс русской истории. Ч. 3. М.: Мысль, 1988.
- Klyuchevsky, V.O. (1988). *Works in nine volumes. Course of Russian history*. Part 3. Moscow. Mysl. Publ. (In Russ.).
- Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Курс русской истории. Ч. 5. М.: Мысль, 1989.
- Klyuchevsky, V.O. (1989). *Works in nine volumes. Course of Russian history*. Part 5. Moscow. Mysl. Publ. (In Russ.).
- Кораблев Н.А. Проведение столыпинской аграрной реформы в Карелии: проблемы землеустройства // *Труды Карельского научного центра РАН*. № 4. 2012. С. 93–103.
- Korablev, N.A. (2012). Carrying out the Stolypin agrarian reform in Karelia: problems of land management. *Trudy Karel'skogo Nauchnogo Tsentra RAN*. No. 4. Pp. 93–103. (In Russ.).
- Корнилов А.А. Курс русской истории XIX века. М.: Высшая школа, 1993.
- Kornilov, A.A. (1993). *Course of Russian history of the 19th century*. Moscow. Higher School. (In Russ.).
- Кочнева И.В. Государственная политика в сфере земельных отношений в дореволюционный период: исторический аспект // *Вестник ЗабГУ*. 2014. № 07 (110). С. 83–93.
- Kochneva, I.V. (2014). State policy in the field of land relations in the pre-revolutionary period: historical aspect. *Vestnik ZabGU*. No. 07 (110). Pp. 83–93. (In Russ.).
- Курдиновский, В.И. К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России. Экономическая типография, 1899.
- Kurdinovskii, V.I. (1899). *On the doctrine of legal restrictions on property rights to real estate in Russia*. Ekonomicheskaya tipografiya. (In Russ.).

## Эволюция прав собственности на землю непривилегированных сословий Российской империи

- Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. М.: Русский путь, 1995. С. 169.  
Leontovich, V.V. (1995). *History of liberalism in Russia 1762–1914*. Moscow: Russian way.
- Плотская О.А. Обычно-правовое регулирование земельных отношений у коми (зырян) в период общинного владения землей // История государства и права. 2014. № 10. (Т. XCV). С. 1214–1220.
- Plotskaya, O.A. (2014). Customary legal regulation of land relations among the Komi (Zyryans) during the period of communal land ownership. *History of State and Law*. No.10, (T XCV), Pp.1214–1220. (In Russ.).
- Прокопович С.Н. Сколько в России земли и как мы ее используем. М., 1907.  
Prokhorovich, S.N. (1907). *How much land is there in Russia and how do we use it?* Moscow. (In Russ.).
- Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки под редакцией академика С.Г. Струмилина. М.: Государственное статистическое издательство, 1956.  
Rashin, A.G. (1956). *Population of Russia for 100 years (1813–1913) Statistical essays edited by academician S.G. Strumilin*. Moscow. Gosudarstvennoe Statisticheskoe Izdatel'stvo. (In Russ.).
- Розинская Н.А. Петровские реформы в аграрном секторе: достигнутые результаты и непреднамеренные последствия // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2023. № 58(2). С. 126–146.
- Rozinskaya, N.A. (2023). Peter's reforms in the agricultural sector: achieved results and unintended consequences. *Bulletin of the Moscow University*. Series 6. Economics. Moscow: Publishing House of the Moscow University. Vol. 58(2). Pp.126–146. (In Russ.).
- Рубакин Н.А. (1912). Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы: Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. Санкт-Петербург: изд-во «Вестник знания».
- Rubakin, N.A. (1912). *Russia in numbers. A country. People. Estates. Classes: Experience in statistical characterization of the estate and class composition of the population of the Russian state*. Sankt-Peterburg: Publ. «Vestnik znaniya». (In Russ.).
- Упоров И.В. Собственность на землю в России: правовое регулирование в IX–XVII веках // Economy and Business: Theory and Practice. Vol. 6–2 (112), 2024.
- Uporov, I.V. (2024). Land ownership in Russia: legal regulation in the 9th-17th centuries. *Economy and Business: Theory and Practice*. Vol. 6–2 (112). (In Russ.).
- Челинцев А.Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. М.: Новый агроном, 1928.  
Chelintsev, A.N. (1928). *Russian agriculture before the revolution*. Moscow: Novyy agronom. (In Russ.).
- Швейковская Е.Н. Государство и черносошные крестьяне России XVII в.: автореф. дис. ... доктора истор. наук: 07.00.02. 1993.
- Shvejkovskaya, E.N. (1993). *The state and state peasants of Russia in the 17th century.: avtoreferat dis. ... Dokt. Histor. Nauk: 07.00.02*. (In Russ.).
- Якушкин, В.Е. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. / Соч. В.Е. Якушкина. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. С. 98–120.
- Yakushkin, V.E. (1890). *Essays on the history of Russian land policy in the 18th and 19th centuries*. Soch. V.E. Yakushkina. Moscow: tip. A.I. Mamontova i K°. Pp. 98–120. (In Russ.).
- Jan Luiten van Zanden (1991). The First Green Revolution: The Growth of Production and Productivity in European Agriculture, 1870–1914. *The Economic History Review*, XLIV, 2. Pp. 215–239.
- Nafziger, S. (2010). Peasant communes and factor markets in late nineteenth-century Russia. *Explorations in Economic History*. No. 47. Pp. 381–402.

Rozinskaya, N., Sorokin, A., Artamonov, D. (2021). Peasants' inequality and stratification: evidence from pre-revolutionary Russia. *Scandinavian Economic History Review*. No. 69 (3). Pp. 253–277.

Статья поступила 09.04.2024

Статья принята к публикации 06.05.2024

**Для цитирования:** Розинская Н.А. Эволюция прав собственности на землю непривилегированных сословий Российской империи // ЭКО. 2025. № 1. С. 187–204. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–187–204

### Информация об авторе

Розинская Наталья Анатольевна (Москва) – кандидат экономических наук, доцент. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.  
E-mail: rozinskaya@econ.msu.ru; ORCID: 0000–0002–6907–0440

### Summary

*N.A. Rozinskaya*

#### **The Evolution of Land Ownership Rights of the Non-privileged Estates of the Russian Empire**

**Abstract.** The paper traces the evolution of land ownership rights for non-privileged estates of Russia from the XVII to the beginning of the XX century. It shows how the monopoly of the nobility on land ownership was initially established, and then gradually expanded the rights of land ownership for other estates. During the whole period the state supported and strengthened such rights of the peasantry and other non-privileged estates as ownership (first collective, then individual) and use, but tried to limit the right of disposal. This was due to the fact that the rights of ownership and use were seen as a pillar of stability of the socio-economic system, while the right to dispose of land led to redistribution of resources and ultimately to growing inequality. Under certain circumstances, this could contribute to development, but within the framework of traditional society it was more likely to lead to the disruption of the established way of life and corresponding negative social consequences, which the government sought to avoid.

**Keywords:** *property rights; private property; land ownership; land tenure; peasants; black-necked/state peasants*

**For citation:** Rozinskaya, N.A. (2025). The Evolution of Land Ownership Rights of the Non-privileged Estates of the Russian Empire. *ECO*. No. 1. Pp. 187–204. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–187–204

### Information about the author

*Rozinskaya, Natalia Anatolyevna* (Moscow) – Ph.D., Associate Professor. Moscow State University M.V. Lomonosov.  
E-mail: rozinskaya@econ.msu.ru; ORCID: 0000–0002–6907–0440

# Советские профсоюзы в 1930-е годы: формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

**В.И. Исаев**

УДК 331.105.441

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-205-219

**Аннотация.** Статья является продолжением ретроспективного анализа положения профсоюзов в советском обществе в начале XX века, начато автором в «ЭКО» № 4 за 2021 г. Рассматривается развитие советских профсоюзов в 1930-е гг. Прослеживаются изменения в их численности, охвате профсоюзным членством работающих на предприятиях и учреждениях СССР. Показано формирование профсоюзного актива, выделение слоя платных работников, составивших часть партийно-государственной номенклатуры. Отмечается постепенное отчуждение рядовых членов от профсоюзной элиты, наиболее ярко выразившееся в кризисных явлениях середины тридцатых годов. Сделаны выводы, что в течение исследуемого периода происходил процесс превращения профсоюзных организаций в подчиненную партийному аппарату часть государственного механизма СССР. Огосударствление профсоюзов привело к потере ими реальных возможностей выступать в качестве посредника между работником и работодателем в лице государства и утрате функции защиты интересов работников.

**Ключевые слова:** профсоюзы; советское государство; СССР; профсоюзный актив; платные работники профсоюзного аппарата; партийно-государственная номенклатура

## Введение

В российском обществе и в академической науке не утихают споры о причинах развала СССР и жизнеспособности советской модели общественного устройства. Одним из важнейших институтов организации и управления экономики и общественно-политической жизни в ту эпоху были профсоюзы. Изучение их эволюции в советской модели социализма поможет найти ответ на многие острые вопросы. В частности, понять, почему уровень жизни советских людей так значительно отставал от уровня жизни в развитых капиталистических странах, что и стало одной из ключевых причин разочарования в социализме. Развитию профсоюзного движения в 1920-е гг. посвящена была предыдущая статья автора в «ЭКО» [Исаев, 2021]. Здесь подробнее рассмотрим период 1930-х, ставший временем становления и утверждения того общественного устройства, которое с некоторыми изменениями, но не меняя сути, продолжало существовать и к концу XX века.

Цель статьи – рассмотреть развитие советских профсоюзов в 1930-е гг. с точки зрения изменений в их численности, положении в государстве и обществе, охвате работающих профсоюзным членством. Особое внимание уделено изменениям в структуре профсоюзного аппарата, формированию профсоюзной номенклатуры и взаимоотношениям ее с рабочими массами. В качестве источников использованы, прежде всего, документы и статистика профсоюзов, обобщенная в справочниках ВЦСПС, ЦСУ СССР, и другие материалы исследуемого периода.

## Новые ориентиры профсоюзов

На рубеже 1920–1930-х гг. большевистской партией был взят курс на радикальную перестройку экономических и социальных отношений, ускоренное строительство социализма. Победа сталинской линии в определении курса страны, ужесточение тоталитарных тенденций в развитии государства и общества в процессе перехода к строительству социализма обусловили серьезные изменения роли и места профсоюзов в общественно-политической системе СССР.

Задачи профсоюзов в условиях форсированной индустриализации и коллективизации стали предметом обсуждения на XVI съезде ВКП(б), проходившем с 26 июня по 13 июля 1930 г. Съезд в резолюции «О задачах профсоюзов в реконструктивный период» потребовал от профсоюзных организаций активного участия в работе государственного аппарата, в составлении хозяйственных планов, в выполнении заданий первой пятилетки, укреплении трудовой дисциплины, нормировании труда и заработной платы, подготовке специалистов<sup>1</sup>. Очевидно, что при таком подходе главными для профсоюзов становились вовсе не задачи защиты интересов работников от работодателя-государства, а задачи организации и совершенствования производственного процесса.

На съезде продолжилось разоблачение и осуждение «правого уклона» в партии, сторонники которого (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и М.П. Томский и их последователи) выступали против жесткой правительственной политики в отношении крестьянства (реквизиции продовольствия, насильственные хлебные займы, раскулачивание середняков и пр.), а в профсоюзном движении (М.П. Томский был председателем ВЦСПС с 2019 по 2029 гг.) на первый план выдвигали защитные функции. Перед профсоюзными организациями была поставлена задача очистить свои ряды от представителей «правооппортунистической» оппозиции. Однако ее выполнение осложнялось тем, что существование оппозиции в профсоюзах никоим образом не оформлялось и по большому счету почти не проявлялось, хотя среди рабочих уже шли разговоры о том, что профсоюзы слабо отстаивают их интересы. Поэтому критерии «очищения» профсоюзов могли оказаться совершенно надуманными и произвольными.

Свою лепту в продолжившуюся на съезде ВКП(б) критику «бухаринско-рыковской оппозиции», а также ее реальных, но в большей степени предполагаемых сторонников, внес новый лидер профсоюзов, первый секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник. Выступая на съезде, он заявил: «Оппортунистическая руководящая группа старого состава ВЦСПС не только не оказалась способной понять задачи в реконструктивный период и вытекающие из них задачи профдвижения, но и оказала сопротивление партии в перестройке работы профсоюзов и устранении их крупнейших недостатков» (Цит. по: [Носач, Зверева, 2007. С. 56]). Тезис о якобы имевшем место сопротивлении руководства ВЦСПС генеральной линии партии потребовался Швернику, чтобы подвести основания для чистки профсоюзного аппарата от работников, каким-либо образом связанных с Томским или даже замеченных в сочувствии прежнему руководителю ВЦСПС.

---

<sup>1</sup> КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 5. М., 1984. С. 171–184.

Советские профсоюзы в 1930-е годы:  
формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

Об основной функции профсоюзов – защите интересов трудящихся – в материалах партийного съезда практически нет упоминаний. На этом основании можно сделать вывод, что в ориентирах деятельности профсоюзов в 1930-е гг. по существу возрождался тот самый «хозяйственный уклон», который партия на словах осудила в середине предшествующего десятилетия, на XIV съезде ВКП(б), но фактически сама же поощряла [Лобок, 2007. С. 175–176].

Профсоюзы взяли курс на вовлечение в свои ряды всех работающих, но достичь стопроцентного охвата им долгое время не удавалось. В течение предыдущего десятилетия более весомый статус члена профсоюза в совокупности с некоторыми преференциями по сравнению с «неорганизованной» массой способствовал росту численности профсоюзов, поддержанию высокого охвата работающих профсоюзным членством. Однако в годы первой пятилетки резкое увеличение числа занятых в народном хозяйстве СССР, обусловленное развертыванием индустриализации, в сочетании с высокой текучестью кадров привели к существенному снижению охвата трудящихся профсоюзным членством. Если в 1928 г. в численности занятых на предприятиях и в учреждениях СССР члены профсоюзов составляли 91%<sup>2</sup>, то к 1931 г. вне профсоюзов оказалось более четверти работников.

По данным статистического сектора ВЦСПС на 1 апреля 1931 г., численность всех работников на предприятиях и в учреждениях СССР составляла 17 052 тыс. чел., но из них в профсоюзы входило только 12 531,4 тыс., или 73,5%. При этом общая численность профсоюзов достигала 13 562 тыс. чел., так как они включали большую часть учащихся профессиональных учебных заведений – от школ фабрично-заводского ученичества до техникумов и вузов<sup>3</sup>. К 1 октября 1931 г., согласно информации ЦСУ СССР, охват работающих профсоюзным членством еще сильнее снизился и находился на уровне 69,7%<sup>4</sup>. Однако к концу 1932 г. доля членов профсоюзов среди трудящихся увеличилась до 74%: из 22 598 тыс. занятых в народном хозяйстве в профсоюзах состояло 16 691 тыс. чел.<sup>5</sup>

Разница между членами профсоюзов и «неорганизованными» работниками не должна была быть существенной. Согласно общим принципам профсоюзного движения, первичные организации на предприятиях должны были в равной степени представлять и защищать интересы всех работающих. Формально эти принципы соблюдались, хотя в реальной жизни члены профсоюза получали некоторые преимущества. Например, с 1931 г. согласно инструкции ВЦСПС и наркомата труда СССР пособие по временной нетрудоспособности членам профсоюза стало выплачиваться в большем размере, чем «неорганизованным» работникам<sup>6</sup>. Мотивировалось это тем, что члены профсоюзов платят взносы, которые частично идут и в страховые фонды. В целом статус члена профсоюза рассматривался в обществе как признак полноценного советского гражданина.

<sup>2</sup> Профессиональные союзы СССР. 1926–1928. Отчет ВЦСПС к VIII съезду профессиональных союзов. М., 1928. С. 26.

<sup>3</sup> ВЦСПС. Стат. справочник. Вып. 2. М., 1935. С. 7.

<sup>4</sup> Труд в СССР. Стат. справочник. М., 1936. С. 56.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Материалы к отчету ВЦСПС 9-му съезду профсоюзов. М., 1932. С. 37.

## Задачи на вторую пятилетку

Итоги развития профсоюзного движения в СССР за годы первой пятилетки и задачи на вторую пятилетку обсудил IX Всесоюзный съезд профсоюзов, состоявшийся 20–29 апреля 1932 г. Отметим, что со времени предыдущего съезда (1928 г.) прошло почти четыре года, что нарушало установленный порядок проводить профсоюзные съезды каждые два года. Численность профсоюзов к тому моменту достигла 17 769 тыс. чел., на съезде их представляли 1507 делегатов с решающим голосом (из которых 1140, или 76,1%, были коммунистами), и 463 – с совещательным<sup>7</sup> [История профсоюзов..., 1977. С. 221]. Доля рабочих среди делегатов съезда составила 84,9%, однако значительная их часть находилась на профсоюзной и административно-управленческой работе. Для государственных и общественных организаций СССР такая статистическая уловка была привычной: для повышения представительства рабочих в составе аппарата или съезда все выдвинутые и выходцы из этого класса, занимавшие какие-либо должности, продолжали при опросах и в анкетах причислять себя к рабочим.

Съезд сосредоточил свое внимание на задачах организации производства, повышения производительности труда, охвата членов профсоюза социалистическим соревнованием, укрепления трудовой дисциплины и т.п. В меньшей степени рассматривались вопросы защиты интересов работников – такой подход осуждался как проявление тред-юнионизма и наследие правооппортунистического руководства профсоюзами группой М.П. Томского.

Социально-экономическое положение рабочих к этому времени существенно ухудшилось: налицо были острый жилищный кризис и кризис снабжения, приведший к введению карточной системы; в целом уровень реальной заработной платы рабочих за годы первой пятилетки снизился почти на треть [Исаев, 1996. С. 52–56]. Однако выступавшие на съезде профработники старались обходить эти проблемы. Вопрос о праве рабочих на забастовки даже не поднимался, а реальные случаи протестов и волнений, среди которых наиболее ярким было прошедшее в первой половине апреля 1932 г. выступление ивановских рабочих, замалчивались или объявлялись происками троцкистов и «недобитых врагов советской власти» [Чураков, 2007. С. 269–271]. Таким образом, профсоюзный съезд убедительно показал народным массам, что в противостоянии интересов государства-работодателя и работников он находится явно не на стороне последних.

Суть происходивших в профсоюзах перемен очень точно выразил яростный критик сталинского курса М.Н. Рютин. В своем манифесте «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», с которым он попытался обратиться к партии и общественности в 1932 г., он констатировал, что профсоюзы переживают кризис, который является частью общего кризиса пролетарского государства в условиях установления режима личной власти И.В. Сталина. По оценке М.Н. Рютина, «профсоюзы из школы коммунизма превратились в школу надувательства масс, в школу самого бесстыдного игнорирования воли и настроений масс, в простой придаток того же партийного и хозяйственного аппарата... В настоящее время профсоюзы не только не защищают интересы рабочих, но, наоборот, являются послушным орудием в руках Сталина

<sup>7</sup> ВЦСПС. Стат. справочник. Вып. 2. М., 1935. С. 5.

Советские профсоюзы в 1930-е годы:  
формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

по снижению реальной заработной платы и их материального жизненного уровня» [Рютин, 1992. С. 234].

Ведущей тенденцией развития профсоюзов в годы второй пятилетки оставалось их огосударствление, потеря самостоятельности как общественной организации. В условиях формирования в стране административно-командной системы управления существование независимых общественных организаций становилось практически невозможно. В той или иной форме все они оказывались встроены в государственный аппарат и подчинены руководящему и направляющему контролю со стороны коммунистической партии. Наиболее полно эта тенденция проявилась именно в деятельности профсоюзов.

Процесс дальнейшего превращения профсоюзов в часть партийно-государственного аппарата получил новый импульс после принятия совместного постановления ЦИК и СНК СССР и ВЦСПС от 23 июня 1933 г. «Об объединении НКТ СССР с ВЦСПС»<sup>8</sup>. В ходе передачи профсоюзам функций Наркомата труда (а с 1934 г. – еще и части функций ликвидированного Наркомата рабоче-крестьянской инспекции) значительно расширился круг вопросов, входивших в компетенцию профсоюзных органов, при этом возложение на них несвойственных им по природе функций отодвигало вопросы защиты интересов работников на самый дальний план.

В годы второй пятилетки происходило постепенное увеличение доли членов профсоюза среди трудящихся. В первый год численность работников на предприятиях и в учреждениях немного снизилась (с 21 671 тыс. чел в 1932 г. до 20 132,4 тыс. в 1933 г.), но охват профсоюзным членством вырос с 76,4 до 78,8%. Число членов профсоюза (без учащихся) снизилось с 16 553,6 тыс. чел. до 15 725 тыс. чел<sup>9</sup>.

На 1 апреля 1934 г. из 21 244 тыс. работников предприятий и учреждений СССР в профсоюзах состояло 16 786 тыс.; охват профсоюзным членством вырос до 79,9%. На 1 апреля 1935 г. численность работающих превысила уровень 1932 г. и достигла 23 161 тыс. чел., из которых в профсоюзах находилось 18 475 тыс. Охват профсоюзным членством достиг 82%<sup>10</sup>. Тенденция вовлечения в профсоюзы всех работающих постепенно набирала силу (таблица).

#### Численность профсоюзов и их доля в составе занятых в СССР в 1930-е гг.

Показатель	1931	1932	1933	1934	1935	1937	1938
Численность работающих, тыс. чел.	17051,7	21671,1	20132,4	21245,1	23161,2	25337,2	26768,3
Членов профсоюзов	12531,4	16553,6	15725,6	16786	18477,8	20786,6	21671,7
Доля членов профсоюза, %	73,5,5	76,4	78,8	79,9	82	84,5	83,5

**Источник.** ВЦСПС. Стат. справочник. Вып. 1. М., 1935. С. 5, 7; ВЦСПС. Стат. справочник. 1938. Вып. 2. С. 16.

<sup>8</sup> СЗ СССР. 1933. № 40. С. 476.

<sup>9</sup> ВЦСПС. Стат. справочник. Вып. 2. М., 1935. С. 5.

<sup>10</sup> Там же. С. 7.

## Формирование профсоюзной номенклатуры

В течение 1930-х гг. происходили серьезные изменения в структуре профсоюзного аппарата. В феврале 1930 г. ВЦСПС принял решение выделять в составе профсоюзных организаций группы работников, занятых в составе какой-либо производственной единицы: бригады, участка, смены. Объединенные общностью производственных и бытовых задач работники создавали первичную ячейку профсоюза – профгруппу, во главе которой становился избранный на общем собрании группы профгруппорг. В профгруппе также избирались организаторы производственно-массовой, культурно-массовой, физкультурной работы, ответственный за охрану труда и страхование. Таким образом, численность профсоюзного актива многократно возрастала. В начале 1932 г. в стране насчитывалось 500 тыс. профгрупп; если учесть, что в каждой группе избиралось, как минимум, пять профсоюзных активистов, то в целом первичное звено профактива пополнилось не менее чем на 2,5 млн чел.

С созданием профгрупп отпадала необходимость иметь делегатское собрание как промежуточное звено между членами трудового коллектива и фабзавкомом. В марте 1933 г. ВЦСПС разослал на места типовое положение, в котором определялись задачи и функции профгруппы как первичного звена профсоюзной работы<sup>11</sup>. Однако основную часть профсоюзной работы на предприятиях по-прежнему вели фабзавкомы и месткомы. В течение 1931–1932 гг. развернулась масштабная кампания по их переизбранию, к работе по проверке их деятельности было привлечено более 2 млн рабочих. В результате перевыборов состав ФЗМК обновился на 68%. Задачи их дальнейшей работы были определены в разработанном ВЦСПС типовом положении о фабзавкоме<sup>12</sup>.

Важным нововведением в функционировании профсоюзов стало начавшееся в 1931 г. и продолжавшееся до конца десятилетия так называемое разукрупнение. С начала 1920-х гг. в СССР действовало 23 профессиональных союза, сформированных по отраслевому принципу: металлисты, текстильщики, железнодорожники и т.д. После прошедшего в 1930 г. разукрупнения хозяйственного аппарата возникла идея о проведении подобных мероприятий и в профсоюзах. Соответствующее решение было принято ВЦСПС в январе 1931 г.: на основе существовавших должны были организоваться 44 профессиональных союза. Реорганизация обосновывалась необходимостью приближения руководства профсоюзов к первичным организациям и более полного учета специфики той или иной отрасли.

В 1934 г. процесс был продолжен: вместо 47 существовавших к тому времени союзов было создано 154. Наряду с производственным в основу реорганизации был заложен принцип территориальной привязки союзов. Так, были созданы профсоюзные органы Юга, Центра, восточных районов, Сибири и Дальнего Востока. Дробление союзов вело к разобщению профдвижения, его региональной замкнутости. Распыление сил и кадров в конечном итоге приводило к ослаблению возможностей [Казаков, 1992. С. 95–96].

Значительная часть профсоюзного актива работала на общественных началах, однако наметился неоправданный рост числа платных работников. Поэтому одновременно

<sup>11</sup> Профсоюзы СССР: документы и материалы. Т. 2. М., 1963. С. 689–691.

<sup>12</sup> Там же. С. 745.

Советские профсоюзы в 1930-е годы:  
формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

с разукрупнением ставилась задача сокращения платного аппарата профсоюзов. Например, Западно-Сибирской краевой совет профсоюзов наметил в 1934 г. сократить количество платных работников наполовину [Казаков, 1992. С. 101]. В целом по профсоюзам СССР в 1934 г. их число уменьшилось на 36% [История профсоюзов..., 1977. С. 233]. Однако эффект от этого был недолгим. Через некоторое время количество платных профдеятелей вновь начало расти. Согласно докладу Центральной ревизионной комиссии на VI пленуме ВЦСПС (апрель–май 1937 г.) к 1937 г. количество платных работников в высших и средних звеньях профаппарата выросло на 11 тыс. чел., или на 25% к уровню 1934 г. Таким образом, общее количество работников, занятых на платной основе в руководящем аппарате профсоюзов, приближалось к 44 тыс. чел. [История профсоюзов..., 1977. С. 233]. Эта профсоюзная элита, состоявшая в основном из бывших рабочих, с успехом использовала профсоюзы в качестве социального лифта для продвижения в средний и высший слои номенклатуры.

В 1937 г. постановлением VI пленума ВЦСПС были ликвидированы областные и краевые межсоюзные органы – советы профсоюзов. Теперь каждая профорганизация контактировала только с ЦК своего союза. Это также способствовало раздроблению профсоюзного движения и потере его веса в политической жизни как в отдельных городах и регионах, так и в стране в целом<sup>13</sup>.

В 1938 г. действовало 166 профсоюзов, в 1939 г. – уже 192. В целях приближения руководства к массам верхушка профсоюзного аппарата была рассредоточена по стране: 80 ЦК союзов оставались в Москве, 10 ЦК находились в Ленинграде, 8 – в Новосибирске, 4 – в Свердловске, остальные размещались в других городах. Самый низовой и массовый слой профаппарата составляли профсоюзные активисты на предприятиях и в учреждениях.

Политическая и экономическая ситуация, сложившаяся в стране в начале 1930-х гг., привела к тому, что учет численности и состава профактива до 1935 г. практически не проводился. С целью исправить это положение ВЦСПС постановил провести его единовременный учет. Согласно его данным, общая численность всех работавших на 1 марта 1935 г. составила 23 161 200 чел., из них в профсоюзах состояло 18 477 800 чел. (82%)<sup>14</sup>. Общее число учтенного низового профактива по 147 союзам (с числом работников 20 507 600 чел.) составило 538 465 чел. (сюда включались члены месткомов и цехкомов, общественные инспекторы по страхованию и охране труда, сборщики взносов, профгруппорганизаторы и т.д.). В среднем около 2,6% членов профсоюзов исполняли какие-либо функции низовой профсоюзной работы, занимая различные должности. Как правило, активисты занимались профсоюзными делами, совмещая их с основной работой. В среднем на 1000 работников приходилось 26 членов ФЗМК, но из них только два работника могли занимать освобожденные от основной работы должности. В целом, на освобожденные должности в профаппарате попадало около 8% избранного в низовых профорганизациях актива.

---

<sup>13</sup> Постановления пленумов ВЦСПС (девятого созыва). (VI, VII и VIII пленумы). М.: Профиздат. 1939. С. 11.

<sup>14</sup> ВЦСПС. Статистический справочник. Вып.1. М., 1935. С. 29.

На 1 марта 1935 г. были освобождены от обычной работы, занимая профсоюзные должности, 41 802 чел.<sup>15</sup> Предпочтение при этом отдавалось коммунистам. Если среди всех членов ФЗМК прослойка коммунистов на 1 марта 1935 г. составляла 27,2% (по промышленным союзам – 37,4%), а комсомольцев – 12,5% (10%), то среди освобожденных работников ФЗМК коммунистов было уже 66,6% (по промышленным союзам – 71,9%), а комсомольцев – 10,8% (8,7%)<sup>16</sup>.

По мере восхождения по профсоюзной иерархии наличие партийного билета играло все большую роль. По данным на 1 февраля 1938 г., в составе членов ФЗМК коммунистов было 19,9%, а среди председателей ФЗМК – 31,8%. В составе пленумов областных, краевых и республиканских органов профсоюзов членами партии были 51,9%, в президиумах этих же органов – 64,5%; в составе пленумов ЦК отраслевых профсоюзов коммунисты составляли 66,8%, в составе президиумов ЦК – 79,9%<sup>17</sup>.

Большинство должностей в аппарате профорганов занимали мужчины, на что партия обратила особое внимание, поставив задачу активнее вовлекать в состав профаппарата женщин и молодежь. Тем не менее шансов на реальное продвижение у представителей данных социально-демографических групп было гораздо меньше, чем у мужчин. В большинстве случаев молодые люди и женщины занимали низовые должности профактива, не дававшие права на освобождение от основной работы. Если среди всех работающих женщины на 1 марта 1935 г. составляли 33,5% (а по промышленным профсоюзам – 33,7%), то среди избранных в ФЗМК их было 26,1% (по промышленным профсоюзам – 22%), а среди освобожденных работников – всего 13,5% (15,6%)<sup>18</sup>. Недопредставленность молодежи в составе работников была еще более ярко выраженной.

### **Верхи и низы профсоюзов: отчуждение профсоюзных масс**

В середине 1930-х гг. профсоюзы оказались в глубоком кризисе, обусловленном их полным подчинением партийно-государственному аппарату и потерей авторитета у трудящихся. Прекратилась практика заключения договоров трудового коллектива с администрацией предприятия, в которых профсоюзная организация выступала как защитник интересов работников, были ликвидированы конфликтные комиссии, в которых профсоюз должен был отстаивать позиции работников по спорным вопросам [Андрюшин, 2012. С. 293–295].

Аппарат профсоюзов функционировал как часть партийно-государственного аппарата, и по существу перестал обращаться к массам, решая те или иные вопросы. Разукрупнение профсоюзов в 1934 г. прошло как чисто аппаратное мероприятие. Новые профсоюзы и их руководящие органы создавались без участия низовых профорганизаций, не в результате выборов, а путем механического распределения руководящего состава прежних союзов по центральным комитетам новых организаций. Так как этого состава не хватало для заполнения возникших вакансий, недостающие кадры просто назначались в порядке кооптации. Предполагалось, что во вновь образованных

<sup>15</sup> ВЦСПС. Стат. справочник. Вып.1. М.,1935. С. 30.

<sup>16</sup> Там же. С. 37.

<sup>17</sup> ВЦСПС. Стат. справочник. Вып.1. М., 1938. С. 11.

<sup>18</sup> ВЦСПС. Стат. справочник. Вып.1. М.,1935. С. 34.

Советские профсоюзы в 1930-е годы:  
формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

союзах пройдут съезды, на которых будут выбраны центральные комитеты и другие руководящие органы. Однако до организации таких съездов дело так и не дошло. В итоге значительное число руководящих работников профсоюзного аппарата не были выбраны, как предписывалось уставом, а были назначены партийными органами. Например, в Западной Сибири большинство вновь созданных профсоюзных органов комплектовалось в порядке кооптации [Казаков, 1992. С. 103].

О наличии кризиса в профсоюзном движении свидетельствовало также нежелание значительной части рабочих и служащих вступать в профсоюзы. Работники не хотели платить профсоюзные взносы, к которым зачастую добавлялись сборы на различные общественно-политические кампании, взносы в другие общественные организации и т.д. Хотя руководство предприятий и профсоюзные организации пытались оказывать давление на «неорганизованных», побуждая их к вступлению в профсоюз, уровень охвата трудящихся членством в профсоюзах рос очень медленно, по отдельным регионам он значительно отставал от общесоюзного. В 1933 г. на предприятиях Урала только 60% работников состояли в профессиональных союзах (по стране – 78,8%), в 1934 г. на предприятиях Дальнего Востока – 67,8% (по стране – 79,9%)<sup>19</sup>. Среди горняков Прокопьевска (Западно-Сибирский край) в 1932 г. охват профсоюзным членством находился на уровне 56%, благодаря предпринятым усилиям по вовлечению шахтеров в профсоюз в 1933 г. удалось поднять его до 76% [Казаков, 1992. С. 92–93].

Отрыв профсоюзных «верхов» от широких масс проявлялся также в нарушении основных принципов профсоюзной демократии. Перестали проводиться даже перевыборы фабзавкомов, председатели и другие должностные лица просто назначались решением партийных органов и администрации.

Кризис стал очевидным, когда в январе 1935 г. профсоюзы объявили перевыборы фабзавкомов, не проводившиеся с 1931–1932 гг. При этом ВЦСПС фактически устранился от организации общей перевыборной кампании, поручив ЦК союзов провести ее в удобное для них время [Шверник, 1935. С. 22]. Видимо, ставший уже привычным рутинный характер профсоюзной жизни и отсутствие реального интереса к выборам внушили руководству ВЦСПС мысль, что перевыборы пройдут формально, тихо, без каких-либо эксцессов. Но неожиданно кампания была сорвана: во многих организациях никак не удавалось собрать кворум. Значительная часть трудящихся просто игнорировала профсоюзные собрания, демонстрируя тем самым огромную степень отчуждения между рядовыми членами профсоюзов и профаппаратом. Многие отказывались голосовать за предложенные аппаратом кандидатуры. Такое отчуждение рабочих от профсоюзов было ярким свидетельством формального характера советской демократии в целом, и профсоюзной в особенности [История профсоюзов..., 1969. С. 267].

Некоторые профсоюзные чиновники на местах попытались по привычке обойтись без волеизъявления рядовых членов профсоюза или даже игнорировать его, назначая «проверенных» людей на должности по своему усмотрению. Например, на Макеевском метизном заводе (Украина) председателем ФЗМК был назначен че-

<sup>19</sup> ВЦСПС. Стат. справочник. Вып. 2. М., 1935. С. 7.

ловека, кандидатуру которого рабочие провалили на выборах. Такие факты вызывали возмущение трудящихся, обращавшихся с жалобами на профсоюзных бюрократов в партийные органы. Газета «Правда» 11 августа 1935 г. выступила с передовой статьей «Серьезный урок профсоюзам», в которой потребовала от работников аппарата восстановить нормы профсоюзной демократии.

На ситуацию с перевыборами обратил внимание И.В. Сталин, явно обеспокоенный тем, что подобная практика расходится с партийными декларациями о единстве власти и народа, превосходстве социалистической демократии и ведущей роли рабочего класса. В ходе его встречи с руководителями ВЦСПС, состоявшейся в мае 1935 г., было решено приостановить перевыборную кампанию в профсоюзах, поручить ВЦСПС подготовить политическую платформу для выборов, издав тезисы с изложением программы деятельности.

Ответственность за провал перевыборной кампании И.В. Сталин возложил на профсоюзный аппарат, который, по его мнению, не сумел подобрать кандидатов, достаточно популярных в народе. Кроме того, вождь упрекнул профсоюзы в недостатке внимания к повседневным нуждам простых людей, обвинив профсоюзных работников в отрыве от трудящихся масс. Таким образом, наличие кризиса в профсоюзах СССР было констатировано на самом высоком уровне. Негативная оценка со стороны И.В. Сталина открыла кампанию критики профсоюзов, которая развернулась в печати и на различных собраниях и конференциях<sup>20</sup>. Председатель ВЦСПС Н.М. Шверник вынужден был признать «отрыв профаппарата от нужд и забот, от живой жизни рядовых членов» [Шверник, 1935. С. 11].

В итоге в перевыборной кампании фабзавкомов была объявлена пауза с тем, чтобы дать время ВЦСПС подготовить развернутую программу деятельности и на ее основе организовать и возглавить процесс перевыборов. Однако предложить действительно радикальную программу перестройки деятельности ВЦСПС не осмелился, а выходить к людям с надоевшими лозунгами долгое время не решался. Поначалу Н.М. Шверник в качестве главного тезиса перевыборной кампании предложил соответствовавший вроде бы пожеланиям И.В. Сталина лозунг «Профсоюзы – лицом к материальным и культурным потребностям рабочих». Но в ходе его обсуждений с членами ВЦСПС возникло, видимо, опасение, что такой лозунг будет расценен как возрождение тред-юнионистского уклона, за который еще недавно яростно критиковали М.П. Томского.

Пауза затянулась: ВЦСПС занимался разработкой предвыборной программы почти два года, но результата так и не было. Профсоюзные лидеры, похоже, просто боялись выдвинуть какие-либо тезисы, которые могли не понравиться И.В. Сталину; тем более что позиция последнего не была четко сформулирована. Только в 1937 г. после вмешательства специально созданной комиссии ЦК ВКП(б) была наконец-то предложена программа и проведены перевыборы фабзавкомов и других профсоюзных органов. Эта ситуация еще раз показала, что профсоюзный аппарат целиком и полностью зависел от партийных органов, а страх профсоюзных деятелей сделать что-то самостоятельно практически парализовал их волю и действия.

<sup>20</sup> См., например: Вопросы профдвижения. 1935. № 11–12.

Советские профсоюзы в 1930-е годы:  
формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

### **Восстановление формальной демократии**

В результате перевыборной кампании в состав всех органов профсоюзов в 1937–1938 гг. было избрано около 1 125 тыс. чел. В верхних и средних эшелонах аппарата состав обновился более чем на 90%, а в нижнем звене (фабзавкомах) – на 70%. Прежний принцип представленности коммунистов в профсоюзных органах сохранился: их доля увеличивалась по мере восхождения по ступеням иерархии. В составе профгруппоргов было 90% беспартийных, в составе ФЗМК – 80%. Среди профгруппоргов было 28% женщин и 20% молодежи. Коммунистами были 66,8% среди членов пленумов ЦК профсоюзов, а в составе пленумов областных, краевых и республиканских комитетов профсоюзов среди избранных было 51,9% членов партии [История профсоюзов..., 1977. С. 250].

Несмотря на кризисные явления в профсоюзном движении, рост численности профсоюзов и охват членством в них трудящихся продолжались. По данным статсектора ВЦСПС, на 1 апреля 1937 г. из 25 337,2 тыс. работавших на предприятиях и в учреждениях СССР в профессиональных союзах состояли 20 788,6 тыс., или 84,5%. Вместе с учащимися численность профсоюзов достигала 21 992,8 тыс. чел.<sup>21</sup>

Наиболее мощным «отрядом» профсоюзного движения были профсоюзы промышленности. На 1 апреля 1938 г. они объединяли 9 214,8 тыс. чел. из 11 302,2 тыс. занятых в промышленности (83,1%)<sup>22</sup>. Всего же из 26 768,3 тыс. трудящихся СССР в профсоюзы входило 21 617,7 тыс. чел. (83,5%). Таким образом, к концу тридцатых годов численность профсоюзов по сравнению с началом десятилетия выросла почти на 60%, укрепилась тенденция к увеличению охвата работников профсоюзным членством.

Извлекая уроки из кризиса середины тридцатых годов, профсоюзный аппарат старался больше не допускать нарушений порядка выборности и отчетности профсоюзных органов. В 1938 г. отчетно-выборная кампания прошла без эксцессов, состав местных и высших органов существенно обновился. В ФЗМК среди избранных оказалось от 70 до 80% новых работников, среди председателей ФЗМК – около 65%. Особенно серьезной ротации подверглись кадры профсоюзного аппарата среднего и высшего уровня (очевидно, немалую роль тут сыграли репрессии, которые коснулись, прежде всего, представителей номенклатуры). Пленумы областных и краевых профсоюзных органов были обновлены на 92%, пленумы ЦК отраслевых союзов – на 96%, президиумы ЦК – на 87% [Шверник, 1938. С. 8].

В связи с расширением функций профсоюзов возрастало число активистов, получавших возможность начать социальное восхождение по этим структурам. В 1938 г. в составе советов по социальному страхованию при ФЗМК, в комиссиях по массово-производственной и культурно-просветительной работе, по жилищно-бытовым вопросам, по охране труда и зарплате, а также в качестве профоргов работали более 4,5 млн профсоюзных активистов [Шверник, 1938. С. 9,14].

Начиная с 1937 г. изменился источник финансирования профсоюзов: если раньше они содержались за счет предприятий (на эти цели предусматривалось выделять 3% от общего объема зарплатного фонда), то теперь единственным источником

<sup>21</sup> ВЦСПС. Стат. справочник. Вып.2. М.,1938. С. 16.

<sup>22</sup> Там же.

оставались членские взносы. Это еще более актуализировало задачу сокращения количества платных работников в разрастающихся профсоюзных структурах. Одним из способов борьбы с этой тенденцией было установление жестких норм расходов на содержание платного аппарата. Так, 16 декабря 1936 г. Президиум ВЦСПС принял постановление, согласно которому на административно-хозяйственные нужды и содержание платных работников организации могли тратить не более 40% от собираемых взносов [Чупрытников, 2017. С. 123]. Второй, более радикальный способ – сокращение платных работников. Если в 1936 г. в ФЗМК на освобожденных должностях работало 56240 чел., то по итогам выборов 1938 г. их число сократилось до 28321 чел. [Шверник, 1938. С. 9,14], их повседневные обязанности были переложены на активистов.

Однако, несмотря на все усилия, численность профсоюзных чиновников продолжала увеличиваться так же, как в середине десятилетия. Так, согласно докладу Н.М. Шверника на X Пленуме ВЦСПС, после разукрупнения профсоюза работников государственной торговли на его основе было создано шесть новых. В результате число платных работников достигло 3546 чел., в то время как до разукрупнения их было 2807 человек [Шверник, 1940. С. 6].

## **Заключение**

Оценивая процесс развития профсоюзного движения СССР на протяжении 1930-х гг., можно выделить его основные тенденции. С одной стороны, это последовательный рост численности и охвата работающих профсоюзным членством. С другой – превращение членства в профсоюзах в простую формальность, отчуждение простых членов от принятия решений и в целом – работы профсоюзных органов. Для профсоюзной элиты этот период характеризовался бюрократизацией деятельности, постепенной потерей самостоятельности и встраиванием в административно-командную систему, созданную сталинским руководством большевистской партии.

Профсоюзы все в большей степени превращались из общественной организации в часть партийно-государственного аппарата, принимая на себя функции управления производством, социального страхования трудящихся, контроля за состоянием техники безопасности, обеспечения жилищно-бытового обслуживания, медицинского и санаторно-курортного лечения. То есть они в значительной мере взяли на себя функции, свойственные обычно государственным органам или администрации предприятий.

Став частью административно-командной системы, советские профсоюзы не могли в полной мере выполнять роль защитника интересов трудящихся. Вопреки уверениям советской пропаганды, многим работникам было ясно, что профсоюзы отстаивают в первую очередь интересы государства. Это отчуждение особенно ярко проявилось в кризисе середины 1930-х г., для разрешения которого потребовалось вмешательство высшего руководства страны.

Можно только сожалеть о том, что в тридцатые годы советские профсоюзы окончательно утратили возможность стать организаторами движения, способного представлять конструктивную оппозицию государству в отстаивании интересов работающего населения, самостоятельно формировать и продвигать «наверх»

Советские профсоюзы в 1930-е годы:  
формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

собственную элиту, выражающую чаяния и нужды широких народных масс. В целом для страны это обернулось утратой необходимой функции гражданского общества, что в конечном счете привело к формированию и утверждению такого общественного устройства, которое оказалось неспособным выдержать испытание временем.

Профсоюзное движение постсоветской России, к сожалению, так и не извлекло уроков из исторического опыта, и сегодня во многом повторяются те же негативные тенденции. В деле защиты интересов трудящихся Федерация независимых профсоюзов и Конфедерация труда так и не смогли завоевать такие позиции, которые позволили бы им получить признание и авторитет у государства, работодателей и работников. Формально прописанное в законодательстве право на забастовку профсоюзами практически не используется. Редкие забастовки происходят стихийно, помимо профсоюзов. Вновь возникает недоверие профсоюзных масс к работникам аппарата. Неслучайно в 2000-х гг. происходит сокращение численности профсоюзов, а оставшиеся члены организаций не проявляют большого интереса к их деятельности. В политической жизни России голоса профсоюзов практически не слышно. Руководители профсоюзов по советской традиции стремятся стать членами партии власти вместо того, чтобы создавать свои действительно независимые структуры.

Стоит отметить, что слабые позиции российских профсоюзов во многом обусловлены существующими правовыми нормами. Но и сложившиеся в советское время привычные правила поведения в этой сфере по-прежнему продолжают оказывать влияние как на деятельность профсоюзной элиты, так и на поведение рядовых членов.

## Литература/ References

- Андрюшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый хронограф, 2012. 455 с.
- Andryushin, E.A. (2012). *From the history of labor legislation of the USSR and the policy of the Soviet government in the field of labor resources*. Moscow: Novyi khronograf. 455 p. (In Russ.).
- Исаев В.И. Коммуна или коммуналка. Изменения быта рабочих Сибири в период индустриализации. Новосибирск.: Наука, 1996. 172 с.
- Isaev, V.I. (1996). *Commune or communal apartment. Changes in the life of Siberian workers during industrialization*. Novosibirsk: Nauka. 172 p. (In Russ.).
- Исаев В.И. Между властью и рабочими: советские профсоюзы в период нэпа // ЭКО. 2021. № 4. С. 71–89. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–4–71–89
- Isaev, V.I. (2021). Between the Government and the Workers: Soviet Trade Unions During the NEP Period. *ECO*. No. 51(4). Pp. 71–89. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–4–71–89
- История профсоюзов СССР. Учебное пособие. М.: Профиздат, 1969. 415 с.
- History of Trade Unions of the USSR*. (1969). Study Guide. Moscow: Profizdat. 415 p. (In Russ.).
- История профсоюзов СССР. Учебное пособие. 2-е изд., доп. и перераб. Часть 1. М.: Профиздат. 1977. 256 с.
- History of Trade Unions of the USSR*. (1977). Study Guide. 2nd ed., supplemented and revised. Part 1. Moscow: Profizdat. 256 p. (In Russ.).
- Казakov Е.Э. Профсоюзы Сибири в 20–30-е годы. Новосибирск: НГУ, 1992. 120 с.
- Kazakov, E.E. (1992). *Trade unions of Siberia in the 20s – 30s*. Novosibirsk: NSU. 120 p. (In Russ.).

- Лобок Д.В. Профсоюзы и Советское государство в условиях становления командно-административной системы (1929–1932 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 8 (34). С. 165–177.
- Lobok, D.V. (2007). Trade unions and the Soviet state in the context of the formation of the command-administrative system (1929–1932). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. Social Sciences and Humanities*. No. 8 (34). Pp. 165–177. (In Russ.).
- Носач В.И., Зверева Н.Д. Расстрельные 30-е годы и профсоюзы. СПб, 2007. 397 с.
- Nosach, V. I., Zvereva, N. D. (2007). *The executions of the 1930s and trade unions*. St. Petersburg. 397 p. (In Russ.).
- Рютин М.Н. «На колени не встану...». М.: Политиздат, 1992. 351 с.
- Ryutin, M. N. (1992.) “*I will not kneel...*”. Moscow: Politizdat. 351 p. (In Russ.).
- Шверник Н.М. Стахановское движение и задачи профсоюзов. М.: Профиздат, 1935. 31 с.
- Shvernik, N. M. (1935). *The Stakhanovite movement and the tasks of trade unions*. Moscow: Profizdat. 31 p. (In Russ.).
- Шверник Н.М. О выполнении решений VI Пленума ВЦСПС. М.: Профиздат, 1938. 63 с.
- Shvernik, N. M. (1938). *On the implementation of the decisions of the VI Plenum of the All-Union Central Council of Trade Unions*. Moscow: Profizdat. 63 p. (In Russ.).
- Шверник Н.М. Об устранении некоторых недостатков в профсоюзном аппарате и улучшении работы профсоюзных органов. М.: Профиздат, 1940. 32 с.
- Shvernik, N. M. (1940). *On the elimination of some shortcomings in the trade union apparatus and improving the work of trade union bodies*. Moscow: Profizdat. 32 p. (In Russ.).
- Чупрынников С.А. Профсоюзы в политической борьбе 1930-х гг.: от троцкистской «интеграции в мировую экономику» к сталинской «самостоятельной экономической единице» // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 9. 2017. № 5/1. С. 121–126.
- Chuprynnikov, S. A. (2017). Trade Unions in the Political Struggle of the 1930s: From Trotskyist “Integration into the World Economy” to Stalin’s “Independent Economic Unit”. *Historical and Socio-Educational Idea*. Vol. 9. No. 5/1. Pp. 121–126. (In Russ.).
- Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М.: Вече, 2007. 352 с.
- Churakov, D.O. (2007). *Rebellious Proletarians: Workers’ Protest in Soviet Russia (1917–1930s)*. Moscow: Veche. 352 p. (In Russ.).

Статья поступила 19.08.2024

Статья принята к публикации 20.09.2024

**Для цитирования:** *Исаев В.И.* Советские профсоюзы в 1930-е годы: формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов // ЭКО. 2025. № 1. С. 205–219. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2025–1–205–219

#### Информация об авторе

*Исаев Виктор Иванович* (Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор. Институт истории СО РАН.  
E-mail: history49@mail.ru; ORCID: 0000–0003–1737–575x

Советские профсоюзы в 1930-е годы:  
формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

## Summary

*V.I. Isaev*

### **Soviet Trade Unions in the 1930s: Shaping the Trade Union Nomenclatura and Alienation of Rank-and-File Members**

**Abstract.** The paper proceeds from the retrospective analysis of the situation of trade unions in Soviet society at the beginning of the twentieth century, begun by the author in ECO No. 4 for 2021. The study examines the development of Soviet trade unions in the 1930s. The author traces changes in their number, the coverage of trade union membership of workers at enterprises and institutions of the USSR. It shows development of trade union activists, selection of a layer of paid workers who were part of the party-state nomenclature. The gradual alienation of ordinary members from the trade union elite, most clearly expressed in the crisis phenomena of the mid-thirties, is pointed out. It is concluded that during the period under study there was a process of transformation of trade union organizations into a subordinate part of the party apparatus of the state mechanism of the USSR. Stateization of trade unions led to the loss of their real opportunities to act as an intermediary between the employee and the employer in the person of the state and the loss of the function of protecting the interests of workers.

**Keywords:** *trade unions; the Soviet state; USSR; trade union activists; paid employees of the trade union apparatus; party and state nomenclature*

**For citation:** Isaev, V. I. (2025). Soviet Trade Unions in the 1930s: Shaping the Trade Union Nomenclatura and Alienation of Rank-and-File Members. *ECO*. No. 1. Pp. 205–219. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–205–219

### **Information about the author**

*Isaev, Viktor Ivanovich* (Novosibirsk) – Doctor of Historical Sciences, Professor.  
Institute of History, SB RAS.  
E-mail: history49@mail.ru; ORCID: 0000–0003–1737–575x

# Возможности использования байкальской воды в Китае и Монголии

Л.М. Корытный, В.В. Бережных, М.Ю. Машуков

УДК 551.48

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-220-231

**Аннотация.** Обсуждается проблема глобального водного кризиса, в преодолении которого Россия способна играть одну из ведущих ролей. Доказывается необходимость разработки стратегии экспортирования российских водных ресурсов. Предложены подходы к оценке экспортных возможностей байкальской воды, в первую очередь в Китай и Монголию, испытывающих дефицит пресной воды. Один из них – бутилирование – уже применяется, хотя и в недостаточных масштабах. Проведена предварительная оценка возможности транспортировки воды по трубопроводу через Монголию в Китай вдоль железной дороги или газопровода «Сила Сибири 2». Третьим вариантом предлагается регулирование притока в Байкал рекой Селенгой путем создания водохранилищ на территории Монголии и России, с одновременным решением задач мелиорации засушливых территорий и защиты от наводнений и высокого подъема уровня озера.

**Ключевые слова:** водный кризис; дефицит воды; озеро Байкал; экспортный потенциал; экспорт водных ресурсов; бутилирование; переброска воды; регулирование уровня Байкала

## Введение

В природе нет более важного для человека вещества, чем вода. Помимо того, что две трети поверхности нашей планеты покрыты водой, а сам человек и все остальные организмы в значительной степени состоят из воды, именно вода – самый употребляемый природный ресурс, который по объему ежегодного использования намного превосходит все другие ресурсы вместе взятые. Многообразны ролевые функции воды: энергопроизводственная, акваториальная (для водного транспорта, лесосплава, рекреации), средоформирующая, наконец, цивилизационная (социально-историческая, инфраструктурная и районообразующая) [Корытный, 2021].

Но основные роли воды – биологические (жизнедеятельностные): растворительная, транспортная, обменная, терморегулирующая и др. По этой причине обеспечение населения пресной водой для питья, приготовления пищи и удовлетворения санитарно-гигиенических потребностей является приоритетом мирового водного хозяйства, хотя на эти цели уходит лишь 8–10% мировых ресурсов пресных вод.

В докладе, опубликованном к форуму ЮНЕСКО от имени «ООН-Водные ресурсы», говорится<sup>1</sup>: от двух до трех миллиардов человек испытывают нехватку воды, как минимум, один месяц в год, что создает серьезные риски для средств к существованию, особенно в плане продовольственной безопасности и доступа к электричеству. Два миллиарда человек (26% населения планеты) не имеют безопасной питьевой воды,

<sup>1</sup> ЮНЕСКО/механизм «ООН – водные ресурсы»: неизбежный риск глобального водного кризиса. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/yunesko/mekhanizm-oon-vodnye-resursy-neizbezhnuy-risk-globalnogo-vodnogo-krizisa> (дата обращения: 25.02.2024).

а 3,6 миллиарда человек (46%) не имеют доступа к безопасной санитарии. Несмотря на все принимаемые меры, опасность глобального водного кризиса не уменьшается.

Россия обладает богатейшими водными ресурсами, уступая по запасам поверхностного и подземного стока только Бразилии. Особенно богата Сибирь, где сосредоточено 2/3 водного фонда, 60% речного стока, причем только 2–3% ее водоснабженческого потенциала освоено<sup>2</sup>.

В статье поднимается дискуссионный вопрос – может ли вода Байкала служить экспортным ресурсом РФ с прицелом на рынки Китая и Монголии? Во всем мире пресная вода давно является одним из самых выгодных ресурсных товаров, причем возобновляемым. Собственно говоря, вода Байкала тоже давно идет на экспорт – но не в явном виде, а в составе продукции алюминиевых, нефтехимических, целлюлозно-бумажных производств Иркутской области, которые именно вследствие неограниченного использования стока вытекающей из Байкала р. Ангары и благодаря дешевой гидроэнергии ГЭС Ангарского каскада имеют высокую рентабельность продукции. По нашим ориентировочным подсчетам, ее себестоимость по указанным причинам снижается не менее чем на 10–15%.

### Бутилирование байкальской воды

Производство бутилированной воды во всем мире растет примерно на 11% в год. По состоянию на 2021 г. объем мирового рынка достиг 240 млрд долл. Причем он сильно монополизирован: третью его часть делят между собой четыре крупнейших производителя – Nestle, Danone, Coca-Cola и PepsiCo. Около 60% такой воды потребляется в Европе, 20% – в США, но наибольшими темпами растет ее потребление в Азии, особенно в Китае, где появляется все большее количество людей, обеспокоенных состоянием своего здоровья и качеством потребляемой воды<sup>3</sup>.

Рынок питьевой бутилированной воды в России составляет примерно 1% от мирового, и его натуральные и стоимостные объемы росли даже в пандемию<sup>4</sup>. Общее число производителей составляет около 500, а продавцов – несколько тысяч. Напомним, что розлив воды относится к немногим разрешенным видам деятельности в Центральной экологической зоне Байкальской природной территории, и ряд производств уже успешно работают.

К крупнейшим производителям бутилированной воды Байкала относятся следующие: «BAIKALSEA Company» (300 млн т/год), «Байкал Аква» (73), «Байкал-Инком» (70), «Байкалика» (50 млн т/год).

Байкальская вода по минимальной минерализации (менее 100 мг/л) и основным солевым компонентам – хлоридам и сульфатам – отвечает самым высоким требованиям<sup>5</sup>.

<sup>2</sup> Национальный атлас России. URL: <https://nationalatlas.ru/tom2/202.html> (дата обращения: 25.02.2024).

<sup>3</sup> Запасы воды: исследование рынка для будущих инвестиций. URL: <https://megatrends.su/blog/fresh-water-market-capacity/> (дата обращения: 25.02.2024).

<sup>4</sup> Обзор рынка бутилированной воды в России, 2017–2024. URL: <https://blog.agata.io/ru/markets/bottled-water-russia-2024?ysclid=lt0alrdwz4617670205> (дата обращения: 25.02.2024).

<sup>5</sup> ГОСТ Р 54316–2020. Воды минеральные природные питьевые. Общие технические условия. URL: <https://protect.gost.ru/default.aspx/document.aspx?control=7&baseC=6&page=0&month=5&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=237094> (дата обращения: 25.02.2024).

В свое время Лимнологический институт СО РАН (ЛИН) рассматривал гипотетический вариант производства 1 млрд л бутилированной воды в год, предполагающий строительство 50 заводов мощностью 50 млн л/сут. каждый [Шерстянкин, 1997].

По нашему мнению, при надлежащей организации рекламы и сбыта байкальской воды (в том числе – на экспорт) объем ее ежесуточной добычи для начала может быть доведен до 10 млн л, что предполагает строительство 10 типовых заводов мощностью 1 млн л/сут. Такой масштаб эксплуатации вод озера не окажет ощутимого воздействия на его режим, поскольку объем водоотбора составит лишь 0,005% возобновимых ресурсов воды в Байкале.

Однако развитие рынка бутилированной байкальской воды может столкнуться с рядом препятствий. Во-первых, воды озера имеют дефицит щелочных металлов и таких важных для здоровья человека микрокомпонентов, как йод и фтор, что оценивается как отрицательный гигиенический факт [Чупин и др., 2000] и сужает потенциальный спрос. При этом введение в воду необходимых веществ, с одной стороны, значительно повысит ее себестоимость, с другой – лишит уникальности. Во-вторых, расположение озера в центре крупнейшего на планете континентального массива существенно затрудняет и удорожает сбыт. Наконец, «пробиться» на международный рынок бутилированной воды в условиях существующей на нем огромной конкуренции, особенно в период действия санкций, чрезвычайно сложно. Реальными экспортными рынками в ближайшее время могут быть только Китай и Монголия. И здесь самый перспективный путь – сооружение совместных предприятий.

Такой проект был подготовлен, в частности, фирмой «Аквасиб» в пос. Култук. Плановая мощность предприятия составляет 528 000 л воды в сутки. Ангаре, чтобы вывести из Байкала такое количество воды, требуется 0,28 секунды. Был подписан договор, начато строительство, но работы пришлось прекратить по причине недостаточно подготовленного экологического обоснования<sup>6</sup>.

В целом, нужна огромная и сложная организационная и маркетинговая работа для того, чтобы байкальские глубинные воды (желательно в стеклянной таре, поскольку у экологов есть претензии к безопасности и экологичности утилизации пэт-бутылок) заняли заметное место в балансе питьевого водоснабжения широких масс населения.

## **Переброска байкальской воды**

Второе перспективное направление экспорта байкальской воды – ее переброска по трубопроводу. Перераспределение водных ресурсов из водоизбыточных регионов в вододефицитные по каналам, акведукам и трубопроводам давно и успешно применяется в мире. Цели могут быть самые разные, в том числе – питьевое водоснабжение (таблица).

Богатые водные ресурсы Сибири могут быть использованы в первую очередь ближайшими соседями с юга – Казахстаном и странами Средней (Центральной) Азии, Монголией и Северным Китаем. По своей чрезвычайно высокой удельной водообеспеченности (более 100 тыс. м<sup>3</sup>/год на 1 жителя) многие регионы Сибири

---

<sup>6</sup> Строительство китайского завода в Култукте: история борьбы за Байкал. URL: <https://www.weacom.ru/articles/society/193160> (дата обращения: 25.02.2024).

Возможности использования байкальской воды в Китае и Монголии

(Красноярский край, Иркутская область, Республика Тыва и др.) значительно их превосходят (в Средней Азии и Северном Китае – менее 1–2 тыс. м<sup>3</sup>/год на 1 жителя).

**Межбассейновые переброски воды для орошения, судоходства, водоснабжения**

Объект	Тип	Назначение	Длина, км	Страна
Береговой канал	Канал	Судоходство	4800	США
Великий канал	Канал	Судоходство	1782	Китай
Каракумский канал	Канал	Водоснабжение, орошение, судоходство	1445	Туркменистан
Иртыш – Караганда	Канал	Водоснабжение, орошение	458	Казахстан
Гангский канал	Канал	Орошение	440	Индия
Северо-Крымский	Канал/трубопровод	Водоснабжение, орошение	430	Россия
Олл-Американ-канал	Канал	Орошение	130	США
Астрахань – Мангышлак	Трубопровод	Питьевое водоснабжение	1286	Россия, Казахстан
Акведук Лос-Анджелеса	Акведук	Питьевое водоснабжение	674	США
Трубопровод Окичоби	Трубопровод	Питьевое водоснабжение	248	США
Акведук долины Чикопи	Акведук/трубопровод	Питьевое водоснабжение	21	США
Магистраль Бендора	Трубопровод	Питьевое водоснабжение	19,3	Австралия

**Источник.** Данные водоснабжающих организаций США, Китая, России, Индии, Казахстана, Туркменистана, Австралии.

Идея переброски части стока основных западносибирских рек – Оби и Иртыша, с привлечением на последующих этапах Енисея – в Среднюю Азию и Казахстан в 1970–1980-е гг. уже основательно прорабатывалась на проектном уровне<sup>7</sup>, но в период «перестройки» была категорически отвергнута, прежде всего, по политическим и экономическим соображениям. Время от времени она вновь обсуждается, уже с рыночных позиций.

Однако проблема снабжения сибирскими водами Китая и Монголии обсуждается все же чаще. В Китае проекты перераспределения водных ресурсов в последние десятилетия относятся к приоритетным. Несмотря на то, что по запасам пресной воды страна занимает 5-е место в мире (после Бразилии, России, Канады и США), они крайне неравномерно распределены по территории, и это становится серьезным препятствием для устойчивого развития общества и экономики. В таких регионах, как Северо-Китайская равнина, Северо-Западный Китай, Синьцзян-Уйгурский и Нинся-Хуэйский автономные районы, Внутренняя Монголия, провинция Ганьсу, наблюдается острая нехватка водных ресурсов [Лю Цзяцзюнь и др., 2012]. Наибольший дефицит

<sup>7</sup> Проект поворота сибирских рек. URL: <http://www.cleandex.ru/articles/2016/01/31/project-sibir> (дата обращения: 25.02.2024).

воды характерен для Северного Китая: его величина в районах к северу от Янцзы оценивается в 70 км<sup>3</sup>/год [Фортыгина, 2007].

В Китае разрабатываются как внутренние, так и трансграничные проекты переброски стока рек. Среди первых ключевой — переброска стока из бассейна Янцзы (его объем составляет 40% стока всех рек Китая) на север сетью каналов, имеющих конфигурацию трех лучей [Фортыгина, 2007]. Восточный луч из приустьевой части Янцзы (близ г. Янчжоу) длиной 1150 км направлен в район провинции Хэбэй и г. Тяньцзинь, его строительство началось еще в 2003 г. Объем переброски к 2030 г. достигнет 80 млрд м<sup>3</sup> в год. Центральный луч забирает воду из водохранилища Даныцзянкоу и подает ее в район Пекина и Тяньцзиня; объем переброски по каналам длиной 1240 км к 2030 г. достигнет 50 млрд м<sup>3</sup>. По западному лучу будет проведена переброска стока тремя каналами из притоков Янцзы в верховья Хуанхэ, до 20 млрд м<sup>3</sup> ежегодно [Безруков и др., 2012]. Важно отметить, что в основном этот грандиозный проект предназначен для нужд промышленности и сельского хозяйства и не решает чрезвычайно острой проблемы питьевого водоснабжения, в том числе из-за недостаточного качества воды.

Внешние источники пополнения водных ресурсов КНР относятся к бассейнам Иртыша, Селенги, Амура, Меконга. Они затрагивают интересы России, Монголии, Казахстана, стран Индокитая и чреваты международными конфликтами [Корытный, Жерелина, 2010]. При этом, исходя из показателей удаленности, рельефа и водообеспеченности, наиболее перспективными донорами воды в значительных объемах представляются Амурский и Байкальский бассейны. Однако нужно иметь в виду, что водные ресурсы Амура как пограничной реки принадлежат в равной степени и России, и Китаю, поэтому за переброску амурских вод на юг сибирско-дальневосточные регионы не смогут получить существенных дивидендов.

Фактически экспортные доходы способны принести Сибири только водные ресурсы Байкала. Этому благоприятствуют следующие факторы: внутренний статус водоема, что предопределяет отсутствие международных споров и ограничений при решении его судьбы; отсутствие высоких горных хребтов в направлении предполагаемого маршрута транспортировки; огромный объем запасов воды в Байкале (23 тыс. км<sup>3</sup> стационарных запасов, в том числе 60,5 км<sup>3</sup> ежегодно возобновляемых ресурсов); уникально высокое качество байкальских вод.

Самая идея трубопроводной поставки воды из Байкала отнюдь не нова и лежит на поверхности, если всерьез рассматривать озеро как резерв водных ресурсов планеты [Шерстянкин, 1997; Безруков, 1993]. На эту тему не раз высказывались политики (В.В. Жириновский, С.М. Миронов, Ю.М. Лужков и др.) и эксперты [Давиденко, Полеванов, 2009]. Но серьезное обсуждение возможностей использования таким образом байкальской воды для нужд Китая прошло только один раз – в марте 2011 г. в рамках расширенной научной сессии Восточно-Сибирского отделения общественной Академии проблем водохозяйственных наук [Корытный, Бережных, 2011] и вызвало бурную дискуссию, в том числе – в научной литературе [Безруков и др., 2012].

Тогда представители китайской стороны признались, что изучали гипотетическую возможность строительства водовода от Байкала до г. Эрлянь<sup>8</sup>, испытывавшего

<sup>8</sup> Эрлянь – город во Внутренней Монголии с населением около 76 тыс. человек.

острый дефицит питьевой воды. Они предположили, что с технической точки зрения такой проект вполне реализуем за 3–4 года, и считали главным препятствием негативное отношение общественного мнения в России по отношению к продаже за рубеж «святой байкальской воды». Кроме того, в то время они не ощущали на уровне правительства и российских бизнес-структур серьезного интереса к иным вариантам сотрудничества с КНР, кроме поставки нефти, газа и леса, и полагали, что Россия сосредоточена на сотрудничестве с Европой. С тех пор ситуация кардинально изменилась, и сегодня в приоритете внешнеторговые отношения именно с Китаем. В том числе, на наш взгляд, пришло время вернуться к обсуждению проекта водовода от Байкала до Эрляня (и, возможно, далее).

Самым экономичным вариантом трассы видится путь вдоль железнодорожной магистрали Байкал – Улан-Удэ – Улан-Батор – Пекин длиной около 1750 км. При этом возможно рассмотрение двух вариантов маршрутизации. При варианте-максимум байкальская вода используется в наиболее вододефицитных регионах – провинции Хэбэй и г. Пекин и г. Тяньцзинь, дополняя упомянутые ранее внутрикитайские проекты переброски стока Янцзы и другие мероприятия по преодолению водного кризиса на этой территории (среди них рассматривается, в частности, опреснение морских вод). В силу водохозяйственных, экологических, энергетических и прочих требований и ограничений, предъявляемых к речному стоку Ангары, водохранилищам Ангарского каскада и режиму оз. Байкал, речь может идти об отборе не более 5% возобновимых ресурсов воды, т.е. о величине около 3 км<sup>3</sup>/год.

Потребности же территории в воде питьевого качества (исключая орошение полей и нужды промышленности) составляет примерно 10 км<sup>3</sup>/год, исходя из численности населения г. Пекин и г. Тяньцзинь, а также 11 городов провинции Хэбэй в 110 млн чел. и относительно невысокой норме коммунально-бытового водопотребления в 250 л/сутки на 1 жителя [Данилов-Данильян, Лосев, 2006]. При этом важно в первую очередь учесть интересы населения Внутренней Монголии.

Поэтому более реалистичным представляется вариант-минимум, по которому вода объемом до 0,5 км<sup>3</sup>/год будет использоваться только для нужд Внутренней Монголии. Этот самый вододефицитный регион Китая, для снабжения его байкальской водой требуется водовод длиной около 1500–2000 км. При этом водоотбор из Байкала составит менее 1% среднего стока в озеро, что фактически находится в границах статистической погрешности.

Технически передача такого количества воды по водоводу не представляет сложностей, хотя для этого будут необходимы подкачивающие насосные станции. Вполне решаема и энергетическая проблема: согласно ориентировочным расчетам А.А. Кошелева (Институт систем энергетики СО РАН), для транспорта 4 м<sup>3</sup> в секунду по водоводу диаметром 1,4 м и длиной 2 тыс. км потребуется 240 МВт электроэнергии [Корытный, Бережных, 2011]. Поставить такой объем мощности могла бы Россия – или построив специальную линию электропередачи для энергообеспечения данного проекта, или в рамках обсуждаемых вариантов экспорта электроэнергии из России в Монголию и Китай. Более подробные расчеты не входят в задачи данной постановочной работы – они могут быть выполнены уже на стадии подготовки ТЗ и проектов.

При обсуждении плюсов и минусов экспортного водовода на форуме нашелся, разумеется, ряд возражений. Так, уменьшение стока Ангары из-за водозабора чревато энергетическими потерями на Ангарском каскаде ГЭС, поскольку Байкал является водохранилищем многолетнего регулирования для всего каскада, особенно в условиях экстремально низкой водности, когда сток резко падает относительно среднесуточных значений. Для снижения таких рисков на конце водовода и на его трассе должны быть построены водохранилища с объемами, достаточными, во-первых, для обеспечения надежности водоснабжения при столь дальнем транспорте, во-вторых, для сглаживания неравномерности водопотребления. При этом заполнение водохранилищ будет проводиться только в многоводные фазы – в периоды половодья и паводков в бассейне Байкала.

Проблему может представлять сохранение качества байкальской воды на выходе. Время пути воды по трубопроводу достигнет, по оценке А.А. Кошелева, 5–7 суток. И хотя в мире уже наработан опыт передачи питьевой воды на большие расстояния, вероятно, потребуются специальные материалы для изготовления труб, другие основательные научные и проектные проработки по многим вопросам. На наш взгляд, решение этой проблемы представляет собой интересный научный и технологический вызов и требует всестороннего обсуждения в научно-экспертном сообществе.

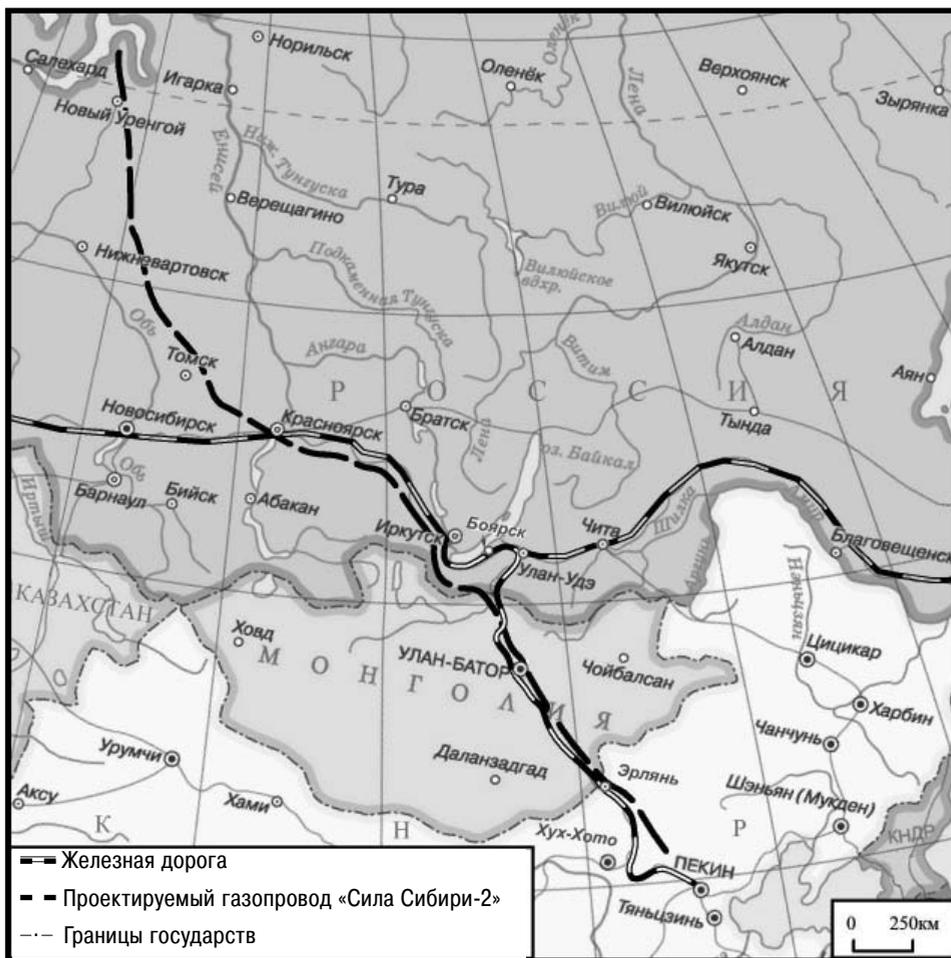
В 2011 г. идея не получила поддержки во властных структурах и была «заможена», хотя в Китае от нее, похоже, не отказались. В частности, фирма «Дунфан» обращалась к правительству Бурятии с предложением организовать экспорт байкальской воды и посредством трубопровода перебрасывать ее в быстроразвивающиеся районы северо-восточного Китая<sup>9</sup>.

Нынешний акцент на восточный вектор развития внешней политики РФ предопределяет интенсификацию научного и экономического сотрудничества с КНР и Монголией. И поскольку потребность в чистой воде в Китае со временем лишь увеличивается, авторы убеждены, что любые инициативы по решению этой проблемы будут восприняты в КНР очень заинтересованно. В случае реализации проекта Россия получит возможность ввести в народнохозяйственный оборот практически неиссякаемый источник пополнения госбюджета, внесет свой вклад в реализацию концепции «Сообщество единой судьбы человечества»<sup>10</sup> и станет важным элементом Программы Экономического коридора Россия – Монголия – Китай.

Предлагается вести трубопровод от полустанка Боярск в Республике Бурятия, где Транссиб отворачивает от Байкала (рисунок). Тогда длина водовода до Улан-Батора составит 730 км, а до Эрляня – 1300 км. Часть трассы совпадает с участками реконструируемого Трансиба, а часть следует вдоль Трансмонгольской железной дороги. Возможен и другой маршрут, частично совпадающий с одним из рассматриваемых вариантов газопровода «Сила Сибири-2». Его примерная длина до Улан-Батора – 640 км, до Эрляня – 1260 км. Есть основания предполагать, что если российская сторона предложит строить водовод от Байкала параллельно с «Силой Сибири – 2», то вопрос по газопроводу будет решён гораздо быстрее.

<sup>9</sup> Тулохонов А.К. Еще раз о цене Байкала // Живой журнал. 2013, февраль. С. 3–9.

<sup>10</sup> «Россия и Китай». URL: <https://ruchina.org/shared-future.html> (дата обращения: 25.02.2024).



Варианты водовода в Монголию и Китай

### Водохранилища как регуляторы притока в Байкал

Водохранилища – традиционный способ регулирования речного стока для целей мелиорации, энергетики, водоснабжения, защиты от наводнений. Еще в 1970-е гг. советские инженеры разработали несколько проектов строительства ГЭС на притоках р. Селенги в Монголии, но тогда до их реализации дело не дошло. В последние несколько лет, на волне бурного промышленного развития Монголии, эти идеи были реанимированы – появились проекты строительства трех гидротехнических сооружений в монгольской части бассейна Байкала [Бычков и др., 2018]:

\* ГЭС Шурэн на основном русле р. Селенга, в 150 км от границы РФ (установленная мощность – 245 МВт, годовая выработка электроэнергии – 870 млн кВт·ч, объем водохранилища – 3,8 км<sup>3</sup>);

\* ГЭС Эгийн-Гол на одноименном притоке Селенги (установленная мощность – 315 МВт, годовая выработка электроэнергии – 606 млн кВт·ч, объем водохранилища – 5,5 км<sup>3</sup>);

\* водоствод Орхон – Гоби на р. Орхон – притоке Селенги, включающий ГЭС мощностью 30 МВт и водохранилище объемом 0,73 км<sup>3</sup>, для промышленности и орошения.

В Сибирском отделении РАН был проведен научный анализ этих предложений [Бычков и др., 2018], выявивший, что, несмотря на сохранение количественного притока воды в озеро, их реализация может привести к существенным изменениям гидрологического режима бассейна р. Селенга, а это в свою очередь может сказаться на биоте Селенги и Байкала. Чтобы «не трогать» Байкал, ученые предложили решить энергетическую проблему Монголии за счет прямых поставок электроэнергии из России с расширением сети ЛЭП и корректировкой тарифов. Однако в 2023 г., в ходе исследования изменений уровня Байкала, проведенного СО РАН<sup>11</sup>, обнаружилось новые обстоятельства. Одним из важнейших выводов проекта стала неизбежность значительного ущерба на Байкальской природной территории в случае поднятия уровня озера выше средних отметок.

Уровень озера, которое выполняет функции водохранилища Ангарского каскада ГЭС, регулируется сбросами воды через плотину Иркутской ГЭС. В частности, при многоводье холостые (мимо турбин) сбросы вместо обычных величин (1500–2000 м<sup>3</sup>/с) возрастают до 3000 м<sup>3</sup>/с и выше, что неизбежно приводит к затоплению и подтоплению территорий в нижнем бьефе гидроузла с ущербом как для населения, так и для производства (в частности, выработки электроэнергии в Ангарском каскаде). Суммы ущерба зависят от интенсивности сброса воды: при расходе 4000 м<sup>3</sup>/с – 2,9 млрд руб., 5200 м<sup>3</sup>/с – 9,2 млрд руб.; 6000 м<sup>3</sup>/с – 27,2 млрд руб. При этом 86% ущерба приходится на прибрежные территории Республики Бурятия.

Таким образом, сбросы через плотину Иркутской ГЭС проблему поддержания приемлемого уровня Байкала не решают. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно зайти с другой стороны: отрегулировав приток в бассейн Байкала за счет строительства водохранилищ как в Монголии (за базу можно принять один из вышеназванных вариантов, с научно обоснованными изменениями и дополнениями), так и в российской части бассейна Селенги. Одновременно будет решаться острая проблема защиты от подтоплений столицы Республики Бурятия – г. Улан-Удэ.

Вода для заполнения водохранилищ будет накапливаться в многоводные периоды и сможет использоваться в том числе для орошения, сбросы гидроузлов будут регулироваться и регламентироваться в единой системе управления. Учитывая, что повышение уровня Байкала на 1 см означает увеличение объема озера на 0,315 км<sup>3</sup>, несложно рассчитать объемы водохранилищ, необходимые для регулирования озера.

Безусловно, все подобные проекты требуют очень тщательной экологической, экономической проработки и экспертизы.

<sup>11</sup> Отчет о НИР «Влияние изменения уровня воды в озере Байкал на состояние экосистемы озера, определение ущерба объектам экономики и инфраструктуры прибрежной территории Республики Бурятия, Иркутской области в зависимости от уровней озера и сбросов Иркутской ГЭС» (шифр научной темы FWEW-2021–0009). Сводный заключительный отчет 3 этапа в 2-х томах. Иркутск: Институт динамики систем и теории управления имени В.М. Матросова СО РАН, 2023. 1084 с.

## Заключение

При обсуждении экспортных вариантов использования байкальской воды речь может идти только о коммерческом использовании. Спекуляциям на тему потенциальной цены этого уникального ресурса в свое время дал отповедь академик А.К. Тулохонов<sup>12</sup>. Он подчеркнул, что хотя стоимость великого озера, его уникальной биоты и рекреационного потенциала в принципе не может оцениваться в денежных знаках, но цена, к примеру, бутилированной байкальской питьевой воды выше, чем у нефти, и будет только возрастать. В конце 2023 г. средняя цена литра байкальской воды в РФ около 0,7 долл.; средняя цена литра воды в мире – 1 долл.; максимальная цена литра воды – 2,34 долл. (Сингапур); цена литра российской нефти марки Urals – 0,23 долл.

Коренные геополитические и геоэкономические изменения на планете требуют нетрадиционных подходов и решений. Острота водных проблем постоянно растет. В России, на наш взгляд, настала пора организовать научную программу по оценке экспортных возможностей водных ресурсов, в том числе, к примеру, по перевозке их танкерами из устьев сибирских и дальневосточных рек [Безруков и др., 2012]. В этом контексте одним из пионерных проектов может стать оценка возможных вариантов использования байкальской воды силами научных коллективов России, Китая и Монголии. Авторы приглашают российских и зарубежных коллег присоединиться к дискуссии о возможностях и рисках использования воды Байкала для спасения планеты от водного кризиса.

## Литература/ References

- Безруков Л.А. Перспективы освоения вод Байкала в связи с изменением глобальной геополитической ситуации // Природные ресурсы Иркутской области: современный взгляд. Иркутск, 1993. С. 6–8
- Bezrukov, L.A. (1993). *Prospects for the development of Baikal waters in connection with changes in the global geopolitical situation*. Natural resources of the Irkutsk region: modern view. Irkutsk. Pp. 6–8 (In Russ.).
- Безруков Л.А., Габидулина Р.А., Коротный Л.М. Возможности использования водных ресурсов Сибири для решения проблемы глобального водного кризиса // Современные проблемы стохастической гидрологии и регулирования стока / Труды Всероссийской научной конференции, посвященной памяти выдающегося ученого-гидролога А.В. Рождественского. М., 2012. С. 306–315.
- Bezrukov, L.A., Gabidulina, R.A., Korytny, L.M. (2012). *Possibilities of using Siberian water resources to solve the problem of the global water crisis*. In: Modern problems of stochastic hydrology and flow regulation / Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, dedicated to the memory of the outstanding hydrologist A.V. Rozhdestvensky. Moscow. Pp. 306–315. (In Russ.).
- Бычков И.В., Никитин В.М., Абасов Н.В., Осипчук Е.Н., Бережных Т.В., Орлова И.И., Борисова Н.Г. Оценка воздействия на трансграничный бассейн реки Селенги в границах Российской Федерации в связи с планами строительства гидротехнических объектов на территории Монголии. *Известия Иркутского государственного университета*. Серия Биология. Экология. 2018. Т. 24. С. 56–85.

---

<sup>12</sup> Тулохонов А.К. Еще раз о цене Байкала // Живой журнал. 2013, февраль. С. 3–9.

- Bychkov, I.V., Nikitin, V.M., Abasov, N.V., Osipchuk, E.N., Berezhnykh, T.V., Orlova, I.I., Borisova, N.G. (2018). Assessment of the impact on the transboundary Selenga River basin within the borders of the Russian Federation in connection with plans for the construction of hydraulic structures on the territory of Mongolia. *Bulletin of Irkutsk State University. Series Biology. Ecology*, Vol. 24. Pp. 56–85. (In Russ.).
- Давиденко И.В., Полеванов В.П. Байкал – козырный туз России. М.: Белые Альвы, 2009. 140 с.
- Davidenko, I.V., Polevanov, V.P. (2009). *Baikal is Russia's trump card*. Moscow. White Alva Publ., 140 p. (In Russ.).
- Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Потребление воды: экологический, экономический, социальный и политический аспекты. М.: Наука, 2006. 221 с.
- Danilov-Danilyan, V.I., Losev K.S. (2006). *Water consumption: ecological, economic, social and political aspects*. Moscow. Nauka Publ. 221 p. (In Russ.).
- Корытный Л.М. Географический подход к Наукам о воде // География и природные ресурсы. 2021. № 3. С. 13–22.
- Korytny, L.M. (2021). Geographical approach to Water Sciences. *Geography and Natural Resources*. No. 3. Pp. 13–22. (In Russ.).
- Корытный Л.М., Бережных В.В. Байкал и трубы // Исток. 2011. № 3. С. 6–8.
- Korytny, L.M., Berezhnykh, V.V. (2011). Baikal and pipes. *Istok*. No. 3. Pp. 6–8. (In Russ.).
- Корытный Л.М., Жерелина И.В. Международные речные и озерные бассейны Азии: конфликты, пути сотрудничества // География и природные ресурсы. 2010. № 2. С. 11–19.
- Korytny, L.M., Zherelina, I.V. (2010). International river and lake basins of Asia: conflicts, ways of cooperation. *Geography and Natural Resources*. No. 2. Pp. 11–19. (In Russ.).
- Лю Цзяцзюнь, Дун Сочэн, Мао Цилиан. Комплексная оценка экологической емкости водных объектов Китая // География и природные ресурсы. 2012. № 1. С. 138–145.
- Liu Jiajun, Dong Socheng, Mao Qiliang. (2012). Comprehensive assessment of the ecological capacity of water bodies in China. *Geography and Natural Resources*. No. 1. Pp. 138–145. (In Russ.).
- Фортыгина Е.А. Водный кризис в Китае и крупные гидротехнические проекты // Региональная политика: опыт России и Китая. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2007. С. 173–200.
- Fortygina, E.A. (2007). *Water crisis in China and large hydraulic projects*. In: Regional politics: experience of Russia and China. Moscow. Far East Institute of the RAS. Pp. 173–200. (In Russ.).
- Чупин В.Р., Безруков Л.А., Шенькман Б.М. Основные проблемы питьевого водоснабжения в бассейне Ангары // Управление качеством р. Ангары / Материалы 3-го научно-методического семинара «Проблемы управления качеством воды в бассейне р. Ангары». М., 2000. С. 119–146.
- Chupin, V.R., Bezrukov, L.A., Shenkman, B.M. (2000). *The main problems of drinking water supply in the Angara basin*. In: Quality management of the Angara River / Materials of the 3rd scientific and methodological seminar «Problems of water quality management in the river basin Angara» Moscow. Pp. 119–146. (In Russ.).
- Шерстянкин П.П. Байкал, питьевая вода и устойчивое развитие: сегодня и в XXI веке // Химия в интересах устойчивого развития. 1997. № 5. С. 443–451.
- Sherstyankin, P.P. (1997). Baikal, drinking water and sustainable development: today and in the 21st century. *Chemistry for Sustainable Developmen*. No. 5. Pp. 443–451. (In Russ.).

Статья поступила 14.03.2024

Статья принята к публикации 21.03.2024

**Для цитирования:** *Корытный Л.М., Бережных В.В., Машуков М.Ю.* Возможности использования байкальской воды в Китае и Монголии // ЭКО. 2025. № 1. С. 220–231. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–220–231

### Информация об авторах

*Корытный Леонид Маркусович* (Иркутск) – доктор географических наук.

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН.

E-mail: kor@irigs.irk.ru; ORCID: 0000–0001–6022–1997

*Бережных Владимир Викторович* (Иркутск) – главный редактор медиапроекта «Евразийское обозрение».

E-mail: bvvttibet@mail.ru

*Машуков Михаил Юрьевич* (Иркутск) – аспирант.

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН.

E-mail: mikamash199818@gmail.com; ORCID: 0009–0007–7949–7951

### Summary

*L.M. Korytny, V.V. Bereznykh, M.Yu. Mashukov*

#### Opportunities for Using Baikal Water in China and Mongolia

**Abstract.** The authors consider the problem of global water crisis, where Russia can play a leading role in overcoming it. The paper advocates the necessity of developing a strategy for exporting Russian water resources. The authors propose approaches to assessing the export potential of Baikal water, primarily to China and Mongolia, which are experiencing a shortage of fresh water. One of them – bottling – is already being applied, although on an insufficient scale. A preliminary assessment of the possibility of transporting water by pipeline through Mongolia to China along the railroad or the Power of Siberia 2 gas pipeline has been carried out. The third option is supposed to regulate the inflow to Baikal by the Selenga River by creating reservoirs on the territory of Mongolia and Russia, with simultaneous solution of problems of reclamation of arid areas and protection from floods and high lake level rise.

**Keywords:** *water crisis; water deficit; Lake Baikal; export potential; water resource export; bottling; water transfer; regulation of the level of Lake Baikal*

**For citation:** Korytny, L.M., Bereznykh, V.V., Mashukov, M.Yu. (2025). Opportunities for Using Baikal Water in China and Mongolia. *ECO*. No. 1. Pp. 220–231. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–220–231

### Information about the authors

*Korytny, Leonid Markusovich* (Irkutsk) – Doctor of Geographical Sciences.

V.B. Sochava Institute of Geography, SB RAS.

E-mail: kor@irigs.irk.ru ORCID: 0000–0001–6022–1997

*Bereznykh, Vladimir Viktorovich* (Irkutsk) – Chief editor of the media project “Eurasian Review”.

E-mail: bvvttibet@mail.ru

*Mashukov, Mikhail Yurievich* (Irkutsk) – Graduate student.

V.B. Sochava Institute of Geography, SB RAS.

E-mail: mikamash199818@gmail.com ORCID: 0009–0007–7949–7951

# О возможностях ретроальтернативистики применительно к экономическому анализу<sup>1</sup>

**В.Л. Берсенёв, А.П. Горст**

УДК 338.2.332.012.2.

DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2025-1-232-243

**Аннотация.** Авторы статьи дают свой ответ на вопрос, знает ли история сослагательное наклонение. По их мнению, безальтернативным может быть только событийный ряд (хронология), а трактовка исторических процессов и явлений может принимать самые разнообразные формы. Отмечается, что ретроальтернативное прогнозирование на основе построения контрфактических моделей может наиболее продуктивно применяться в исследованиях по истории экономики. В статье приводится ряд примеров успешного проведения исследований в данном направлении. Вместе с тем подчёркивается, что ретроальтернативистика не создаёт параллельную реальность, а всего лишь позволяет подтвердить или опровергнуть возможность достижения каких-либо показателей при условии, что в точке бифуркации были приняты какие-то иные управленческие решения.

**Ключевые слова:** клиометрика; ретроальтернативистика; контрфактическое моделирование; точка бифуркации

## Немного об альтернативах

В интервью журналу «ЭКО» известный отечественный специалист в области исторической информатики, сопредседатель Научного совета РАН по экономической истории, член-корреспондент РАН Л.И. Бородкин вновь поднял вопрос о допустимости анализа альтернатив в рамках исторических, и даже более конкретно – историко-экономических исследований [Бородкин, 2021]. Для самого Леонида Иосифовича ответ на него всегда был однозначен. Ссылаясь на своего учителя и коллегу, академика АН СССР И.Д. Ковальченко, рассматривавшего альтернативы как историческую реальность, он ещё раз подчеркнул, что цель моделирования альтернативных исторических ситуаций – «оценить эффект тех или иных реализованных реформ, событий, произошедших в точках исторической развилки», а не поиск ответа на вопрос «что было бы, если...» [Бородкин, 2021. С. 12].

Тем не менее такого рода рассуждения и порождаемые ими споры, сводящиеся к словесным баталиям вокруг фразы «История не знает сослагательного наклонения», продолжают довольно долго и даже периодически обостряться. Однако можно заметить, что далеко не все и публицисты, и серьёзные аналитики в курсе того, откуда взялось это утверждение и насколько оно применимо к исследованиям в области истории экономики и экономических учений. Цель данной статьи – показать, что ретроальтернативистика как метод может быть вполне востребована в рамках экономического анализа, хотя не вправе претендовать на повсеместное применение.

<sup>1</sup> Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН, тема № 0327-2024-0024.

Помимо абстрактно-логического подхода к препарированию социальных процессов и явлений для доказательства тех или иных положений и гипотез издавна применялся и категориальный анализ. Даже в догматическом советском обществоведении признавалось, что научные категории «используются как своего рода логическая сетка, с которой учёный подходит к обобщению полученного материала, как определённая методологическая предпосылка научного исследования, которая помогает ему найти наиболее успешные пути научного познания мира» [Французова, 1969. С. 22].

В то же время, поскольку исследования в пространстве историко-экономической науки бессмысленно сводить исключительно к констатации на уровне «было – стало», в качестве своеобразной методической установки предстаёт мысль Дж.Н. Кейнса о том, что предназначение данной отрасли знания – иллюстрировать, критиковать экономические теории, обеспечивать обоснование новых теорий [Keynes, 1999. P. 122, 125].

### **К историографии вопроса об альтернативах**

Считается, что фразу «История не знает сослагательного наклонения» первым произнёс И.В. Сталин в беседе с немецким писателем Э. Людвигом, хотя документально сей факт не подтверждается. Впрочем, эта мысль была сформулирована задолго до него и в канонической версии звучала как «Die Geschichte kennt kein Wenn» или «История не знает никакого “Если”»<sup>2</sup>. Формальная разница в словосочетаниях не имеет значения, поскольку оба они несут одну и ту же смысловую нагрузку. К тому же надо учитывать, что в немецкой грамматике *konjunktiv* не совсем соответствует нашим представлениям о сослагательном наклонении, и поэтому «в оригинале» приписываемое Сталину выражение просто должно было звучать как-то иначе. Вместе с тем не мешало бы выяснить, откуда и почему появилась фраза, вплоть до настоящего времени ставящая под сомнение перспективы развития ретроальтернативистики (контрфактического<sup>3</sup> моделирования).

Первое письменное заявление о «Если» в истории сделал в конце XIX столетия профессор Гейдельбергского университета Карл Хампе в монографии, посвящённой Конрадину фон Гогенштауфену [Hampe, 1894]. Надо сказать, этот Конрадин хотя и занимал с малолетства сразу два королевских трона (в Иерусалиме и на Сицилии), а также был герцогом Швабии, ничем в истории не отличился. Самое, пожалуй, его знаменитое деяние – поход в итальянские земли с целью заполучить титул императора Священной Римской империи германской нации, которая представляла собой некий средневековый аналог Евросоюза. Представители рода Гогенштауфенов, включая Конрада IV – отца Конрадина – занимали этот пост с 1138 по 1254 гг., но самому ему не повезло. Поход не задался, и в 1268 г. незадачливый соискатель главного европейского трона был казнен в Неаполе.

Казнь особы королевских кровей, да ещё и пребывающей в нежном 16-летнем возрасте – событие неординарное. Поэтому Конрадину посвятили немало драматических произведений и стихов на разных европейских языках, а Мартин Лютер называл

<sup>2</sup> Другой вариант перевода: «История не знает слова “Если”».

<sup>3</sup> Более правильно было бы использовать определение «контрафактическое», но контрафакт – это что-то из области незаконных экспортно-импортных операций. Поэтому ретроальтернативисты предпочитают слегка подправлять требования грамматики русского языка.

его жертвой злоупотребления властью со стороны папы Римского. Соответственно, и К. Хампе уделил внимание его жизни и смерти на волне бытовавших в современной ему Германии антифранцузских настроений (разбили Конрадина в битве при Тальякцо как раз французские рыцари под началом Карла Анжуйского).

В главе 11 под показательным названием «Конец» К. Хампе пытается представить, что могло произойти в случае победы Конрадина, и даже выдаёт масштабное предположение, что тогда «ход мировой истории мог бы принять во многих отношениях совершенно иной вид» [Hampe, 1894. S. 327]. Далее как раз и звучит утверждение, что всё же история не знает никакого «Если», зато пример печальной судьбы Конрадина позволил удержать «других от того же курса». Однако из контекста ясно, что речь идёт о событийном ряде, то есть об истории как хронологии, и в самом деле не знающей «сослагательного наклонения». Трактовка же тенденций, процессов и явлений под это ограничение не попадает.

Собственно говоря, именно это и имел в виду Л.И. Бородкин, приводя в интервью в качестве примеров результаты не только своих исследований, но и модели контрфактического моделирования из работ зарубежных коллег. В частности, он ссылался на монографию Р. Аллена «От фермы к фабрике: Новая интерпретация советской промышленной революции» [Аллен, 2013], построившего многосекторную имитационную модель советской экономики периода 1920–1930-х гг. При этом сам Р. Аллен никаких сомнений по поводу допустимости такого подхода не испытывал и заявлял прямо: «Сравнение имитационных моделей альтернативной политики и институтов позволяет определить факторы, обусловившие быстрое развитие после 1928 г., и их относительную важность. Например, для того чтобы определить значение фактора коллективизации в истории страны, рост может быть смоделирован как с её учетом, так и без. Модели также помогают рассмотреть другие вопросы, включая возможности развития нэпа и особенности социализма, ускорившие индустриализацию в 1930-х гг.» [Аллен, 2013. С. 203].

Между прочим, рецензируя эту монографию, бразильский экономист М. Коутиньо [Coutinho, 2009] увидел нечто большее и заявил, что «От фермы к фабрике» представляет собой особую версию экономической истории с использованием моделей и методов, свойственных экономической теории, для того, чтобы выявить *рациональность* исторических процессов.

Не менее весомо звучат выводы, представленные в монографии немецкого историка А. Демандта «Неоконченная история» [Demandt, 2011]. Написанная по результатам методологического семинара, проведённого в Свободном университете Берлина в зимнем семестре 1983/84 г., эта небольшая книга выдержала несколько переизданий и стала для поклонников ретроальтернативистики «классикой жанра». Отвечая оппонентам, А. Демандт не без иронии указывает: «Обычно историки подчёркивают недопустимость вопросов о “Если” именно тогда, когда они сами дошли до той точки, где уже не могут их избежать...» [Demandt, 2011. P. 23]. В защиту же рассмотренных по ходу семинара альтернатив он утверждает: «Поэтому нам нужны ответы на вопрос “Что было бы, если бы...” для понимания ситуаций принятия решений, для взвешивания причинно-следственных факторов, для обоснования оценочных суждений, а также, если мы хотим оценить различные вероятности событий» [Demandt, 2011. P. 23].

Одним словом, есть множество аргументов в пользу того, что спор учёных педантов о «сослагательном наклонении» имеет предметом вовсе не лингвистическое недоразумение (см., например: [Бирюков, Желудова, 2023]). В начале 2000-х гг. альтернативную историю всерьёз обсуждали профессиональные историки, ей посвящали тематические сборники, университетские спецкурсы и диссертации. Однако сложно игнорировать тот факт, что нарративные модели «несбывшейся истории» Н.Я. Эйдельмана, Ю.М. Лотмана или И.В. Бестужева-Лады непроверяемы. Историк может обосновать новую гипотезу ссылкой на архивные изыскания или археологические находки, но только в фантастической литературе он способен проникнуть в параллельный мир и предъявить доказательство реалистичной альтернативы (конечно же, отрицать её вероятность при наличии достаточных оснований никто не будет).

Исключением является военная история, так как штабные игры с неперменной отработкой различных сценариев с конца XIX в. входили в число основных методов подготовки органов управления армии и флота различных стран [Griffith, Curry, 2021]. Более того, военно-историческая альтернативистика даже «обросла» собственной достаточно авторитетной литературой [А что, если бы..., 2003; и др.]. В кулуарах же соответствующих форумов гуляет шутка, что, в отличие от представителей других отраслей знания, военные ретроальтернативисты точно знают, когда родилась их наука – 18 июня 1815 г. в день битвы при Ватерлоо.

При этом любые рассуждения военных историков, что бы делал Наполеон I после победы при Ватерлоо, бессмысленны без анализа ресурсного потенциала Франции на момент наступления «101-го дня». Между тем такой анализ дал четкое понимание, что сопротивляться очередной антинаполеоновской коалиции императору просто было нечем. Иными словами, история экономики предоставляет больше возможностей для оценки альтернатив, нежели военная или просто история, хотя бы потому, что оперирует объективными количественными показателями.

### **Что есть экономическая ретроальтернативистика**

Вполне закономерно, что научное представление о возможных развилках в истории связано с появлением так называемой «новой экономической истории», или клиометрики, использующей математико-статистические и количественные инструменты для изучения социально-экономических процессов прошлого. Математический подход а ргіогі подразумевает количественную оценку последствий альтернативных сценариев, а также их вероятности и обоснованности. Специфика же клиометрики заключается в том, что эконометрические методы перенесены в исторические декорации.

Как показал М. Блауг, проверка любой статистической гипотезы всегда зависит от альтернативы, с которой её сравнивают [Блауг, 2004. С. 67–68]. Так и применение эконометрики в изучении прошлого неизбежно приводит к рассмотрению вариативных сценариев. Проблема в том, что историки с их попытками «обсчитать» такие сценарии на основе имеющихся источников неизбежно встречаются со скептическим отношением многих экономистов к чрезмерной математизации, и порой даже с их принципиальным нежеланием подвергать свои гипотезы верификации [Блауг, 2004. С. 30–32, 126–149, 358–365].

Безусловно, самый яркий пример тому дает Дж.М. Кейнс, сравнивший эконометрику с алхимией. Примечательно и то, что по итогам знаменитых «дебатов Кейнса – Тинбергена»

сами кейнсианцы победителем считали Я. Тинбергена, которого часто называют одним из отцов-основателей эконометрики. Однако последующее развитие этой дисциплины во многом оказалось связано с поисками ответов на поставленные Дж.М. Кейнсом вопросы, а его эпистемологические возражения до сих пор сохраняют силу (см. подробнее: [Капелюшников, 2024]).

Сложнее обстоит дело с Л. фон Мизесом и его знаменитым утверждением: «Таким образом, статистика является специфическим методом истории» [Mises, 2006. P. 50]. Если довести эту мысль до логического конца, можно сделать вывод, что эконометрика возможна только в форме клиометрики. Кстати, свое знание математики Л. фон Мизес успешно использовал во время службы офицером артиллерии в Kaiserlich-Königliche Armee в 1914–1917 гг., и, по всей вероятности, война утвердила его отвращение к любым попыткам точного математического прогнозирования. Разве что он мог на практике убедиться в справедливости поговорки о снаряде, который в одну и ту же воронку не попадает дважды...

Возможности ретроальтернативистики наглядно продемонстрировал Р. Фогель, когда попытался проверить на языке чисел восторженные оценки железнодорожного бума в США в середине XIX в. Его контрфактическая модель отвечала на вопрос, как бы развивались Соединённые Штаты, продолжая передвигаться преимущественно на дилижансах и пароходах. Результаты расчётов получились весьма неожиданными: вклад железнодорожного строительства в американскую экономику оказался невелик [Fogel, 1962]. Следующее масштабное клиометрическое исследование «Время на крепосте. Экономика американского рабовладения» [Fogel, Engerman, 1984] опровергло ещё один популярный тезис о том, что к середине XIX столетия рабство изжило себя с хозяйственной точки зрения.

О сохранении рентабельности плантационного, то есть рабовладельческого, по сути, хозяйства в условиях промышленной революции писали ещё А. Конрад и Дж. Мейер [Conrad, Meyer, 1958], но именно Р. Фогель своими яркими работами обеспечил экономической ретроальтернативистике известность, местами даже скандальную. Порожденные ими споры иногда выходили за рамки академической дискуссии, что не помешало Банку Швеции удостоить Р. Фогеля и Д. Норта премии памяти А. Нобеля «за работы в области новой экономической истории» (1993 г.). По мнению Б.Н. Миронова, дискуссии о роли железных дорог и об эффективности рабского труда «способствовали популяризации нового направления больше, чем десятки спокойных, ничем не примечательных работ» [Миронов, 1991. С. 8].

Ретроальтернативистские подходы приносят успех и экономистам-теоретикам. Убедительный пример тому – ставшее классическим исследование М. Фридмана и А. Шварц «Денежная история США». Они показали, что денежная масса, сохраняя устойчивость по величине до 1914 г., обеспечивала стабильный рост американской экономики, да и «Великая депрессия» могла бы окончиться гораздо раньше, в 1931 г., если бы Федеральная резервная система не увлеклась сокращением денежной массы в качестве антикризисной меры [Friedman, Schwartz, 1963. P. 291–292, 298]. Но это всего лишь один из частных выводов, а главным результатом исследования надо признать обоснование «денежного правила Фридмана» – квинтэссенции монетаризма [Фридмен, 1996].

Классикой стала и работа В.О. Ключевского о «дворянском оскудении» в Российской империи к началу царствования Александра II, завершающаяся выводом:

«Если бы мы предположили вероятность дальнейшего существования крепостного права еще на два-три поколения, то и без законного акта, отменившего крепостную зависимость, дворянские имения все стали бы государственной собственностью. Так экономическое положение дворянского хозяйства подготовило уничтожение крепостного права, ещё в большей степени подготовленное необходимостью нравственною» [Ключевский, 1989. С. 262].

Вряд ли при этом нужно доказывать, что В.О. Ключевский не имел отношения к клиометрике, хотя своё мнение он подтверждал количественными данными, а его утверждения можно легко проверить расчётами. Не были клиометристами и В.А. Устинов (историк), А.С. Гусейнова и Ю.А. Павловский (математики), совместную работу которых по моделированию Пелопонесской войны высоко оценил академик Н.Н. Моисеев [Гусейнова и др., 1984].

Напротив, академик И.Д. Ковальченко, не отрицая значимости исторических альтернатив, к контрфактическим моделям относился скорее негативно. И все же в своём исследовании столыпинской аграрной реформы он не отказал себе в удовольствии задать вопрос: «Что было бы, если...». Ретропрогноз при гипотетических условиях продолжения реформ показал, что в этом случае к началу 1920-х гг. поляризация деревни на бедное большинство и малочисленных богачей значительно усилилась [Ковальченко, 1991].

Надо сказать, что исследования ретроальтернативного характера проводились не только в столицах. Так, в 2006 г. сотрудники Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург) смоделировали довольно достоверный вариант развития сельского хозяйства Среднего Урала в 1995–1998 гг. при условии, что увлечённые либеральными экспериментами высшее руководство страны приняло бы решение о «всеобщей фермеризации» сельского хозяйства [Берсенёв, Горст, 2007]. Имитационный эксперимент показал, что даже в самых идеальных обстоятельствах объём производства в фермерских хозяйствах не достиг бы и 10% от общего объёма сельхозпродукции в Свердловской области. Предполагалось же, что, занимая всего лишь 7% общей площади сельхозугодий, фермеры бы обеспечили до 24% объёма производства (в хозяйствах всех категорий) [Берсенёв, Горст, 2007. С. 41].

Распространению клиометрики способствует, в частности, развитие научного инструментария. В наши дни историку-экономисту не обязательно становиться программистом, поскольку он может использовать методы естественного эксперимента [Тухтарова, 2022], или даже «играть» с готовой экономической моделью как с симулятором [Мицек, 2023]. При этом российские исследователи «старой школы» критически относятся к самому термину «клиометрика», рассуждая об «исторической информатике» (historical computing), «цифровой истории» (digital history) или квантификации. Например, в монографии Л.И. Бородкина «Моделирование исторических процессов» слово «клиометрика» встречается всего один раз [Бородкин, 2016. С. 21].

Кроме того, на данный момент в научном сообществе не сложилось единой точки зрения по поводу необходимости выделения клиодинамики в самостоятельную дисциплину и демаркации между количественной историей (квантификацией) и клиометрикой [Diebolt, Haupert, 2016; Feinstein, Nthomas, 2002; Hudson, Ishuzu, 2017; Lemercier, Zalc, 2019].

## Бифуркация как источник альтернатив

В клиометрике (признаем за этим термином право на существование) пока остаются нерешёнными проблемы «реальности» допущений альтернативно-исторических сценариев – их внутренней логичности, допустимой степени вероятности предлагаемых событий и оптимальности допущений. На наш взгляд, научному ретропрогнозу должно предшествовать детальное изучение бифуркационных точек – ключевых моментов истории, во время которых происходит выбор пути дальнейшего развития общества из веера различных альтернатив. Выбор в таких ситуациях практически всегда происходит в условиях неопределённости и неустойчивости баланса сил, поэтому на бифуркацию могут повлиять абсолютно, на первый взгляд, ничтожные и субъективные обстоятельства.

Термин «бифуркация» (фр. bifurcation – раздвоение, ветвление) ввел в научный обиход А. Пуанкаре в 1885г. Сегодня он широко применяется в биологии, физике, химии, и т.д., и, как мы видим, в таких социальных науках, как история и экономика. В непосредственной близости от точки бифуркации существенную роль приобретают малые возмущения значений параметров системы. Эти возмущения могут носить как чисто случайный характер, так и быть целенаправленными. Именно от них зависит, по какой эволюционной ветви пойдёт система дальше. Если до прохождения точки бифуркации ее поведение более-менее жестко детерминировано, то в самой этой точке решающую роль играет случай. Кстати, одна из задач историков в ретроальтернативистике в том и заключается, чтобы с опорой на источники показать, как субъективные обстоятельства сочетаются с математически обусловленной неизбежностью.

При этом, в частности, следует соблюдать ряд предварительных условий, обеспечивающих достаточную объективность получаемых выводов.

1. «Точка бифуркации» должна быть конкретно определённой и связанной с реальными событиями, допускающими различные тенденции в последующей эволюции системы. К примеру, в опыте по ретроальтернативному прогнозированию, осуществлённому в 2006 г. в Институте экономики УрО РАН, за точку отсчёта был принят штурм «Белого дома» 3–4 октября 1993 г., когда вследствие «головокружения от успехов» правительственные младореформаторы могли принять какое угодно решение, в том числе и по насильственному роспуску крупных сельскохозяйственных предприятий как наследия «тоталитарного прошлого».

2. Допущения, лежащие в основе ретроальтернативных прогнозов, не должны быть фантастическими. Решение о «всеобщей фермеризации» агропродовольственного сектора представляется вполне допустимым, а вот идея вообще отказаться от сельского хозяйства и закупать всё необходимое продовольствие на «нефтедоллары» кажется невероятной даже в тех политических условиях.

3. Привлекаемые для расчётов статистика и иные информационные материалы должны быть достоверными, подтверждаемыми общепризнанными источниками [Берсенёв, Горст, 2007. С. 35–36].

В то же время следует учитывать, что понятие «бифуркация» преодолело границы математического дискурса после работ И. Пригожина, М. Эйгена и Г. Хакена, которые независимо друг от друга сформулировали принципы самоорганизации, общие для целого класса явлений, формально относящихся к разным наукам – от нелинейных

колебательных систем в физике до макромолекул в биологии. Основанный на этих принципах междисциплинарный подход был назван синергетикой<sup>4</sup>.

Во избежание недоразумений отметим, что в применении и трактовке этого термина тоже есть нюансы. Так, в «брюссельской школе» И. Пригожина синергетику именуют «теорией диссипативных структур», или «неравновесной термодинамикой». В 1975 г., после исследований Э.Н. Лоренца и повторного открытия бифуркации Э. Хопфом появилась «теория хаоса» [Li, Yorke, 1975], и создавали её математики (С. Смэйл, Дж. Гукенхеймер, Дж. Йорк, М. Фейгенбаум, Д. Рюэль, Ф. Такенс). При этом до конца 1980-х гг. серьезную конкуренцию ей составляла теория особенностей (Х. Уитни, Р. Том, К. Зиман), в которой в качестве синонима «бифуркации» нередко использовался термин «катастрофа».

В связи с этим В.И. Арнольд писал: «Чтобы избежать схоластического диспута, я называю катастрофистами тех, кто сам заявляет, что его работа относится к теории катастроф, предоставляя тем самым свободный выбор между терминами “особенности”, “бифуркации” и “катастрофы” авторам соответствующих работ» [Арнольд, 1990. С. 4]. По нашему мнению, поддерживаемому коллегами [Лаврикова и др., 2023], разделение понятий синергетики и теории хаоса тоже представляется схоластикой, так как теория хаоса является разделом математики и не претендует на звание самостоятельной науки.

Г. Хакен в предисловии к новому изданию своей книги «Тайны природы» разъяснил суть дела следующим образом: «К уже существовавшей ранее главе о хаосе я добавил еще одну, освещающую теоретические положения этой отрасли науки. Это показалось мне тем более уместным, что о теории хаоса написано и сказано уже немало глупостей (особенно в некоторых средствах массовой информации). Благодаря этой новой главе становится также ясно, насколько тесно связана возникшая недавно теория хаоса с уже существующей синергетикой, и что многое из того, что сегодня приписывают теории хаоса, уже было открыто и исследовано в рамках синергетики» [Хакен, 2003. С. 10–11].

При этом нужно иметь в виду, что синергетика – не астрология, и «звёздные часы» человечества» могут не совпадать с подлинными точками бифуркаций – малозаметными событиями, из-за которых альтернатива теряет вероятность, личность превращается в ничтожество, а героические подвиги становятся бессмысленным самопожертвованием. Зато благодаря работам В.-Б. Занга<sup>5</sup> [Занг, 1999] можно имитировать бифуркацию в теоретических моделях с условными показателями, хотя и в этом случае работа требует сложных расчётов и не даёт гарантий для применения уже найденных уравнений в других областях.

## Заключение

Продолжающееся развитие информационных технологий оказало значительное влияние на способность клиометристов обрабатывать большие наборы данных, а также делиться результатами своих исследований [Hauptert, 2017]. Ретроальтернативистика

---

<sup>4</sup> Удачным примером использования синергетики в количественной истории является работа [Бородкин, 2003].

<sup>5</sup> Отечественные издатели предпочли именно такую транскрипцию фамилии уважаемого профессора Ritsumeikan Asia Pacific University, хотя правильное её произношение как Чжан.

уже внесла значительный вклад в развитие экономической теории, сочетая исторические, теоретические изыскания с количественными методами верификации, создавая новые и пересматривая старые базы данных, подвергая сомнению и переоценке устоявшиеся выводы. Она значительно расширила наше понимание методов измерения экономического роста и развития, открыв дискуссии по институциональным и антропометрическим вопросам.

Для экономического анализа в целом полезна любая информация, которую можно найти как в реальной, так и в альтернативной истории экономики. Вместе с тем следует иметь в виду, что результатом ретроальтернативного прогнозирования не должны становиться сюжеты о параллельных вселенных в духе Ф. Дика или В.Д. Звягинцева. Контрфактическое моделирование призвано подтвердить или опровергнуть возможность изменения каких-либо показателей в уже состоявшейся реальности, но – при принятии иных управленческих решений.

Отсюда, возвращаясь к интервью Л.И. Бородкина, можно продолжить одно из его утверждений. Он говорил об исторической развилке, пройденной Китаем на рубеже 1970–1980-х гг., то есть об экономической реформе под руководством Дэн Сяопина [Бородкин, 2021. С. 26]. Спустя десятилетие Россия также оказалась перед выбором. Рыночные преобразования 1990-х гг. – уже история со своей сложившейся историографией [Татаркин, Берсенёв, 2016; и др.]. Не пришло ли время оценить альтернативы?

## Литература/ References

- А что, если бы?...: Альтернативная история / Сост.: Р. Коули; Пер. с англ. В. Волковского. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 604 с.
- What if...?: Alternative History.* (2003). / Ed. by Robert Cowley. Moscow: AST. 604 p. (In Russ.).
- Аллен Р. От фермы к фабрике: Новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. 390 с.
- Allen, R.C. (2013). *From Farm to Factory: Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution.* Moscow. ROSSPEN Publ. 390 p. (In Russ.).
- Арнольд В.И. Теория катастроф. – 3-е изд., доп. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1990. 128 с.
- Arnold, V.I. (1990). *The Theory of Catastrophes.* Moscow. Nauka Publ. 128 p. (In Russ.).
- Берсенёв В.Л., Горст А.П. Опыт ретроальтернативного прогнозирования развития социально-экономических систем (на примере сельского хозяйства Свердловской области в 1990-е годы) // Экономика региона. 2007. № 2. С. 33–43.
- Bersenev, V.L., Horst, A.P. (2007). The Experience of Retroalternative Prognosing of Socio-economic Systems Development (on the Example of Agricultural Complex of Sverdlovskaya Area in 1990 years). *Economy of Region.* No. 2. Pp. 33–43. (In Russ.).
- Бирюков Н.И., Желудова Н.Ф. К вопросу о культуре историографического дискурса. Знает ли история сослагательное наклонение?// Концепт: философия, религия, культура. 2023. Т. 7. № 2. С. 19–35.
- Biryukov, N.I., Zheludova, N.F. (2023). On the Culture of Historiographical Discourse. Does history know the subjunctive mood? *Concept: Philosophy, Religion, Culture.* Vol.7. No. 2. Pp.19–35. (In Russ.).
- Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. Ю.В. Автономова / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. 416 с.
- Blaug, M. (2004). *The Methodology of Economics or how Economists explain* / Ed. V.S. Avtonomov. Moscow. Economic issues. 416 p. (In Russ.).

О возможностях ретроальтернативистики  
применительно к экономическому анализу

- Бородкин Л.И.* Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетейя, 2016. 306 с.
- Borodkin, L.I. (2016). *Modeling of Historical Processes: From Reconstruction of Reality to Analysis of Alternatives*. Moscow. Aleteya Publ. 306 p. (In Russ.).
- Бородкин Л.И.* Порядок из хаоса: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 98–118.
- Borodkin, L.I. (2003). Order out of Chaos: Synergetic Concepts in the Methodology of Historical Research. *Modern and Contemporary History*. No. 2. Pp. 98–118. (In Russ.).
- Бородкин Л.И.* Преемственность и разрывы в экономической истории России XIX–XX вв. // ЭКО. 2021. № 4. С. 8–28. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–4–28
- Borodkin, L.I. (2021). Continuity and Gaps in the Economic History of Russia in the 19<sup>th</sup>–XX<sup>th</sup> Centuries. *ECO*. No. 4. Pp. 8–28. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–4–28
- Гусейнова А.С., Павловский Ю.Н., Устинов В.А.* Опыт имитационного моделирования исторического процесса / Под ред. Н.Н. Моисеева. М.: Наука, 1984. 160 с.
- Guseynova, A.S., Pavlovskiy, Yu.N., Ustinov, V.A. (1984). *Experience in Simulation Modeling of the Historical Process* / Ed. N.N. Moiseev. Moscow. Nauka Publ. 160 p. (In Russ.).
- Занг В.-Г.* Синергетическая экономика: Время и перемены в нелинейной экономической теории / Пер. с англ. Н.В. Островской, под ред. В.В. Лебедева и В.Н. Разжевайкина. М.: Мир, 1999. 335 с.
- Zhang, Wei-Bin. (1999). *Synergetic Economics. Time and Change in Nonlinear Economics*. Moscow. Mir Publ. 335 p. (In Russ.).
- Капельюшников Р.И.* Юность эконометрики: кейнсианцы contra Кейнс: препринт.WP3/2024/0 / Нац. исслед. ун-т «ВШЭ». М.: Изд. дом ВШЭ, 2024. 48 с.
- Kapeliushnikov, R.I. (2024). *Youth of econometrics: Keynesians contra Keynes*. Moscow. HSE Publishing House. 48 p. (In Russ.).
- Ключевский В.О.* Курс русской истории, ч. 5 / Послесл. и коммент. В.А. Александров, В.Г. Зими́на. М.: Мысль, 1989. 476 с.
- Kliuchevskiy, V.O. (1989). *Course of Russian History*. Vol.5. / Ed. V.A. Aleksandrov, V.G. Zimina. Moscow. Mysl Publ. 476 p. (In Russ.).
- Ковальченко И.Д.* Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2. С. 52–72.
- Kovalchenko, I.D. (1991). Stolypin agrarian reform (Myths and reality). *History of the USSR*. No. 2. Pp. 52–72. (In Russ.).
- Лаврикова Ю.Г., Бучинская О.Н., Мыслякова Ю.Г.* Теория хаоса: расширение границ экономических исследований // AlterEconomics. 2023. № 20. С. 79–109.
- Lavrikova, Yu.G., Buchinskaya, O.N., Myslyakova, Yu.G. (2023). Chaos Theory: Expanding the Boundaries of Economic Research. *AlterEconomics*. No. 20(1). Pp. 79–109. (In Russ.).
- Миронов В.Н.* История в цифрах (Математика в исторических исследованиях) / Под ред. И.Д. Ковальченко. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. 166 с.
- Mironov, V.N. (1991). *History in numbers (Mathematics in Historical Studies)* / Ed. I.D. Kovalchenko. Leningrad. Nauka. Len. Branch. 166 p. (In Russ.).
- Мицек С.А.* Основные результаты эконометрической модели экономики Российской Федерации в версии 2019 года. Приложения 1–5. [Эл. ресурс]. URL: <https://gu-ural.ru/faculties/business-and-management/stranichka-dekana-publikatsii/> (дата обращения: 06.06.2024).
- Mitseck, S.A. (2023). *Main Results of the Econometric Model of the Russian Federation Economy in the 2019 Version*. Appendices 1–5. (In Russ.). Available at: <https://gu-ural.ru/faculties/business-and-management/stranichka-dekana-publikatsii/> (accessed 06.06.2024).

- Татаркин А.И., Берсенёв В.Л. Крутой разворот к рынку. Экономическая реформа в России (1992–1998 гг.) и её последствия // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып.2. С. 325–341.
- Tatarkin, A.I., Bersenev, V.L. (2016). Sharp Turn to the Market. Economic Reform in Russia (1992–1998) and Its Consequences. *Economy of Region*. Vol.12. No. 2. Pp. 325–341. (In Russ.).
- Тухтарова Е.Х. Естественные эксперименты в экономике // Human Progress. 2022. Т. 8. Вып. 3. [Эл. ресурс]. URL: [http://progress-human.com/images/2022/Том8\\_3/Tukhtarova.pdf](http://progress-human.com/images/2022/Том8_3/Tukhtarova.pdf) (дата обращения: 06.06.2024).
- Tukhtarova, E.Kh. (2022). Natural Experiments in Economics. *Human Progress*. Vol. 8. No. 3. (In Russ.). Available at: [http://progress-human.com/images/2022/Том8\\_3/Tukhtarova.pdf](http://progress-human.com/images/2022/Том8_3/Tukhtarova.pdf) (accessed 06.06.2024).
- Французова Н.П. Марксистско-ленинская философия – методология естественных и общественных наук. М.: Мысль, 1969. 96 с.
- Frantsuzova, N.P. (1969). *Marxist-Leninist Philosophy – Methodology of Natural and Social Sciences*. Moscow. Mysl Publ. 96 p. (In Russ.).
- Фридмен М. Количественная теория денег. М.: «Эльф пресс», 1996. 131 с.
- Friedman, M. *Quantity Theory of Money*. Moscow. Elf press. 131 p. (In Russ.).
- Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии / Пер. с нем. А.Р. Логунова. М. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. 320 с.
- Haken, H. (2003). *Erfolgsgeheimnisse der Natur. Synergetik: Die Lehre vom Zusammenwirken*. Moscow-Izhevsk: Institute for Computer Research. 320 p.
- Conrad, A.H., Meyer, J.R. (1958), The Economics of Slavery in the Ante Bellum South. *Journal of Political Economy*. No. 66. Pp. 94–130.
- Coutinho, M.Ch. (2009). Farm to Factory/ A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. *Economia e Sociedade*. V.18. No. 1 (35). Pp. 233–236.
- Demandt, A. (2011). *Ungeschehene Geschichte. Ein Traktat über die Frage: Was wäre geschehen, wenn...?* Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht. 193 p.
- Diebolt, C., Hauptert, M. (ed.). (2016). *Handbook of Cliometrics*. Berlin and Heidelberg: Springer. 590 p.
- Feinstein, C.H., Thomas, M. (2002). *Making History Count: A Primer in Quantitative Methods for Historians*. Cambridge: Cambridge University Press. 547 p.
- Fogel, R.W. (1962). A Quantitative Approach to the Study of Railroads in American Economic Growth: A Report of Some Preliminary Findings. *Journal of Economic History*. No. 22. Pp. 163–197.
- Fogel, R.W., Engerman, S.L. (1984). *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. N.Y.: New York University Press. 286 p.
- Friedman, M., Schwartz A.J. (1963). *A Monetary History of United States 1867–1960*. Princeton: Princeton University Press. 860 p.
- Griffith, P., Curry J. (2021). *Paddy Griffith's Wargaming Operation Sealion: The Game that Launched Academic Wargaming*. Amazon Digital Services LLC – Kdp. 144 p.
- Hudson, P., Ishizu M. (2017). *History by Numbers: An Introduction to Quantitative Approaches* (second edition). London: Bloomsbury. 339 p.
- Hampe, K. (1894). *Geschichte Konradins von Hohenstaufen*. Innsbruck: Verlag der Wagner'schen Universitäts-Buchhandlung. 394 s.
- Hauptert, M. (2017). The Impact of Cliometrics on Economics and History. *Revue d'économie politique*. Vol. 127. Pp.1059–1081.
- Keynes, J.N. (1999). *The Scope and Method of Political Economy*. Kitchener: Batoche Books. 231 p.
- Lemercier, C., Zalc, C. (2019). *Quantitative Methods in the Humanities: An Introduction*. Charlottesville: University of Virginia Press. 177 p.

## О возможностях ретроальтернативистики применительно к экономическому анализу

Li, T.-Y., Yorke, J.A. (1975). Period Three Implies Chaos. *American Mathematical Monthly*. Vol. 82. No. 10 (Dec.). Pp. 985–992.

Mises, L. (2006). *The Ultimate Foundation of Economic Science: An Essay on Method*. Indianapolis: Liberty Fund. 120 p.

Статья поступила 08.05.2024

Статья принята к публикации 19.06.2024

**Для цитирования:** Берсенёв В.Л., Горст А.П. О возможностях ретроальтернативистики применительно к экономическому анализу // ЭКО. 2025. № 1. С. 232–243. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–232–243

### Информация об авторах

*Берсенёв Владимир Леонидович* (Екатеринбург) – доктор исторических наук, профессор. Институт экономики УрО РАН.

E-mail: colbers@bk.ru; ORCID: 0000–0002–3554–6965

*Горст Алексей Петрович* (Нижний Тагил) – преподаватель.

Учебно-методический центр по ГОЧС Свердловской области.

E-mail: alexhorst71@gmail.com; ORCID: 0009–0006–2285–8827

### Summary

*V.L. Bersenev, A.P. Horst*

#### On the Possibilities of Retro-Alternative Studies in Relation to Economic Analysis

**Abstract.** The authors of the paper answer the question whether history knows the subjunctive mood. In their opinion, only the event series (chronology) is non-alternative, and the interpretation of historical processes and phenomena can take a variety of forms. It is pointed out that retroalternative forecasting based on the construction of counterfactual models can be most productively applied in studies of economic history. The paper gives a number of examples of successful research in this direction. At the same time, it is emphasized that retroalternativism does not create a parallel reality, but only allows to confirm or reject the possibility of attaining any indicators, provided that different managerial decisions were made at the bifurcation point.

**Keywords:** *cliometrics; retro-alternative studies; counterfactual modeling; bifurcation point*

**For citation:** Bersenev, V.L., Horst, A.P. (2025). On the Possibilities of Retro-Alternative Studies in Relation to Economic Analysis. *ECO*. No. 1. Pp. 232–243. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–232–243

### Information about the authors

*Bersenev, Vladimir Leonidovich* (Ekaterinburg) – Doctor of History Sciences. Institute of Economics, UB RAS.

E-mail: colbers@bk.ru; ORCID: 0000–0002–3554–6965

*Horst, Alexei Petrovich* (Nizhny Tagil) – Lecturer.

Training Center for Civil Defense and Emergencies of the Sverdlovsk Region.

E-mail: alexhorst71@gmail.com; ORCID: 0009–0006–2285–8827

# Новое прочтение экономической истории (о Нобелевской премии по экономике 2024 года)

**Ю.П. Воронов**

УДК 330.88

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-244-257

**Аннотация.** В статье рассматриваются научные результаты лауреатов Нобелевской премии по экономике 2024 г. Особое внимание уделено воздействию этих результатов на современное понимание экономической истории и определяющих её факторов. Охарактеризованы отличия новой институциональной школы, которую представляют лауреаты, от предшествующих работ институционалистов. Рассмотрено видение авторов государства как «сборной» категории, представленной совокупностью элит, причастных к принятию государственных решений. От точечных сравнений отдельных кейсов лауреаты переходят к исследованиям исторического пути экономик разных стран, объясняя, в частности, парадоксы экономических систем СССР и Китая, которые успешно развивались, несмотря на преобладание в них неэффективных (экстрактивных) институтов. Затронуты вопросы отказа лауреатов от использования экономико-математических методов в своих исследованиях, выбранной ими аргументации для объяснения страновых различий в темпах научно-технического прогресса.

**Ключевые слова:** экономическая история; Нобелевская премия по экономике; экстрактивные институты; инклюзивные институты; научно-технический прогресс; СССР; Китай; Россия; Англия; математические методы в экономике

Лауреаты Нобелевской премии по экономике, которая официально называется премией Банка Швеции по экономике памяти Альфреда Нобеля 2024 г., были вполне ожидаемыми. В особенности это касается **Дарона Аджемоглу** (Daron Acemoglu), который включался в краткий список кандидатов на премию Нобелевского комитета уже полтора десятка раз. Он родился в 1967 г. в Стамбуле в армянской семье, степень бакалавра получил в Великобритании, в Университете Йорка, магистерскую и докторскую степени – в Лондонской школе экономики. В возрасте 25 лет перебрался в США, начал преподавать в Массачусетском технологическом институте, где с 2004 г. заведует кафедрой экономики.

Двух других лауреатов 2024 г. в СМИ обычно представляют как соавторов Дарона Аджемоглу, хотя они интересны и сами по себе. В частности, профессор Чикагского университета **Джеймс Алан Робинсон** широко известен своей книгой о несовершенной конкуренции [Робинсон, 1986]. Он родился в 1960 г. в Великобритании, окончил бакалавриат Лондонской школы экономики. После получения степени магистра в Йельском университете три года преподавал в Австралии, затем перебрался в США. Сначала преподавал в Университете Южной Калифорнии, в Калифорнийском университете (Беркли) и в Гарвардском университете. С 2015 г. он – профессор Школы публичной политики им. Харриса Чикагского университета. Школа известна тем, что три её профессора были удостоены Нобелевской премии по экономике: Джеймс Хекман (2000 г.), Роджер Майерсон (2007 г.) и Майкл Кремер (2019 г.). Ещё четыре представителя Чикагского университета получали премию в других научных дисциплинах.

Третий лауреат 2024 г. – **Саймон Джонсон** родился в Великобритании в 1963 г. Получил степень магистра экономики в Манчестерском университете, а степень доктора – в Массачусетском технологическом институте (в 1989 г.), где с перерывами преподаёт до настоящего времени. За свою карьеру он успел поработать в частном Университете Дьюка (штат Северная Каролина), руководил Центром развития менеджеров в Санкт-Петербурге (Россия), возглавлял научно-исследовательский отдел (был главным экономистом) Международного валютного фонда. Его книга «13 Bankers: The Wall Street Takeover and the Next Financial Meltdown» («13 банков, которые правят миром») стала бестселлером [Джонсон, Квак, 2013].

В сопроводительном письме нобелевского комитета говорится, что «лауреаты этого года нашли новое понимание, почему страны мира значительно различаются по уровню благосостояния. Одно из самых важных объяснений – очень разные общественные институты»<sup>1</sup>.

Перед тем, как обсуждать вклад лауреатов, определим, что такое «институт» в понимании современной экономической науки. В формулировке Дугласа Норта, лауреата Нобелевской премии по экономике 1993 г., «институты – это разработанные людьми ограничения, которые структурируют политические, экономические и социальные взаимодействия. Они состоят как из неформальных ограничений (санкции, табу, обычаи, традиции, правила поведения), так и из формальных правил (конституции, законы, права собственности)» [North, 1991].

Более лаконично и ёмко определил категорию института Авнер Грейф: «институт – это система социальных факторов, которые совместно порождают регулярность поведения» [Грейф, 2012. С. 36]. Это краткое определение затем получило уточнения в виде различных классификаций правил поведения, разделения их на наследуемые и приобретённые, личные и социальные, формальные и неформальные и т.д. [Vanberg, 1994].

В трудах лауреатов содержатся прямые рекомендации по государственной экономической политике. Трудно сказать, используются ли они где-либо напрямую, но чрезвычайно значимым представляется другое магистральное направление их работы, а именно – популяризация и развитие основных идей новой институциональной школы. Сама институциональная теория имеет более чем полувековую историю. Заслуга лауреатов именно в том, что они развили ее идеи [Greif, 1998].

## **Новая институциональная школа**

Если на государственном и международном уровне временами игнорируется даже институт собственности, который относится к основным институтам, определяющим общественную жизнь, то что нам может дать институциональная экономическая теория, которая объясняет всё происходящее именно динамикой социальных институтов? Некоторые исследователи открыто высказывают сомнения не только в ее пользе, но даже в самом существовании [Тикин, 2016; Фролов, 2016].

---

<sup>1</sup> Цитируется по: «Кто и за что получил Нобелевскую премию по экономике в 2024 году». РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/670d0ba79a7947030bba8300?from=copy>

Доведя эту мысль до логического конца, можно было бы задаться вопросом: «Допустимо ли присуждать Нобелевскую премию за то, чего не существует?».

В качестве обоснования своих претензий к научности институциональной теории критики указывают на расплывчатость и неточность терминологии, какими она пользуется. Так, лауреат Нобелевской премии 1988 г. Морис Алле называл институционализм «литературной теорией» и писал: «Общий недостаток очень большого числа литературных теорий состоит в постоянном использовании неоперационных понятий, нечетких и неопределенных терминов, смысл которых постоянно меняется в ходе рассуждений и различается у разных авторов. Их недостаток – это также отсутствие строгости в анализе, обильное использование более или менее метафизических выражений, которые не обозначают ничего точного» [Алле, 1994. С.11].

Здесь есть над чем задуматься. С одной стороны, если некая категория в любой общественной науке определена очень строго, это сильно ограничивает круг ее применения, потому что в жизни всегда найдется множество процессов, событий и фактов, не укладывающихся в ее трактовку. С другой – при нестрогом, расплывчатом определении страдает логика последующих научных построений [Wisman, Rozansky, 1991; Тамбовцев, 2020].

И классическая, и австрийская школы политической экономии тяготеют к строгости терминологии при общей мотивации их представителей к максимальной методологической близости экономической теории к «точным наукам». В трудах приверженцев институциональной теории, включая нобелевских лауреатов 2024 г., этой мотивации нет. Но тот факт, что используемая ими терминология представляется нестрогой, не делает их выводы менее адекватными [Шаститко, 2013].

Новая институциональная школа отличается тем, что на протяжении десятилетий выявляла несоответствия между экономической теорией и ее практическими воплощениями. Считается, что процесс приближения описания экономической истории к реальности начал Рональд Коуз, Нобелевский лауреат 1991 г. Он в своей статье «Природа фирмы» [Coase, 1937] отметил, что в теории сделки совершаются мгновенно и без затрат, но в жизни всё обстоит иначе, и ввел в научный оборот понятие «транзакционных издержек». Удивительно, но до Коуза экономисты-теоретики их просто не замечали. Впоследствии Дуглас Норт разделил эти издержки на пять категорий: информационные, коммуникативные, логистические, юридические и рисковые (оппортунистические) [Норт, 1997]. Он же сформулировал основные причины изменения состава и роли социальных институтов. Это, прежде всего, изменения в структуре цен на товары и услуги вследствие научно-технического прогресса, открытия новых рынков или роста населения, а также то, что он называл «идеологией» – субъективное восприятие экономическими агентами сложившейся институциональной среды и окружающего мира в целом. «Идеология» может способствовать экономическому развитию или препятствовать ему<sup>2</sup>.

Лауреаты [Аджемоглу, Робинсон, 2016] подробно анализировали ограничения, которые накладывают различные институты на экономическую деятельность.

<sup>2</sup> Это было очень хорошо заметно в период «переходных реформ» постсоветской России, когда в систему рыночных отношений оказались массово перемещены те, кто был воспитан в совершенно иной институциональной среде.

В какой-то мере это снижает внимание самих исследователей, равно как и их читателей, к стимулирующей роли институтов (хотя те, которые ведут к экономическому успеху, тоже рассматривались).

Наибольшую критику в научном сообществе вызывало исходное утверждение их концепции о том, что экономические институты появляются и сохраняются благодаря добровольному взаимному согласию индивидов. Вряд ли стоит вменять им в вину это допущение, скорее всего, здесь действует принцип: «Если терпят, значит, согласны», которое восходит к теории «общественного договора» Жан-Жака Руссо и Томаса Гоббса.

Отметим, что сходным образом понимают общественный выбор и последователи вирджинской школы политической экономии, которая формально относится к одной из линий неоклассической теории, более распространённой среди экономистов мира. Один из основателей вирджинской школы Джеймс Бьюкенен, получивший Нобелевскую премию по экономике в 1986 г., отправлялся от трёх положений:

- нет границы между экономикой и политикой, и там, и там люди преследуют свои личные интересы;
- поведение каждого человека рационально и ориентировано на собственную выгоду; эта рациональность ограничена неполной информацией и другими внешними факторами;
- люди соглашаются с требованиями государства и платят налоги в обмен на общественные блага, но часто это – отклонение от рациональности, поскольку размер уплаченных налогов прямо не коррелирует с объемом получаемых благ.

Таким образом, положение о том, что все экономические институты существуют благодаря взаимному согласию людей, – это факт, который нужно принять, а не обсуждать. Лауреаты именно это и делают, развивая свою теорию. Новизна их подхода состоит в том, что они в своих концепциях и исследованиях активно используют идеи и методы психологии и социологии, и опираясь на них, показывают, что человек, создающий экономические институты (или соглашающийся с их существованием), сам находится под воздействием институтов. По этой причине принимая согласованное, вполне рациональное решение в отношении нового института, люди привносят в него влияние тех институтов, которые кажутся им привычными, «естественными».

Таким образом, новая институциональная теория делает важный шаг в развитии экономической мысли, а конкретно – устраняет из нее категорию «экономического человека». Последняя основывалась на утверждении, что рыночные отношения предъявляют определенный набор требований к поведению человека и возможны только тогда, когда эти требования выполняются [Simon, 1978]. Что имеется в виду?

Во-первых, «экономический человек» утилитарен, то есть ориентируется на свою выгоду или пользу. Во-вторых, он способен ставить цели максимизации этой выгоды и рационален в отношении способа их достижения. В-третьих, у него нет ни антипатии, ни симпатии по отношению к кому-то из партнёров. Но при этом (в-четвёртых) он им доверяет. В-пятых, при соблюдении первых четырёх условий и на их основании он способен рационально интерпретировать поведение своих партнёров.

Никаких эмпирических обоснований соблюдения этих требований у экономистов-теоретиков не было, в результате описываемая ими экономическая история превращалась в некую схему, лишь отчасти связанную с реальностью. Новая институциональная школа отодвинула этот конструкт, сделала его ненужным [Menard, Shirley, 2012].

Но это не упростило экономическую теорию, а добавило еще больше проблем. В частности, по-новому оказалась представленной роль государства, роль которого в теории была всегда основной. Но сначала о той паре категорий, которая лежит в основе исследований лауреатов.

### **Два вида институтов**

Одним из основных достижений лауреатов большинство исследователей считают разделение экономических и политических институтов на экстрактивные и инклюзивные. Первые способствуют тому, что ресурсы (административные, материальные, финансовые и пр.) достаются ограниченному числу субъектов (элите) и могут выводиться за пределы национальной экономики (колониализм, компрдорство, коррупция). Вторые, напротив, способствуют вовлечению как можно более широких масс в управление и распределение ресурсов, защищают их экономические и политические права. Яркие примеры экстрактивных институтов – рабство, крепостное право, в политике – монархии, диктаторские и авторитарные режимы, инклюзивных – демократия, свободная конкуренция и др. [Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 118–121].

Инклюзивные институты позволяют людям свободно использовать предоставляемые им возможности реализации своих способностей, защищают их права, независимо от принадлежности к элитам (принцип равенства перед законом), что в конечном итоге стимулирует деловую инициативу и способствует экономическому развитию. При высокой доле экстрактивных институтов экономический рост служит во благо в первую очередь элит, ресурсы, по сути, выводятся из широкого оборота, у населения отсутствуют стимулы к увеличению производительности, и страна (общество в целом) беднеет.

Косвенные свидетельства повысившейся доли этих институтов – снижение темпов роста средней заработной платы и падение социальной мобильности. Если эти процессы происходят в демократическом обществе, значит, его инклюзивные институты работают неэффективно, или их доля снижается. Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон отмечают волну недовольства либеральной демократией в США и трактуют её как реакцию на политические провалы в решении злободневных экономических проблем. Причину они видят в том, что уменьшилась доля инклюзивных институтов и увеличилась – экстрактивных.

Важно, что экстрактивные институты имеют свойство усиливаться со временем, а следовательно, роль личных интересов во власти возрастает по сравнению с интересами государственными (аппетиты элит растут). Чем выше доля экстрактивных институтов, тем увереннее чувствует себя элита, инклюзивные, напротив, делают ее будущее неопределённым, вплоть до того, что в ходе их действия становится вполне вероятной смена элит. Поэтому, когда нестабильность в политической сфере

начинает угрожать существованию элиты, повышение доли экстрактивных институтов становится для неё жизненно необходимым.

Аджемоглу и Робинсон показывают тесную связь политических и экономических институтов и объясняют, как первые влияют на вторые. «Хотя экономические институты являются важным фактором, обуславливающим экономические результаты, сами по себе они эндогенны и определяются политическими институтами и распределением ресурсов общества». «Распределение ресурсов в обществе является неизбежно конфликтным и поэтому политическим решением» [Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 392, 394].

Они также отмечают, что политические институты разделяются на существующие де-юре и де-факто. Первые определяются законами и сами устанавливают границы компетенции власти. А вторые представляют собой ситуативное (не постоянное) распределение власти между различными элитными группами. И безусловно, элиты, если их не ограничивать, стремятся сделать их максимально экстрактивными: «Те, кто выигрывает от сохранения статус-кво, лучше организованы и располагают более значительными ресурсами, что позволяет им блокировать любые важные изменения, угрожающие их экономическим привилегиям и доступу к власти» [там же. С. 148–149].

В течение большей части мировой истории политические институты не только не способствовали деятельности эффективных (инклюзивных) экономических институтов, но и зачастую препятствовали их появлению. Более того, длительное пребывание у власти одной и той же группы людей или преобладающее политическое значение одной (правящей) партии приводят к установлению связей между властью и некоторой частью бизнеса. И далее они уже вместе будут противодействовать появлению инклюзивных институтов, которые могли бы обеспечить использование ресурсов максимально большим числом экономических агентов.

Лауреаты показали, что в богатых странах граждане потеснили свои элиты в контроле за деятельностью органов власти, сформировалось общество с равными для всех политическими правами. В таком обществе власть на всех уровнях несёт ответственность перед гражданами и регулярно отчитывается перед ними [Michalopoulos, Papaioannou, 2013]. Здесь есть некоторая доля лукавства. К таким странам они относят США и страны Европы. Но именно в них совершенно легально существует узаконенная система подкупа, называемая лоббизмом, а для избрания на любую выборную должность нужно изыскивать большие финансовые средства. Поэтому «ответственность перед гражданами» и «отчёты перед гражданами» отличаются составом этих граждан.

Казалось бы, государство должно заботиться о том, чтобы увеличивалась доля инклюзивных институтов и сокращалась доля экстрактивных. Однако, по мнению лауреатов, государство само по себе не является субъектом экономической деятельности. От его имени выступают политические и экономические элиты, так или иначе связанные с государством, а также ведущие чиновники, пользующиеся непропорционально большим влиянием. Все они заинтересованы в том, чтобы воздействие государства на экономику возрастало, но при этом часто преследуют собственные интересы.

## От точечных сравнений к историческим обобщениям

В своей книге «Почему одни страны богатые, а другие бедные» лауреаты использовали концепцию так называемого «естественного эксперимента»<sup>3</sup>. В качестве иллюстрации рассмотрена история и современное состояние города Ногалес, разделенного государственной границей на две части. Одна находится в Мексике, другая – в США (штат Аризона). Они близки по размерам, климатические условия у них одинаковы, но уровень жизни населения на американской половине в три раза выше, чем у тех, кто живёт в мексиканской части. На конкретных примерах отдельных институтов авторы показывают, как в одном городе они способствуют экономической активности населения и привлечению в город капитала, а в другом – противодействуют этому.

Примеры «естественных экспериментов» авторы книги видят и в сопоставлении Северной и Южной Кореи, Тайваня и КНР, ФРГ и ГДР, но не только. Сюда же они относят экспансию китайских товаров в США, которая привела к тому, что американский рынок труда распался на два сектора. Сегмент «белых воротничков» не только сохранился, но и переживает подъём: выпускники лицеев или университетов получают те преимущества, каких у них не было ранее. Сегмент «синих воротничков», где высшее образование не требуется, напротив, стал предлагать меньше вакансий. Аджемоглу и Робинсон воспринимают происходящее как естественный эксперимент над американской системой образования, требования к которой резко возросли, а также над рабочим классом, в жизни которого начались застой и культурная деградация. В рамках метода «естественных экспериментов» Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон анализируют также различия душевых доходов в северных и южных штатах США, связывая их с различиями в социальных институтах этих штатов. Правда, для них остаётся загадкой, почему различия в доходах населения этих штатов оказались гораздо больше, чем в структуре институтов.

Метод «естественных экспериментов» лауреаты довели до анализа последствий комплексных управленческих решений, часто называемых «реформами». В этом случае неизбежно сравнение замысла (проекта) будущих преобразований и последствий его фактической реализации. На этом этапе они опирались на работы Д. Норта, который также полагал, что высокая доля экстрактивных институтов неминуемо приводит к более значительной дифференциации доходов [North, 1982]. Особенно отчётливо это проявляется в странах, где сильна вертикаль власти, стратегические решения принимаются в центре, а, следовательно, больше возможностей внедрения новых экстрактивных институтов [Расков, 2010].

В исследованиях лауреатов выявлена логика изменений в институциональной структуре каждой из сравниваемых стран. То, что использовалось в анализе как экзогенный фактор, например, Дж. Коммонсом [Commons, 1931; Коммонс, 2007],

<sup>3</sup> В этом плане нобелевский комитет демонстрирует определенную преемственность: в 2021 г. премия была присуждена Дэвиду Карду, Джошуа Энгристу и Гвидо Имбенсу «за анализ причинно-следственных связей в экономике с помощью естественных экспериментов». Кроме того, один из лауреатов 2024 г. – Дж. Робинсон – выступил редактором коллективной монографии, в которой «естественные эксперименты» рассматривались как метод научных исследований в экономике [Robinson, Diamond, 2010].

становится фактором внутренним, определяющим следующий этап эволюции. Изменения институтов не только определяют экономическое развитие, но и становятся его результатом.

### **«Поворот судьбы»**

В своей совместной работе Дж. Робинсон и Д. Аджемоглу [Аджемоглу, Робинсон, 2016] много внимания уделяют особенностям развития колониальной системы. Примечательно, что их выводы в этой части вызвали множество критики, поскольку некоторые сторонники общего осуждения колониализма увидели в них попытку оправдания колониального угнетения, хотя это, конечно, не так. Анализируя объективные причины выбора тех или иных институтов, насаждаемых метрополиями в колониях, лауреаты заключили, что до 1500 г. европейцы селились в самых бедных странах (Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия) и формировали там инклюзивные институты по той причине, что оттуда нечего было вывозить. В странах (на территориях), где экономика была относительно развитой, например, Индия при цивилизации великих моголов или Центральная Америка при цивилизации ацтеков, внедрялись экстрактивные институты при существенно меньшем притоке европейцев. Это привело к тому, что после 1500 г. экономика более бедных стран развивалась быстрее, чем относительно развитых. Данный феномен лауреаты назвали «поворотом судьбы» (reversal of fortune) [Acemoglu et al., 2001].

Безусловно, в одних странах были более благоприятные условия для новых поселенцев, в других – менее. Даже если исключить неизвестные европейской науке болезни и плохие климатические условия, останутся вооружённые конфликты с аборигенами и противостояния социальных этнических групп. Но эти факторы имели место как раз не в самых бедных странах на момент прихода туда европейцев. В итоге, согласно выводам лауреатов, получалось так, что приход европейцев приносит стране третьего мира процветание, если же по каким-то причинам этого не произошло, она обречена оставаться бедной.

Впервые этот результат был представлен лауреатами в статье 2002 г. [Acemoglu, D., et al., 2002], но затем идея была подробно развита ими в 2005 г. в шестой главе Справочника по экономическому росту [Acemoglu et al., 2005], а также в их самой известной книге 2012 г. «Why Nations Fail?», которая в русском переводе получила название: «Почему одни страны богатые, а другие бедные» [Аджемоглу, Робинсон, 2016].

### **А как же Китай и СССР?**

Для многих очевидно, что теория лауреатов дает сбой при исследовании истории советской (российской) и китайской экономик. Обеим странам они отказывают в наличии высокой доли инклюзивных институтов, хотя и Россия, и Китай на протяжении многих лет развивались и развиваются устойчивыми темпами выше средних по миру. В особенности это несоответствие институциональной теории и реальности заметно на примере современного Китая. Его успехи не согласуются с утверждениями лауреатов относительно критической важности инклюзивных демократических институтов.

Вроде бы на поверхности лежит то, что в централизованной экономике извлеченные государством ресурсы используются для инвестиций в развитие. Но у лауреатов на этот счет есть несколько собственных объяснений. Во-первых, институциональная теория, как и любая другая, не может объяснить всё, но способна сделать экономические модели более близкими к действительности, учитывая, что из любого правила бывают исключения. Во-вторых, она надёжно объясняет качественные изменения экономического развития, которые не всегда улавливаются статистикой. Например, за счет включения в экономический анализ динамики институциональных изменений, влияющих на развитие науки, можно объяснить колебания в темпах внедрения научно-технических инноваций.

Кроме того, позволяя с достаточной очевидностью увязать поведение отдельного человека и динамику экономических процессов в целом, институциональная теория на нынешнем этапе своего развития не способна предсказывать даже ближайшие конкретные экономические события или же предлагать конкретные меры по изменению существующих политических, социальных и экономических институтов.

Остановлюсь на двух российских примерах. Первый относится к проектному подходу. Как известно, современная Россия унаследовала от советской экономики отраслевой подход к экономическому развитию. «Чистая отрасль» стала не только научной категорией, но и неотъемлемым элементом отечественной институциональной системы. Преобразование института планирования по «чистым отраслям» видится российскими экономистами через институт национальных проектов, которые предстают как межотраслевые и межрегиональные.

Институт национальных проектов представляет собой замену института планирования. В частности, речь идет о шести проектах: «Металлургия Плюс», «Угледорода Плюс», «Лес Плюс», «Уголь Плюс» и еще двух, пока не имеющих названия: развитие современной транспортной инфраструктуры (безотносительно видов транспорта) и формирование системы новой энергетики, ориентированной на учёт локальных особенностей производства и распределения электрической и тепловой энергии. Предполагается, что координаторами проектов, которые названы «импульсными», могут быть как государственные, так и частные структуры [Крюков, 2023].

Второй пример касается более общих проблем отечественной институциональной структуры. Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов [Нуреев, Латов, 2016] в двух своих книгах сравнили институциональные системы нескольких стран и пришли к выводу, что по сложившимся институтам Россия ближе к странам «третьего мира», чем к развитым: действия частного бизнеса во многом определяются рисками нарушения прав собственности, вывоз за рубеж капитала и прибыли ограничены; постоянно обсуждается возможность национализации частных предприятий; доля сбережений населения невысока, как и доля инвестиций в затратах частного бизнеса, последний не проявляет заинтересованности в финансировании НИОКР, внедрении инноваций. Авторы приходят к выводу, что России необходимы свёртывание социально-экономических институтов, распространённых в менее развитых странах, и ускоренное развитие тех, что типичны для передовых стран.

Наиболее последовательная позиция принадлежит заведующему лабораторией микроэкономического анализа и моделирования ЦЭМИ РАН Георгию Борисовичу

Клейнеру. В двух статьях 2003 г. он предложил использовать для описания поведения экономических агентов не только категорию «экономический человек», но и категорию «институциональный человек» [Клейнер, 2003. № 2; № 3]. Если первый стремится к максимизации собственной выгоды, то другой – к занятию более приоритетного места в институциональной структуре, в соответствии со своими психологическими особенностями. Выбор, который он при этом совершает – иррациональный, зависит от внешних обстоятельств.

Количественное соотношение между данными категориями людей, как правило, обусловлено культурно-исторически. Так, в России в советское время преобладал тип «институционального человека», после установления рыночных отношений повысилась доля первой категории, но она не достигла уровня, обычного для стран с развитой рыночной экономикой.

### **Лауреаты и математические методы в экономике**

Некоторые исследователи отмечают, что идеи и методы лауреатов более популярны у социологов и социальных психологов, чем у экономистов. В экономической науке своеобразный барьер для подобных идей был построен с помощью экономико-математических моделей и методов. Те, кто использует математические методы в экономике, чрезвычайно критично относятся к слабо формализованным концепциям<sup>4</sup>. А отсутствие формул и расчётов характерно для институциональной теории вообще, а для неинституционализма, который представляют нынешние лауреаты, – в особенности.

Лауреаты премии 2024 г. в своих исследованиях принципиально избегают использования математических методов и моделей. Руководствуются они при этом двумя мотивами. Первый из них связан с традиционным для институциональной школы признанием фактора неопределённости как важнейшей характеристики экономического развития.

Противопоставление категорий «неопределённость» и «риск» было сделано ещё Дж.М. Кейнсом. Более подробно эту дихотомию разобрал Фрэнк Найт, который воспитал трех нобелевских лауреатов по экономике: Милтона Фридмана, Джорджа Стиглера и Джеймса Бьюкенена. Принципиальное различие состоит в том, что прогнозирование возможно только в условиях риска (с помощью анализа предыдущего опыта и вероятностной оценки будущих последствий принимаемого решения), но не в условиях неопределённости [Найт, 1994]. Именно в таких условиях более полезными оказываются не количественные методы, а институциональный анализ [Lind, 1993]. В свое время Армен Алчян подробно проанализировал развитие экономики при разных уровнях и видах неопределённости, а также описал значение неопределённости для экономической теории [Alchian, 1950].

---

<sup>4</sup> Отметим, что рамках экономико-математических, статистических подходов тоже предпринимаются попытки объяснить экономическое развитие максимально близко к реальности. Это направление получило название клиометрики в честь древнегреческой музы истории Клио. Сам термин введен в научный оборот в начале 1960-х гг., но окончательно это направление применения математических и статистических методов в экономической истории сложилось только спустя четверть века [Hughes, 1985].

Второй мотив определяется самой историей институциональной школы. Первые институционалисты противопоставляли свой подход современным им методам неоклассической экономической теории, которые не учитывали роль институтов. Хотя некоторые из них могли бы содействовать развитию институционального подхода [Уильямсон, 1996]. Возможно, сейчас, когда противостояние стало менее резким, математика и анализ статистического материала найдут применение в трудах представителей новой институциональной школы. Р.М. Нуреев отмечал, что институциональная экономика (в частности, в работах лауреатов) использует эволюционно-социологические методы [Нуреев, 2001]. Это сближает ее с социологией и политологией, которые нередко оперируют и математическими методами, и статистическими данными.

\* \* \*

Таким образом, благодаря нобелевским лауреатам 2024 г. мы получили новый взгляд на экономическую историю мира. Разумеется, это не единственное их достижение, оцененное нобелевским комитетом. Но оно может считаться основным. Кроме того, предложенное ими видение экономической истории еще долго будет предметом споров, обсуждений и критики, а это ещё один стимул для дальнейшего развития экономической науки.

## Литература/References

- Аджемоглу Д., Робинсон, Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: Изд-во АСТ, 2016. 672 с.
- Acemoglu, D., Robinson, J. (2012). Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. Crown Business. (In Russ.).
- Алле М.* Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов американской школы. 1994. THESIS. № 5. С. 10–18.
- Alle, M. (1994). *Behavior of a rational person under conditions of risk: criticism of the postulates of the American school*. THESIS. No. 5. Pp.10–18. (In Russ.).
- Грейф А.* Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 35–57.
- Greif, A. (2012). Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. *Journal of Economic Sociology*. Vol.13. No. 2. Pp. 35–57. (In Russ.).
- Джонсон С., Квак Дж.* 13 банков, которые правят миром. Карьера Пресс, 2013. 384 с. (In Russ.).
- Jonson, S., Quake, J. (2013). *13 banks that rule the world*. Kariera Press. 384 p.
- Клейнер Г.Б.* К методологии моделирования принятия решений экономическим агентами // Экономика и математические методы. 2003. № 2. С. 167–182.
- Klejner, G.B. (2003). Towards a methodology for modeling decision-making by economic agents. *Ekonomiks and Matematical Methods*. Vol. 38. No. 2. Pp.167–182. (In Russ.).
- Клейнер Г.Б.* (2003). Особенности формирования институтов в России // Экономика и математические методы. Т. 39. № 3. С. 2–24.
- Klejner, G.B. (2003). Features of the formation of institutions in Russia. *Ekonomiks and Matematical Methods*. Vol. 39. No. 3. Pp. 2–24. (In Russ.).

Новое прочтение экономической истории  
(о Нобелевской премии по экономике 2024 года)

- Коммонс Дж. Институциональная экономика // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 4. С. 59–70.
- Commons, J. (2007). Institutional Economics. *Ekonomiczeskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 5. No. 4. Pp. 59–70. (In Russ.).
- Крюков В.А. Об институционализации роли и места крупного бизнеса в решении проблем социально-экономического развития страны // Экономическое возрождение России. 2023. № 2. С. 42–52.
- Kryukov, V.A. (2023). On the institutionalization of the role and place of big business in solving the problems of the country's socio-economic development. *Economic Revival of Russia*. No. 2. Pp. 42–52. (In Russ.).
- Найт Ф. Понятие риска и неопределенности. THESIS. 1994. № 5. С. 12–28.
- Knight, F. (1994). *Concept of risk and uncertainty*. THESIS. No. 5. Pp. 12–28. (In Russ.).
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 45–56. С. 47.
- North, D. (1997). *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow. Fond ekonomiczeskoj knigi «Naczala». Pp. 45–56. (In Russ.).
- Нуреев Р.М. Институционализм: вчера, сегодня, завтра. В кн.: Олейник А.Н. Институциональная экономика. М., 2001. С. 4–18.
- Nureev, R.M. (2001). *Institutionalism: yesterday, today, tomorrow*. In: Olejnik A.N. Institutional economics. Moscow. Pp. 4–18. (In Russ.).
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 531 с.
- Nureev, R.M., Latov Yu.V. (2010). *Russia and Europe: the rut effect (experience of institutional analysis of the history of economic development)*. Kaliningrad. Izdatelstvo RGU imeni I. Kanta. (In Russ.).
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Экономическая история России. Опыт институционального анализа. М.: Кнорус, 2016. (In Russ.).
- Nureev, R.M., Latov, Yu.V. (2016). *Economic history of Russia. Experience of Institutional Analysis*. Moscow. Knorus Publ.
- Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: Прогресс, 1986.
- Robinson, J. (1986). *Economic theory of imperfect competition*. Moscow. Progress.
- Расков Д.Е. Образ экономики в институционализме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2010. № 3. С. 32–41.
- Raskov, D.E. (2010). The image of economics in institutionalism. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seria 5. Ekonomika. No. 3. Pp. 32–41. (In Russ.).
- Тамбовцев В.Л. Непродуктивность попыток методологического синтеза // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3. С. 7–31.
- Tambovtsev, V.L. (2020). Unproductive attempts at methodological synthesis. *Issues of Economic Theory*. No. 3. Pp. 7–31. (In Russ.).
- Тикин В. Существует ли «институциональная теория»? // Экономист. 2016. № 10. С. 56–66.
- Tikin, V. (2016). Is there such a thing as “institutional theory”? *Economist*. No. 10. Pp. 56–66. (In Russ.).
- Уильямсон С. История клиометрики в США // Экономическая история. 1996. № 1. С. 75–106.

- Williamson, S. (1996). History of cliometrics in the USA. *Russian Journal of Economic History*. No. 1. Pp. 75–106. (In Russ.).
- Фролов Д. Так существует ли институциональная теория? // Экономист. 2016. № 12. С. 48–58.
- Frolov, D. (2016). So does institutional theory exist? *Ekonomist*. No. 12. Pp. 48–58. (In Russ.).
- Шаститко А.Е. Методологический статус новой институциональной экономической теории // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 36–47.
- Shastitko, A.E. (2013). Methodological status of the new institutional economic theory. *Journal of Economic History*. No. 4. Pp. 36–47. (In Russ.).
- Acemoglu, D., Johnson, S. H., Robinson, J. A. (2001). The Colonial Origins of Comparative Development: An Impirical Investigation. *American Economic Review*. Vol. 95. No. 5. Pp. 1369–1401.
- Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J.A. (2002). Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 117. No. 4. Pp. 1231–1294.
- Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J.A. (2005). *Institutions as a fundamental cause of long-run growth*. In: Aghion Ph., Durlauf S.N. (ed). Handbook of Economic Growth. Vol. I. Chapter 6. Elsevier.
- Alchian, A. (1950). Uncertainty, evolution and economic theory. *Journal of Political Economy*. Vol. 58. No. 3. Pp. 211–221.
- Coase, R. (1937). The Nature of the Firm. *Economica*. Vol. 4. No. 16. Pp. 386–405.
- Commons, J. R. (1931). Institutional Economics. *American Economic Review*. Vol. 21. No. 4. Pp. 648–657.
- Greif, A. (1998). Historical and Comparative Institutional Analysis. *American Economic Review*. Vol. 88. No. 2. Pp. 80–84.
- Hughes, J.R.T. (1985). Cliometrics: Memories and Predictions. *Newsletter of Cliometrics Society*. Vol. 1. No. 1. С. 1–6.
- Lind, H. (1993). The myth of institutionalist method. *Journal of Economic Issues*. Vol. 27. No.1. Pp. 1–17.
- Menard, C., Shirley, M.M. (2012). New Institutional Economics: From Early Intuitions to a New Paradigm? *Ronald Coase Institute Working Paper*. No. 8.
- Michalopoulos, S., Papaioannou, E. (2013). National Institutions and Subnational Development in Africa. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 129. No. 1. Pp.151–213.
- North, D.C. (1982). *Structure and Change in Economic History*. W.W. Norton&Company. 240 с
- North, D.C. (1991). Institutions. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 5. No. 1. Pp. 97–112.
- Robinson, J.A., Diamond, J. (eds.) (2010). Natural Experiments of History. Cambridge. *Harvard University Press*.
- Simon, H. (1978). Rationality as Process and as Product of Thought. *American Economic Review*. Vol. 68. No. 2. Pp. 13–32.
- Vanberg, V. (1994). *Rules and Choice in Economics*. L. Routledge.
- Wisman, J. D., Rozansky, J. (1991). The methodology of institutionalism revisited. *Journal of Economic Issues*. Vol. 25. No. 3. Pp. 709–737.

Статья поступила 30.11.2024

Статья принята к публикации 17.12.2024

Новое прочтение экономической истории  
(о Нобелевской премии по экономике 2024 года)

**Для цитирования:** *Воронов Ю.П.* Новое прочтение экономической истории (о Нобелевской премии по экономике 2024 года) // ЭКО. 2025. № 1. С. 244–257. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–244–257

### Информация об авторе

*Воронов Юрий Петрович* (Новосибирск) – кандидат экономических наук.  
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.  
E-mail: yura.voronov.42@mail.ru; ORCID: 0000–0002–7835–5827

### Summary

*Yu.P. Voronov*

#### **A New Read of Economic History (on the 2024 Nobel Prize in Economics)**

**Abstract.** The author considers the scientific results of the winners of the Nobel Prize in Economics 2024. Special attention is paid to the impact of these results on the current understanding of economic history and factors that shape it. The differences of the new institutional school, which is represented by the laureates, from the previous works of institutionalists are characterized. The authors' view of the state as a “prefabricated” category represented by a set of elites involved in public decision-making is considered. From point-by-point comparisons of individual cases, the laureates move on to studies of the historical path of the economies of different countries, explaining, in particular, the paradoxes of the economic systems of the USSR and China, which developed successfully despite the prevalence of inefficient (extractive) institutions. The issues of the laureates' refusal to use economic and mathematical methods in their research, their chosen reasoning for explaining country differences in the pace of scientific and technological progress are touched upon.

**Keywords:** *economic history; Nobel Prize in Economics; extractive institutions; inclusive institutions; scientific and technological progress; USSR; China; Russia; England; mathematical methods in economics*

**For citation:** Voronov, Yu.P. (2025). A New Read of Economic History (on the 2024 Nobel Prize in Economics). *ECO*. No. 1. Pp. 244–257. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–244–257

### Information about the author

*Voronov, Yuri Petrovich* (Novosibirsk) – Candidate of Economic Sciences.  
Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS.  
E-mail: yura.voronov.42@mail.ru; ORCID: 0000–0002–7835–5827



## **XXV ЯСИНСКАЯ (АПРЕЛЬСКАЯ) МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА**

Уважаемые коллеги!

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» открывает прием заявок с докладом на участие в **XXV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (XXV ЯМНК)**.

Мероприятия XXV ЯМНК состоятся в Москве с **15 по 18 апреля 2025 г.**

На конференции будут представлены следующие тематические секции:

**В рамках научной темы «Экономика»:**

- Макроэкономика и макроэкономический рост;
- Методология экономической науки;
- Теоретическая экономика;
- Фирмы и рынки;
- Финансы и банки;
- Экономические операции сектора домашних хозяйств: гармонизация статистических концепций и оценок на микро- и макроуровне.

**В рамках научной темы «Человеческий капитал и общество»:**

- Социальная политика и здравоохранение;
- Демография и рынки труда;
- Политические процессы;
- Социология;
- Психология.

**В рамках научной темы «Инструментальные методы и модели в менеджменте и общественных науках»:**

- Инструментальные методы в экономических и социальных исследованиях;
- Менеджмент.

**В рамках научной темы «Форсайт исследования»:**

- Сценарии развития России в условиях динамично меняющейся внешней конъюнктуры;
- Новые методы и модели научно-технологического и социально-экономического прогнозирования;
- Международный симпозиум «Форсайт в быстро меняющемся мире».

**В рамках научной темы «Международные отношения»:**

- Идеи и цивилизации в многополярном мире;
- Мировая экономика;
- Востоковедение.

Подать заявку на участие в качестве слушателя можно: для граждан РФ – **до 10 апреля 2025 г.**, для граждан иностранных государств – **до 10 марта 2025 г.** Более подробная информация размещена на официальном сайте конференции [conf.hse.ru](http://conf.hse.ru) в разделе «Слушателям».

Все мероприятия пройдут на русском или английском языке, преимущественно в очном формате.

**Для докладчиков и слушателей конференции** сумма регистрационного взноса составляет **3000 рублей**.

От уплаты взноса освобождаются:

- студенты/аспиранты всех вузов;
- сотрудники НИУ ВШЭ;
- участники, специально приглашенные Программным комитетом конференции.

Подробная информация о мероприятии размещена на официальном сайте конференции.

В следующих номерах вы прочтете:

- Декарбонизация экономики мира и России: ограничения, возможности, прогнозы
- Карбоновые полигоны и их роль в декарбонизации экономики России
- Низкоуглеродное развитие: место и роль российских регионов
- Проблема идентификации квазирынков в машиностроении
- Глобальное экологическое регулирование и рыночно-ориентированные механизмы экологической ответственности
- К вопросу о достижении технологического суверенитета Российской Федерации: организационный аспект
- Влияние международных инфраструктурных проектов на уровень бедности в Южной Азии – экономическая перспектива
- Приоритеты российских компаний в сфере охраны атмосферного воздуха: выбросы загрязняющих веществ vs. парниковые газы
- Макроэкономический анализ влияния СВО на темпы развития и структуру экономики России
- Госзакупки в условиях турбулентности: какие промышленные предприятия получали госзаказы в 2019–2022 гг.?
- Оценка уровня социально-экономического развития регионов для обоснования мер государственной поддержки
- Обеспечение технологического суверенитета в сфере производства катализаторов нефтепереработки

Подготовлено к печати Сибирским отделением РАН.

«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77 - 77209 от 20.11.2019

2025. № 1. 1–258.

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор О.Ю. Лисачёва

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35

E-mail: [eco@ieie.nsc.ru](mailto:eco@ieie.nsc.ru)

Адрес издателя: Сибирское отделение РАН

630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2025. Выход в свет 28.02.2025

Формат 70x100 1/16. Цифровая печать. Усл. печ. л. 20,8

Уч.-изд. л. 15,2. Тираж 150. Заказ 2. Цена свободная

Отпечатано в Сибирском отделении РАН

630090, г. Новосибирск, Морской просп. 2

Тел. 330-84-66

E-mail: [e.lyannaya@sb-ras.ru](mailto:e.lyannaya@sb-ras.ru)

<https://www.sibran.ru>